СБОРНИКЪ
ВОСПОМИНАНІЙ

Галлиполи

ВЫПУСКЪ 2-й.

Бѣлградъ
1937.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/mikhailovtsyseri008800

Ген-Лейтенантъ Гиссеръ
вып. 1892 г.

СБОРНИКЪ ВОСПОМИНАНІИ

Михайловцы

О МИХАЙЛОВСКИХЪ АРТИЛЛЕРІЙСКИХЪ
УЧИЛИЩѢ И АКАДЕМІИ
И ИХЪ ПИТОМЦАХЪ.

ВЫПУСКЪ 2-й.

Изданіе
Правленія Общества Михайловцевъ,
подъ редакціей полковника С. И. Лашкова.

БѢЛГРАДЪ—ЮГОСЛАВІЯ.
1937.

Tous droits réservés
Всѣ права сохранены за издательствомъ.

Типографія „МЕРКУРЪ“. Бѣлградъ, Топличинъ венацъ, 10.

Е. И. В. Великій Князь

Михаилъ Александровичъ

въ чинѣ подпор. Гвард. Конн. Артил. — 1899 г.
Августѣйшій Михайловецъ, выпуска 1898 г.

(Убитъ 18 Іюля 1918 г.).

Е. И. В. Великій Князь **Михаилъ Александровичъ**.

Е. И. В. Великій Князь **Андрей Владиміровичъ** (п-ю. М. А. У.), полк. Епанчинъ, кадетъ Т. Т. Бѣляевъ, ген. Т. М. Бѣляевъ (к-ръ Л.-Гв. 1 арт. бр). Сидитъ ген. Васмундъ.

(Снято на Финляндскихъ маневрахъ 1898 г.)

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Пользуясь нашимъ Сборникомъ, какъ средствомъ связи, сообщаемъ однокашникамъ, что:

Его Императорское Высочество Великій Князь Андрей Владиміровичъ соизволилъ принять на себя званіе Почетнаго Предсѣдателя **Общества Михайловцевъ.**

Задержка въ печати 2-го выпуска произошла изъ-за неаккуратной присылки денегъ, которыхъ было недостаточно для начала печатанія и только благодаря помощи одного изъ Михайловцевъ, давшаго дополнительную сумму, можно было приступить къ изданію 2-ой книжки.

Матеріала для Сборника прислано такъ много, что пришлось длинныя статьи подѣлить, оставивши вторую часть для 3-го выпуска.

Разсылая книжки 2-го выпуска Сборника, мы объявляемъ подписку на 3-й выпускъ и просимъ присылать матеріалы для текста а также свои фотографіи и необходимыя о себѣ свѣдѣнія (имя, отчество, фамилія, чинъ, годъ выпуска, для ускоренныхъ и мѣсяцъ, наименованіе части, въ которой началъ и закончилъ службу — въ Императорской Арміи и во время Гражданской войны, и теперешній адресъ). Это просится потому, что выражено желаніе, чтобы былъ приложенъ списокъ членовъ Общества Михайловцевъ. Кто не хочетъ, чтобы его адресъ помѣщался въ печати, пусть объ этомъ извѣститъ.

Если не будетъ задержки въ присылкѣ денегъ, то 3-й выпускъ будетъ печататься отъ 1-го мая 1938 г.

Подписная цѣна для 3-го выпуска назначается: для Югославіи — 36 динаръ (съ доставкой), для остальныхъ странъ — 1 долларъ. При присылкѣ личныхъ фотографій для клише, просимъ, кромѣ стоимости клише (считая по $^1/_2$ динара за квадратный сантиметръ, но не меньше 20 дин.), прилагать еще 10—40 динаръ для оплаты печатанія, такъ какъ тогда можно будетъ, не уменьшая числа страницъ текста, сдѣлать сборникъ болѣе объемистымъ, въ зависимости отъ количества присланныхъ фотографій.

Для оплаты отвѣтовъ просимъ присылать почтовые купоны или марки.

Ген.-лейт. Мих. Ник. *Пролтовъ.*
Ген.-маіоръ Ник. Степ. *Батюшинъ.*
Полковникъ Серг. Иван. *Лашковъ.*
Полковникъ Іоак. Іоаким. *Сахновскій.*
Капитанъ Евг. Петров. *Яковлевъ.*
Рез. капитанъ Конст. Воиславов. *Саватіевичъ.*
Сотникъ Алекс. Иванов. *Крыловъ.*

Конст. Вас. Снигиревскій
Ген.-м., вып. 1873 г.

„ВОСПОМИНАНІЯ СТАРѢЙШАГО“
(1870—1873 г. г.).

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!“
Пушкинъ.

Чтеніе воспоминаній, помѣщенныхъ въ I выпускѣ „Михайловцы“, доставило мнѣ истинное и давно непереживаемое удовольствіе, всколыхнуло мою душу и сердце и потому вызвало глубокую благодарность и признательность иниціаторамъ, редактору и первымъ сотрудникамъ, такъ красочно, подробно и совершенно исчерпывающе, описавшимъ жизнь Михайловскихъ Академіи и Училища за время обученія въ этихъ учрежденіяхъ,а равно также мѣтко, правдиво, съ величайшей любовью и уваженіемъ изобразившихъ нравы, привычки и цѣнность умственнаго багажа бывшихъ при нихъ профессоровъ и штатныхъ преподавателей, какъ и лицъ строевого состава Училища.

Ген.-м. К. В. **Снигиревскій** — 1937 г. (вып. Уч. 1873 г.).

Ген.-лейт. **М. Н. Промтовъ** поступилъ въ Михайловское Училище въ сент. 1874 г., а я окончилъ Училище въ августѣ 1873 года, такъ что только одинъ годъ былъ проме-

жуткомъ между нашимъ пребываніемъ въ этомъ Училищѣ, а потому жизнь его не могла сколько-нибудь замѣтно измѣниться за такой короткій срокъ и на мою долю остается только немного дополнить ее несущественными мелочами и разсказать кое-что о своихъ товарищахъ по выпуску и ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Разскажу подробно о томъ, что въ въ мое время у Михайловцевъ въ шутку называлось *„праздникомъ св. мостовъ“*. До постройки въ 1875 и послѣдующихъ годахъ постояннаго Литейнаго моста черезъ Неву, только Николаевскій на гранитныхъ устояхъ, Тучковъ и Сампсоніевскій на деревянныхъ сваяхъ были постоянными мостами, а Литейный, Троицкій и Дворцовый — были плоучими, на плашкоутахъ; Биржевого же и Охтенскаго совсѣмъ не существовало. При осенникъ и весенникъ ледоходахъ всѣ плоучіе мосты снимались съ якорей и буксирными катерами цѣликомъ отводились къ правому берегу рѣки и тамъ закрѣплялись.

Въ это время, чтобы изъ артиллерійскаго гнѣзда, т. е. Литейной части города, попасть въ учебныя артиллерійскія учрежденія, какъ-то Академію, Училище, Пиротехническую школу и Школу Донскихъ казачьихъ урядниковъ, необходимо было проѣхать черезъ Николаевскій, Тучковъ и Сампсоніевскій мосты. Разстояніе это, громадное само по себѣ, увеличивалось еще тѣмъ, что проѣзда по набережной мимо зданій Адмиралтейства не существовало и эти зданія приходилось объѣзжать, да и на Петербургской сторонѣ приходилось объѣзжать территорію Петропавловской крѣпости и Зоологическаго сада. Въ городѣ во время ледоходовъ всегда бывала распутица и одинаково трудно было ѣздить и на саняхъ и на колесахъ. Для ускоренія на Васильевскомъ приходилось перемѣнять извощиковъ.

На этотъ путь въ оба конца требовалась не менѣе 5 слишкомъ часовъ и не дешево стоило, а потому дней на 10—15 совершенно прекращались лекціи во всѣхъ поименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это у насъ и называлось „праздникомъ св. мостовъ“, хотя репетиціи и производились.

Весной этого праздника не существовало, какъ не было и праздника Св. Пасхи. Обыкновенно въ концѣ 3-ей недѣли Великаго Поста заканчивались всѣ лекціи въ Училищѣ и Академіи до будущаго учебнаго года. На 4-ой недѣлѣ всѣ говѣли, а съ 5-ой начинались экзамены и потому на Пасхѣ шелъ усиленный зубрежъ. Только самые экзамены не назначались съ четверга Страстной до Среды Пасхальной недѣль. Такіе ранніе экзамены вызывались тѣмъ, что они должны были заканчиваться не позже 2—3-го мая, дабы 4—5-го числа Училище могло выступить въ лагерь въ Красное Село, для практической стрѣльбы, пока всѣ поля въ окрестностяхъ Краснаго Села свободны до 1 іюня, когда выступали въ лагерь пѣхотныя и кавалерійскія части.

Проѣзда по набережной Невы вдоль фасада зданія Училища не было и потому здѣсь былъ широкій плацъ, доходившій до самой рѣки, ограниченной невысокой гранитной набережной. На этомъ плацу производились конныя ученія съ орудіями, а по субботамъ — церемоніальные маршіи подъ звуки духоваго оркестра Л. Гв. 1-ой арт. бригады, приглашавшагося за установленную плату.

Въ зданіи Училища была настоящая русская баня съ „*полкомъ*“ для парящихся. Топилась она каждую среду въ послѣобѣденное время. — Въ эти дни тамъ мылись и парились всѣ, кто хотѣлъ. Въ проходномъ дворѣ между зданіями собственно Училища и химической лабораторіи существовалъ небольшой газовый заводъ, обслуживавшій Училище, кромѣ жилыхъ помѣщеній, лабораторію со множествомъ калильныхъ лампочекъ для анализовъ и аудиторію, а кромѣ того и Медицинскую Академію, находящуюся черезъ дорогу отъ Училища.

Теперь коснусь лицъ преподавательскаго персонала.

При мнѣ въ среднемъ классѣ Дифференціальное исчисленіе читалъ извѣстный математикъ **Рощинъ**, который тогда еще не былъ профессоромъ, а лишь штатнымъ преподавателемъ. — Скромный, въ высшей степени вѣжливый, въ щегольской черной сюртучной парѣ, четко и красиво писалъ на доскѣ свои выкладки. Въ его формулахъ царила такая логика, что не понять ихъ было невозможно. Впослѣдствіи, когда онъ вышелъ въ отставку, то проживалъ въ Кіевѣ и прекрасно писалъ масляными красками пейзажи и этюды съ натуры.

Вотъ что мнѣ было извѣстно о профессорахъ Академіи генералъ-лейтенантахъ **Гадолинѣ** и **Маевскомъ.** Оба они были Георгіевскими кавалерами со времени Севастопольской кампаніи. Въ ихъ присутствіи на фронтѣ одна изъ непріятельскихъ бомбъ упала на земляную крышу пороховаго погреба и продолжала крутиться, а деревянная трубка въ очкѣ бомбы — дымилась. Оба они разомъ взобрались на крышу погреба и вдвоемъ сбросили бомбу на землю. Къ счастью, трубка заглохла и бомба не разорвалась, но, несомнѣнно, оба рисковали и жертвовали своей жизнью, за что и были награждены орденомъ св. Георгія. Оба они ежедневно проходили по нашему классному коридору, направляясь изъ классовъ Академіи въ инспекторскую и обратно. Относительно Гадолина не помню, а генерала Маевскаго какъ сейчасъ вижу съ золотымъ аксельбантомъ.

Генералъ Маевскій читалъ въ Академіи курсъ Баллистики и написалъ по этому предмету цѣлое сочиненіе, т. е. книгу. По какому-то поводу произошло затрудненіе съ изданіемъ этой книги въ Россіи и, конечно, на русскомъ языкѣ, и потому ген. Маевскій немедленно рѣшилъ перевести сочиненіе на французскій языкъ и издать книгу въ Парижѣ. Все это дѣло быстро наладилось, и парижскій издатель корректурные листы для первой провѣрки присылалъ въ Петербургъ, а дальнѣйшая корректура совершалась въ Парижѣ.

Въ Академіи же Баллистика читалась по черновикамъ будущей книги. Слушатели Академіи какъ разъ тогда готовились къ экзамену по Баллистикѣ, на что было дано нѣсколько дней. Поручикъ Стессель, готовясь по этимъ запискамъ, нашелъ одинъ математическій выводъ неправильнымъ. Долго, долго надъ нимъ бился, но окончательный выводъ у него, все-таки, выходилъ не тотъ, что значился въ запискахъ. Для провѣрки себя онъ обращался къ товарищамъ, но тѣ гнали его прочь, такъ какъ у вся-

каго время было дорого и никто не соглашался его выслушать. Наконецъ Стессель рѣшился обратиться къ самому профессору. Тотъ коротко сказалъ: „изложите все письменно и передайте для просмотра шт. капитану Забудскому“ (его секретарь-академикъ). Стессель такъ и сдѣлалъ, но все это произошло въ послѣдній день, данный на подготовку. Весь остальной курсъ Стессель не успѣлъ даже и просмотрѣть. Штабсъ-капитанъ Забудскій призналъ выводы Стесселя безусловно правильными и сообщилъ объ этомъ и генералу Маевскому и Стесселю. Тѣмъ не менѣе, послѣдній былъ въ отчаяніи, т. к. ему грозилъ провалъ на экзаменѣ по одному изъ главныхъ предметовъ. Товарищи доложили объ этомъ ген. Маевскому, тотъ односложно отвѣтилъ: „*Хорошо*“.

Наступилъ день экзамена. А надо сказать, что ни въ Академіи, ни въ Училищѣ на экзаменахъ и репетиціяхъ насъ не вызывали, а выходили мы сами, когда кто хотѣлъ, и говорили: „*Г-нъ профессоръ, разрѣшите взять билетъ*“ (на экзаменѣ) или же „*г. профессоръ, не откажите проэкзаменовать меня*“. „*Пожалуйста*“, былъ отвѣтъ.

Стессель не выходилъ до самаго конца экзамена и когда онъ остался однимъ неспрошеннымъ, то ген. Маевскій, какъ предсѣдатель комиссіи, заявилъ, что поручику Стесселю онъ ставитъ 12 балловъ безъ всякаго экзамена. Одинъ изъ членовъ комиссіи возразилъ, что этимъ нарушаются традиціи Академіи. — Маевскому это не понравилось, но онъ, не возражая, сказалъ Стесселю: „*возьмите билетъ*“. Тотъ взялъ, показалъ № билета и прочиталъ въ программѣ тѣ вопросы, на которые долженъ былъ отвѣчать. Маевскій говоритъ: „*Ну, для Васъ это пустяковые вопросы, а Вы лучше разскажите намъ*“ — о томъ-то, т. е. какъ разъ о томъ вопросѣ, надъ которымъ Стессель работалъ въ дни подготовки, и когда онъ отвѣтилъ, то Маевскій сказалъ: „*Ну вотъ, и форма соблюдена и Вы получаете 12 балловъ за отвѣтъ*“. — Въ Парижъ была послана телеграмма о возвращеніи корректуры.

Исторію артиллеріи читалъ намъ полк. **Эгерштромъ**. Человѣкъ высокаго роста, хорошаго сложенія, прямо красавецъ брюнетъ. Обычно, разсказывая о какомъ-нибудь оружіи, на доскѣ писалъ его названіе, напр. „пращa“ или „аркебузъ“, „лукъ“, „стрѣла“ и при этомъ въ доску „бумъ“ — это ставилъ такъ точку, а мѣлъ разбивался вдребезги. Полк. Эгерштромъ обучалъ насъ и артил. черченію. По характеру это былъ джентльменъ высокой марки.

Инспекторомъ классовъ Академіи и Училища былъ въ мое время полк. **Демяненковъ**; онъ же въ младшемъ классѣ читалъ Военную администрацію. Обыкновенно, приходя въ классъ, онъ садился не совсѣмъ спиной къ юнкерамъ, а такъ, что называется, въ $^3/_4$, т. е. лицомъ къ углу между стѣной, при которой на мальбертахъ стояли доски, и боковой. Цѣлый часъ, не оборачиваясь, просиживалъ въ такой позѣ и затѣмъ, при концѣ лекціи, вставалъ и уходилъ. Говорилъ прекрасно, отчетливо и даже литературно, несмотря на сухость предмета. За три года полк. Демяненковъ ни разу ни съ однимъ изъ юнкеровъ ни о чемъ не говорилъ.

Всѣ распоряженія по инспекторской части намъ сообщались для исполненія черезъ помощника инспектора полк. **Кирпичева**.

Это былъ общій любимецъ, чудная личность, хотя и большой оригиналъ. Носилъ всегда сюртукъ изъ толстѣйшаго драпа, съ пришитыми наглухо погонами. Если приходилось надѣвать сюртукъ съ эполетами, то они пристегивались поверхъ погонъ. Это особенно казалось страннымъ тогда, когда, до производства въ полковники, онъ носилъ капитанскіе эполеты. Въ то время всѣ говорили, что будто бы Левъ Львовичъ Кирпичевъ, провалившись на экзаменѣ изъ Механики, не то въ Училищѣ, не то въ Академіи, далъ себѣ слово быть профессоромъ Механики. Если это правда, то слово свое сдержалъ, такъ какъ при мнѣ онъ и читалъ Механику въ Училищѣ, а въ Академіи — профессоръ Вышнеградскій. Въ дальнѣйшемъ я еще вернусь къ личности Л. Л. Кирпичева.

Учебный залъ (Клиновыя пушки обр. 1877 г. и горная пушка обр. 1882). Изъ альбома 1895 г.

Въ младшемъ классѣ полк. **Усовъ** читалъ намъ изъ Физики только одинъ отдѣлъ, именно о „Свѣтѣ“. Въ теченіе всего года онъ знакомилъ насъ съ тѣмъ методомъ, которымъ необходимо обрабатывать отдѣлы по физикѣ въ математическомъ отношеніи. Не помню были ли у насъ репетиціи, но экзамены по этому отдѣлу физики мы держали. Полк. Усовъ часто встрѣчающійся коэффиціентъ обозначалъ греческою буквою μ, выговаривающейся какъ **„мю“**. На лекціяхъ полк. Усова только и слышалось „мой мю“, „мой мю“, такъ что мы и его самаго прозвали *„мой мю“*.

Законовѣдѣніе читалъ адъюнктъ Петербургскаго Университета **Чиколини**. Его лекціи были чрезвычайно интересны, ибо Судебные Уставы Императора Александра II только что введены были въ жизнь. Знакомство не только съ новымъ судоустройствомъ и

судопроизводствомъ, но и съ сутью самихъ законовъ было чрезвычайно полезно. Очень долго прослужилъ я въ Окружномъ Арт. Управленіи Одесскаго Военнаго Округа, занимая послѣдніе 10 лѣтъ должность правителя дѣлъ этого Управленія. За это время мнѣ не разъ приходилось выступать и въ Окружномъ Судѣ и въ Судебной палатѣ по защитѣ казенныхъ интересовъ въ процессахъ на десятки тысячъ рублей. Въ результатѣ казна ни копѣйки не заплатила по этимъ процессамъ.

Одно время, когда мы были въ младшемъ классѣ, насъ замучили частыми репетиціями. Предстояли репетиціи по Механикѣ, на подготовку къ которымъ дали очень мало времени. Мы черезъ ходоковъ отъ всего класса обратились къ Льву Львовичу Кирпичеву съ просьбою — отсрочить репетиціи дня на два. Онъ отказалъ въ этомъ наотрѣзъ. Почему-то эти репетиціи были назначены на одинъ день и не вечеромъ, а взамѣнъ его лекціи по Механикѣ. Онъ вызывалъ насъ по одному и каждый изъ насъ отвѣчалъ, что не готовъ еще репетироваться, по недостатку времени на подготовку. Тогда онъ предложилъ рѣшить одну общую для всѣхъ задачу по Механикѣ. Стали спрашивать, — какъ ее рѣшить? Л. Л. К. терпѣливо объяснилъ. Въ концѣ концовъ эту задачу рѣшилъ онъ самъ; намъ оставалось только подставить надлежащія цифры и произвести ариѳметическія дѣйствія, что нами и было выполнено. Одинъ изъ юнкеровъ — **Краевскій**, блистательно окончившій и Училище и Академію и бывшій впослѣдствіи Начальникомъ Артиллеріи Петербургскаго военнаго Округа, спросилъ даже: „*А сколько будетъ семью-девять?* Л. Л. отвѣтилъ. Конечно, все это было мальчишество, но вѣдь мы тогда и были 17-лѣтними мальчишками. Всѣмъ намъ было поставлено по нолю, а эта отмѣтка всякаго лишала права на отпускъ, впредь до исправленія балла. Это насъ мало огорчало, такъ какъ деревянные мосты были разведены, а 25 ноября того же 1870 года предстояло празднованіе 50-лѣтняго юбилея Училища и Академіи. У Л. Л. Кирпичева была большая и очень цѣнная научная библіотека съ рѣдкостными униками, содержавшаяся въ идеальномъ порядкѣ и потому онъ не любилъ давать своихъ книгъ кому бы то ни было, такъ какъ зналъ, что люди, за рѣдкими исключеніями, варварски обращаются съ книгами, да и зачитать книгу не считается большимъ грѣхомъ, даже, вѣрнѣе, простой кражей. Однажды, Кирпичевъ, все-таки, далъ одну изъ своихъ книгъ слушателю Академіи на опредѣленный срокъ. Срокъ истекъ, а книга возвращена не была; а когда, мѣсяца черезъ полтора послѣ срока, офицеръ принесъ книгу, то Кирпичевъ поблагодарилъ его, но книги не принялъ, такъ какъ успѣлъ пріобрѣсти другой экземпляръ, переплести его и водворить на мѣсто. Съ тѣхъ поръ никто не рѣшался просить книгъ у Л. Л. Кирпичева.

Полк. **Федоровъ** пользовался репутаціей такого выдающагося профессора Химіи, что, не смотря на знаменитыхъ химиковъ, находящихся въ Университетѣ, Медицинской Академіи и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, все же обратились за содѣйствіемъ къ полк. Федорову, чтобы разрядить бомбу, заложен-

ную въ подкопѣ на Садовой улицѣ изъ подвальной лавки нѣкоего Кобозева и обнаруженную послѣ цареубійства **Императора Александра II**. Полк. Федоровъ предугадалъ, что бомба заряжена гремучей ртутью, взрывающейся при малѣйшемъ сотрясеніи, и все-же, рискуя жизнью, съумѣлъ разрядить бомбу безъ вреда для себя и безъ ущерба для другихъ.

Наконецъ настало 25 ноября 1870 года, день 50-лѣтія съ основанія въ 1820 году Михайловскихъ Артиллерійскихъ Училища и Академіи. Празднованіе этого юбилея началось служеніемъ торжественной литургіи и молебна. Служилъ архимандритъ Александро-Невской Лавры Ювеналій, бывшій нѣкогда фельдфебелемъ нашего Училища (Иванъ Половцевъ), въ сослуженіи съ настоятелемъ церкви и другими священниками и діаконами. На обоихъ клиросахъ размѣстились два хора юнкеровъ, пѣвшихъ подъ общимъ управленіемъ учителя пѣнія, состоявшаго въ придворной капеллѣ.

Въ конференцъ-залѣ, во всю ея длину и ширину, покоемъ размѣщены были столы и накрыты для параднаго завтрака. Въ верхнемъ рядѣ оконъ конференцъ-зала, на внутренней стѣнѣ, три окна выходятъ въ большую комнату внѣ зала, замѣняющую хоры этого зала. Въ этой комнатѣ помѣстился оркестръ, игравшій во время завтрака.

Къ 1 часу дня прибылъ **Государь Императоръ Александръ II**, съ громадной и блестящей свитой, въ которой находились почти всѣ Великіе Князья того времени, Генералъ-Адъютанты, Военный Министръ Милютинъ, Нач. Гл. Штаба Непокойчицкій, Свитскіе генералы, Флигель-адъютанты и цѣлое море артиллеристовъ и офицеровъ другихъ родовъ оружія.

У всѣхъ дверей, начиная съ главнаго подъѣзда, черезъ которыя проходилъ Государь, стояли парные часовые, конечно юнкера, въ различныхъ формахъ, существовавшихъ за эти 50 лѣтъ. Освѣщеніе зала, сервировка, украшеніе стола и самое „меню„ были неподражаемо превосходны.

Когда разлито было шампанское, то начались тосты. Первый, конечно, за Государя Императора. Всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ и, конечно, не чокаясь, высоко подняли бокалы и прокричали „Ура!“ подъ звуки народнаго гимна „*Боже Царя храни!*“. Въ такомъ же порядкѣ слѣдовали и другіе тосты, ихъ было не такъ много и всѣ они были короткими. Около $2^1/_2$ часовъ всѣ разъѣхались.

Въ обычное время, въ 4 часа, мы, т. е. юнкера, отправились въ свою столовую — обѣдать. За этотъ день было пережито столько впечатлѣній, что подробно всего „меню“ обѣда не помню, почему-то сохранилось лишь въ памяти, что на жаркое намъ подали жареныхъ гусей. Въ общемъ, обѣдъ былъ превосходный и довольно щедро угостили насъ шампанскимъ.

Къ 8 часамъ вечера Училище въ полномъ составѣ, со своими офицерами, отправилось въ Маріинскій театръ, гдѣ мы заняли ложи всего 1-го яруса. Шла опера Глинки „*Жизнь за Царя*“. Передъ началомъ оркестръ трижды исполнилъ гимнъ „*Боже Царя храни*“.

На слѣдующій день, въ 1 часъ по полудни назначенъ былъ торжественный актъ и пріемъ делегатовъ, поздравительныхъ адресовъ, телеграммъ и писемъ отъ всероссійскихъ и заграничныхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ то: академій, университетовъ, институтовъ — Горнаго, Путейскаго, Технологическаго и т. д. Перечислить ихъ черезъ 66 лѣтъ прямо немыслимо. Одно могу сказать, что прочтены были только особенно выдающіяся поздравленія. О большинствѣ адресовъ было лишь сказано — отъ кого именно они получены, а телеграммы сосчитаны и было сообщено объ ихъ числѣ: насчитывались онѣ сотнями. И несмотря на это все же актъ затянулся до $3^1/_2$ часовъ. Затѣмъ праздничный обѣдъ съ бѣлымъ виномъ, а

Императорскій или Конференцъ-залъ. Альбомъ 1895 г.

вечеромъ уже въ Большомъ театрѣ (впослѣдствіи Консерваторія) на балетѣ. Празднество продолжалось 4 или 5 дней и каждый вечеръ бывали на представленіи въ одномъ изъ Императорскихъ театровъ. Если ничего не предстояло интереснаго, то широко пользовались отпусками.

Въ одинъ изъ такихъ дней было объявлено всему Училищу, что по случаю Юбилея прощаются всѣ полученные юнкерами наоли. При этомъ надо замѣтить, что послѣ этого и репетиціи назначались не чаще, какъ черезъ 4—5 дней. Мы были всецѣло удовлетворены— Юбилей былъ отпразднованъ на широкую ногу: Правительство отпустило на это достаточныя средства, да и Училище тряхнуло своими экономическими средствами. Мы страшно гордились всеобщимъ вниманіемъ, такъ сердечно и ярко проявленнымъ 50-лѣтнимъ Академіи и Училищу.

(Продолженіе въ 3-мъ выпускѣ).

Андрей Алекс. Нилусъ
Проф., ген.-лейт.

УЧИЛИЩЕ и АКАДЕМІЯ

по воспоминаніямъ Михайловца выпуска

$18\frac{8}{8}81.$

Предисловіе. – Прошло 56 лѣтъ! Какъ многое забыто, какъ многое незабвенно и какъ все покрыто поэтической дымкой юношества и счастья, въ лучшую пору жизни стараго человѣка!

Я окончилъ классическую гимназію въ городѣ Симферополѣ, получилъ „аттестатъ зрѣлости“, передо мною были открыты всѣ дороги, но по финансовымъ обстоятельствамъ я вынужденъ былъ избрать военную карьеру, къ которой не лежало мое сердце. На семейномъ совѣтѣ очень скоро былъ найденъ наилучшій выходъ изъ положенія — поступленіе въ *Михайловское Артиллерійское Училище и Академію*. Почему наилучшій? Главнымъ образомъ, если не исключительно, потому, что *эти военно-учебныя заведенія пользовались высокимъ престижемъ и прочной репутаціею* во всемъ обществѣ даже такого захолустнаго городка, какъ Симферополь!

Вскорѣ послѣ состоявшагося рѣшенія къ намъ пріѣхалъ только что окончившій Мих. Академію штабсъ-кап. Туркулъ. За все время моего пребыванія въ Симферополѣ, это былъ первый случай появленія офицера съ золотымъ орломъ на груди! Благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на все общество, широко раскрывшее передъ нимъ двери и принимавшее его съ распростертыми объятіями, его живые разсказы о жизни и работѣ Михайловцевъ, его непритворная, искренняя любовь, уваженіе и благодарность — и Училищу и Академіи, полученное уже имъ техническое мѣсто и обезпеченное существованіе — все это произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я уже ни о чемъ другомъ и слушать не хотѣлъ; получить всѣ эти блага даромъ, безвозмездно, въ обмѣнъ лишь на добросовѣстность и стараніе, какъ это можно было сравнить съ положеніемъ „нищаго студента“ въ Университетѣ, бѣгающаго по урокамъ, всѣми способами зарабатывающаго себѣ на хлѣбъ и непремѣнно „селедку“, и занимающагося, чѣмъ угодно, но меньше всего дѣломъ по прямому назначенію!..

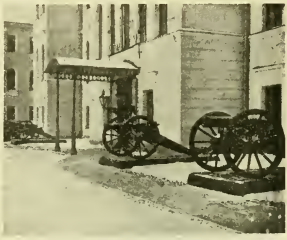
Рѣшено: поступаю въ Мих. Арт. Училище; это стало моею „idée fixe“! Досталъ гдѣ-то правила поступленія; собралъ всѣ необходимые документы и ѣду!

Ѣду съ такимъ расчетомъ, чтобы какъ можно меньше валандаться и тратиться въ Петербургѣ и поспѣть прямо къ пріему. А жутковато было вылетать изъ гнѣзда одному, за 2.000 верстъ!

Билетъ III класса, 20 рублей въ карманѣ, а ѣхать тогда надо было цѣлыхъ 5 сутокъ!

Пріѣхалъ совершенно разбитый; остановился въ гостиницѣ Москва; проспалъ, какъ убитый и на другое утро пошелъ „поступать“!

Красавица Нева; чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ больше „артилерійскаго“. Новенькія блестящія мѣдныя маленькія пушки стоятъ у подъѣзда; чистый дворикъ; садикъ. Услужливые швейцары; хоромы зданія. Самое радушное, привѣтливое и любезное отношеніе къ прибывшему питомцу: попалъ какъ будто бы не въ казенное учрежденіе, а въ близкую, чуть не родную семью. Чарующее впечатлѣніе глубокаго провинціала и до сихъ поръ хорошо памятно!



„Историческія пушки“ у входа въ Училище.

1. **Удары судьбы.** — Когда чего-нибудь сильно желаешь, судьба всегда ставитъ на пути самыя неожиданныя препятствія! Представляюсь, представляю документы. „Ну хорошо, молодой человѣкъ; всѣ бумаги у васъ въ порядкѣ; можете поступить въ наше Училище; милости просимъ! *Приходите послѣ завтра на экзаменъ?!*.. „На какой экзаменъ?!“ „А по двумъ предметамъ: Приложеніе алгебры къ геометріи и введеніе въ анализъ“. Жупелы! Не имѣю представленія, въ гимназіи не проходилъ. „Позвольте, вѣдь по правиламъ поступленія этого не требуется!“ „Да раньше не требовалось, а теперь нужно, и неизбѣжно послѣ завтра, такъ какъ уже назначена экзаменаціонная комиссія!“... Всѣ мечты пропали, даже въ головѣ закружилось!

Впечатлѣніе было замѣчено: „подождите, мы наведемъ еще справки, можетъ быть еще что-нибудь можно будетъ сдѣлать.“ Справились... „Ничего сдѣлать нельзя; исключенія недопустимы.“ Какъ же мнѣ теперь быть? Вѣдь положеніе мое таково... и т. д.. „Вотъ что, молодой человѣкъ, разъ вы такъ хотите поступить непремѣнно къ намъ, то сдѣлайте это обходнымъ путемъ: поступите въ какое-нибудь Военное Училище, хотя бы, напр., въ Павловское; туда васъ примутъ безъ экзамена; а по окончаніи его, имѣйте характеръ, не выходите въ офицеры, а оставайтесь юнкеромъ и переходите къ намъ на строевое отдѣленіе старшаго класса. Если вы пройдете въ немъ особый, необязательный, дополнительный курсъ по математикѣ, то станете въ общій списокъ по выпуску, получите всѣ права основныхъ классовъ, не исключая и правъ на премію, и черезъ два года поступите въ Академію, какъ и всѣ“, только... „не забудьте (шутятъ), какъ теперь — непремѣнно по выдержаніи предварительнаго конкурснаго экзамена“!

Хватаюсь за соломинку. „Благодарю васъ, до свиданія... черезъ два года!“ Лечу на Васильевскій островъ. Первое Военное

Павловское училище. Тоже не дурно: хорошій садикъ передъ бо́льшимъ зданіемъ, но внутри... какъ-то не такъ уютно, слишкомъ просто, уныло, пахнетъ немножко казармой... И пріемъ далеко не такой ласковый, — холодный, характера вовсе не семейнаго! Представляюсь: „Хорошо, бумаги въ порядкѣ; можете поступить; ступайте сейчасъ же на медицинскій осмотръ; тамъ вамъ покажутъ, гдѣ!..“ Раздѣли, осмотрѣли внимательно. Резолюція: „здоровъ, но *поступить не можете, по близорукости*!“

Что за напастье! Что дѣлать! Не откладывать же еще на годъ поступленіе въ Мих. Арт. Училище, да и домой возвращаться нельзя! Вспоминаю: предусмотрительностью матушки я былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ къ нашему общему знакомому, видному генералу, **Г. Д. Саханскому**, бывшему тогда, какъ я узналъ потомъ, грозою и начальникомъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія. „Если что съ тобою случится, обратись къ нему“... Лечу, являюсь, застаю цѣлыхъ трехъ генераловъ, между ними генерала **Крыжановскаго**, извѣстнаго (не мнѣ тогда, конечно,) составителя справочной Артилл. Книжки „Шварца и Крыжановскаго“. Никогда не видѣлъ вблизи артил. генераловъ, не знаю, какъ быть; расшаркиваюсь и милостиво протягиваю руку, — „штафирка“! Пожимаютъ плечами, переглядываются, улыбаются!.. „Что вамъ угодно?“ Представляю письмо. „Что же случилось“? Объясняю. Совѣщаются...

„Вотъ что, юноша, съ Мих. Арт. Учил. ничего подѣлать невозможно, законъ обходить нельзя, а вотъ близорукость — это дѣло условное; я переговорю съ Нач. Павл. Воен. Учил., генераломъ Пригоровскимъ, и, думаю, это дѣло уладимъ. Не волнуйтесь. Отправляйтесь къ себѣ, осмотрите Петербургъ, побывайте вечеромъ въ Зоологическомъ саду, а завтра утромъ я Васъ увѣдомлю о рѣшеніи.“

Въ меня вселилась увѣренность, что Мих. Арт. Уч. отъ меня не уйдетъ! Я въ точности выполнилъ прописанный мнѣ рецептъ, а по возвращеніи поздно вечеромъ изъ Зоологическаго сада, засталъ у себя на столѣ записку на клочкѣ бумажки красными чернилами: „Зайдите завтра утромъ къ генералу Пригоровскому и будете приняты“. Генералъ Крыжановскій. Свершилось.

2. **1-е Воен. Павловское Училище**. — Не буду останавливаться подробно на этомъ двухлѣтнемъ періодѣ моей юнкерской жизни, но кратко все-же упомяну, какъ о связи съ будущимъ и ради выясненія контраста съ Мих. Арт. Училищемъ. Въ общемъ, скажу, что это вышло не такъ дурно, какъ я ожидалъ и какъ казалось многимъ; надо было только вникнуть въ дѣло, понять преслѣдуемую Воен. Училищемъ цѣль, а „*tout comprendre — c'est tout pardonner*“! Основная цѣль — выработать хорошаго солдата, который былъ бы въ состояніи потомъ стать и хорошимъ пѣхотнымъ офицеромъ, понимающимъ и знающимъ нужды солдата, не бѣлоручкой, не размазней. Задача была поставлена правильно, но выполненіе — немножко переборщенное, съ излишнимъ увлеченіемъ и крайностями, которыхъ можно было бы и избѣжать. Въ моей 2-й ротѣ оказалось еще три такихъ же какъ я, поступив-

шихъ со стороны; вынужденъ съ ними ознакомить читателей. Два изъ нихъ, Павлуша Малаховъ и г-нъ Семенчукъ, такъ же какъ и я, промахнулись по Мих. Артил. Уч. и избрали мой путь. Малаховъ былъ даже такъ же и близорукъ, какъ я; не знаю, почему его не забраковали! Третій былъ, въ сущности, чистокровнымъ нѣмцемъ, по фамиліи „Holzhauer“, которую произносили по-русски „Гольцгауеръ“, что его очень коробило! Худой, маленькій, крючковатый, карикатурный, но задавшійся цѣлью непремѣнно и по возможности скорѣе стать гвардейскимъ офицеромъ! Очень милый, воспитанный, умный, образованный, порядочный, но по наружности крайне комичный и ровно ничего гвардейскаго въ себѣ не имѣющій, да еще къ тому же обладавшій привычкой въ разговорѣ нервно свертывать въ трубочку нижній конецъ фалды своего мундира и высовывать при этомъ такой же трубочкой свой языкъ!

Полк. **Всеволодъ Васил. Корженевскій** (1914 г. въ чинѣ шт.-кап. 3-го тяж. арт. див.), выпуска 1901 г.

Вообще, наша сбившаяся въ кучу четверка, сразу же очутилась подъ подозрѣніемъ правовѣрныхъ кадетъ, а отчасти и нашего ближайшаго начальства — отдѣленнаго офицера, шт.-кап. О., немножко грубоватаго и тонкимъ воспитаніемъ не блиставшаго Да и не мудрено: я носилъ очки, что военному не подобаетъ. Гольцгауэра я уже описалъ. Малаховъ привыкъ носить „pince-nez“, это запрещалось; очковъ не носилъ, поэтому плохо видѣлъ, и къ тому же ходилъ довольно большимъ „животикомъ впередъ“, мѣшалъ равненію. Но ужаснѣе всѣхъ былъ Семенчукъ! Это былъ человѣкъ безнадежно штатскій и совершенно развинченный; онъ переваливался на ходу съ такою амплитудою и силою и такъ толкалъ при этомъ то праваго, то лѣваго своего сосѣда по шеренгѣ, что держать съ нимъ равненіе не было никакой возможности (а вѣдь надо было — „чувствовать локоть“!).

Кончилось тѣмъ, что на домашнихъ ученіяхъ ставили неисправимыхъ во вторую шеренгу, а на баталіонныхъ — и смотрахъ — назначали дежурными по камокухнѣ и конюшнѣ! рамъ, Къ великому моему счастью, я увлекался въ гимназіи гимнастикою (вплоть до сальто-мортале и „полетовъ мотора“ включительно) и танцами, такъ что мнѣ строй давался легко и я былъ избавленъ отъ вышеупомянутыхъ физическихъ и моральныхъ страданій, хотя все же

не совсѣмъ. Такъ какъ съ равненіемъ я справился, а по ученію шелъ хорошо, какъ и всѣ мои штатскіе коллеги (насъ этимъ не особенно утруждали: въ первомъ спискѣ я, помню, достигъ апогея, сталъ 4-мъ по батальону, хотя не имѣлъ и полныхъ 11 въ среднемъ!), то меня даже включили въ списокъ кандидатовъ на первое же производство въ портупей-юнкера — великое отличіе, но кончилось оно скандаломъ: съ непривычки къ командованію, а можетъ быть и по неспособности къ оному, я на экзаменѣ никакъ не могъ успѣшно справляться со своею шеренгою, то поворачивалъ ее не туда, куда слѣдовало, то командовалъ не подъ ту ногу,... а кончилъ тѣмъ, что направилъ ее въ „полъ-оборота на лѣво“, а самъ пошелъ въ „полъ-оборота на право“ — разошлись. Экзамена не выдержалъ и сталъ „портупеемъ“ лишь спустя $1^1/_2$ года, когда всѣхъ представленныхъ производили безъ экзамена. Все остальное пропускаю, какъ маловажное и нехарактерное: учиться было легко, хотя готовиться къ репетиціямъ приходилось обязательно въ общей „зубрилкѣ“, къ чему надо было привыкнуть; заниматься, сидя на кровати, — и запрещено, и плохо видно, — *свѣчей не давали*.! Нѣжности!

Кормили недурно; провизія была всегда свѣжая, за этимъ слѣдили; не такъ, чтобы очень вкусно, но это ужъ мелочь; для меня количество ѣды было достаточно, но для Малахова мало, и онъ все наровилъ, какъ бы ухватить лишнюю порцію кого-нибудь отсутствовавшаго. Одѣвали чисто, хотя и не такъ ужъ франтовато; своего носить не позволяли и пожалуй хорошо дѣлали, хотя смазными сапогами въ гостинныхъ отъ насъ, вѣроятно, немножко слишкомъ сильно пахло! Чистили мы ихъ и все платье, и особенно пуговицы, особой линейкой и щеткой, — сами. Стригъ насъ старый шустрый брадобрей, который называлъ насъ „мушками“. Отпусками не стѣсняли, а въ общемъ — „ни одинъ поступокъ юнкера не долженъ остаться безъ наказанія“!... Особенно преслѣдовались отступленія отъ строгой дисциплины и формы: незастегнутый крючекъ на шинели — подъ арестъ и т. д...

Артиллерію читалъ намъ курсовой офицеръ М. А. Уч., капитанъ К. К. Кондрацкій и читалъ хорошо, но порядочно манкировалъ, опаздывалъ и пропускалъ лекціи. Зато практическія занятія велъ другой артиллеристъ, академистъ, капит. Колѣнкинъ, очень исправно и усердно; обучалъ на взводѣ полевыхъ орудій, по расписанію, очень мало и рѣдко; стрѣльбу изъ орудій видѣли только издали, на маневрахъ. Ужъ очень слабо подготовлялись выпускавшіеся въ артиллерію и какъ они справлялись съ дѣломъ на службѣ— одинъ Богъ вѣдаетъ! Изъ ружей стрѣляли нѣсколько разъ въ тирѣ.

Такъ благополучно и безъ особыхъ приключеній прожили мы два года. Считаю, что это много, можно было бы ограничиться и однимъ, особенно въ виду слѣдующихъ, очень важныхъ для Воен. Училищъ, условій: ихъ *единственное* назначеніе и цѣль — готовить хорошихъ строевыхъ пѣхотныхъ офицеровъ; никакихъ другихъ задачъ они не преслѣдуютъ и о полученіи дальнѣйшаго *высшаго военнаго образованія* этими офицерами *нисколько не заботятся*! Естественнымъ продолженіемъ училищнаго курса казалось бы является курсъ Академіи Генеральнаго Штаба, но этимъ Военныя

Училища нисколько не интересуются и совершенно не принимаютъ во вниманіе; это считается не ихъ дѣломъ! Такое отсутствіе какой бы то ни было связи между Училищами и Академіею, даетъ училищамъ съ избыткомъ достаточно времени, завидную самостоятельность, независимость и полную свободу дѣйствій въ своей сферѣ, что очень облегчаетъ и упрощаетъ ихъ задачу; но полезно ли это для дѣла и не могли ли бы они еще позаботиться и о расширеніи военнаго кругозора выпускаемыхъ ими офицеровъ и о помощи Военной Академіи въ доставленіи этимъ офицерамъ высшаго военнаго образованія? Казалось бы что да и даже очень!

Училища комплектуются преимущественно кадетами, уже достаточно подготовленными къ военной службѣ, проникнутыми ея духомъ и дисциплиной, имъ недостаетъ лишь практики и *военнаго развитія*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи училища даютъ слишкомъ мало, а Академія этимъ перегружена! Училища даютъ недостаточно по тактикѣ, очень мало по стратегіи и рѣшительно ничего по Военной исторіи; все это съ азовъ начинаетъ и завершаетъ Академія. Кромѣ того, училища очень мало заботятся о знаніи языковъ, а между тѣмъ, при двухгодичномъ курсѣ, Училища могли бы, расширеніемъ своихъ программъ, очень много помочь академіи ея разгрузкою, а выпускаемымъ офицерамъ, особенно не думающимъ или не могущимъ поступить въ Академію, по недостаточности принимаемаго туда контингента, могли бы дать гораздо болѣе широкое военное развитіе. Опытъ войны показалъ, что это было бы не лишнимъ! Не надавливаемыя Академіею сверху и получая хорошо подготовленный матеріалъ снизу (кадеты), Училища имѣютъ слишкомъ много слабо утилизируемаго времени, которое они могли бы использовать съ гораздо большимъ общимъ успѣхомъ!...

Считаю нужнымъ упомянуть объ этомъ здѣсь, потому что, какъ мы увидимъ дальше, Артиллерійскія Училища и Академія смотрятъ на это дѣло совсѣмъ иначе и слишкомъ уже увлекаются въ другую сторону.

Но вотъ Павловскій училищный курсъ конченъ; остаются: лагерь, маневры, разборка вакансій и выпускъ. Я и мои герои, Малаховъ и Семенчукъ, остались при рѣшеніи перейти въ Мих. Арт. Училище. Гольцгауэръ — въ гвардію; ему всѣ остальные товарищи кадетскаго происхожденія вѣрятъ и его понимаютъ; намъ — нѣтъ. Какъ это можно, стоя высоко по списку старшинства, не выйти въ гвардію! Не вѣрятъ и сердятся. „Хитрятъ, молъ, а когда придутъ вакансіи и мы ихъ заблаговременно намѣтимъ и полюбовно распредѣлимъ между собою, они перемѣнятъ рѣшеніе, захватятъ хорошія вакансіи и опять ихъ потомъ распредѣляй"! Недовольно и начальство, отчасти по той же причинѣ, а отчасти изъ-за задѣтаго самолюбія: „обижаютъ Училище, не цѣнятъ того, что оно имъ даетъ, и мѣняютъ на другое такое же" (?). „Ну смотрите, предупреждаемъ васъ, не выйдете въ офицеры, уѣдете въ отпускъ юнкерами, а потомъ вдругъ васъ не примутъ въ Арт. Учил., не будетъ пріема или не хватитъ вакансій, тому бывали примѣры, тогда ужъ не пеняйте и съ просьбами не обращайтесь: переборки вакансій не будетъ, получите, что останется, запрутъ

васъ въ глушь, въ Тьму-таракань, оттуда ужъ не выберетесь"? Смущаютъ наши души, но мы упрямо стоимъ на своемъ!

Пришли вакансіи; ихъ благополучно разобрали; мы уѣхали юнкерами въ отпускъ, домой... съ трепетомъ ждали... получаемъ черезъ мѣсяцъ извѣщеніе — приняты! Слава Богу, наконецъ-то! И всѣ родные и всѣ сочувствующіе ликуютъ: за Мих. Училищемъ послѣдуетъ и Академія! Исполнится завѣтная мечта! Таковъ былъ престижъ этихъ заведеній и 59 и 100 лѣтъ тому назадъ! А каковъ онъ теперь и каковымъ будетъ впредь, кто знаетъ? Надо надѣяться, что воскреснетъ Россія, воскреснутъ и они, вѣковой опытъ побѣдитъ роковое испытаніе! Традиціи останутся тѣ-же!

3. **Первыя впечатлѣнія въ М. А. У.** — Опять собираюсь ѣхать въ Михайловское Арт. Училище.

> „Поймешь ли ты души моей волненіе,
> Завѣтныхъ думъ унылую печаль?!"...

Послѣ двухлѣтняго провала въ какую-то темную пропасть („унылую печаль"!), вкушаю плодъ „завѣтныхъ думъ", иду къ свѣтлому будущему. Почему то чувствую въ этомъ увѣренность; не забылъ пріятнаго впечатлѣнія первой пробы, хотя и неудачно закончившейся. Не ожидаю больше никакихъ тяжелыхъ непріятностей, ни повѣрочныхъ экзаменовъ; набираюсь духа „смиреномудрія, терпѣнія... и усерднаго труда!.."

Пріѣзжаю; та-же картина: тѣ-же пушки у подъѣзда, тѣ-же швейцары, тѣ-же хоромы. Тѣ-же привѣтливыя, сочувственно улыбающіяся (вспомнили!) интеллигентныя лица. Переодѣваюсь. Пріобщаюсь „къ артиллер. средѣ, съ которой такъ давно желаю сродниться, не имѣя на то еще никакого права, кромѣ душевнаго „двигателя внутренняго сгоранія"! Получаю не только вполнѣ корректный, но и незаслуженный, самый дружескій, теплый пріемъ; тоже, конечно, и другіе, принятые со стороны, а между ними мои **Малаховъ** и **Семенчукъ**, обуреваемые тѣми-же чувствами!

Училище составляло одну батарею; Академія подъ бокомъ составляла почти одно цѣлое съ Училищемъ и была естественнымъ его продолженіемъ въ учебномъ отношеніи. Начальникъ Академіи и Училища — общій, генералъ **Ротъ**; я его видѣлъ лишь одинъ разъ, при слѣдующихъ исключительныхъ условіяхъ: Училище посѣтилъ какъ-то Великій Князь, Михаилъ Николаевичъ, нашъ Генералъ Фельдцейхмейстеръ, всѣми обожаемый за его величавую простоту, доброту и любовь къ артиллеріи. Мы ждали его давно. Насъ выстроили въ Красномъ залѣ (Бѣлаго еще тогда не было). Великій Князь всѣхъ обходилъ, здоровался, ласково со многими разговаривалъ, шутилъ; со всѣми „на ты"; спрашивалъ фамилію... Дошла очередь до меня: „Здравія желаю Ваше Императорское Высочество! П.-ю. такой-то Ваше Импер. Высоч.!"... „Нилусъ?", переспросилъ В. К. „А нѣтъ у тебя родственниковъ въ Москвѣ". У меня таковой былъ, но я какъ-то слышалъ, что въ Москвѣ подвизался и какой то карточный шулеръ, носившій нашу фамилію! Не про него ли В. К. хочетъ спросить? Все это какъ молнія промелькнуло у меня въ мозгу, я рѣшилъ отречься... „Никакъ нѣтъ, Ваше И. В."... „Не знаешь? Жаль — Предсѣдатель Судебной Палаты и очень достойный человѣкъ". Я промазалъ!

За все время представленія ген. Ротъ не сказалъ ни слова и производилъ странное впечатлѣніе. Онъ ничѣмъ не былъ извѣстенъ и почему онъ былъ начальникомъ, исторія умалчиваетъ, онъ нами не интересовался и намъ не показывался. Вскорѣ потомъ его замѣнилъ ген. **Демяненковъ** фигура импозантная, величественная. Въ Училищѣ мы его не видѣли, какъ и ген. Рота.

Нашимъ прямымъ начальникомъ былъ командиръ батареи, полковникъ **Баумгартенъ**, спокойный, ровный, серьезный, неразговорчивый, съ виду очень строгій, но видимо очень добрый въ душѣ, въ общемъ очень симпатичный. Его мы тоже видѣли рѣдко, но все же видѣли, слышали и любили.

Кто былъ нашимъ дѣйствительнымъ начальникомъ, кого мы видѣли часто и подъ надзоромъ кого были непрерывно — это былъ капитанъ Василій Тимофеевичъ **Чернявскій**, старшій офицеръ батареи, нашъ общій отецъ, впослѣдствіи „Артиллерійскій Дѣдъ", имя котораго *въ теченіе около 50 лѣтъ* неразрывно связано съ жизнью М. У. и Академіи, отъ штабсъ-капитана до генерала отъ артиллеріи включительно! Но я невольно забѣгаю впередъ! О службѣ его и боевыхъ заслугахъ уже говорилось въ „Михайловцѣ", но я не могу не прибавить къ уже сказанному еще нѣсколько штриховъ. Небольшого роста, коренастый, плотно скроенный и крѣпко сшитый; всегда ровный, спокойный, твердый, онъ мнѣ напоминалъ и французскаго короля Пипина Короткаго, по статурѣ, и Людовика XIV-го, любившаго говорить: „L'Etat — c'est Moi". В. Т. съ такимъ же правомъ могъ говорить: Училище — это я!" Ничто не укрывалось отъ его всевидящаго ока; онъ все видѣлъ, все зналъ, все направлялъ. Былъ немного тугодумъ, никогда не торопился; иногда слишкомъ долго обдумывалъ важные вопросы, но разъ обдумалъ, рѣшилъ и сказалъ, такъ тому должно было и быть, и такъ оно и было! Ничто не могло свернуть его съ пути, который онъ призналъ правильнымъ. Прямой, откровенный и даже довольно рѣзкій съ начальствомъ, это былъ человѣкъ, который умѣлъ — „въ душевной простотѣ бесѣдовать о Богѣ и истину Царямъ съ улыбкой говорить"!

Ген. отъ арт. **Вас. Тимоф. Чернявскій** (Нач. Мих. Арт. Акад. и Арт. Училищъ). **„Артиллерійскій Дѣдъ".**

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо зналъ, когда и какъ надо и можно было говорить эту истину, чтобы не испортить дѣла и не повредить ему; онъ былъ въ мѣру — лукавый царедворецъ и хитрый Черниговскій хохолъ!

Его справедливость, доброе сердце, выдержка и спокойствіе — очень импонировали юнкерамъ и мы его всѣ очень любили и боялись его огорчать: во время его дежурства всѣ усиленно старались не опаздывать изъ отпуска.

Среди остальныхъ курсовыхъ офицеровъ Училища единственнымъ академистомъ былъ нашъ знакомецъ по Павловскому Училищу, Калистратъ Кондратьевичъ Кондрацкій; его юнкера почему-то недолюбливали: немножко былъ горячъ и грубоватъ. Дальше шли все „иностранцы“, только по фамиліямъ, конечно: **Фриде**, **Форстенъ**, **Кочакидзе**, **Гербертъ**, всѣ были отличные офицеры подъ руководствомъ Вас. Тимоф., но съ ними мы имѣли мало общенія. Ихъ фамильное „иностранство“ нисколько не мѣшало дѣлу; Училище было какъ въ задачѣ о бассейнѣ съ трубами: черезъ однѣ вода вливалась, черезъ другія выливалась, бассейнъ оставался всегда полнымъ, вода всегда чистой, не мутнѣла!

Канцелярія состояла въ штатахъ Академіи и насъ мало касалась, но и тамъ были очень милые люди!

Наконецъ, наше ближайшее начальство — фельдфебель батареи Антонъ Игнатьевичъ **Маркевичъ**, мой будущій другъ и сотрудникъ. Человѣкъ чистый, золотого сердца и большихъ способностей: всегда былъ первымъ и въ Училищѣ и въ Академіи. Дѣльный, ровный, спокойный, методическій, какъ Вас. Тимоф.! Отличный товарищъ и прекрасный фельдфебель, пользовавшійся всеобщей любовью и уваженіемъ, и юнкеровъ, и начальства.

Вотъ та чрезвычайно благопріятная рамка личнаго состава, въ которой намъ предстояло служить и работать, и которая такъ выгодно отличалась отъ „Павловской“. Тамъ воспитывали солдата; здѣсь вырабатывали человѣка. Тамъ обходились безъ души и сердца; здѣсь чувствовалась задушевность и уваженіе къ личности. И тамъ и здѣсь соблюдалось основное правило училищной дисциплины: „ни одинъ проступокъ юнкера не можетъ остаться безъ наказанія“, но въ примѣненіи этого принципа была существенная разница: тамъ это производилось механически, по заранѣе составленной расцѣнкѣ, по трафарету, по таксѣ, здѣсь въ каждомъ случаѣ принималась во вниманіе индивидуальность личности виновнаго, сознавалось, что отъ удара палки одинаковой силы, иной только почешется (выражаясь фигурально, конечно, потому что къ ударамъ не прибѣгали ни тутъ ни тамъ), а другой можетъ и съ ногъ свалиться! Характеръ проступка сообразовался съ характеромъ объекта (случайность, увлеченіе молодости, или злой умыселъ, упорство), что имѣло большое моральное значеніе и не вызывало озлобленія.

Чтобы не быть голословнымъ приведу одинъ довольно рѣзкій примѣръ: по утрамъ въ батарею приходилъ дежурный офицеръ, здоровался съ юнкерами, сообщалъ имъ очередныя распоряженія и велъ ихъ къ чаю. Однажды дежурнымъ былъ капит. Кондрацкій; постронвшись, мы довольно долго ждали его появленія. Пришелъ: „Здравствуйте, господа“! Молчаніе!.. „Здравствуйте господа“, повторилъ растерявшійся Кондрацкій, думая или дѣлая видъ, что думаетъ, что его не разслышали! Молчаніе! „Что это такое? Ну хорошо, разберемся потомъ“! Фельдфебелю — „Ведите батарею“! Пошли молча!..

Кондрацкій правильно воскликнулъ „что это такое“, потому что и никто другой этого не зналъ! Обыкновенно отвѣтное при-

вѣтствіе начиналось съ праваго фланга (портуп.-юнк. **Рѣпинъ**, очень высокій, добродушный, близорукій, къ демонстраціямъ вообще не склонный). Что тамъ случилось, такъ и осталось неизвѣстнымъ: какая-нибудь случайная задержка у перваго, ожиданіе второго, смущеніе слѣдующихъ?!... Одно только было твердо установлено строжайшимъ разслѣдованіемъ и всеобщимъ опросомъ: никакихъ предварительныхъ уговоровъ не было; никакой заблаговременной подготовки, какъ и никакихъ особенныхъ предосудительныхъ по отношенію къ намъ поступковъ со стороны Кондрацкаго. Намъ всѣмъ это было очень непріятно, лежало на совѣсти, угнетало, помимо ожиданія заслуженнаго наказанія. Но каждый при допросѣ только недоумѣнно разводилъ руками и объяснить причины происшедшаго не могъ! Собралась Конференція, подъ предсѣдательствомъ генерала Демяненкова, который уже занималъ тогда должность Нач-ка Академіи и Училища, послѣ ухода генерала Рота.

Ждали мы рѣшенія довольно долго, вопросъ былъ трудный очевидно; результаты совѣщанія и разслѣдованія намъ остались неизвѣстны, но кончилось тѣмъ, что капит. Кондрацкому былъ сдѣланъ выговоръ въ приказѣ за неумѣніе хорошо себя поставить въ отношеніяхъ съ юнкерами, а намъ сдѣлано строгое внушеніе ближайшимъ начальствомъ.

Результатъ, надо сознаться, неожиданный и оригинальный! Передъ Кондрацкимъ мы извинились по собственной инициативѣ, но онъ этимъ, конечно, не удовлетворился и вскорѣ ушелъ изъ Училища въ строй, а его замѣнилъ поруч. Кочакидзе. Какъ бы поступили въ такомъ исключительномъ случаѣ въ Павловскомъ Училищѣ? Вѣроятно „казнили“ бы отъ перваго, черезъ каждаго десятаго! Но результатъ получился бы тотъ же: никогда больше ничего подобнаго не повторилось и, вѣроятно, этотъ невѣроятный случай остался единственнымъ въ Анналахъ Училища. Искреннее раскаяніе и сожалѣніе о случившемся, намъ было достаточно тяжелымъ наказаніемъ, на всю жизнь памятнымъ!

Во всемъ остальномъ 1880—1881 учебный годъ прошелъ быстро, тихо, спокойно, ровно, произвелъ отрадное впечатлѣніе и оставилъ на всегда добрую память и благодарность. Строевое обученіе прошло гладко, пріятно и легко; матеріальная часть — первыя нарѣзныя бронзовыя пушки обр. 1867 г. и только что доставленныя, по окончаніи Турецкой войны, „новыя“ стальныя полевыя пушки Круппа, обр. 1877 г. съ клиновыми затворами,— совсѣмъ простая, по обращенію съ нею, сборкѣ, разборкѣ и стрѣльбѣ (только что разработана ген. **Шкляревичемъ** стрѣльба шрапнелью: „средн. траекторія — черезъ центръ цѣли, наивыгоднѣйшій интервалъ разрыва и нормальная высота“), не отнимала много времени и легко усваивалась. Ѣзда и конныя ученія — одно удовольствіе! Немножко слабо было лишь — общеніе съ солдатами команды и уходъ за лошадью (практическая иппологія, кормъ, лѣченіе, ковка; присутствовали, присматривались, но сами работали мало!); слабовато было и веденіе батарейнаго хозяйства: одной раскладки недостаточно, нужно было бы наблюденіе и участіе. Но это детали,

Въ остальномъ — все очень хорошо! Нравилось намъ и то, что насъ учили танцевать. Этого требовалъ ген. Демяненковъ, „чтобы на балахъ юнкера не подпирали стѣнокъ и не выглядѣли революціонерами". Училъ насъ очень энергично извѣстный балет-мейстеръ, изящный г. Троицкій.

У насъ, въ строевомъ отдѣленіи, былъ тоже не безызвѣстный, довольно великовозрастный юнкеръ **Шифнеръ**, очень серьезный, знающій математикъ (окончилъ математич. факультетъ университета), экстра дисциплинированный, строго соблюдавшій всѣ училищныя правила, и вмѣстѣ съ тѣмъ большой, добрѣйшей души ребенокъ.

Столовая юнкеровъ. Альбомъ 1895 г.

Всѣ лекціи онъ записывалъ въ тетрадку, а на перемѣнахъ ходилъ и старательно зубрилъ все то, что давно уже зналъ чуть не наизусть. По наружности это былъ типичный, бѣлокурый, высокій, тощій и близорукій, комичный нѣмецъ, ничего не имѣвшій общаго со строевымъ воякой и тѣмъ не менѣе поставившій себѣ цѣлью выйти непремѣнно въ строй, и во что бы то ни стало въ Лейбъ-Гвардіи 1-ю Артиллерійскую бригаду!

Его юнкера убѣдили, что ген. Демяненковъ произведетъ экзаменъ, будетъ ставить баллы за танцы, что этотъ баллъ войдетъ въ общій списокъ старшинства, что поэтому нужно стараться... танцовать въ классѣ на перемѣнахъ. Къ нему подходилъ юнкеръ, бралъ его за руку и приглашалъ танцовать мазурку, за нимъ другой, третій и такъ въ продолженіи всей перемѣны. Никому Шифнеръ не отказывалъ, танцевалъ со всѣми, старательно выдѣлывая „па"... Онъ видѣлъ и зналъ, что надъ нимъ потѣшаются, но не обращалъ на это никакого вниманія, такъ какъ дѣйствительно считалъ полез-

нымъ „упражняться“! Въ концѣ концовъ онъ добился своего: научился танцевать, вышелъ въ намѣченную часть, въ мирное время тамъ считался блестящимъ офицеромъ, а въ военное — оказался храбрымъ и доблестнымъ воякой, первымъ вступавшимъ на позиціи, послѣднимъ ихъ оставлявшимъ и много разъ награжденнымъ. Исключительный типъ, обработанный Училищемъ, а потомъ и Академіею, которую онъ тоже окончилъ однимъ изъ первыхъ!

Знаменитыхъ Михайловскихъ ноябрьскихъ баловъ, всему Петербургу извѣстныхъ, тогда у насъ еще не было. Впослѣдствіи они вошли въ обычай; кто на нихъ не былъ, кто ихъ не помнитъ? Не буду ихъ здѣсь и описывать! Вѣдь въ превращенныхъ въ сады помѣщеніяхъ Училища и Академіи собиралось и циркулировало больше 3000 посѣтителей и никто изъ нихъ навѣрное никогда не забудетъ ни царившаго въ нихъ беззаботнаго молодого веселія, ни того теплаго радушія и искренней задушевности, съ которыми тамъ встрѣчались всѣ — и старые и молодые.

4. **Учебный планъ Училища.** — Съ ученіемъ было много труднѣе, благодаря дополнительному курсу математики, необходимому, какъ я упоминалъ, для уравненія въ правахъ и знаніяхъ „строевого“ отдѣленія съ основнымъ математическимъ.

Здѣсь много намъ помогъ и облегчилъ нашъ трудъ всеобщій нашъ любимецъ, удивительный, образцовый преподаватель высшей математики, г. **Рощинъ**, лекціи котораго всѣ слушали затаивъ дыханіе! Спокойно, ровно, методически, безошибочно, безъ поправокъ и помарокъ, каллиграфически пишущій на доскѣ, ясно и понятно излагалъ онъ самыя трудныя теоремы, всегда во время начиная свои лекціи и кончая начатый отдѣлъ точно къ моменту появленія дежурнаго офицера, пріоткрывавшаго дверь класса и объявлявшаго — „перемѣна“! Помню какъ-то Рощинъ читалъ о замѣнѣ перемѣнныхъ при интегрированіи; онъ кончилъ отдѣлъ словомъ „перемѣна“, въ моментъ, когда открылась дверь: „Перемѣна“ сказалъ дежурный, — „двѣ перемѣны“, сказалъ Рощинъ своимъ обычнымъ ровнымъ, симпатичнымъ голосомъ и, спокойно положивъ мѣлъ на доску, улыбаясь вышелъ. Очень мы его любили!

Тогда еще у юнкеровъ вообще не было *претензіи* на то, что насъ слишкомъ много кормятъ высшей математикой, для строевой службы не нужной: во-первыхъ, ея вовсе не было „слишкомъ“ много; всѣ ее отлично понимали и усваивали; во-вторыхъ, понимали и то, что она полезна и для подготовки въ Академію, и для расширенія умственнаго развитія, которому она дѣйствительно много содѣйствуетъ, выгодно выдѣляя артиллеристовъ передъ другими родами оружія, съ нею незнакомыми. Такая претензія появилась впослѣдствіи и не безъ основанія, такъ какъ профессора математики, постепенно расширяя программу курса въ объемѣ и содержаніи, въ концѣ концовъ переборщили и довели ихъ до предѣловъ, далеко не всѣмъ доступныхъ и понятныхъ, больше добиваясь разгрузки курсовъ дѣйствительно перегруженной Академіи, чѣмъ заботясь объ основательномъ ихъ усвоеніи и расширеніи умственнаго развитія, котораго нельзя достигнуть тѣмъ, чего не понимаешь какъ слѣдуетъ и чего, за недостаткомъ времени, усвоить не можешь. Но объ этомъ подробнѣе — дальше.

Трудно давалась намъ, строевымъ, поневолѣ скомканная химія; въ Павловскомъ Училищѣ ей удѣляли слишкомъ мало вниманія и она читалась въ слишкомъ сокращенномъ и элементарномъ видѣ только въ классѣ; лабораторныхъ работъ не было.

Къ сожалѣнію, я вынужденъ отозваться нѣсколько отрицательно относительно нѣкоторыхъ остальныхъ курсовъ и въ Мих. Артил. Уч. (кромѣ математики и химіи): они проходились не достаточно основательно, и особенно — главный предметъ — артиллерія!

Балистику читалъ проф. М. А. А., полков. **Пашкевичъ**; читалъ хорошо, но содержаніе курса не было достаточно современно: продолговатые снаряды какъ-то еще стушевывались передъ шаровыми, а между тѣмъ они появились уже 13 лѣтъ тому назадъ; причины перехода къ нарѣзнымъ орудіямъ не были достаточно ясны, такъ же какъ и причины коническаго ихъ движенія и деривація; теоріи вѣроятностей не было, хотя работы Персена должны были уже быть извѣстны; упоминались старые французскіе балистики: Борда, Пуассонъ и итальянецъ Санъ-Роберто, но не было и слѣдовъ современныхъ работъ нашего всемірно извѣстнаго балистика, профессора М. А. Акад., ген. **Маевскаго** бывшаго тогда въ разцвѣтѣ своей славы и составившаго уже прекрасный академическій курсъ Внѣшней балистики.

Внутренней балистики совсѣмъ не было, если не считать жалкихъ попытокъ ея созданія Инспекторомъ классовъ Павл. Воен. Училища, артиллер. полковникомъ (фамилію забылъ!), который былъ къ тому же боленъ „боязнью пустоты"! Впрочемъ тогда еще эта наука и заграницею не была разработана. Матеріальная часть — по курсу ген. **Будаевскаго** — „книжка съ картинками", по которой читали артиллерію и въ Военныхъ Училищахъ! Это уже — характерно!

Стрѣльба... Богъ прости милѣйшему, добрѣйшему, большому джентльмену, Инспектору нашему, Карлу Егоровичу **Гуку**, съ его литографированными записками, въ которыхъ онъ еще катался на шаровыхъ снарядахъ и гладкостѣнныхъ орудіяхъ, и Начальнику Охтенскихъ пороховыхъ заводовъ ген. Каминскому, написавшему книгу по стрѣльбѣ, умную, слишкомъ пространную и дѣльную, но пахнувшую еще болѣе глубокою стариною. Вообще, плохо слѣдили за эволюціею и развитіемъ артиллерійской науки, забывая о томъ, что этотъ предметъ долженъ быть главнымъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ и что, если математика способствуетъ умственному развитію, то не въ меньшей степени способствуетъ тому же и теоретическая артиллерія, во многихъ своихъ отдѣлахъ пользующаяся математикою! Теперь ясно видно, что тогда это дѣло было поставлено слабо!

То же и Механика, печатный, прекрасно изданный, объемистый курсъ помощника инспектора классовъ, полк. **Кирпичева** (Льва Львовича), много трактовавшій о высокихъ матеріяхъ, о двухъ началахъ Мірозданія, о міровомъ тяготѣніи, о постоянствѣ матеріи и энергіи, о солнцѣ, его теплѣ и животворящемъ началѣ, словомъ о философіи механики, а не о ея практическомъ примѣненіи къ дѣлу; фигурировали, конечно, и уравненія движенія, живыхъ силъ,

импульсовъ и количества движенія, но какъ-то въ туманѣ и оторвано отъ практики, безъ рѣшенія задачъ и примѣровъ. Книга хорошая, интересная, оригинальная, но... не учебникъ, не курсъ!

Физику очень хорошо и очень горячо, сильно возвышая голосъ и жестикулируя, но несовсѣмъ внятно, читалъ генералъ **Усовъ**; возбуждалъ вниманіе и заставлялъ слушать, безъ мѣръ принужденія. Къ концу года генералъ какъ-то исчезъ; результатовъ его трудовъ не помню; не помню даже были ли репетиціи, но въ этомъ виноваты или его болѣзнь (онъ былъ очень худъ) или моя память, но никакъ не Училище.

По Химіи было сдѣлано все, что можно подъ руководствомъ извѣстнаго профессора, ген.-лейт. **Федорова**.

Тактику читали гг.офицеры Генеральнаго Штаба, какъ всегда довольно небрежно; любви къ этому предмету внушить не смогли.

Военной Исторіи не было.

По Администраціи и Законовѣдѣнію мы остались при томъ же, что слышали въ Павловскомъ Воен. Уч. и этого пожалуй было довольно. Законовѣдѣніе читалъ тотъ же г. **Чиколини** — комичная фигура, хорошо читавшая, но слишкомъ сильно раскрывавшая ротъ: „Обольщеніе невинной дѣвушки обѣщаніемъ жениться на ней!"... Какъ теперь помню!

По Черченію артиллерійскому и проекціонному далъ достаточно ген. **Гукъ**.

Ген. **Викт. Конст. Федоровъ**, — вып. 1912 г. (Ком. 4 бат. З. С. С. А. Б. и 3-й бат. 3 отд. арт. див. 6-ей „В" ТАОН).

По Иппологіи — довольно теоріи, но мало практики.

Очень слабо были поставлены языки; слишкомъ мало имъ посвящали времени: что такое 1 часъ въ недѣлю? Это наша общая и постоянная бѣда! А между тѣмъ — въ Русскомъ многіе были довольно безграмотны, а по иностраннымъ — едва читали!

Нѣчто непріятное въ отношеніи языковъ случилось и со мною: французскій языкъ я зналъ, потому что дома имѣлъ гувернантку, а вовсе не благодаря гимназіи, въ которой тоже съ языками было дѣло плохо: намъ позволяли избирать языкъ по желанію и, конечно, для облегченія, я выбралъ французскій. Въ виду этого меня освободили отъ нѣмецкаго языка и въ Павловскомъ Уч. По поступленіи же въ Мих. А. У. мнѣ этого не позволили, и я за это остался очень благодаренъ, хотя попалъ въ довольно затруднительное положеніе. Во вниманіе къ этому (и тутъ проявилась душа,

какъ и во всемъ въ М. У!), мнѣ разрѣшили переводить только 2 задаваемыя страницы, вмѣсто 4-хъ, задаваемыхъ остальнымъ; переводы мы должны были готовить во внѣклассное время, и еженедѣльно 1 разъ сдавать преподавателю въ классѣ. Таковымъ былъ у насъ очень строгій нѣмецъ, г. Шульцъ. Приходилось стараться; меня еженедѣльно спрашивали и я получалъ 9—10 балловъ; это было хорошо, но едва не кончилось плохо! Когда намъ роздали списки годовыхъ балловъ, я къ ужасу своему увидѣлъ у себя по нѣмецкому 5! Я къ помощн. инспектора классовъ... „тутъ ошибка, у меня въ среднемъ должно быть 10!“ Но пунктуальный полковн. Кирпичевъ „никогда не ошибается и всегда справедливъ“: „Вы переводили вдвое меньше, чѣмъ другіе, 2 страницы, а не 4, поэтому и средній балъ вашъ раздѣленъ пополамъ“! „Благодарю, не ожидалъ!“ Къ счастью, Конференція съ такимъ Соломоновымъ судомъ не согласилась и у меня осталось 10. Благородное Училище! Если ни одинъ проступокъ юнкера у тебя не остается ненаказаннымъ, то и ни одна случайная несправедливость не остается неисправленною! А несправедливость въ моемъ случаѣ была усмотрѣна въ томъ, что облегченіе мнѣ дали, а о возможныхъ послѣдствіяхъ не предупредили!

Я отнесся выше къ программамъ и курсамъ Училища можетъ быть слишкомъ строго; хотѣлось бы, чтобы наше прекрасное Училище было еще совершеннѣе; теперь съ высоты 56-лѣтняго промежутка времени, легко видѣть ошибки и критиковать ихъ: „La critique est aisée, l'art est difficile“! Работать въ современности гораздо труднѣе; а Училище работало добросовѣстно и во многихъ его промахахъ виновато не столько оно, сколько Академія: составляя съ Училищемъ тогда одно организаціонное цѣлое, существуя рядомъ въ одномъ зданіи, Академія была слишкомъ занята собою (хотя и то не вполнѣ достаточно, какъ я покажу дальше!) и училищными дѣлами почти не занималась, высшаго руководства ими не проявляла и посвящала училищу свои засѣданія: регулярно лишь нѣсколько разъ въ году, когда обсуждались результаты экзаменовъ и выпуска, а нерегулярно — лишь въ рѣдкихъ, исключительно экстренныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, казалось бы, что ознакомленіе, просмотръ, исправленія и дополненія программъ и курсовъ Училища, должно было находиться въ ея вѣдѣніи! Съ высоты виднѣе. Да было вѣдь у нея и общеніе съ Технич.-Артил. Комитетомъ Глав. Артил. Управленія.

5. **Лагерное время и выпускъ.** — Учебный годъ въ Училищѣ и выпускные экзамены прошли благополучно, къ общему нашему удовольствію. Наступило время разборки вакансій и выхода въ лагерь.

Приведу здѣсь лишь еще одинъ небольшой эпизодъ, случившійся со мною и характеризующій то участіе и вниманіе, которое всегда оказывало Училище къ своимъ воспитанникамъ. Мнѣ хотѣлось непремѣнно выйти въ 13-ю Артил. бригаду, въ Севастополь, поближе къ роднымъ лицамъ и мѣстамъ моего дѣтства. Но въ эту бригаду была прислана только 1 вакансія, на которую насъ было 3 кандидата: Предтеченскій, я и Семенчукъ. По общему списку балловъ Предтеченскій стоялъ выше меня, онъ былъ ше-

стымъ, я — седьмымъ. Семенчукъ стоялъ ниже и опаснымъ конкурентомъ не былъ. Въ Училищѣ старшимъ по выпуску выдавались преміи отъ 300 до 600 рублей, сверхъ суммы, отпускаемой на обмундированіе), по особымъ правиламъ, а именно, не по общему списку, а по балламъ изъ главныхъ предметовъ: математикѣ (по всѣмъ отдѣламъ ея) и артиллеріи. По этимъ балламъ я оказался старше Предтеченскаго и мнѣ была присуждена премія въ 130 руб., а ему въ 100. Но преимущество въ выборѣ вакансій отдавалось старшему по общему списку и такимъ образомъ Предтеченскій лишалъ меня возможности выйти въ 13-ю бригаду. Я былъ въ отчаяніи! Но, благодаря любезности и вниманію къ намъ Училища, дѣло это окончилось для всѣхъ насъ благополучно: оказалось, что начальство затребовало дополнительныхъ вакансій, и между ними трехъ въ 13-ю бригаду. Ихъ прислали 2 и такимъ образомъ мы всѣ устроились какъ хотѣли Было ли бы такъ поступлено въ какомъ-нибудь другомъ, любомъ Училищѣ — сомнѣваюсь!

Наступила лихорадочная дѣятельность по обмундированію: платье — у Норденштрема, Доронина, перчатки — у Шольца; шашка — у Шаффа; сапоги — у Гозе; привязныя шпоры съ привинченными колесиками и малиновымъ звономъ — забылъ фамилію мастера!..

Лагерь въ Красномъ Селѣ — одно удовольствіе! Смотришь глазами скрытаго офицера. Работы мало и интересная, не тяжелая, даже когда стоишь караульнымъ у орудій, на линейкѣ, и когда тебя юнкера пугаютъ ночью!.. Полуинструментальная съемка — легкая: красивая природа и интересныя знакомства съ дачницами Дудергофа!.. Катаніе въ лодкахъ по озеру, подъ надзоромъ наблюдающаго въ зрительную трубу дежурнаго офицера (только Мамонтова еще тогда не доставало! Изъ силъ выбивался и оралъ въ рупоръ, человѣкъ!).

$18\frac{8}{8}81$ — производство на маневрахъ, бѣгство въ Петербургъ, преображеніе и разъѣздъ!

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Леонидъ Яковл. Симоновъ
Ген.-маіоръ, вып. 1881 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ „ALMA MATER“.

Въ мою почти сорокалѣтнюю службу въ родной артиллеріи я прошелъ всѣ ступеньки офицерской службы, начиная съ командира взвода до Инспектора Артиллеріи Корпуса включительно. Основаніемъ-фундаментомъ моей службы было Михайловское Артиллерійское Училище, которое я окончилъ въ 1881 году.

Л. Я. Симоновъ,
ген.-м. Инсп. арт. 2 арм. корп.

Въ своихъ воспоминаніяхъ объ Училищѣ я почти ничего не могу добавить къ отмѣченному моими дорогими однокашниками въ 1-мъ выпускѣ Сборника „*Михайловцы*“, развѣ нѣсколько мелкихъ штриховъ къ портретамъ нашихъ незабвенныхъ профессоровъ.

Вотъ генералъ **Эгерштромъ**, высокій и прямой старикъ, съ отрывочной рѣчью. Въ своихъ лекціяхъ онъ имѣлъ ту особенность, что то, что онъ желалъ подчеркнуть, онъ писалъ мѣломъ на классной доскѣ. Свою первую лекцію, помню, онъ началъ такъ: „*Господа! Я назначенъ читать вамъ организацію Русской Артиллеріи Неинтересно. Вы, грамотные люди, сами прочтете въ книжкѣ все, что къ сему относится. Я лучше вамъ буду читать „Исторію русской артиллеріи* (и пишетъ на доскѣ „Исторію“). *Я вамъ разскажу также вещи, которыхъ вы нигдѣ не найдете*“, и цѣлый годъ читалъ „Исторію Русской Артиллеріи“.

Помню, разсказывая о временахъ Аракчеева, онъ, передавая одинъ изъ эпизодовъ этого времени сказалъ: „*Государь высказалъ свое одобреніе Аракчееву и поцѣловалъ его*“ (и пишетъ на доскѣ: „и поцѣловалъ“). Какъ сейчасъ вижу это „и поцѣловалъ“.

Вотъ полк. **Л. Л. Кирпичевъ** („Лёвка“). Онъ, являясь читать лекцію, вытаскивалъ изъ кармана замшевую перчатку и, отдуваясь,

медленно натягивалъ ее на правую руку, послѣ чего бралъ мѣлъ и начиналъ читать. Онъ требовалъ, чтобы за нимъ всѣ вели записки. Любилъ пояснять схемами и вотъ, помню, читая, кажется, о движеніи, онъ въ схемѣ сводилъ все къ солнцу. Одинъ изъ ловкачей-юнкеровъ въ своихъ запискахъ красиво изобразилъ солнце и подписалъ его чуть ли не на 10 языкахъ. Оригинально. Кирпичеву понравилось и отразилось на поставленномъ на репетиціи баллѣ. Эти тетрадки-записки юнкеровъ онъ въ концѣ года отбиралъ, имѣлъ те нѣкіе прочитывать ихъ и въ большинствѣ возвращалъ; мою тетрадку онъ мнѣ не возвратилъ и на мою просьбу о возвращеніи сказалъ: *„Не могу. У васъ тамъ ересь есть“*. Какую онъ ересь нашелъ въ моихъ запискахъ, такъ для меня и осталось тайной.

Вышелъ я на службу въ Туркестанъ и черезъ два года, легкомысленно отнесясь къ подготовкѣ, явился держать экзаменъ въ Академію и на первомъ же экзаменѣ по Элементарной Геометріи провалился: Будаевъ поставилъ мнѣ 7. Илу къ Кирпичеву спросить — стоитъ ли мнѣ продолжать держать экзамены. Надо замѣтить, что до тѣхъ поръ принимали въ Академію всѣхъ додержавшихъ экзамены до конца; пріѣхавшіе безъ серьезнаго намѣренія поступить въ Академію, очень быстро отсѣивались. *„Держите, г. Симоновъ, навѣрное поступите“*, — получилъ я отвѣтъ отъ Лёвки. Держу всѣ экзамены и выдерживаю. Опять иду къ Кирпичеву: *„Начальникъ Академіи не соглашается принять больше комплекта“*. Я же, въ числѣ нѣсколькихъ семерочниковъ, конечно, былъ въ концѣ списка, въ Академію не попалъ и „возвратился вспять“.

Пріѣхалъ держать экзаменъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію изъ Сибири подпоручикъ мѣстнаго батальона Волковъ Случай рѣдкостный и на него, Волкова, покосились. Первый экзаменъ по математикѣ Волковъ выдерживаетъ блестяще. Лёвка подходитъ къ нему: *„Вы г. Волковъ?“* — „Да“. *„Поздравляю васъ“*. Слѣдующіе экзамены Волковъ прекрасно выдерживаетъ и получаетъ каждый разъ поздравленіе отъ Левки. Волковъ въ Академію поступилъ, былъ переведенъ въ артиллерію и, хорошо окончивъ Академію, остался на службѣ въ Петербургѣ.

Вотъ генералъ **Фишеръ**. Въ свое время въ артиллеріи былъ принятъ лафетъ его системы. Прекрасно чертилъ и любилъ, чтобы, отвѣчая ему, хорошо чертили на доскѣ. Это искусство не всѣмъ хорошо даётся, и вотъ, незадачливый юнкеръ изображаетъ на доскѣ что-то неопредѣленное. Фишеръ подходитъ, смотритъ и затѣмъ, пятясь отъ доски, восклицаетъ, съ жестикуляціей: *„Это крокодилъ! Я его боюсь! Онъ меня укуситъ!“*

Генералъ **Демяненковъ** („Демьянъ“) читалъ лекцію, садясь спиною къ классу и лицомъ къ доскѣ. Причиной этого, вѣроятно, было то, что онъ не переваривалъ дремлющихъ слушателей.

Высшую математику (Дифференціальное и Интегральное исчисленія) читалъ у насъ глубокоуважаемый **П. Е. Рощинъ**, старикъ съ сѣдыми волосами до плечъ. Онъ обладалъ замѣчательной памятью; лекцію кончалъ онъ, что называется, на полу-словѣ и, читая въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, помнилъ — гдѣ и на

чемъ онъ остановился; за цѣлый годъ онъ единственный разъ справился объ этомъ у юнкера, сидящаго на первой скамьѣ.

Химію читалъ у насъ полковникъ **Котиковъ**; читалъ не краснорѣчиво и иногда задумывался. Помню разъ я спросилъ его, что такое „плоскости поляризаціи". *„Послушьте, я вамъ потомъ объясню"*. Затѣмъ, находя откладываніе объясненія неудобнымъ, говорилъ: *„Послушьте — я вамъ сейчасъ объясню"*. Начавъ объясненіе, нѣсколько задумался и спрашиваетъ: *„Послушьте, прямой уголъ сколько градусовъ?"* и затѣмъ, сконфузившись, уходитъ изъ класса.

Л. Я. Симоновъ, полк., въ бытность к-ромъ 1 див. 7 Сиб. Стр. арт. бригады.

Вспоминаю каррикатурную торговлю юнкера съ Котиковымъ за баллъ на репетиціи. Котиковъ ставитъ 7. Юнкеръ проситъ поставить 9. *„Послушьте, вы ничего не знаете!* Юнкеръ пытается доказать, что на 9 онъ знаетъ. *„Послушьте, я вамъ поставлю 8"*. Юнкеръ продолжаетъ настаивать на своемъ и говоритъ, что онъ придетъ перерепетироваться, чего Котиковъ не долюбливалъ. Кончалось тѣмъ, что Котиковъ ставилъ 9.

Физику читалъ ген. **Усовъ**, читалъ интересно, воодушевлялся, размахивалъ руками. Нерѣдко онъ начиналъ лекцію такъ: *„Господа ,я не буду повторять, что говорилъ въ прошлый разъ, лишь напомню вамъ, что..."* и чуть не полчаса посвящалъ этому напоминанію.

Начальникомъ Училища былъ сначала ген. **Ротъ**, а затѣмъ **Демяненковъ.**

Батареей Училища командовалъ полк. **Баумгартенъ.** Офицерами Училища были: капитаны: **Петраковъ, Гукъ, Кондрацкій** и **Кочакидзе,** штабсъ-кап. **Чернявскій** и поручикъ **Форстенъ.**

Режимъ училищный былъ, вообще говоря, значительно мягче, чѣмъ въ другихъ военныхъ училищахъ. Популярныхъ въ Петербургѣ артиллерійскихъ балловъ въ мое время не было. Кутежей не было Были небольшіе безобидные кружки картежниковъ. Жизнь шла ровная, размѣренная, трудолюбивая.

Юность! Юность! Изъ милаго далека будишь ты мою память, юность со всѣми ея заботами, а вѣрнѣе беззаботностью, со всѣми ея радостями и печалями, со всѣми надеждами и устремленіями. На наше несчастіе — финалъ для насъ получился печальный; жизнь скомкалась и сплющилась подъ тяжелой пятой лютыхъ враговъ Россіи. Надолго ли? Какъ знать?! Въ нашу историческую полосу время надо считать не годами, а поколѣніями.

„Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ подчиняясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
Сложилъ пѣсню, подобную стону
И на вѣки духовно почилъ!“...

Нѣтъ, поэтъ! Проснется Великая Россія и съ ней вмѣстѣ проснется наше дорогое Михайловское Артиллерійское Училище, чтобы снова насаждать знанія и традиціонное содружество русской артиллерійской семьи.

Батарея на стрѣльбѣ съ каповыми пушками — 1895 г.
(Направо ген. Демяненковъ — въ сюртукѣ и полк. Петраковъ).

Съ глубокой признательностью вспоминаю Михайловцевъ — **В. Д. Турова** — сибиряка, который въ бытность мою въ Сибирской военной гимназіи, нелѣпко помогалъ намъ по математикѣ (онъ былъ на три класса старше насъ), моего брата **В. Я. Симонова** (Михайловецъ, выпуска 1876 года), который подготовилъ меня къ экзамену въ гимназію и потомъ направилъ стопы мои въ Михайловское Артиллерійское Училище, и нынѣ здравствующихъ **А. А. Нилуса,** дружески-отзывчиво помогшаго мнѣ въ устройствѣ моего сына и руководителя Офицерской Артиллерійской Школы **М. В. Ханжина** (послѣдній Полевой Инспекторъ Артиллеріи и послѣдній русскій Военный Министръ въ Правительствѣ Колчака), съ которымъ мы встрѣтились уже послѣ, въ эмиграціи, въ Манджуріи и вмѣстѣ работали въ Мукденскомъ Артиллерійскомъ кружкѣ.

Я не говорю о многихъ Михайловцахъ — моихъ начальникахъ, сослуживцахъ и подчиненныхъ, съ которыми судьба сводила меня за время моей продолжительной службы въ родной артиллеріи.

Евг. Алекс. Милодановичъ
ген. штаба ген.-лейт., вып. 1887 г.

ПОЛЪ-ВѢКА НАЗАДЪ.

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече"...
А. Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ".

По окончаніи Орловскаго-Бахтина кадетскаго корпуса въ 1884 году, я со своими однокашниками прибылъ 26 августа въ Петербургъ, во 2-е военное Константиновское училище, гдѣ провелъ 5 дней, пока не выяснилось, что изъ Орловцевъ я и Мамонтовъ приняты въ Михайловское Артиллерійское Училище.

31 августа мы сѣли на конку у Технологическаго Института и отправились по назначенію. Въ Училищѣ была почти полная пустота, такъ какъ юнкера должны были прибыть изъ отпуска только вечеромъ этого дня. Появились молодые люди и изъ другихъ корпусовъ. Вновь прибывшихъ отправили въ цейхгаузъ для пригонки обмундированія. При этомъ присутствовалъ завѣдывавшій обмундированіемъ капитанъ Александръ Николаевичъ **Петраковъ**, первый изъ офицеровъ Училища, съ которымъ намъ пришлось познакомиться.

Когда мы одѣлись въ новую форму, намъ объявили, что обѣдъ въ Училищѣ будетъ въ 1 часъ дня и что мы можемъ воспользоваться свободнымъ временемъ и идти въ отпускъ. Кто не имѣетъ родныхъ и знакомыхъ, можетъ вернуться къ обѣду, а можно попросить и оставить обѣдъ на кухнѣ. Такое отношеніе къ намъ, только что прибывшимъ, поразило меня послѣ того, какъ я познакомился съ режимомъ Константиновскаго военнаго училища, гдѣ насъ сразу привлекли къ строевымъ занятіямъ и энергично принялись обучать отданію чести, а въ праздничный день — 30 августа — отпустили въ городъ командами въ 4—5 человѣкъ, назначивъ въ каждую старшимъ юнкера старшаго класса.

Отправился и я знакомиться со столицей, и былъ весьма гордъ, чувствуя на себѣ форму Артиллерійскаго Училища съ шашкой (а не со штыкомъ) на боку. Давнишняя моя мечта осуществилась.

Начальникомъ Михайловской Артиллерійской Академіи и Училища былъ тогда генералъ-лейтенантъ Николай Афанасьевичъ **Демяненковъ**. Въ Училищѣ онъ появлялся часто и не только днемъ, но и вечеромъ, а иногда и ночью, приходя тогда въ сѣрой форменной тужуркѣ. Онъ былъ старый холостякъ и, видимо, жилъ своимъ Училищемъ.

Онъ любилъ говорить рѣчи юнкерамъ, собраннымъ въ конференцъ-залѣ, передъ отъѣздомъ ихъ въ отпускъ и вообще по разнымъ случаямъ. Говорилъ просто, не увлекаясь краснорѣчіемъ, и — казалось — сердечно, подергивая по временамъ плечами. Онъ старался внушить юнкерамъ любовь и уваженіе къ своему Училищу и чувство гордости, что принадлежатъ къ его питомцамъ. Онъ часто повторялъ фразу: *„не забудьте, что вы юнкера Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, что вы всегда являетесь представителями Училища, и что по каждому изъ васъ въ отдѣльности будутъ судить о вашемъ заведеніи.“*

1912 г. — полк. **Е. А. Милодановичъ**, к-ръ 108 пѣх. п., съ сыномъ **Всеволодомъ**, подпор. 32 артил. бригады.

Держалъ себя ген. Демяненковъ вообще независимо и съ большимъ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ большой дипломатъ.

Командиромъ батареи Училища былъ полковникъ Александръ Трофимовичъ **Баумгартенъ**.

Онъ не любилъ много говорить и не былъ рѣчистъ. Разсказывали, что однажды, когда юнкера по какому-то случаю были взволнованы, и рѣчь Начальника Училища юнкерамъ не имѣла успѣха, онъ поручилъ полк. Баумгартену поговорить съ ними. Послѣдній вошелъ въ залъ, гдѣ были построены юнкера, прошелъ раза два передъ фронтомъ, опустивъ голову внизъ, затѣмъ остановился, повернулся къ строю, поднялъ голову и громкимъ голосомъ произнесъ: *„здравствуйте, господа!“* Этого было достаточно, чтобы успокоить молодежь.

Онъ былъ очень самолюбивъ и обидчивъ. Если юнкеръ шелъ по улицѣ и видѣлъ идущаго на встрѣчу ему Баумгартена, онъ не

могъ зайти въ магазинъ до встрѣчи съ нимъ, т. к. иначе онъ могъ подумать, что юнкеръ скрылся отъ него. Поэтому нужно было продолжать путь, стать ему во фронтъ и затѣмъ уже повернуть назадъ и идти въ магазинъ.

Баумгартенъ былъ строгъ, но не придирчивъ и справедливъ. Онъ не допускалъ нарушенія установленныхъ въ Училищѣ правилъ и отступленія отъ формы одежды и требовалъ, чтобы юнкера были коротко острижены. Однажды, возвратившись изъ лѣтняго отпуска, я не успѣлъ постричься и встрѣтился въ корридорѣ съ Баумгартеномъ, который, увидя меня, прорычалъ только одно слово: „волосы“! Этого было достаточно, чтобы я немедленно отправился къ училищному парикмахеру.

Юнкера полк. Баумгартена уважали, но очень боялись его. Видимо и для офицеровъ Училища онъ былъ тяжелый начальникъ.

Всѣ юнкера старшаго класса должны были передъ окончаніемъ курса стрѣльбы произвести самостоятельно пристрѣлку 8-ми орудійной батареи Училища, подъ руководствомъ командира батареи. Каждый разъ для этого назначалось по нѣсколько юнкеровъ, которые слѣдовали командой за батареей и останавливались до выѣзда батареи на позицію въ нѣкоторомъ отъ нея удаленіи, позади, въ какой нибудь лощинкѣ. Затѣмъ вызывался очередной юнкеръ, который и приступалъ къ пристрѣлкѣ. Если юнкеръ дѣлалъ крупную ошибку, Баумгартенъ удалялъ его, сказавъ ему нѣсколько непріятныхъ словъ, и посылалъ трубача за слѣдующимъ. Передо мной было два такихъ незадачливыхъ, и когда прискакавшій трубачъ назвалъ мою фамилію, сердце мое ёкнуло. Однако, движеніе до батареи меня успокоило, и я успѣшно справился со своей задачей, за что былъ награжденъ полк. Баумгартеномъ отданнымъ имъ приказаніемъ — произвести „залпъ батареей“.

Нашъ выпускъ 1887 года (производство было 7 августа — въ день полнаго солнечнаго затменія) былъ послѣднимъ при полк. Баумгартенѣ, т. к. осенью этого года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 23 артил. бригады.

Батарею училища я засталъ въ 4-хъ орудійномъ составѣ съ горными орудіями образца 1874 г. на полевыхъ лафетахъ, но уже къ веснѣ 1885 года батарея получила 8 легкихъ орудій обр. 1877 г., и для запряжки ихъ были пріобрѣтены прекрасныя лошади, и увеличено число верховыхъ лошадей. Первую полубатарею составляли юнкера старшаго, а вторую — средняго класса.

Подборъ офицеровъ въ Училищѣ былъ отличный, обученіе и строевое, и спеціальное шло прекрасно, а потому нельзя было удивляться, что батарея Училища выдѣлялась и въ строевомъ отношеніи, и по своей стрѣльбѣ. Поведеніе юнкеровъ было выше похвалы, и я не помню, чтобы кто-либо изъ моихъ товарищей по выпуску подвергся дисциплинарному взысканію.

Курсовыми офицерами у меня были: капитанъ Пет. Пет. **Потуловъ** — командиръ взвода и завѣдующій 1-мъ отдѣленіемъ Младшаго класса, кубанскій казакъ, окончившій Артиллерійскую Академію; средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ свѣтлой бородой и маленькими пронизывающими глазами; человѣкъ простой и нѣ-

колько грубоватый, очень смѣлый и искусный ѣздокъ; и поручикъ Гвардейской конной артиллеріи Алекс. Мих. **Головинъ**, завѣдывавшій 2-мъ отдѣленіемъ, также съ академическимъ знакомъ, еще не переведенный въ штатъ Училища, маленькаго роста, на необыкновенно высокихъ каблукахъ. Головинъ — повидимому — старался пріобрѣсти симпатіи юнкеровъ и стремился казаться добродушнымъ. Онъ обучалъ юнкеровъ младшаго класса верховой ѣздѣ и управлялъ церковнымъ хоромъ Училища.

Вспоминаю первый урокъ ѣзды. Наша смѣна собралась въ манежѣ. Въ одной изъ боковыхъ дверей появился берейторъ, извѣстный у юнкеровъ подъ именемъ *„Клюква“*; средняго роста сухощавый старикъ, въ длинномъ зеленоватомъ сюртукѣ, синихъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ со шпорами, съ бичомъ въ рукахъ. Онъ громко, съ какой-то особенной интонаціей, отдалъ приказаніе собравшимся „ѣздовымъ“: „Выводите лошадей: Альфа, Егерь, Степенная, Снѣжинка...“ дальше не помню, но знаю, что былъ еще во всякомъ случаѣ пользовавшійся извѣстностью „Освальдъ“. Этого отлично помню, ибо имѣлъ удовольствіе въ этотъ разъ — первый вообще въ моей жизни — сѣсть именно на этого коня, карраковой масти, довольно красиваго, но тугоуздаго и имѣвшаго непріятную манеру — бить задомъ, стараясь сбросить всадника. Къ счастью, въ этотъ день онъ былъ настроенъ мирно, и ѣзда закончилась для меня безъ приключеній. Въ этотъ день мы сидѣли на сѣдлахъ со стременами, а со слѣдующаго урока и впредь до Пасхи ѣздили на однихъ попонахъ, что показалось не такъ удобно, въ особенности, когда раздавался звонкій голосъ пор. Головина: *„Хо-ду! Хо-ду!“* или свистъ его бича, подбадривавшаго лошадей.

Изъ другихъ офицеровъ Училища особенно выдѣлялись капитанъ Александръ Николаевичъ **Петраковъ** и капитанъ Василій Тимофеевичъ **Чернявскій**. Первый по внѣшности казался нѣсколько староватымъ для своего чина, по сравненію съ другими. Онъ былъ единственнымъ изъ офицеровъ Училища безъ академическаго знака, но отличный, знающій артиллеристъ и прекрасный ѣздокъ, чуть ли не цѣлый день проводившій на конѣ.

Капитанъ Чернявскій — академикъ, имѣвшій высокія боевыя награды, пользовался большимъ авторитетомъ.

Еще вспоминается поручикъ Лейбъ-Гвардіи 1 артиллерійской бригады **Эрисъ-Ханъ-Аліевъ**, чеченецъ, небольшого роста, съ большой головой, остроконечной кверху, коротко остриженный, съ длинными пушистыми усами. Объявленіе Міровой войны застало его въ должности командира 4 армейскаго корпуса, которымъ онъ доблестно командовалъ на войнѣ. Послѣ революціи былъ избранъ Правителемъ Чечни. Лѣтомъ 1919 года я встрѣтился съ нимъ въ Пятигорскѣ и по его предложенію занялъ у него въ Грозномъ должность помощника Правителя по военной части. Онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, отпустилъ бороду, но былъ бодръ и жизнерадостенъ. Въ сентябрѣ обстановка въ Чечнѣ рѣзко измѣнилась къ худшему, а въ концѣ декабря 1919 года онъ былъ убитъ большевиками въ Кисловодскѣ.

Когда я былъ въ младшемъ классѣ, фельдфебелемъ былъ **Грибоѣдовъ** — высокаго роста, стройный и довольно красивый молодой человѣкъ. Онъ немного заикался и на перекличкѣ почему-то никакъ не могъ произнести фамилію моего товарища ю. Козловскаго, спотыкаясь на звукѣ „к“. Это повторялось каждый разъ, а потому онъ счелъ за лучшее пропускать его фамилію. Онъ впослѣдствіи окончилъ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, служилъ на должностяхъ генеральнаго штаба и рано, кажется въ чинѣ полковника, скончался. Правящимъ былъ портупей-юнкеръ **Карповъ** и его помощникомъ порт.-ю. **Богомоловъ.** Оба были очень симпатичные, держали себя по отношенію къ намъ чрезвычайно просто, не по-начальнически, а какъ старшіе товарищи; знакомили насъ съ первыхъ шаговъ съ порядками и традиціями Училища и приходили къ намъ на помощь въ затруднительныхъ случаяхъ своими совѣтами.

Инспекторомъ классовъ Академіи и Училища я засталъ полковника (вскорѣ генералъ-маіоръ) Льва Львовича **Кирпичева.** Онъ имѣлъ большую бороду въ формѣ лопаты, носилъ очки и имѣлъ суровый видъ, хотя въ душѣ былъ очень добрый и отзывчивый человѣкъ. Это была очень яркая личность; большой патріотъ, оригиналъ и убѣжденный холостякъ. У насъ говорили, что, когда его родной братъ, Нилъ Львовичъ, инженеръ-полковникъ, читавшій въ Училищѣ лекціи по Фортификаціи, задумалъ жениться, онъ всячески отговаривалъ его отъ этого „необдуманнаго шага“, но успѣха не имѣлъ. На свадьбу онъ вовсе не хотѣлъ идти, но когда его убѣдили наконецъ, что это обидитъ брата, онъ явился съ траурной повязкой на рукавѣ и имѣлъ очень мрачный видъ. На вопросъ, почему онъ въ траурѣ, Левъ Львовичъ заявилъ, что трауръ одѣлъ по брату, который *„погибъ для науки“.*

Левъ Львовичъ читалъ въ младшемъ классѣ лекціи по Артиллеріи и Механикѣ. Его лекціи были очень интересны; онѣ не только сообщали юнкеремъ необходимыя научныя знанія, но, имѣя часто — въ своихъ отступленіяхъ — чисто философскій характеръ, расширяли кругозоръ слушателей. Онъ преклонялся передъ могуществомъ и величіемъ Россіи и признавалъ неисчерпаемость ея естественныхъ богатствъ.

Съ какимъ восторгомъ онъ говорилъ, что Россія на сѣверѣ и востокѣ достигла своихъ естественныхъ предѣловъ — морей, имѣя Влади-*сѣверъ* (Архангельскъ) и Влади-*востокъ*, но на югѣ (добавлялъ онъ съ горечью) у насъ есть пока только Влади-*Кавказъ*, но нѣтъ Влади-*юга* (Константинополь), который жизненно необходимъ Россіи. Такія лекціи не могли не оставить глубокаго слѣда въ юныхъ умахъ и душахъ слушателей.

Однажды на лекціи Кирпичевъ замѣтилъ, что ю. **Остряньскій** что-то чертитъ или рисуетъ на листѣ бумаги и направился къ нему. Остряньскій сунулъ бумагу въ ящикъ стола. К. потребовалъ, что-бы онъ показалъ ее. Оказалось, что О. нарисовалъ портретъ Кирпичева. Послѣдній внимательно посмотрѣлъ на рисунокъ и сказалъ: *„недурно; нѣсколько въ каррикатурномъ видѣ, но въ общемъ хорошо.“* Остряньскій стоялъ передъ нимъ красный, какъ

ракъ. „Надѣюсь, добавилъ К., что вы ничего не будете имѣть, если я возьму себѣ вашъ рисунокъ.“ И съ этими словами, онъ сложилъ бумагу и спрягалъ ее въ боковой карманъ сюртука. Никакихъ послѣдствій для О. этотъ случай не имѣлъ.

Репетиціи по курсамъ наукъ назначались по вечерамъ: по главнымъ предметамъ — 3-4 раза въ годъ, почему отдѣлы были велики На репетиціяхъ Кирпичевъ, слушая юнкера, иногда начиналъ „наводить“ его и такъ увлекался. что продолжалъ говорить самъ, не давая юнкеру возможности раскрыть ротъ, а затѣмъ, спохватясь, восклицалъ: *„да, вѣдь. это я отвѣчаю, а не вы!“* и начиналъ задавать вопросы. Если юнкеръ плохо отвѣчалъ, К. отмѣтки ему не ставилъ. а говорилъ: *„приходите еш шо разъ“*, ибо признавалъ необходимымъ, чтобы каждый юнкеръ хорошо зналъ предметъ. Онъ долженъ былъ явиться на одну изъ слѣдующихъ репетицій (другой группы), а бывало иногда, что ему предлагалось придти и „еш-шо разъ“.

Ген. отъ артил **Николай Аоанас. Демяненковъ.** 1881—1898 — Начальникъ Мих. Арт Академіи и Училища, потомъ членъ Военнаго Совѣта.

Зная прекрасно французскій и нѣмецкій языки, Кирпичевъ съ преподавателями иностранныхъ языковъ въ профессорской комнатѣ и въ классахъ Училища говорилъ изъ принципа всегда по-русски.

Имѣя лично большую библіотеку и внося аккуратно въ каталогъ всѣ вновь пріобрѣтаемыя книги, К., по его словамъ, не любилъ давать ихъ кому-либо, а если никакъ уже нельзя было отказать просителю, онъ тотчасъ-же отмѣчалъ въ каталогѣ противъ этой книги: „утеряна“, а въ тѣхъ случаяхъ, когда книга — сверхъ ожиданія — возвращалась, онъ, зачеркнувъ слово „утеряна“, писалъ сверху — „найдена“.

Помощникомъ инспектора классовъ былъ гвардіи капитанъ **Гукъ.**

Въ первое время, по поступленіи въ Училище, заниматься было трудновато, главнымъ образомъ потому, что переходъ отъ урочной системы въ корпусахъ къ репетиціонной, да еще при условіи большихъ отдѣловъ, — давалъ себя чувствовать. Для нѣкоторыхъ юнкеровъ представляли затрудненіе математическіе предметы, принадлежавшіе къ важнѣйшимъ въ курсѣ Училища. Меня математика не пугала: и средній баллъ по математическимъ предметамъ при выпускѣ изъ корпуса я имѣлъ почти 12 (только по физикѣ 11), и вообще имѣлъ основаніе считать себя способнымъ къ математикѣ.

Первая репетиція у меня была по МеханикѢ. Изложеніе предмета въ курсѣ Л. Кирпичева было идеальное (даже бумага и шрифтъ были удивительно хороши), читалось совсѣмъ легко. Казалось, что все ясно, однако, когда я дошелъ почти до конца и заглянулъ назадъ, то къ удивленію своему увидѣлъ, что многое изъ прочитаннаго было въ туманѣ. Тогда я понялъ, что читать такъ быстро научныя книги нельзя и нужно *научиться* ихъ читать такъ, чтобы можно было усвоить прочитанное даже по прочтеніи одного раза, такъ какъ не всегда можно было расчитывать, что удастся прочесть весь отдѣлъ хотя-бы два раза.

На преподавательскій персоналъ было обращено начальствомъ Училища особое вниманіе. Онъ пополнялся лучшими научными силами Петербурга, а для преподаванія военныхъ наукъ избирались лучшіе профессора, обыкновенно изъ бывшихъ Михайловцевъ. Составъ профессоровъ былъ такимъ образомъ на должной высотѣ.

Профессорами математики у меня были **Будаевъ и Рощинъ;** читали еще лекціи по отдѣламъ математики генералъ **Альбицкій,** капитанъ Николай **Забудскій** и капитанъ **Шифъ**.

Профессоромъ Артиллеріи (матеріальная часть) былъ полк. Ник. Плат. **Потоцкій** — высокій, съ сѣдой головой и совершенно черными бровями и усами. Онъ отлично зналъ свой предметъ и прекрасно чертилъ на доскѣ, требуя и отъ юнкеровъ отчетливаго чертежа. Вспоминается, какъ на вступительномъ экзаменѣ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, выслушавъ мой отвѣтъ, онъ сказалъ: „*а Михайловцу слѣдовало-бы лучше начертить*“, но все же поставилъ мнѣ 12. Лекторъ же онъ былъ неважный — нѣсколько заикался и иногда какъ-то „мычалъ“ (м-м).

Ген.-м. инженерныхъ войскъ Адамъ Адамовичъ **Іохеръ** читалъ лекціи по Фортификаціи очень хорошо, тщательно вычерчивая на доскѣ планы и профили. На репетиціяхъ особое вниманіе обращалъ на отчетливое пониманіе юнкеромъ чертежа. Спрашивая размѣры и услыхавъ отъ юнкера невѣрныя данныя, онъ обыкновенно говорилъ „да“, повторялъ сказанныя юнкеромъ и доходилъ до дѣйствительныхъ. Напримѣръ, юнкеръ сказалъ: „заложеніе отъ 3 до 5 футовъ“, а Іохеръ говоритъ: „*да, отъ 3 до 5, 10 и даже 12 и никогда 18*“.

Когда умерла жена Адама Адамовича, и онъ первый разъ пришелъ къ намъ на лекцію — печальный и какой-то особенно тихій, — юнкера присвоили ему наименованіе: „тихая, одинокая сапа“.

Генеральнаго штаба полк. Аркадій Платон. **Скугаревскій,** впослѣдствіи извѣстный генералъ, читалъ тактику. Высокаго ростакрупный мужчина, съ бакенбардами; онъ былъ очень требователенъ и грубоватъ. Замѣчанія юнкерамъ на лекціяхъ дѣлались въ такомъ родѣ: „юнкеръ, сидящій на такой-то скамьѣ и смотрящій въ окно, прошу слушать!“ Когда одинъ изъ юнкеровъ, отвѣчая на репетиціи, старался картинно представить атаку пѣхоты: „музыка играетъ, полки наступаютъ“... Скугаревскій тотчасъ-же оборвалъ его: „нельзя ли попроще-съ?!“ Племянникъ его жены ю. Савримовичъ, мой однокашникъ, ходившій въ отпускъ къ теткѣ, разсказывалъ, что его дядя и дома у себя называетъ его „юнкеромъ„

и однажды вечеромъ сказалъ ему: *„юнкеръ, вамъ, пора въ Училище!“*, а на его объясненіе, что онъ отпущенъ до позднихъ часовъ. добавилъ: *„все равно-съ, лучше придти раньше!“* Юнкера улавливали у него сходство съ поли. „Скалозубомъ“ и называли его „полковникъ Скугаронъ“.

Удивительно, что впослѣдетвіи — задолго до революціи — такой генералъ, какъ Скугаревскій, поднималъ въ военной литературѣ вопросъ о необходимости говорить нижнимъ чинамъ „Вы“!

Въ младшемъ классѣ лекціи по тактикѣ имѣлъ профессоръ Николаевской Академіи Генер. Штаба, полк. Ник. Алекс. **Орловъ**. типично русской наружности, прекрасный лекторъ. Будучи выдающимся профессоромъ тактики и военной исторіи, онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ на строевыхъ должностяхъ.

Талантливый профессоръ Ник. Академіи Ген. Штаба ген.-м. **Кублицкій** при мнѣ былъ приглашенъ читать вновь введенный курсъ Военной Исторіи — кампанію 1812 года. Это былъ удивительно спокойный, вполнѣ уравновѣшенный человѣкъ и отличный лекторъ; можно сказать — профессоръ Божіей милостью, къ сожалѣнію съ лѣнцой и впослѣдствіи какъ-то отяжелѣвшій.

Военную администрацію читалъ шт.-кап. Владиміръ Аполлоновичъ **Олоховъ**, въ формѣ адъютанта Пажескаго корпуса, со знакомъ Академіи Ген. Штаба.

Онъ былъ прекраснымъ лекторомъ, имѣлъ пріятный тембръ голоса и сумѣлъ сдѣлать свой предметъ интереснымъ.

Обладая располагающей внѣшностью, очень элегантный, съ хорошими манерами и красивой походкой, всегда отлично одѣтый, онъ нравился юнкерамъ, и нѣкоторые изъ нихъ пытались подражать ему въ походкѣ и манерахъ.

Топографію читалъ очень старый генералъ корпуса военныхъ топографовъ **Андреевъ**. По непонятной причинѣ отъ него приходилось слышать на лекціяхъ странныя вещи: въ инструментѣ, напримѣръ, оказывалась „мѣдная дырочка“, былъ „кругъ, неподвижно вращающійся въ обѣ наклонныя плоскости“; „чтобы показать, что эти два круга совершенно равны между собой, я нарочно черчу ихъ различныхъ діаметровъ“. И эти выраженія были и въ составленномъ имъ печатномъ руководствѣ!

На репетиціяхъ подавался генералу Андрееву списокъ юнкеровъ въ порядкѣ очереди отвѣтовъ, и онъ всегда назначалъ вопросы въ строго опредѣленномъ порядкѣ: первый отвѣчалъ „систему Лемана“, второй — „горизонтали“ и т. д. Это обстоятельство учитывалось юнкерами, и нѣкоторые готовили къ репетиціи иногда не весь отдѣлъ, а только соотвѣтственный вопросъ. Бывали случаи, что, когда Андреевъ ошибался при указаніи вопроса, юнкеръ исправлялъ „ошибку“, и это проходило незамѣченнымъ, а между тѣмъ ген. Андреевъ любилъ говорить. что онъ „старый воробей“ и его не проведешь“.

Химію читали извѣстные профессора — генералы **Федоровъ** и **Котиковъ**, а репетиторомъ былъ шт.-кап. **Панпушко**, впослѣдствіи трагически погибшій при производствѣ опытовъ съ новыми взрывчатыми веществами. Изъ моихъ сверстниковъ химіей особенно

увлекался ю. **Ипатьевъ**, поступившій въ такъ называемое **„строевое"** отдѣленіе, по окончаніи военнаго училища. Мы называли его „Котиковъ №2". Въ дальнѣйшемъ онъ достигъ, какъ извѣстно, высшихъ ученыхъ степеней. На этихъ дняхъ прочелъ въ газетахъ сообщеніе, что Московская Академія Наукъ лишила Ипатьева званія „академика" за то что онъ, выѣхавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ командировку въ Америку, отказался возвратиться въ Совѣтскую Россію.

Лекціи по Физикѣ читалъ капитанъ **Введенскій**.

Изъ второстепенныхъ предметовъ преподавателями были: русскаго языка — талантливый профессоръ **Орловъ**, и законовѣдѣнія — **Чиколини**, обладавшій даромъ слова и говорившій нерѣдко съ пафосомъ. Нѣмецкій языкъ преподавалъ **Шмидтъ**, раздѣлившій юнкеровъ по знанію нѣмецкаго языка на 4 категоріи: умѣющихъ и желающихъ говорить по-нѣмецки, умѣющихъ и нежелающихъ, неумѣющихъ и желающихъ и неумѣющихъ и нежелающихъ. Онъ протестовалъ обычно противъ обращенія къ нему — „господинъ профессоръ", ибо онъ не профессоръ, а преподаватель, и подобное обращеніе напоминаетъ ему Петербургскихъ извощиковъ, которые всѣмъ говорятъ: „Ваше Сіятельство".

Священникомъ училищной церкви при мнѣ былъ о. **Гиляровскій**; это былъ глубокій старикъ и, какъ преподаватель Закона Божія, чрезвычайно добрый. Въ церковь юнкера должны были ходить на богослуженіе по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; по субботамъ же и наканунѣ праздниковъ посѣщеніе церкви было необязательно. Въ нашей церкви на богослуженіи присутствовали, кромѣ служащихъ въ Училищѣ и ихъ семействъ, и постороннія лица. Помню случай, когда одинъ почтенный старикъ — по виду купецъ — не постѣснялся сдѣлать замѣчаніе двумъ юнкерамъ, стоявшимъ вблизи него и разговаривавшимъ во время службы.

Классный корридоръ, увѣшанный портретами Высочайшихъ особъ, велъ въ фундаментальную библіотеку и лазаретъ. Въ мое время юнкера, которымъ неизбѣжный въ классахъ и камораxъ шумъ мѣшалъ готовиться по вечерамъ къ репетиціямъ, занимались въ библіотекѣ, гдѣ соблюдалась полная тишина.

Во главѣ лазарета стоялъ старшій врачъ **Николаевъ**; ему было тогда лѣтъ 50. Существовало мнѣніе — не знаю, насколько справедливое (я ни разу не былъ въ лазаретѣ), что онъ былъ неважный докторъ.

Въ случаѣ серьезнаго заболѣванія кого-либо изъ юнкеровъ приглашались на консультацію лучшіе спеціалисты. У моего одноклассника ю. **Орлова**, брата извѣстнаго профессора Академіи Генер. Штаба, была костоѣда двухъ реберъ, и когда ему сдѣлали операцію. Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ** справлялся объ исходѣ ея, и каждый день должны были докладывать *Его Высочеству* о состояніи его здоровья. Когда же Орловъ оправился послѣ операціи, и врачи находили желательнымъ для укрѣпленія здоровья провести ему мѣсяца 2-3 въ Крыму, онъ былъ отправленъ туда на счетъ Великаго Князя, а по окончаніи Училища былъ произведенъ въ 13 артил. бригаду, стоявшую въ Севастополѣ, на личную вакансію Генералъ-Фельдцейхмейстера.

Таково было чисто отеческое любовное отношеніе Августѣйшаго Шефа къ питомцамъ своего Училища!

Въ свободное отъ занятій время юнкера гуляли на училищномъ плацу — или по панели, идущей вдоль передняго фасада Училища, или по аллеѣ вдоль рѣшетки, отдѣлявшей училищный плацъ отъ набережной Невы.

Въ одинъ изъ осеннихъ дней перваго года пребыванія въ Училищѣ я съ моимъ другомъ, ю. К. Смирновымъ, ходили по слѣ обѣда по тротуару вдоль Училища и о чемъ-то горячо говорили. Вдругъ видимъ, — на встрѣчу намъ идетъ высокій генералъ въ артиллерійской формѣ. Мы сошли съ панели и стали „во фронтъ".

Камора младшаго класса („Бѣлыя одѣяла".) Альбомъ 1895 г.

Генералъ, подходя къ намъ, сказалъ: „здравствуйте, господа!" Мы машинально отвѣтили: „здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!" Генералъ остановился и спросилъ: *„развѣ вы меня не узнаёте?"* Намъ это показалось подозрительнымъ и, всмотрѣвшись въ него внимательно, мы отвѣтили: „такъ точно, Ваше Императорское Высочество! Сперва мы Васъ не узнали". Это былъ Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ**, посѣтившій свое Училище по пріѣздѣ съ юга, въ первый разъ при мнѣ. *„Вы, вѣроятно, въ этомъ году поступили въ училище? А почему тёперь узнали меня?"* — „По сходству съ портретомъ и по погонамъ (Фельдмаршальскіе знаки) Ваше Императорское Высочество!"

Затѣмъ Великій Князь, сопровождаемый нами позади, направился ко входу въ Училище, гдѣ встрѣченный начальствомъ, провелъ нѣкоторое время, обходя помѣщенія.

Юнкерамъ приказано было собраться въ Конференцъ-залѣ, украшенномъ портретами Императоровъ и другихъ Высочайшихъ Особъ Великій Князь, войдя затѣмъ въ залъ, поздоровался съ юнкерами и обошелъ по фронту, задавая нѣкоторымъ изъ нихъ вопросы.

Когда Великій Князь началъ спускаться по лѣстницѣ къ выходу, юнкера бросились за нимъ, въ швейцарской окружили его со всѣхъ сторонъ, выбѣжали на плацъ и съ громкими криками „ура" провожали Его Высочество далеко за ворота Училища.

Во время Великаго поста въ 1885 году **Государь Императоръ Александръ III** началъ посѣщать военныя училища, а потому и наше Училище готовилось, чтобы достойно встрѣтить своего Монарха. Въ одинъ изъ дней къ подъѣзду Училища подъѣхали сани запряженныя парой крупныхъ вороныхъ лошадей, подъ синей сѣткой, съ толстымъ кучеромъ, съ медалями на груди, и съ казакомъ на козлахъ. Это былъ **Государь Императоръ** съ **Императрицей Маріей Ѳеодоровной.** Это было первое посѣщеніе Имъ Артиллерійскаго Училища. При входѣ въ Училище **Ихъ Величествъ** встрѣтилъ рапортомъ Начальникъ Академіи и Училища, а вскорѣ прибылъ и Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ.**

Всѣхъ юнкеровъ собрали и построили въ Конференцъ Залѣ, а **Ихъ Величества,** пройдя черезъ помѣщенія Академіи и осмотрѣвъ артиллерійскій музей, прослѣдовали въ лазаретъ, гдѣ милостиво освѣдомлялись о состояніи здоровья больныхъ юнкеровъ а затѣмъ прибыли въ залъ. **Государь** поздоровался съ юнкерами. Послѣ громкаго отчетливаго отвѣта на привѣтствіе **Государя** залъ огласился громкимъ, могучимъ, долго несмолкавшимъ „Ура!" юнкеровъ пришедшихъ въ восторгъ, видя предъ собой своего **Вѣнценоснаго Вождя.**

Затѣмъ **Ихъ Величества** медленно прошли вдоль всего строя юнкеровъ и послѣ краткаго разговора съ Великимъ Княземъ и начальствомъ Училища направились къ выходу.

Изъ моего выпуска, кромѣ ю. **Ипатьева,** обращалъ на себя вниманіе ю. **Мамонтовъ** Владиміръ Петровичъ, впослѣдствіи фельдфебель Училища. Онъ былъ очень способный (я зналъ его еще по корпусу) и артиллеристъ до мозга костей; не понимаю почему онъ не поступилъ въ Артиллерійскую Академію. Я встрѣтился съ нимъ въ Виленскомъ военномъ округѣ, когда онъ былъ назначенъ к-ромъ 26 артиллерійской бригады, а я былъ к-ромъ 108 пѣх. Саратовскаго полка. Затѣмъ судьба насъ свела во время Великой Войны, весной 1916 года, когда мы оба, будучи нач-ми дивизій — онъ 60 й, а я — 5-й Сибирской стрѣлковой, рядомъ наступали со своими войсками на лѣвомъ берегу Зап. Двины, близъ Штокмансгофа, на позицію нѣмцевъ. По окончаніи операціи онъ нѣсколько разъ былъ у меня въ Штокмансгофѣ, пока моя дивизія не была передвинута къ Ригѣ.

Вскорѣ затѣмъ Мамонтовъ былъ назначенъ на должность Инспектора артиллеріи Особой арміи, гдѣ и погибъ отъ брошенной съ аэроплана непріятельской бомбы.

Особенно близокъ мнѣ былъ ю. Константинъ **Смирновъ**, изъ кадетъ Воронежскаго корпуса. Онъ обладалъ большими способностями и вообще былъ незаурядный человѣкъ. Въ Училищѣ шелъ успѣшно, былъ хорошъ и по строю и отлично и смѣло ѣздилъ верхомъ. Училище окончилъ въ первомъ десяткѣ. Вакансіи намъ были присланы очень неважныя — въ смыслѣ стоянокъ; такъ изъ губернскихъ городовъ былъ только Кіевъ, да и то крѣпостная артиллерія, въ которую шли неохотно. До Смирнова дошла вакансія въ конную батарею, куда онъ и записался. Но затѣмъ, не желая разставаться со мной, отказался отъ нея и вышелъ въ 11 артил. бригаду.

Я привезъ съ собой программу Артиллерійской Академіи и думалъ идти по артиллерійской дорогѣ, а онъ мечталъ о Генеральномъ Штабѣ. Прошло два года, и тутъ ужъ я отказался отъ прежняго намѣренія. Оба мы стали зимой третьяго года готовиться въ Академію Ген Штаба, хорошо выдержали предварительный экзаменъ въ штабѣ Кіевскаго военнаго округа, возвратившись въ Ровно, ликвидировали все свое имущество, до сѣделъ включительно, и отправились въ Петербургъ. Оба очень хорошо справились съ экзаменами въ Академію (мы-же были Михайловцы!) и опять поселились вмѣстѣ.

Успѣшно прошли младшій классъ, а въ старшемъ классѣ, въ концѣ учебнаго года, Смирновъ началъ чаще посѣщать лекціи въ Военно-Медицинской Академіи, чѣмъ въ нашей. Затѣмъ рѣшеніе его созрѣло: онъ оставилъ Академію Генеральнаго Штаба, въ теченіе одного года основательно изучилъ древніе языки, отлично выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета.

Здѣсь онъ выдѣлялся своими способностями, составлялъ для печати записки по нѣсколькимъ отдѣламъ медицинскихъ наукъ и блестяще сдалъ государственный экзаменъ. Профессорскій составъ возлагалъ на него большія надежды, и конференція рѣшила оставить его при Университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности. Однако, будучи отъ природы идеалистомъ и желая приносить непосредственную пользу страждущему человѣчеству, онъ отказался отъ столь лестнаго предложенія и принялъ должность земскаго врача въ Московскомъ земствѣ. Но судьба была къ нему жестока: во время эпидеміи онъ заразился тифомъ и скончался въ 1910 году, въ расцвѣтѣ лѣтъ.

Обращалъ на себя вниманіе ю. **Бѣляевъ** Сергѣй Тимофеевичъ, происходившій изъ артиллерійской семьи. Онъ обладалъ хорошими способностями, но и много работалъ. Окончилъ Училище, если не ошибаюсь, первымъ и взялъ вакансію во 2 Гвардейскую арт. бригаду. Въ училищѣ отличался способностью очень быстро говорить. Изъ него выработался — по словамъ моего сына, также Михайловца — отличный лекторъ. Бѣляевъ отлично окончилъ Артиллерійскую Академію и былъ записанъ, какъ и за окончаніе Училища, на мраморную доску. Былъ к-ромъ батареи Константиновскаго арт. училища; дальнѣйшей его судьбы не знаю.

Вспоминается еще ю. **Постниковъ**, кадетъ Псковскаго корпуса, крѣпкаго тѣлосложенія и вообще физически очень здоровый. Уже въ Училищѣ отличался оригинальностью: гулялъ всегда, даже въ сильные морозы безъ пальто[1]); то отказывался на нѣкоторое время отъ сладкаго блюда; то сажалъ себя на хлѣбъ и квасъ и, съ разрѣшенія начальства, во время обѣда гулялъ на плацу, проходя подъ окнами столовой и т. п. Шелъ въ Училищѣ хорошо; былъ кореннымъ ѣздовымъ.

Будучи совершенно неспособенъ къ танцамъ, ревностно въ нихъ упражнялся, имѣя въ виду требованіе начальства. Особенно не давалась ему мазурка, которую онъ танцевалъ, какъ говорили юнкера — „по раздѣленіямъ". Тѣмъ не менѣе онъ, какъ добросовѣстный юнкеръ, выступалъ въ танцахъ и на извѣстныхъ училищныхъ вечерахъ и притомъ въ казенныхъ сапогахъ (онъ былъ единственный въ классѣ, который отступалъ отъ установившейся „традиціи" — имѣть лакированные сапоги). Въ появившейся въ „Новомъ Времени" послѣ одного изъ вечеровъ замѣткѣ-отчетѣ Прокофьева было посвящено нѣсколько лестныхъ строкъ умѣнію юнкеровъ легко танцевать, не смотря на свои „смазные сапоги". Это добавленіе — по общему мнѣнію — относилось исключительно къ Постникову и неправильно было обобщено. Постникову же юнкера заявили, что онъ насъ „подвелъ".

Одновременно со мной П. поступилъ въ Академію Ген. Штаба, преуспѣвалъ тамъ въ наукахъ и также оригинальничалъ: всегда ходилъ въ одномъ сюртукѣ[2]) и только лѣтомъ одѣвалъ пальто; въ свободное время совершалъ „походныя движенія" въ окрестности, а по сдачѣ послѣдней „темы" дополнительнаго курса Академіи, былъ прикомандированъ, по его ходатайству, къ Л.-гв. Павловскому полку — для „изученія караульной службы".

Изъ Академіи былъ выпущенъ по I разряду. съ производствомъ въ шт.-капитаны и съ переводомъ въ гвардейскія батареи, 3 гв. и гренад. арт. бригады, безъ права службы въ Ген. Штабѣ.

Вызвался для участія въ походѣ противъ Китая и, будучи к-ромъ батареи, убитъ въ бою.

Полъ-вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ стѣны дорогого для всѣхъ Михайловцевъ Училища. Очень многое изъ давно прошедшаго естественно позабылось, но многое и до сихъ поръ еще свѣжо въ воспоминаніяхъ юныхъ лѣтъ. Благодарная же память къ Училищу, гдѣ начальство имѣло правильный взглядъ на воспитаніе юношества, не подавляло личности и умѣло оказывать довѣріе молодежи. гдѣ не было гнета, гдѣ не чувствовалось никакихъ обидъ, гдѣ такъ хорошо и безмятежно жилось, — останется до конца жизни

---

[1]) У насъ былъ и ю. **Посниковъ** и для отличія его отъ Постникова говорили: одинъ безъ „т", а другой — „безъ пальто".

[2]) Однажды зимой Великій Князь Владиміръ Александровичъ, встрѣтивъ его на набережной Невы, заинтересовался имъ, остановилъ и опросилъ и даже осмотрѣлъ, желая убѣдиться, не подѣто-ли что-либо теплое подъ сюртукомъ.

Ник. Мих. Храбровъ
ген.-маіоръ. вып. Уч. 1889 г.,
Акад. — 1894 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ СЕРГІИ МИХАИЛОВИЧѢ.

Великій Князь считался нашимъ товарищемъ по выпуску 1889 г., такъ какъ въ сезонѣ 1888—1889 г. Онъ вмѣстѣ съ нами заканчивалъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ свое строевое образованіе и, поздравляя каждаго изъ насъ съ производствомъ у Царскаго Валика, Онъ каждому вручилъ свой портретъ съ собственноручною подписью.

Собственно общеніе съ юнкерами у Великаго Князя было небольшое. Въ зимній сезонъ разъ въ недѣлю, въ сопровожденіи своего воспитателя ген. Гельмерсена, Онъ пріѣзжалъ въ училище для орудійнаго ученія, подъ руководствомъ командира батареи В. Т. Чернявскаго. Для этихъ занятій былъ выдѣленъ постоянный составъ номеровъ и ѣздовыхъ на одно орудіе, и занятія происходили совершенно отдѣльно отъ строевыхъ занятій остальныхъ юнкеровъ. Каждымъ членомъ этого орудійнаго состава были затѣмъ получены отъ Великаго Князя на память часы съ его вензелемъ.

Во время лагернаго сбора Великій Князь жилъ со своимъ воспитателемъ въ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ, столуясь вмѣстѣ съ офицерами училища. Во всѣхъ батарейныхъ ученіяхъ Онъ исполнялъ обязанности орудійнаго фейерверкера. Съ юнкерами обмѣнивался краткими замѣчаніями въ промежуткахъ строевыхъ занятій и во время исполненія обязанности начальника караула. Лично мнѣ не пришлось обмѣняться съ Нимъ ни однимъ словомъ, и о пребываніи Вел. Князя въ Училищѣ остались только отрывочныя воспоминанія. Вспоминается, напримѣръ, какъ во время ученій командиръ батареи, дѣлая Вел. Князю замѣчанія или указанія, никогда не называлъ Его по имени или титулу, а адрессовалъ ихъ фейерверкеру такого-то орудія, или какъ Вел. Князь, будучи начальникомъ караула, по принятому въ Училищѣ обычаю, угощалъ караулъ и приносилъ въ караульную палатку пирожныя.

Особенно запомнилось одно изъ Его караульныхъ дежурствъ, при которомъ смѣна караула пришлась въ Субботу. Утромъ при появленіи командира батареи, при вызовѣ *„дежурныхъ Артиллерійскаго Училища на линію“*, Вел. Князь отдавалъ ему честь, какъ начальникъ караула, а черезъ часъ, когда Великій Князь, переодѣвшись въ офицерскую форму, проѣзжалъ черезъ переднюю линейку, отправляясь въ воскресный отпускъ, при вызовѣ *„всѣхъ на линію“*, командиръ батареи со всѣми офицерами выходили „на линію“ для отданія чести Ему, какъ Вел. Князю.

Помню еще стрѣльбу, которую велъ Вел. Князь. На ней Онъ демонстрировалъ изобрѣтенный Имъ и построенный по его указаніямъ приборъ для записи наблюденій при стрѣльбѣ. Это былъ маленькій приборчикъ, напоминающій счетную машинку, помѣщающійся въ одной рукѣ; при стрѣльбѣ, вмѣсто того, чтобы карандашемъ на бумагѣ отмѣчать знаки перелетовъ и недолетовъ, требовалось нажать соотвѣтствующую кнопку на приборѣ и на выходящей лентѣ отпечатывались противъ очереднаго номера знаки + или — .

Е. И. В. Великій Князь Сергій Михаиловичъ,
въ 1900, полковникомъ Гвард.-Конной артиллеріи.

Но, если туманны мои юнкерскія воспоминанія, то ярко на всю жизнь остались въ памяти двѣ послѣдующія встрѣчи съ Вел. Княземъ, связанныя съ моей ранней женитьбой въ Академіи, состоявшейся не только по вынужденному разрѣшенію и противъ воли Начальника Академіи, но и не вполнѣ отвѣчающей требованіямъ закона.

Начальникъ Академіи ген. Демяненковъ былъ принципіальнымъ противникомъ женитьбы офицеровъ, обучающихся въ Академіи. „*Офицеры пріѣзжаютъ въ академію учиться, а не жениться*“, любилъ повторять онъ; „*и пока Вы въ Академіи, я Вамъ жениться не позволю*“, — было его первоначальнымъ отвѣтомъ всѣмъ, подающимъ рапорты о разрѣшеніи вступить въ бракъ. Нынѣ трудно не согласиться съ правильностью этого взгляда, но тогда молодость, да еще окрыленная любовью, разсуждала иначе.

Подобный же отвѣтъ на свой рапортъ въ началѣ девяностыхъ годовъ получилъ и З., сотникъ Донской казачьей артиллеріи.

З. былъ обезкураженъ и, посовѣтовавшись со своими товарищами, написалъ на имя Генералъ-Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Николаевича докладную записку, примѣрно такого содержанія: на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона я, какъ достигшій 23-хъ лѣтняго возраста, имѣю право вступить въ законный бракъ; всѣ предъявляемыя закономъ требованія мною выполнены, предложеніе невѣстѣ сдѣлано и согласіе получено, время свадьбы намѣчено, а между тѣмъ Начальникомъ Академіи, безъ указанія какихъ-либо законныхъ причинъ, въ разрѣшеніи вступить мнѣ въ бракъ рѣшительно отказано; а потому я прошу Ваше Императорское Высочество войти въ мое положеніе, въ которое я поставленъ этимъ отказомъ передъ лицомъ своей невѣсты и ея родителей. По обязанности службы докладная записка была подана черезъ Начальника Академіи. Послѣдній снова вызвалъ З. и, разрывая передъ нимъ докладную записку, дважды повторилъ: *„я съ вами вполнѣ согласенъ, вполнѣ согласенъ“*.

Съ тѣхъ поръ, не заявляя сразу своего отказа, онъ, путемъ наведенія всевозможныхъ формальныхъ справокъ, старался задержать выдачу разрѣшенія насколько возможно. Такъ, напримѣръ, пор. С. пріѣхалъ въ Академію изъ Туркестана уже женатымъ законнымъ церковнымъ бракомъ, но неоформленнымъ въ служебномъ отношеніи. Дважды, находясь въ академіи, онъ подавалъ рапортъ о разрѣшеніи вступить въ бракъ, представляя въ видѣ требуемаго реверса удостовѣренія о владѣніи имъ земельными участками въ Туркестанѣ (какъ извѣстно, офицерамъ разрѣшалось вступать въ бракъ не ранѣе 23 лѣтъ, при чемъ до достиженія 28-лѣтняго возраста требовалось представленіе реверса въ видѣ капитала или имущества, приносящихъ не менѣе 250 р. въ годъ), но оба раза, послѣ длительнаго наведенія справокъ о доходности земель въ Туркестанѣ, на эти рапорты былъ полученъ отказъ.

У меня лично, когда я дѣлалъ предложеніе, имѣлось собственныхъ только 3 000. Остальную сумму обѣщалъ устроить одинъ изъ моихъ старшихъ сослуживцевъ, но когда подошло время, то у него самого встрѣтились затрудненія. Тщетно пытался я тѣмъ или другимъ способомъ найти недостающія 2 тысячи. Отъ родителей невѣсты я также не могъ ожидать помощи, т. к. не сочувствуя выходу своей дочери за молодого неимущаго офи, цера, они были бы только рады возникшему затрудненію. Въ отчаяніи, я вспомнилъ о товарищѣ, Вел. Князѣ, и рѣшился обратиться за помощью къ Нему. Мнѣ тогда не было еще и 23 лѣтъ Великому Князю еще меньше.

Подавъ докладную записку о нездоровьи, я отправился во дворецъ Вел. Князя. Подробно разсказалъ Ему о создавшемся положеніи и попросилъ одолжить мнѣ на пять лѣтъ процентныхъ бумагъ на 2.000 руб. Вел. Князь безъ малѣйшаго колебанія откликнулся на мою просьбу, но прибавилъ: *„Вы знаете, Я не могу еще вполнѣ свободно распоряжаться своими деньгами безъ разрѣшенія своего попечителя. Пройдите къ ген. Гельмерсену и передайте ему, что Я очень бы хотѣлъ исполнить Вашу просьбу“*. Я поблагодарилъ и, прощаясь, попросилъ никому не говорить о

своемъ обращеніи къ Нему, какъ нарушающемъ требованія воинскаго устава. „*Почему?*“ — возразилъ Вел. Князь. — „*Вы обращаетесь ко Мнѣ не какъ къ Великому Князю, а какъ къ своему товарищу, а на это Вы всегда имѣете право*“. „Спасибо; но это Ваше мнѣніе, а Начальникъ Академіи отнесется къ этому иначе“ — отвѣтилъ я. „*Ну, хорошо, обѣщаю*“.

Ген. Гельмерсенъ отнесся къ моей просьбѣ болѣе серьезно. „Въ неудобное положеніе Вы ставите Великаго Князя своей просьбой“, — замѣтилъ онъ; „конечно, у Великаго Князя денегъ достаточно, и вопросъ не въ суммѣ. Если бы Вы просили подарить Вамъ эти деньги, это легко можно было бы устроить, но чтобы Вел. Князь давалъ деньги взаймы, — это неловко“. На это я отвѣтилъ, что съ просьбой о подаркѣ я никогда не рѣшился бы обратиться и что я именно прошу временно одолжить мнѣ процентныхъ бумагъ на 2.000, которыя черезъ 5 лѣтъ верну въ полной неприкосновенности. „Я переговорю еще съ Великимъ Княземъ лично и вечеромъ сообщу Вамъ отвѣтъ“ — закончилъ генералъ.

Смущенный этимъ разговоромъ, я забылъ попросить его не говорить никому о моемъ обращеніи къ Великому Князю, а между тѣмъ, выходя, я у дверей столкнулся съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Академіи полк. Головинымъ, пришедшимъ по дѣламъ домашняго оркестра Вел. Князя, въ которомъ и самъ Вел. Князь и ген. Гельмерсенъ и полк. Головинъ принимали дѣятельное участіе.

Вечеромъ того-же дня я получилъ съ нарочнымъ записку отъ ген. Гельмерсена съ радостнымъ увѣдомленіемъ, что препятствій къ удовлетворенію моей просьбы не встрѣчается; а слѣдующимъ утромъ, по приходѣ въ Академію, я былъ встрѣченъ еще въ дверяхъ вестибюля дежурнымъ штабъ-офицеромъ полк. Барановскимъ, очевидно поджидавшимъ меня, заявленіемъ: „ну, батенька, заварили кашу; пожалуйте къ Начальнику Академіи“.

Начальникъ Академіи уже ожидалъ меня въ своемъ кабинетѣ. Я стоялъ въ углу, а онъ, ходя по комнатѣ взадъ и впередъ и нервно пожимая плечами, читалъ мнѣ нотацію. „*Подумали ли Вы, что Вы дѣлаете? — Вы Вел. Князя заставляете совершить служебный подлогъ... ну да, подлогъ, какъ это иначе назвать: Государемъ Императоромъ изданы опредѣленные законы, а Вы заставляете двоюроднаго брата Государя, въ обходъ этихъ законовъ, вмѣсто себя внести деньги, которыя Вы должны имѣть сами...*“

Долго онъ говорилъ, а я не столько вслушивался въ его слова, сколько старался предусмотрѣть, чѣмъ можетъ закончиться вся эта исторія. Наконецъ, не выдержавъ и воспользовавшись паузой, спросилъ, получу ли я разрѣшеніе на женитьбу. Тутъ не выдержалъ и Начальникъ Академіи и, внезапно остановившись, почти крикнулъ: „*Да что-же я могу сдѣлать, разъ Великій Князь изъявилъ свое согласіе!*“ Полковникъ Барановскій снова поджидалъ меня при выходѣ отъ начальника. „Ну что?“ — спросилъ онъ. „Получилъ разрѣшеніе, и въ январѣ свадьба“ — отвѣчалъ я. „Ну, батенька, если Вы услышите, что кто-нибудь еще задумаетъ такую штуку, отговорите его: — Вамъ сошло такъ, а въ другой разъ кончится иначе“.

Прошло 5 лѣтъ. Мнѣ, находясь въ провинціи, пришлось взять спеціальный отпускъ, чтобы съѣздить въ Петербургъ, возвратить свой долгъ, поблагодарить еще разъ Вел. Князя и ген. Гельмерсена за оказаніе помощи и извиниться за свой легкомысленный поступокъ, поставившій ихъ въ неловкое положеніе, указавъ

Чертежная Академіи. Альбомъ 1895 г.

вмѣстѣ съ тѣмъ, что благодаря ихъ помощи создалась, дѣйствительно, счастливая, а по общему отзыву всѣхъ знакомыхъ, даже образцовая семья. Ген. Гельмерсенъ, выслушавъ мое извиненіе, добродушно замѣтилъ, улыбаясь: „молодость... любовь". Вел. Князь выразилъ све удовольствіе, что могъ оказать товарищескую услугу и замѣтилъ, что, если и въ будущемъ я буду нуждаться въ Его содѣйствіи, то Онъ съ удовольствіемъ окажетъ его.

Больше я съ Нимъ не встрѣчался, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ молчаливыхъ поклоновъ въ стѣнахъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Вспоминая прошлое и свое отношеніе къ занятіямъ въ Академіи до и послѣ свадьбы, невольно приходится согласиться съ ген. Демяненковымъ, что Академія и женитьба трудно совмѣстимы. Врядъ-ли Академія мнѣ дала и половину того, что она могла бы дать при другихъ условіяхъ, и что я обязанъ былъ возвратить Россіи за предоставленное образованіе. Но судьба и событія въ Россіи сложились такъ, что все-равно всѣ пріобрѣтенія, каковыя я могъ бы получить въ Академіи, не могли бы быть полностью использованы до конца, а глубокое семейное счастье, пріобрѣтенное благодаря оказанному содѣйствію Вел. Князя, сохранится со мной до конца жизни.

Влад. Павл. Никольскій
ген. шт. ген.-маіоръ, вып. 1893 г.

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ.

(1890—93 гг.).

Какъ теперь помню я сѣрый день 28 августа 1890 года, когда огромный мрачный вокзалъ Николаевской жел. дороги на Знаменской площади въ Петербургѣ негостепріимно, какъ казалось тогда намъ, принялъ насъ, дальнихъ и глубокихъ провинціаловъ, — кадетъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса.

В. П. Никольскій
(1919 г.— ген. штаба ген.-маіоръ).

Все казалось намъ неуютнымъ, какимъ-то бездушнымъ...

Привезшій насъ воспитатель подполк. Ф. Е. Грибель отдѣлилъ **М. В. Ханжина** и *меня* отъ остальныхъ Неплюевцевъ, далъ намъ денегъ на извощика и препроводительную бумагу и велѣлъ ѣхать на Выборгскую сторону, въ *Михайловское Артиллерійское Училище*.

Дологъ показался намъ путь; все насъ подавляло; мы изрѣдка обмѣнивались другъ съ другомъ короткими замѣчаніями, и только, когда подъѣхали къ Литейному мосту, необъятная ширь мощной Невы поразила и восхитила насъ; мы увидѣли на другомъ берегу рѣки красивое и привѣтливое зданіе за рѣшеткой и были удивлены, когда извощикъ подвезъ насъ именно къ этому зданію.

И дальше все продолжало насъ поражать: вестибюль, гдѣ насъ встрѣтилъ веселый рыжій швейцаръ **Русиновъ**, хорошая лѣстница, вѣжливое обращеніе встрѣченнаго нами юнкера и привѣтливая встрѣча дежурнаго офицера гв. поручика Роберта Карло-

вича **Лютера**, который сталъ, какъ я позже узналъ, моимъ курсовымъ офицеромъ.

Училище было еще пусто — юнкера находились въ отпуску, кадеты только-только стали съѣзжаться; отсутствовалъ и командиръ батареи гв. полковникъ **В. Т. Чернявскій**, его замѣщалъ крикливый капитанъ **Фриде**.

Мы, Неплюевцы, привыкшіе къ спартанскому и, пожалуй, очень скромному режиму въ Оренбургѣ, были поражены роскошью Михайловскаго Училища. Уже позже мы узнали, что всему этому Училище было обязано величественному, на видъ недоступному Начальнику Академіи и Училища генералъ-лейтенанту Николаю Афанасьевичу **Демяненкову**.

И, дѣйствительно, ни одно изъ военно-учебныхъ заведеній въ мое время не было обставлено такимъ комфортомъ, я бы даже сказалъ, роскошью, какъ *Михайловское Училище*.

Генералъ **Демяненковъ**, гордый тѣмъ, что онъ стоитъ во главѣ *Михайловскихъ Академіи и Училища*, только и жилъ ихъ интересами; онъ стремился обставить Училище всѣми способствовавшими развитію культурныхъ потребностей юнкеровъ удобствами; этимъ, я думаю, между прочимъ, объяснялось широкое поощреніе юнкеровъ къ посѣщенію Императорскихъ театровъ, что привило любовь къ театру многимъ изъ насъ на всю жизнь. Стѣны Училища были обвѣшены масляными картинами и портретами (особенно хорошъ былъ портретъ Дмитрія Донского — праотца Русской Артиллеріи), работы Айвазовскаго и другихъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ; рѣдкія гравюры, преимущественно изъ Франко-Прусской кампаніи, украшали классный коридоръ, но особенно роскошными показались намъ кровати съ удобными пружинными матрацами, превосходными сафьяновыми сомье и подушками.

Въ своихъ заботахъ объ юнкерахъ генералъ Демяненковъ всегда принималъ во вниманіе и наши вкусы; наружно держалъ онъ себя очень далеко отъ юнкеровъ, въ дѣйствительности же интересовался всѣми подробностями нашей жизни.

Вспоминается мнѣ такой случай въ началѣ моего пребыванія въ Училищѣ. Кормили насъ хорошо. По крайней мѣрѣ мы, кадеты отдаленныхъ и суровыхъ корпусовъ, были очень довольны и легко мирились съ порціями не столь огромными, какъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ брали не качествомъ, а количествомъ; однако, среди насъ оказался недовольный скромными, по его мнѣнію, размѣрами порцій, и вотъ этотъ недовольный написалъ Начальнику Училища анонимку; насколько помню, въ ней было указано, что завѣдующій довольствіемъ шт.-капитанъ Э. Х. Аліевъ не смотритъ совсѣмъ за нашимъ питаніемъ, а больше играетъ на корнетѣ (корнетистъ онъ былъ выдающійся и участвовалъ въ оркестрѣ Вел. Князя Сергія Михайловича) и совсѣмъ не замѣчаетъ, какъ насъ обкрадываетъ артельщикъ Кузьминъ (изъ нижнихъ чиновъ). Анонимка заканчивалась приблизительно такими словами: „Не дайте, Ваше Превосходительство, погибнуть отъ голода будущимъ защитникамъ Царя и Отечества!“

И вотъ, когда по обычаю мы стали сходиться на обѣдъ въ Сборный великолѣпный нашъ залъ, мы тамъ застали уже Началь-

ника Училища, медленно расхаживающаго по залу съ заложенными назадъ руками. Пришелъ и командиръ батареи полковникъ В. Т. Чернявскій, остановившись по обыкновенію у входныхъ дверей.

Поздоровавшись съ нами, генералъ Демяненковъ развернулъ анонимку и медленно прочелъ ее, послѣ чего сказалъ: *„Тотъ, кто написалъ это письмо, пусть выйдетъ впередъ!“* Никто не вышелъ. Генералъ прошелся по залу и повторилъ свое приказаніе. Опять никто не вышелъ. Помолчавъ немного и продолжая прогуливаться по залу, Генералъ произнесъ: *„Тотъ, кто это сдѣлалъ, не хорошо поступилъ!“* Опять пройдясь, онъ продолжалъ: *„Тотъ, кто это сдѣлалъ, поступилъ гадко!“* И, наконецъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ Генералъ закончилъ: *„Тотъ, кто это сдѣлалъ, поступилъ подло!“*. Затѣмъ, успокоившись, онъ продолжалъ: *„Но, чтобы не было нареканій, я приказалъ командиру батареи съ слѣдующей недѣли кормить Васъ по раскладкамъ Павловскаго, Константиновскаго, Николаевскаго Инженернаго и Кавалерійскаго училищъ, а также и Пажескаго корпуса, по-очередно, а затѣмъ вы мнѣ скажете, какая раскладка больше всего вамъ понравилась, та и будетъ принята для Училища“*

Этотъ случай произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе; насъ поразило такое рыцарское отношеніе Начальника Училища даже къ анонимкѣ, затрагивающей честь Училища.

Началось кормленіе по чужимъ раскладкамъ: Павловская раскладка была обильна, но тяжела, Константиновская — полегче, но напоминала корпусъ; по срединѣ Инженерной раскладки мы обратились къ командиру батареи съ просьбой возстановить нашу раскладку, ибо мы поняли, что на наше довольствіе тратилось больше, нежели въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Помню, съ какимъ достоинствомъ принималъ генералъ Демяненковъ посѣщавшихъ Училище высокопоставленныхъ лицъ; такъ, во время моего дежурства посѣтилъ Училище, всесильный тогда военный министръ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій; пріѣздъ его былъ неожиданный; повидимому, онъ сначала проѣхалъ къ Начальнику Училища на квартиру и оттуда уже вмѣстѣ съ ген. Демяненковымъ сталъ обходить наши помѣщенія; меня поразила та мягкость, съ которой этотъ грозный министръ обращался къ нашему Начальнику Училища.

Самымъ яркимъ пятномъ, конечно, осталось посѣщеніе Училища въ посту 1893 года Государемъ Императоромъ **Александромъ III** съ Супругою Императрицей **Маріей Феодоровной**.

Мнѣ посчастливилось отбить легкую какъ пухъ, черной лисицы, ротонду Императрицы и подать Ей, за что ея Величество пожаловала мнѣ ручку. Стоя вблизи Царской Фамиліи, я слышалъ, какъ Государь, съ ласковой улыбкой, называя Начальника Училища по имени и отчеству, сказалъ ему, что Онъ остался доволенъ посѣщеніемъ. Вынувъ изъ кармана серебряный массивный портсигаръ, Государь предложилъ папиросу пріѣхавшему уже послѣ него въ Училище Великому Князю **Михаилу Николаевичу**, самъ закурилъ и, обращаясь къ Великому Князю, сказалъ: *„Дядя Миша,*

пріѣзжай сегодня вечеромъ къ намъ въ Аничковъ дворецъ!“ Мнѣ на всю жизнь запала эта картина: мощный Царь, съ папироской въ рукахъ, среди моря волнующихся, восторженныхъ Михайловцевъ, на которыхъ Онъ смотрѣлъ ласково и добродушно; грацiозная фигурка обаятельной Царицы рядомъ съ сановитымъ Великимъ Княземъ — не говорило-ли все это о глубокомъ, связанномъ невидимыми нитями, единеніи Царскаго Дома съ будущимъ офицерствомъ.

Въ то время, какъ генералъ Н. А. Демяненковъ былъ какъ-бы зеркаломъ Училища, душой его въ мое время являлся командиръ батареи, Гв. подъесаулъ Василій Тимофеевичъ **Чернявскій**.

Ген. отъ артил. Мих. Вас. **Ханжинъ** кавалеръ орд. Св. Георгія 3-й и 4-й степ.), выпуска Уч. — 1893 г. Акад. — 1899 г.

Прямой, подъ часъ рѣзкій въ обращеніи, опредѣленный вдумчивый, на слова не тароватый, онъ отличался большимъ благородствомъ, рѣшительностью, независимостью и былъ авторитетомъ для юнкеровъ. Мало смотря по сторонамъ, а больше въ землю, онъ видѣлъ и замѣчалъ все; у него не было любимчиковъ — всѣ юнкера для него были одинаковы; на стрѣльбѣ и особенно на конныхъ ученіяхъ онъ былъ горячъ и никому спуску не давалъ — случалось, что мой лихой курсовой офицеръ капитанъ **Э. Х. Аліевъ** уѣзжалъ съ поля ученія, разобиженный какимъ-либо рѣзкимъ замѣчаніемъ; попадало не мало и поручику Лютеру *).

Вспоминаю и о непріятномъ случаѣ со мной. Я былъ уносным фейерверкеромъ сначала 7-го орудія (на среднемъ курсѣ), а затѣмъ 2-го. Во время одного изъ конныхъ ученій, когда наша батарея подготавливалась къ царскому смотру, я не соблюлъ интервала между орудіями. Ко мнѣ подлетѣлъ В. Т. и, грозя шашкой, закричалъ во весь голосъ: „Ты, (въ пылу строевыхъ занятій В. Т. обыкновенно ко всѣмъ обращался на „ты“) что смотришь? Экая, думаешь, цаца! Тянетъ носокъ и думаетъ, что дѣло дѣлаетъ! Ты у меня сиди хоть вороной, но интервалъ держи!“ Урокъ для меня былъ хорошій, но отношеніе В. Т. ничуть не измѣнилось.

*) При моемъ поступленіи училищными офицерами были: на старшемъ курсѣ — капитанъ **Вахарловскій** и Гв. поручикъ **Похвистневъ**, на среднемъ — капитанъ **Фриде** и Гв. поручикъ **Зворыкинъ**, на младшемъ — Гв. штабсъ-капитанъ **Эрисъ Ханъ Аліевъ** и Гв. поручикъ **Лютеръ**.

Въ другой разъ, это было тоже на среднемъ курсѣ, по установившемуся обычаю, мы, если верховая ѣзда производилась послѣ обѣда, обыкновенно, по окончаніи ея, не переодѣвали синихъ рейтузъ, оставаясь въ нихъ и на вечернюю перекличку. Однажды, во время дежурства моего курсового офицера, кроткаго поручика Р. К. Лютера, относившагося ко мнѣ всегда особенно хорошо, я остался послѣ ѣзды въ рейтузахъ. Былъ-ли Р. К. Лютеръ, обыкновенно деликатный въ обращеніи съ нами, чѣмъ-либо выведенъ изъ хорошаго расположенія духа или рѣшилъ провести какую-либо новую мѣру, но только, обходя спальни и замѣтивъ на мнѣ синія рейтузы, онъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе; я его оставилъ безъ исполненія и продолжалъ готовиться къ репетиціи, сидя за своимъ шкафчикомъ; не прошло и часу, какъ поручикъ Лютеръ опять пришелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ вновь то же замѣчаніе, послѣ того я, не переодѣваясь, ушелъ заниматься въ классъ; однако, вскорѣ туда-же заглянулъ поручикъ Лютеръ и, не сказавъ ни слова, ушелъ. Я понялъ, что надо мной собирается гроза. Прошло нѣсколько дней. Я дежурилъ у классныхъ дверей, ожидая прихода профессора. Въ это время въ классномъ корридорѣ, со стороны библіотеки, показался В. Т. Чернявскій и окликнулъ меня. Я подошелъ. Взглянувъ мнѣ прямо въ глаза внимательно, В. Т. задалъ вопросъ: *„Ты что это? Очумѣлъ что ли?* Я молчалъ. В. Т. обратился ко мнѣ опять: *„Объясни мнѣ, чѣмъ ты руководствовался, продѣлавъ все это?* Послѣ нѣкоторой запинки, я сказалъ, что вспылилъ. *„Да какъ ты смѣлъ это дѣлать? Понимаешь ли ты всю глупость того, что натворилъ?“* Я стоялъ, какъ приговоренный; В. Т. опять заглянулъ мнѣ глубоко въ глаза и, смягчившись, сказалъ: *„Ступай и никогда больше не дѣлай!“* Такъ былъ ликвидированъ мой поступокъ, могшій для меня имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Въ лагеряхъ на Дудергофскомъ озерѣ мы себя чувствовали особенно хорошо и вольготно, мы больше шалили, рѣзвились, устраивая другъ другу мелкія пакости (провалы въ кроватяхъ и т. п.), какъ-то рѣже сталкивались съ нашими офицерами, проводившими свое свободное время либо въ офицерскомъ собраніи, либо на дачахъ своихъ семей; сходились всѣ вмѣстѣ обычно на вечернихъ перекличкахъ, на которыхъ часто присутствовалъ и командиръ батареи.

Обыкновенно, вскорѣ по прибытіи въ лагерь, мы обзаводились цѣлой кучей собакъ, преимущественно изъ породы дворняшекъ; эти веселые псы, хорошо кормившіеся отъ крохъ нашего стола, принимали большое участіе въ нашей лагерной жизни; они носили характерныя имена: Шнапсъ, Мочала и т. п. и особенно любили присутствовать на вечерней перекличкѣ, устраиваясь впереди линейки и подвывая трубачу, исполнявшему вечернюю зорю.

На вечернюю перекличку и зорю юнкера должны были выходить въ шинеляхъ, надѣтыхъ на гимнастерки. По лагерному сбору было отдано распоряженіе о томъ, чтобы на вечернюю перекличку выходили обязательно съ поддѣтыми поверхъ гимнастерокъ галстуками. Юнкера никакъ не могли примириться съ такимъ, по ихъ понятіямъ, мало осмысленнымъ распоряженіемъ; имъ каза-

лось дикимъ надѣвать еще какіе-то хомуты; началась галстучная борьба; вѣнцомъ этой борьбы явилось появленіе на одну изъ перекличекъ нашихъ собакъ въ особыхъ галстукахъ: Шнапсъ важно

„Разрѣшите заложить Аналитику". (Альбомъ 1909 г.).
Полк. Гродскій, ю. Бѣлогрудовъ, ю. Поляковъ.

шествовалъ съ громаднымъ зеленымъ, суетливая Мочала была украшена нѣжно-розовымъ, слѣдующая была облечена въ бѣлый, затѣмъ въ сѣрый По всей передней линейкѣ поднялся веселый хохотъ; одинъ только командиръ батареи стоялъ флегматично. Когда фронтъ поуспокоился, раздался спокойный и громкій голосъ

В. Т. Чернявскаго: „Фриде, повѣсить всѣхъ собакъ!“. Мы такъ и обомлѣли, отлично сознавая, что приказаніе будетъ приведено быстро въ исполненіе. По окончаніи зори начались лихорадочныя обсужденія создавшагося положенія; рѣшено было послать къ командиру батареи особую депутацію съ извиненіемъ; депутація понуро направилась къ офицерскому собранію, гдѣ въ это время происходилъ ужинъ; попросили доложить о насъ командиру батареи; вышелъ В. Т. Чернявскій, хорошенько выбранилъ юнкеровъ, отмѣнилъ свое распоряженіе, а мы съ тѣхъ поръ примирились съ галстуками. .

Много лѣтъ спустя, когда, въ 1920 году, въ Севастополѣ я исполнялъ обязанности Начальника Военнаго Управленія арміи генерала Врангеля, однажды я поѣхалъ на Сѣверную сторону, чтобы осмотрѣть Сергіевское Артиллерійское Училище, которымъ тогда командовалъ масститый генералъ и профессоръ **А. А. Нилусъ**. Во время смотра я обратилъ вниманіе на почтеннаго статскаго, одѣтаго въ бѣлое и наблюдавшаго за смотромъ. Когда я спросилъ о немъ, то мнѣ отвѣтили, что это генералъ В. Т. Чернявскій, котораго Сергіевцы пріютили у себя.

По окончаніи смотра Начальникъ Училища пригласилъ меня въ Собраніе и тамъ произошла моя радостная встрѣча съ В. Т. Уѣзжая изъ Училища, я сказалъ В. Т., что былъ-бы радъ, если-бы онъ зашелъ ко мнѣ въ Военное Управленіе *).

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время В. Т. Чернявскій зашелъ ко мнѣ въ Управленіе во время пріема. Я его немедленно принялъ и сталъ распрашивать о жизни. В. Т. съ умиленіемъ мнѣ говорилъ о томъ радуши, съ какимъ его пріютили Сергіевцы, и о томъ, съ какой заботливостью за нимъ ухаживаютъ, упомянулъ онъ вскользь относительно трудности привоза въ Севастополь своей семьи и что у него недостаетъ на то денегъ.

Въ началѣ моей дѣятельности по должности Начальника Военнаго Управленія, Главнокомандующій генералъ Врангель какъ-то прислалъ мнѣ съ Дежурнымъ Генераломъ 1.000.000 колокольчиковъ, отобранныхъ у спекулянтовъ виномъ и коньякомъ (такую же сумму онъ отослалъ и Начальнику Штаба Арміи). Эти деньги я рѣшилъ обратить на раздачу пособій въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ; вложивъ деньги на текущій счетъ, я затѣмъ выписывалъ на нихъ чеки; и, вотъ теперь, при бесѣдѣ съ В. Т., мнѣ пришло въ голову значительную часть этого милліона преподнести В. Т-чу. Выписавъ чекъ, я протянулъ его В. Т-чу. Онъ взялъ молча чекъ, пробѣжалъ его глазами и сказалъ: *„Ну, спасибо, Никольскій!“* Всталъ, подошелъ ко мнѣ, со слезами на глазахъ обнялъ меня и произнесъ: *„Узнаю Михайловца! Лучшей награды мнѣ не надо!“* Махнулъ рукой и вышелъ изъ кабинета...

Больше я не видѣлъ уже нашего благороднаго и одного изъ самыхъ выдающихся Михайловцевъ.

---

*) Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Училище, Сергіевцевъ посѣтилъ Главнокомандующій генералъ Врангель. Послѣ смотра Главнокомандующій произвелъ старшихъ юнкеровъ въ офицеры и принялъ чашку чая въ собраніи; тамъ генералу Врангелю былъ представленъ генералъ В. Т. Чернявскій встрѣченный имъ ласково.

Влад. Дмитр. Нарбутъ
ген.-м., вып. Уч.—1893 г.,
Акад. — 1898 г.
Кіев. кадет. корпуса.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1890 — 93 г.).

Съ большимъ наслажденіемъ я прочелъ I-й выпускъ Сборника воспоминаній „Михайловцы", гдѣ рѣшительно всѣ статьи заставили меня перенестись на много-много лѣтъ назадъ, вспомнить мои юнкерскіе и академическіе годы, вспомнить своихъ товарищей и нашихъ начальниковъ и профессоровъ, къ которымъ я могу отнестись только съ чувствомъ самой глубокой благодарности.

Но наиболѣе живыя воспоминанія во мнѣ возбудила, конечно, статья ген. **Батюшина** — моего одноклассника, къ которой я позволю себѣ прибавить въ дополненіе нѣсколько словъ.

Прежде всего я долженъ сказать о себѣ, что въ училищѣ я далеко не былъ такимъ примѣрнымъ юнкеромъ, какимъ являлся Батюшинъ и это происходило вотъ отъ чего. Хотя я окончилъ Кіевскій кадет. корпусъ, но былъ уроженецъ Петербурга, гдѣ имѣлъ массу родныхъ и знакомыхъ, почему я всегда стремился въ отпускъ, а въ отпуску не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заниматься, и шелъ все время въ училищѣ далеко не изъ первыхъ. Мнѣ помогало только то, что математика и математическіе предметы мнѣ давались очень легко, и я имѣлъ по нимъ полный баллъ. Но главная моя бѣда, кромѣ лѣни, состояла въ полномъ неумѣніи чертить отъ руки мѣломъ на доскѣ. Еще въ корпусѣ мнѣ по рисованію поставили удовлетворительный баллъ только изъ милости, а въ училищѣ эта неспособность къ рисованію мнѣ страшно вредила.

Я помню, какъ на репетиціяхъ по Артиллеріи я завидывалъ своимъ одноклассникамъ, которые, начертивъ прекрасно на доскѣ, часто отпускались съ миромъ и съ полнымъ балломъ послѣ одного взгляда преподавателя на ихъ художество. Мои-же крѣпостные или береговые лафеты напоминали больше крокодиловъ или какихъ-то допотопныхъ чудовищъ и менѣе всего походили на лафеты, и чтобы показать, что я кое-что знаю, я долженъ былъ долго докладывать преподавателямъ о всѣхъ деталяхъ заданнаго мнѣ вопроса и получалъ все-же пониженную отмѣтку.

Съ Фортификаціей дѣло обстояло еще хуже, такъ какъ всѣ профессора этого предмета, точно сговорясь, принимали мои чертежи за личное оскорбленіе, и я — и на выпускномъ экзаменѣ изъ Училища и на пріемномъ экзаменѣ въ Академію — имѣлъ по этому предмету минимальный удовлетворительный баллъ, т. е. 7. Съ тяжелымъ чувствомъ пошелъ я на экзаменъ по „Исторіи фортификаціи" въ старшемъ классѣ академіи. Помню, мнѣ достался билетъ съ

описаніемъ крѣпости Кобленцъ, гдѣ была масса самыхъ ужаснѣйшихъ чертежей, и я уныло поплелся къ доскѣ. Но вдругъ профессоръ **Кюи**, читавшій этотъ предметъ, говоритъ мнѣ: „У васъ очень сложные чертежи, отвѣчайте по атласу“. Это совершенно измѣнило дѣло, и я, внимательно слушавшій увлекательныя лекціи профессора Кюи, отвѣтилъ прекрасно и получилъ 12, каковой баллъ и является моимъ окончательнымъ балломъ по Фортификаціи. Ну, какъ тутъ не вѣрить въ судьбу?!

Въ I-мъ выпускѣ „Сборника“ авторами помѣщенныхъ тамъ статей такъ полно обрисованы училищное и академическое начальство и профессора, что я не имѣю возможнымъ прибавить къ этому что-либо отъ себя, а потому я ограничусь только небольшими дополненіями къ описанію нѣкоторыхъ изъ юнкеровъ нашего выпуска, сдѣланному ген. Батюшинымъ, которому „особенно памятенъ своимъ умомъ и цѣльностью натуры юнкеръ **Андреевъ**“.

Ник. Фед Богомолецъ, Конной артил. ген.-маіоръ. Выпуска 1893 г. Кавал. ордена св. Георгія 4-й степ.

Я всецѣло поддерживаю эту характеристику Андреева, тѣмъ болѣе, что я Андреева знаю не только по Училищу, но и по Корпусу, и по Академіи и встрѣчался съ нимъ послѣ Японской войны, когда онъ лѣчился отъ раны въ Петербургѣ и былъ съ нимъ въ перепискѣ до послѣдняго времени.

Единственно чѣмъ грѣшилъ Андреевъ, это, такъ сказать, избыткомъ оригинальности.

Такъ, напримѣръ, еще въ корпусѣ онъ изобрѣлъ „упрощенное правописаніе“, по которому фамилія „Андреевъ“ писалась приблизительно съ помощью 20-ти буквъ; въ Училищѣ выдумалъ изгнать изъ словъ суфиксъ „ир“, говоря вмѣсто „*маршировать*“ — „*маршовать*“. Мы же шутя приписали ему желаніе изгнать вообще слогъ „ир“ и увѣряли, будто онъ, вмѣсто „*міръ на весь міръ*“, говорилъ: „*й на весь м*“. Онъ часто помогалъ заниматься другимъ по математикѣ, но если его паціентъ оказывался недостаточно сообразительнымъ, онъ ему совѣтовалъ „треснуться лбомъ о стѣнку“. За подобныя и многія другія проявленія оригинальности онъ въ Училищѣ получилъ прозвище „Психа“ (хотя къ нему мы всѣ относились съ большимъ уваженіемъ и симпатіей), что письменно обозначалось такъ: $\psi(x)$. Это математически выглядѣло какъ „функція x“ (ψ греческая буква „пси“). Нѣсколько строкъ ген. Батюшина о томъ, какъ Андреевъ

давалъ въ долгъ и отмѣчалъ возвращеніе денегъ, было отмѣчено юнк. Чеботаревымъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Для поддержанья положенья
Среди своихъ служителей,
Завелъ Сережа отдѣленье
Въ расходной книжечкѣ своей:
Тамъ онъ не пишетъ, въ долгъ давая,
„Такой-то столько-то, вотъ, взялъ“,
А пишетъ такъ: „Седьмого мая
Я безвозвратно утерялъ“...
Когда-жъ въ бумажникъ возвращаетъ
Свой капиталъ обратно онъ,
То въ своей книжкѣ отмѣчаетъ —
„Сего числа мной рубль найденъ“.

Между прочимъ, въ этой же книжкѣ расходъ на поѣздку у него значился подъ рубрикой: „на перемѣщеніе центра тяжести“.

Далѣе ген. Батюшинъ упоминаетъ о юнкерѣ Л., которому Андреевъ помогалъ по математикѣ. Думаю, что подъ этою буквою „Л“ подразумѣвается Ларіоновъ. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ юнкерѣ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Ларіоновъ былъ безобиднымъ существомъ, на которомъ мы изощряли свое остроуміе. Разсказывали, что Ларіоновъ утверждалъ, что гдѣ-то, когда то, сразу три генерала подали въ отставку; потомъ это число генераловъ увеличилось до 33 и даже до 333, и этими числами дразнили Ларіонова, котораго прозвали „Генераломъ“.

Иногда къ „Генералу“ обращались за разъясненіемъ какого-либо вопроса, и онъ очень охотно, ловясь на эту удочку, высказывалъ свой взглядъ на предложенный вопросъ; его выслушивали, а потомъ объявляли, что надо все понимать наоборотъ. Это называлось „генеральскимъ закономіъ“.

У Ларіонова была еще та особенность, что по мѣрѣ того, какъ его изводили, онъ все больше и больше оттопыривалъ свою нижнюю губу, служившую, такимъ образомъ, какъ бы барометромъ его настроенія. Въ результатѣ явилось слѣдующее стихотвореніе:

Когда нашъ „Генералъ“ бодрится
И вретъ безъ всякихъ затрудненій,
Въ его глазахъ огонь свѣтится,
И весь онъ полонъ вдохновенья;
Себя онъ чувствуетъ прекрасно,
Губа показываетъ — *„ясно“*.
Когда-же вдругъ кто усумнится,
Не заврался-ль слишкомъ онъ,
Тогда на сцену появится
Давно подмѣченный законъ,
Тогда, повѣрьте, непремѣнно
Губа покажетъ — *„перемѣнно“*.
Когда-же „Генералу“ хоромъ
Кричатъ всѣ — 333,
Иль къ сапогамъ прибьютъ, вдругъ, шпоры *),

*) Это сдѣлали во время сна **Ларіонова**.

Тогда готовъ держать пари,
Что, оттопырившись ужасно,
Губа покажетъ вамъ — *„неприлично“*.

Изъ училищныхъ моихъ пріятелей могу упомянуть **Буняковскаго** и **Королькова,** отцы которыхъ, артиллерійскіе академики, были хорошо знакомы съ моимъ отцомъ, тоже окончившимъ нашу Академію.

Корольковъ вышелъ въ Кронштадтскую Крѣпостную Артиллерію и тамъ трагически погибъ отъ взрыва переснаряжаемаго подъ его наблюденіемъ снаряда.

Буняковскій устроился на Петербургскомъ патронномъ заводѣ; мы съ нимъ были знакомы семьями и часто бывали другъ у друга.

Пор. **Ив. Евген Крузе** — II Уск вып., іюнь 1915 г. (9 тяж. арт. бр., летчикъ-наблюдат. XVII корпус. отр. и Сиб. отр. Казаранди. Нынѣ американскій инженеръ).

Во время Японской войны онъ былъ командированъ въ Австрію для пріема заказанныхъ тамъ патроновъ, но тамъ онъ простудился, заболѣлъ плевритомъ и умеръ. Странная его судьба: онъ всю жизнь прожилъ въ Россіи, но родился въ Лондонѣ, во время командировки туда его отца, а умеръ въ Вѣнѣ.

Въ Академіи я ближе всего сошелся съ **Померанцевымъ** и **Афанасьевымъ.** Я уже былъ женатъ и они часто у насъ бывали. Афанасьевъ, донской казакъ, послѣ Академіи вернулся къ себѣ на Донъ и скоро заболѣлъ горловой чахоткой и умеръ. Говорятъ, что онъ заболѣлъ оттого, что въ очень скверную погоду, не одѣвшись какъ слѣдуетъ, поѣхалъ за много верстъ за докторомъ для своего больного товарища. Его смерть всѣхъ насъ поразила, такъ какъ Афанасьевъ отличался завиднымъ здоровьемъ.

Померанцевъ передъ революціей былъ начальникомъ Хабаровскаго Арсенала. Послѣдній разъ я его видѣлъ во Владивостокѣ, въ 20-мъ году. Замѣчательно то, что онъ и въ Училищѣ уже имѣлъ большую лысину и былъ очень старообразенъ, но зато потомъ, въ 1920 г., онъ выглядѣлъ также, какъ и при окончаніи Академіи, въ 1898 г.

Въ Артиллерійскую Академію изъ нашего выпуска пошли въ 1894 г.: **Столбинъ, Макѣевъ, Чеботаревъ, Афанасьевъ, Пащенко, Башинскій, Андреевъ, Померанцевъ** и **Нарбутъ,** а затѣмъ позднѣе: **Купріяновъ, Ханжинъ, Лахтіоновъ.** Можетъ быть еще кто-нибудь, но я помню этихъ 12 человѣкъ, т.-е. 20 процентовъ нашего выпуска.

****

Сергѣй Иван. Лашковъ
полк., вып. Уч. — 1895 г., Ак.—1900 г.
Сибир. кадет. корп.

МИХАЙЛОВЦЫ ПОДЪ ДАШИЧАО.

Предисловіе. — На станціи Харбинъ, 23-го августа 1904 года, въ эшелонѣ моей батареи, который я велъ на войну съ японцами, вошелъ командиръ 2-й батареи 9-й Вост. Сиб стр. арт. бригады подполк. **Алексѣй Григорьевичъ Пащенко,** возвращавшійся на фронтъ послѣ лѣченія отъ раненія, и попросилъ разрѣшенія поѣхать съ эшелономъ. Съ особымъ удовольствіемъ я принялъ прославившагося на всю Россію героя боя подъ Дашичао, и вотъ тогда-то, въ вагонѣ, Алексѣй Григорьевичъ, подъ еще свѣжимъ впечатлѣніемъ, сообщилъ мнѣ подробности этого интереснаго и важнаго въ артиллерійскомъ отношеніи боя...

Подполк. **С. И. Лашковъ,** 1909 г., к-ръ 8-й бат. 28 арт. бриг.

Какъ извѣстно, два первыхъ боя на сухопутномъ фронтѣ—подъ Тюренченомъ (17–18 апрѣля 1904 г.) и подъ Вафангоу (1—2 іюня) мы проиграли, понеся большой уронъ, проиграли потому, что японцы имѣли значительно болѣе сильную численно артиллерію (подъ Тюренченомъ въ 5 разъ, подъ Вафангоу — больше, чѣмъ въ 2 раза), при чемъ ихъ батареи занимали закрытыя и маскированныя позиціи, а наши стояли открыто.

Телеграфное извѣстіе о неудачѣ подъ Тюренченомъ, съ потерей орудій, произвело въ Петербургѣ страшно тяжелое впечатлѣніе, и хотя подробности боя еще не были извѣстны, но уже пошли слухи, муссировавшіеся зловредными лицами, о томъ, что будто-бы наша артиллерія *„не умѣетъ“* стрѣлять по угломѣру и занимать закрытыя позиціи, оттого-то, молъ, японцы и имѣютъ успѣхъ.

Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца второй бой, подъ Вафангоу, опять съ тяжелыми для насъ потерями, и эти слухи о „*неумѣніи*“ нашей артиллеріи и, напротивъ, объ искусствѣ — Японской, усилились и пошли по всей Россіи...

А между тѣмъ, главнѣйшей причиной, почему наши батареи въ первыхъ бояхъ занимали открытыя позиціи, было несочувствіе этому войсковыхъ начальниковъ, которые не вѣрили въ возможность точной стрѣльбы по угломѣру, а занятіе *закрытыхъ* позицій называли иногда „игрой въ прятки“.

Какъ доказательство, приведемъ вкратцѣ разсказъ участника боя подъ Вафангоу, старшаго офицера 4-й батареи 9-й Вост. Сиб. стр. арт. бр. капитана Узунова (нынѣ полковника), что когда онъ выбиралъ для своей батареи *закрытую* позицію, то къ нему подъѣхалъ командиръ 1-го Сиб. корпуса ген. Штакельбергъ и узнавъ — что онъ дѣлаетъ, обвинилъ его въ трусости, поставивъ ему въ примѣръ другія батареи, уже стоявшія открыто. Объясненія кап. Узунова о новой тактикѣ скорострѣльной артиллеріи онъ просто не желалъ и слушать. Къ счастью, японская артиллерія открыла огонь, ген. Штакельбергъ со свитой немедленно уѣхалъ, батарея заняла закрытую позицію и, благодаря этому, вышла изъ боя благополучно, хотя самъ кап. Узуновъ былъ раненъ.

Но это былъ единичный примѣръ, оставшійся тогда для широкихъ круговъ неизвѣстнымъ.

И только бой подъ Дашичао, 11 іюля 1904 г., въ которомъ вся артиллерія 1-го Сибирскаго корпуса, съ разрѣшенія ген. Куропаткина, заняла закрытыя позиціи и, будучи вдвое слабѣе Японской, показала такое искусство въ выборѣ позицій и въ стрѣльбѣ, что подавила японскую артиллерію и не позволила японской пѣхотѣ даже двинуться въ атаку, только этотъ бой опровергъ ложные слухи о „неумѣніи“ нашей артиллеріи и положилъ начало тому, что въ дальнѣйшемъ наша артиллерія въ массѣ успѣшно занимала и дѣйствовала съ *закрытыхъ* позицій.

Главными дѣйствующими лицами при этомъ были два Михайловца — ген. Іосифъ Иван. **Мрозовскій** и подполк. Алексѣй Григ. **Пащенко**, а посему объ ихъ роли и участіи въ бою подъ Дашичао мы и разскажемъ младшимъ однокашникамъ, которые, вѣроятно, этого не знаютъ *).

Бой. — Послѣ неудачнаго боя подъ Вафангоу, 1-й Сибирскій корпусъ отошелъ къ Дашичао, на заранѣе укрѣпленныя саперами позиціи, которыя (какъ и позиціи подъ Вафангоу) были хорошо извѣстны китайцамъ ,а значитъ, и японцамъ...

Имѣя въ виду численное превосходство японцевъ, командиръ 9-й Вост.-Сиб. стр. арт. бригады ген.-маіоръ **Іосифъ Ивановичъ Мрозовскій**, назначенный къ тому-же начальникомъ средняго боевого участка, категорически отказался занять заранѣе подготовленныя на гребняхъ возвышенностей окопы, хотя ему даже угрожали

---

*) Матеріаломъ для этого, кромѣ разсказа А. Г. Пащенко, послужили: его статья о боѣ подъ Дашичао, переведенная на сербскій языкъ и напечатанная въ журналѣ „Ратник“ за 1907 г., письма ко мнѣ ген. Мрозовскаго въ 1934 г. и описаніе боя въ оффиціальной Исторіи Русско-Японской войны. *С. Л.*

отчисленіемъ отъ должности, а рѣшилъ поставить батареи на закрытыя позиціи. Мѣста этихъ избранныхъ позицій были только обозначены, для укрѣпленія же ихъ ничего не дѣлалось, чтобы, такимъ образомъ, не позволить китайцамъ узнать тѣ мѣста, которыя артиллерія займетъ для боя. Батареи расположились бивакомъ вблизи этихъ будущихъ позицій.

Дня за два до боя, позиціи объѣзжалъ командующій Манчжурской арміей ген. **Куропаткинъ**, въ сопровожденіи командировъ корпусовъ и большой свиты, и очень былъ удивленъ, увидавъ артиллеристовъ, обозначавшихъ окопы внизу, далеко позади линіи возвышенностей („сопокъ").

Ген. отъ арт. **Іосифъ Иванъ. Мрозовскій** (1901 г. въ чинѣ ген.-м. Кавалеръ орд. св. Георгія 3 и 4 степ.). Вып. Уч. 1877 г. Акад. — 1882 г. Полоцкой воен. гимназіи.

Обратившись къ ген. Мрозовскому, ген. Куропаткинъ спросилъ: *„Почему Вы не пользуетесь заранѣе подготовленной позиціей? Вотъ, напримѣръ, 4-хъ орудійная батарея на сгибѣ, съ 4-мя амбразурами!"*

Ген. Мрозовскій на это доложилъ: *„Эта батарея весьма слабая, я ее займу лишь по особому приказанію, такъ какъ она будетъ уничтожена въ нѣсколько минутъ, и заранѣе прошу о награжденіи оставшихся въ живыхъ георгіевскими крестами!* *) *Я предполагаю занять закрытыя позиціи!"*

Еще нѣсколько вопросовъ и на нихъ точные, опредѣленные отвѣты...

Суровый видъ ген. Мрозовскаго, настойчивость, рѣшительный и твердый тонъ его доклада оказали свое воздѣйствіе и ген. Куропаткинъ разрѣшилъ ген. Мрозовскому выборъ позицій по его усмотрѣнію, пренебрегая окопами, подготовленными саперами, сообщилъ о своемъ приказаніи артиллеріи стрѣлять по непріятельской пѣхотѣ, когда она двинется въ атаку, объ увеличеніи запаса снарядовъ до 1000 на батарею (вмѣсто 500) и уѣхалъ **).

10-го іюля наши батареи устроили окопы вблизи биваковъ, въ 250 саженяхъ за впереди лежащимъ гребнемъ; ночью на 11-е

*) Во время Русско-Японской войны, совершившихъ подвиги и затѣмъ убитыхъ, Георгіевскими крестами не награждали.

**) Вообще же ген. Куропаткинъ разрѣшилъ артиллеріи занимать закрытыя позиціи только послѣ изданія особой записки объ этомъ ген. Мрозовскаго, которая была напечатана въ видѣ „указаній".

іюля орудія были выведены на позицію и поставлены на интервалахъ въ 30 шаговъ.

Наблюдательные пункты ген. Мрозовскаго и командировъ батарей были избраны на переднемъ гребнѣ. Для передачи командъ, за неимѣніемъ телефоновъ, была поставлена цѣпь передатчиковъ.

На боевомъ участкѣ ген. Мрозовскаго сначала находились только 2-я и 3-я батареи 9-й Вост.-Сиб. стр. арт. бр.; послѣ полудня на лѣвый флангъ подошла 4-я батарея 1-й В.-С. С. А. Б., а къ вечеру на правый флангъ выѣхала 4-я 6-ея 9. В.-С. С. А. Б.

Для пѣхоты по гребню возвышенностей саперами были устроены, соединенные ходами сообщеній, окопы двухъ родовъ: на переднемъ склонѣ — *„боевые“*, которые она должна была занять только въ случаѣ японской атаки, и на обратномъ склонѣ — *„выжидательные“*, **крытые**, въ которыхъ пѣхота сидѣла во время артиллерійскаго состязанія, почти не неся потерь...

Какъ утверждаетъ оффиціальная Исторія Рус.-Яп. войны 1904—5 г. г. Японцы противъ артиллеріи 1-го Сибирскаго корпуса, насчитывавшей 64 пѣшихъ*) и 12 конныхъ орудій, выставили 180 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій..

Изъ этой массы, противъ участка ген. Мрозовскаго были направлены 13 батарей, изъ коихъ 12 дѣйствовали противъ праваго фланга этого участка, т. е. противъ 2-й и 3-й батарей.

Около $5^1/_2$ час. утра Японцы открыли огонь мелинитовыми гранатами (*„шимозами“*) изъ трехъ открыто стоявшихъ батарей, находившихся, какъ оказалось потомъ, внѣ досягаемости нашей шрапнели (гранатъ тогда у насъ не было), чтобы вызвать огонь нашихъ батарей, чего и добились...

А примѣрно черезъ полчаса появились еще 10 батарей, расположенныхъ группами по 2 батареи, на фронтѣ около 6 верстъ, уже стоявшихъ на шрапнельной дистанціи и стрѣлявшихъ и гранатой и шрапнелью — съ закрытыхъ и маскированныхъ позицій.

Японцы очевидно были убѣждены, что наша артиллерія заняла тѣ окопы, которые были заранѣе приготовлены по гребнямъ высотъ, такъ какъ сконцентрировали на нихъ очень сильный огонь: по характерному выраженію ген. **Леша** **), „сопки съ заранѣе укрѣпленными позиціями представляли изъ себя огнедышащія горы отъ разрывовъ многочисленныхъ японскихъ снарядовъ.“

Сначала Японцы обстрѣливали самые окопы, потомъ стали обстрѣливать полосу въ 100 саженъ за ними. Видя, что сила огня нашихъ батарей не ослабляется, они начали переносить огонь вправо и влѣво и, наконецъ, осыпали снарядами весь задній склонъ, такъ что отдѣльныя гранаты падали даже на позиціяхъ батарей, но имъ вреда не принесли, страдали же отъ этого огня артиллеристы, находившіеся въ цѣпи передатчиковъ.

Наши 2-я и 3-я батареи смѣло вступили въ состязаніе съ 12 японскими батареями (16 орудій противъ 78), причемъ к-ръ 2-й

*) Нынѣшнія „легкія“ орудія назывались тогда „пѣшими“.

**) Нашъ „Михайловецъ“, вып., 1884 г., окончившій Акад. ген. шт. и отличившійся въ Русско-Япон. войну, какъ блестящій командиръ 1-го Вост. Сиб. стр. Его Величества полка.

батареи, подполк. **А. Г. Пащенко** отчасти руководилъ огнемъ и 3-ей батареи.

Широкое расположеніе Японскихъ батарей и ихъ численное превосходство заставили наши батареи дѣлать частые и скорые переносы огня, и вотъ тутъ-то подполк. Пащенко показалъ и высокое искусство стрѣльбы и большое мужество, ведя огонь подъ сильнымъ обстрѣломъ японцевъ...

Среди дня одна граната ударила подъ наблюдательный пунктъ подполковника Пащенко; силою взрыва онъ былъ подброшенъ, перевернулся въ воздухѣ и упалъ, получивши рану осколкомъ въ ногу и контузію; однако, послѣ перевязки, продолжалъ стрѣльбу...

Постепенно огонь японскихъ батарей ослабѣвалъ: къ 3-мъ час. дня, изъ 12-ти, дѣйствовали уже только 7 батарей, остальныя молчали...

Видя мѣткій огонь нашей артиллеріи, не имѣя удобныхъ подступовъ по равнинѣ, японская пѣхота, не рѣшалась двинуться въ атаку безъ сопровожденія своихъ батарей, передвинуться же впередъ японцамъ не удавалось. Было замѣчено три попытки переѣзда впередъ: около 3 час. дня къ двумъ батареямъ у дер. Янцайцзы пробовали подъѣхать передки, но попали подъ страшный огонь нашей шрапнели, завернули дышла и въ безпорядкѣ ускакали далеко въ тылъ; около 5 час. дня выѣхала батарея къ дер. Чанситунь, на дистанцію 4 версты, и понесла серьезныя потери; наконецъ, около 8 ч. вечера японцамъ удалось выдвинуть батарею на окраину дер. Любайси, но такъ какъ дистанція и азимутъ этой деревни были точно извѣстны, то первыя же наши шрапнели сдѣлали огонь батареи безпорядочнымъ, въ деревнѣ вспыхнулъ пожаръ и японская батарея прекратила огонь.

Полк **Алексѣй Григ. Пащенко.** Вып. Уч. 1892 г., Акад. — 1898 г. Полтав. кадет. корп. Кавал. орд. св. Георгія 4-й степ.

Артиллерійское состязаніе продолжалось 15 часовъ; батарея подполковника Пащенко выпустила 4000 снарядовъ, т. е. по 500 шрапнелей на орудіе, — цифра до того времени неслыханная *). Прославленная нашими лѣвыми кругами Японская артиллерія, имѣя 186 орудій противъ нашихъ 76-ти, т. е. въ $2^1/_2$ раза больше, не только не достигла успѣха въ огнѣ, но потерпѣла серьезную неудачу и понесла тяжелыя потери, а ея пѣхота даже и не рѣшилась

*) Въ особенности, если принять во вниманіе, что за всю Русско-Турецкую войну 1877—78 гг. было выпущено по 200 снарядовъ на орудіе.

двинуться въ атаку по открытому полю; наша же пѣхота такъ и просидѣла весь день въ *„выжидательныхъ“* окопахъ, и 1-й Сибирскій корпусъ потерялъ всего 50 человѣкъ...

Это ли не успѣхъ нашей артиллеріи!!!

Оправдываясь въ неудачѣ, Японскій Главнокомандующій въ донесеніи своемъ о боѣ подъ Дашичао написалъ такъ:

„... Въ особенности умѣло использовала артиллерія (русская) *характеръ мѣстности и заняла такія укрытыя позиціи, что мы не могли установить мѣста нахожденія орудій .. Наша* (японская) *артиллерія жестоко пострадала отъ характера мѣстности и, не смотря на отважныя усилія нашихъ людей, намъ не удалось привести къ молчанію непріятельскія орудія ...“*

Наша больная литература того времени назвала этотъ бой 1-го Сиб. корпуса довольно пренебрежительно — *„артиллерійской дуэлью“*. Какая же это *дуэль* одного противъ двухъ, — а на участкѣ ген. Мрозовскаго сначала одного противъ 5-и, а потомъ противъ 3-хъ (16 ор-ій противъ 78, а потомъ 24 противъ 78)?! Нѣтъ, это не *дуэль*, а *борьба* — серьезная и жестокая, веденная съ нашей стороны весьма искусно...

Въ этомъ бою наша артиллерія доказала, что слухи о ея *„неумѣніи“* ложны...

Доблестный подполк. А. Г. Пащенко былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и сдѣлался извѣстнымъ всей Россіи.

Ген. І. И. Мрозовскій тоже былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, но объ немъ тогда много не писали, между тѣмъ, справедливость требуетъ сказать, что его заслуга несомнѣнна и велика, ибо, если-бы не проявленная имъ настойчивость и непреклонность, то, можетъ быть, опять наша артиллерія заняла бы хорошо извѣстныя японцамъ открытыя позиціи и, конечно, тогда потерпѣла бы неудачу, вѣдь орудія были безъ щитовъ...

Окончилась война съ Японіей и А. Г. Пащенко, уже въ чинѣ полковника, былъ привлеченъ Августѣйшимъ Генералъ-Инспекторомъ Артиллеріи Великимъ Княземъ Сергіемъ Михаиловичемъ къ разработкѣ вопросовъ по использованію боевого опыта въ артиллерійскомъ отношеніи; много работалъ, но, къ сожалѣнію, недолго и въ чинѣ генералъ-маіора скончался, кажется, въ 1908 году.

Генералъ же Мрозовскій во время Великой войны 1914-1917 г. сначала командовалъ Гренадерскимъ корпусомъ, а потомъ былъ Командующимъ войсками Московскаго воен. Округа и скончался въ 1934 г. въ эмиграціи, въ „Русскомъ Домѣ“, подъ Парижемъ...

Примѣчаніе. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить ошибку въ моей статьѣ объ Училищѣ въ первомъ выпускѣ, а именно: на фронтонѣ зданія въ 1895 г. была надпись — **„Михайловская Артиллерійская Академія и Училище“**, что особенно подчеркивало неразрывность этихъ учебныхъ заведеній, а уже послѣ, въ 1899 г., надпись была измѣнена на: „Михайловскія Артиллерійскія Академія и Училище“.

Ник. Алекс. Герцо-Виноградскій
полк., вып. Уч. 1897 г.; 1 кадет. корпуса.
С.-Франциско.

ВОСПОМИНАНІЯ
„Михайловца“ выпуска 1897 г.

На берегу Невы, вдали отъ центра городского,
На Выборгской далекой сторонѣ,
Кто не знавалъ Училища родного,
Безсмертнаго въ Михайловской семьѣ?!.

Полк. **Н. А. Герцо-Виноградскій.**
К-ръ 2-го легк. морт. арт. див. — 1917 г.

Съ Невы — чугунная ограда,
Орлы двуглавые на ней,
Плацъ съ уголками въ видѣ сада
И пушки у входныхъ дверей...

Какъ много здѣсь мы пережили!
И многое намъ здѣсь дано,
Здѣсь мы учились и зубрили
И было это такъ давно!..
Нельзя не вспомнить безъ волненья
Всѣхъ тѣхъ, кто велъ насъ и училъ,
Не порастетъ травой забвенья
И духъ, что здѣсь тогда царилъ...

* * *

Мы были тотъ пріемъ послѣдній
Того Училища, когда
У насъ еще былъ курсъ трехлѣтній,
А батарея лишь одна.
Начальникъ нашъ, **„Демьяномъ“** [1]), звали,
Насъ, юнкеровъ своихъ, любилъ,
Но подмѣчалъ въ насъ и детали,
Которыхъ онъ не выносилъ.
Не долженъ юнкеръ быть горбатымъ
Иль мрачный духъ свой проявлять,
Онъ долженъ быть щеголеватымъ
И непремѣнно... танцевать.
Въ „полупальто“, поднявши плечи,
Онъ наставлялъ насъ и училъ,
И вспоминалъ — какія рѣчи
Кому и какъ онъ говорилъ!
Затѣмъ **„Петрило“** [2]) батарейный —
Могучій складъ, лихой ѣздокъ,
Всегда во всемъ прямолинейный
И былъ хорошій онъ стрѣлокъ.
Какъ „подойти“ къ нему — мы знали
И предъ балами, помню я,
Его толпою окружали,
Для танцевъ шпоры дать прося.
„Петрило“ „буркалъ“ и терялся,
А мы ему уже кричимъ,
Пока онъ въ мысляхъ разбирался,
— „Покорнѣйше благодаримъ!“
Нашъ „курсовой“ — **Аліевъ** бравый,
Свой кверху поправляя усъ,
Любилъ давать совѣтъ намъ здравый —
На „Невскомъ“ избѣгать „Марусь“.
Еще и **Мамонтовъ**, прелестный
Мой отдѣленный офицеръ,
Веселый нравъ, болтунъ извѣстный [3]),
Для насъ не знавшій строгихъ мѣръ.

---

[1]) Начальникъ Училища ген.-лейтенантъ Демяненковъ.
[2]) Ком. Бат. глубокоуважаемый полк. А. Н. Петраковъ.
[3]) За что и былъ прозванъ „Балалайкой“.

И это все мое „прямое“
Начальство, что вело меня,
А все же прочее другое
Лишь на дежурствахъ видѣлъ я.
А вотъ, и наша профессура:
Гукъ съ буквой „ша“ на мѣстѣ „эс“,
Гончаръ — согбенная фигура, —
Артиллеріи знатокъ чудесъ;
Будаевъ — „кса!“, — „ошиблись дверью!“
„ — Стремится „иксъ“-то, вѣдь, къ „нулю“,
„ — Не превзошли вы и Лукерью“,
„Кухарку старую мою!“
Ипатьевъ — „га!“ нашъ химикъ страстный,
Весь погруженный въ свой предметъ,
Былъ лекторъ онъ для насъ прекрасный,
Но строгъ на юнкерскій отвѣтъ.
Затѣмъ **Чернявскій** всѣмъ извѣстный,
„Массена“ [1]), **Іохеръ** и **Орловъ**,
И проповѣдникъ нашъ чудесный
Протоіерей отецъ **Петровъ**.
Цытовичъ (помните“ подъѣзды“?),
Онъ вѣроятностей знатокъ,
А за „подъѣздами“ — „отъѣзды“,
— Какъ орудійный передокъ.
А танцы! **Троицкій** учитель,
Его поклоны — „э-разъ, два, три“
Для нетанцующихъ — мучитель,
Но — ты „Михайловецъ“ — терпи!
Чуть не забылъ **Головина**,
Училъ старательно черченью,
А былъ онъ регентъ, и тогда
Училъ насъ хоровому пѣнью.
„Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ“,
А юнкера отъ нихъ страдаютъ,
Но имъ всю душу отдаютъ...
Не все-жъ, однако, мы зубрили
Бывало время и у насъ,
Когда мы весело кутили,
Забывши лекціи и классъ.
Такъ ошалѣвши отъ зубрежки,
Что-бъ освѣжить себѣ мозги,
Мы, прихвативъ съ собой по „трешкѣ“,
Шли въ погребокъ ѣсть шашлыки.
А то къ Даниловымъ [2]) подкатимъ.
Тамъ барышень былъ полный домъ,
Играемъ, веселимся, пляшемъ,
Кончаемъ ужиномъ съ виномъ.

---

[1]) Проф. ген. штаба ген. **Михневичъ**.
[2]) Иркутскій золотопромышленникъ.

А наши чудные балы,
Что трижды въ годъ у насъ бывали!
Тѣ, кто знавалъ ихъ, какъ и мы,
На нихъ безъ устали плясали.
Искусствомъ также увлекались,
Ходили въ оперу, въ балетъ
И предъ талантомъ преклонялись
Съ тѣхъ юнкерскихъ веселыхъ лѣтъ.
Любили строй, приборы, пушку,
Ѣзду въ орудіяхъ и стрѣльбу,
И ненавидѣли „Петрушку“ [1])
На Дудергофскомъ берегу.
Любили конныя ученья,
Лихой „заѣздъ“ и „поворотъ“,
И всѣ тѣ наши построенья,
Въ которыхъ скачетъ крайній взводъ.
Бывало „Ларчикъ“ съ „Интеграломъ“ [2])
Подхватятъ и несутъ тебя
И кончилось бы все скандаломъ,
Да корень держитъ ихъ шутя!
Но былъ и корень непутевый,
Готовый первый „разнести“,
То кони — „Змѣй“ и „Жеребьевый“ [3]),
Отъ нихъ лишь ноги уноси.
И носится орудіе по полю,
Стараясь встать лишь на вольты,
Теперь давай корнямъ ужъ волю
И поводомъ не рви имъ рты.
Любили также ѣзду въ смѣнѣ,
„Тянуть каблукъ“, брать въ „шенкеля“,
При перемѣнѣ направленій
Смотрѣть „посадку“ въ зеркала...
Кто не знакомъ съ конемъ „Егоркой“?!
Былъ „козероговъ“ онъ гроза,
Согнетъ бывало спину горкой
И вылетаешь изъ сѣдла.
А „Бригадиръ“! конь тряски рѣдкой,
Съ „Егоркой“ въ смѣнѣ онъ ходилъ,
Какъ не слетѣть съ него „за рѣпкой“,
Когда при тряскѣ онъ „козлилъ“?!
На старшихъ курсахъ лучше смѣны,
Не обойтись все-жъ безъ грѣха,
Когда дадутъ въ нихъ для замѣны
Такую лошадь, какъ „Звѣзда“.
Кобыла славная, большая,
Но „шпору“ — Боже упаси,
Въ отвѣтъ истерика такая,
Что вспомнишь „козерожьи“ дни.

---

[1]) Позывные сигналы лодкамъ.
[2]) Первый уносъ 1-го орудія.
[3]) Корень 4-го орудія.

Нельзя забыть коней и добрыхъ,
На поводъ мягкихъ, гибкихъ и въ боку,
Послушныхъ „шенкелямъ“, не вздорныхъ,
Уравновѣшенныхъ и легкихъ на ходу.
Такихъ коней мы много знали:
Конь „Ерофеичъ“, „Зундъ“, „Женихъ“...
Отъ нихъ мы „фокусовъ“ не ждали
И ловко ѣздили на нихъ.

. . . . . .

Ушли три года незабвенныхъ,
Оставивъ много дорогихъ
Воспоминаній, очень цѣнныхъ
И красочныхъ, какъ бытовыхъ.
Всего, однако, не припомнишь,
Нѣтъ времени и записать
Того, что даже ясно помнишь
И что хотѣлъ бы разсказать...

* * *

Теперь на берегу Невы училище другое,
Въ немъ нѣтъ ужъ прежней красоты,
Погибло все для насъ святое,
Слетѣли и двуглавые орлы.
Но вѣрю я — настанетъ время и иное,
Воскреснетъ Русская Земля
И съ ней Училище родное, —
Ему, Михайловцы, **„Ура!“**

****

Генералъ-лейтенантъ
Вас. Григ. Пащенко.

Старшій изъ 4-хъ братьевъ — Михайловцевъ, выдающихся артиллеристовъ-академиковъ. Выпуска изъ Училища 1888 г., Академіи — 1893 г. Полтавскаго кадет. корпуса Первый руководитель Крѣпостного Отдѣла Офицерской Артиллерійской школы; генералъ для порученій при Августѣйшемъ Генералъ-Инспекторѣ Артиллеріи и сотрудникъ его по реорганизации Крѣпостной и Тяжелой артиллеріи; Начальникъ Артиллеріи Либавской крѣпости; Комендантъ Свеаборга; Инспекторъ артиллеріи IV Кавказскаго армейскаго корпуса. Скончался въ Чехословакіи въ 1932 году.

Влад. Конст. Чернявскій
полков., вып. Уч. — 1897 г., Акад. — 1904 г
Алекс. кадет. корпуса.

Н. С. БУДАЕВЪ.

Какъ-то на одной изъ своихъ предобѣденныхъ бесѣдъ съ юнкерами Начальникъ Училища генералъ **Демяненковъ** говорилъ юнкерамъ, какъ онъ, поддерживая высокую научную репутацію Училища и Академіи, пополняетъ кадръ профессоровъ лицами, составившими себѣ имя въ наукѣ, при этомъ онъ выразился такъ: *„я стараюсь залучить большого осетра въ свои сѣти"*.

Влад. Конст. Чернявскій,
подполковникомъ.

Однимъ изъ такихъ „большихъ осетровъ" былъ **Николай Сергѣевичъ Будаевъ,** профессоръ математики.

Имя Н. С. Будаева было связано съ Училищемъ и Академіей въ теченіе многихъ лѣтъ. Установить точно начало этой связи я не могу, но предполагаю, что онъ началъ читать математику въ Училищѣ и Академіи съ конца 60-хъ годовъ, а закончилась его дѣятельность въ 1902 г.

Кто изъ питомцевъ Училища и Академіи не вспоминаетъ съ большимъ уваженіемъ этого выдающагося математика, который не своею строгостью, а своимъ знаніемъ предмета, внушалъ тотъ трепетъ молодымъ юнкерамъ, который потомъ переходилъ въ глубокое къ нему уваженіе.

Слушатели Академіи выпуска 1904 года были свидѣтелями печальнаго событія: ухода этого знаменитаго артиста математики со сцены.

Всѣ мы, бывшіе его питомцы, хорошо помнимъ классныя доски, исписываемыя на лекціяхъ калиграфическимъ почеркомъ и сопровождаемыя немногосложными словесными объясненіями, съ ему свойственными сокращеніями „кса", „зависима", „независима", и т. д. Никогда Будаевъ не ошибался, никогда не бралъ губки въ руки, что-бы стереть что-нибудь, написанное не такъ.

Помнимъ его записную книжечку, въ которой хранились отмѣтки за много-много лѣтъ, и нерѣдко Будаевъ, при неудачномъ

выступленіи юнкера, ставилъ въ примѣръ ему его-же отца, говоря: *„ксенъ Шекаразинъ, а Вашъ отецъ былъ умный человѣкъ."*

Да, это была личность въ высокой мѣрѣ выдающаяся и оригинальная, и печальное воспоминаніе о концѣ его профессорской дѣятельности живо еще въ моей памяти.

Въ 1902 году я былъ слушателемъ академіи. Въ этотъ день у насъ было по расписанію 2 часа лекцій Н. С. Будаева.

Какъ обыкновенно, Будаевъ вошелъ въ классъ, завернулъ тщательно мѣлокъ въ бумажку, и началъ писать на доскѣ какой-то сложный выводъ, сопровождая его очень немногочисленными объясненіями. Уже подходя къ концу, вдругъ мы увидѣли, что Будаевъ остановился, сталъ смотрѣть на доску, точно чего-то ища; взялъ въ руки губку и, чего съ нимъ никогда въ жизни не бывало, стеръ нѣсколько строкъ, но бѣдный старикъ не смогъ все-таки найти сдѣланной имъ гдѣ-то ошибки, прекратилъ минутъ на 10 раньше срока лекцію и вышелъ въ профессорскую комнату. Мы всѣ, молча, продолжали сидѣть, чувствуя и сознавая, что передъ нами разыгрывается драма человѣческой жизни.

М. Подтягинъ, капит. въ Академіи 1904 г. Выпуска Учил. 1897 г.

Послѣ 10 минутнаго перерыва, во время котораго мы видѣли, что Н. С. Будаевъ сидитъ въ профессорской комнатѣ, куритъ и смотритъ на какую-то бумажку, очевидно продѣлывая неудавшійся ему сложный выводъ.

Когда начался 2-й часъ, Н. С. Будаевъ вошелъ въ классъ, сѣлъ какъ-то бочкомъ на стулъ, не взялся за мѣлъ, а нѣсколько минутъ помолчалъ, а затѣмъ тихимъ голосомъ сказалъ: *„Кса, Будаевъ ошибся, запутался, состарился и больше не годится."* Всталъ и, кланяясь на ходу, вышелъ изъ класса.

Это была его послѣдняя лекція, и мы его послѣдній разъ видѣли въ живыхъ. Прошло не очень много времени и Н. С. сошелъ въ могилу, ибо жить безъ своей науки и безъ своей профессорской дѣятельности онъ не могъ, а продолжать ее не было уже силъ.

Такъ сошелъ со сцены великій артистъ.

Миръ праху твоему, незабвенный учитель!

****

Ник. Тимоф. Бѣляевъ
полков., вып. Уч. — 1899 г.,
Ак. — 1904 г, 2-го кад. корп

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

На помѣщенной дальше группѣ (стр. 78) сняты въ 1856 году четыре брата — **Бѣляевы**: *Александръ* — поруч. л.-гв. Конной артиллеріи, *Алексѣй* — поруч. л.-гв. 2 арт. бр. (въ формѣ адъютанта Штаба Округа), *Николай* — подпор. л.-гв. Егерскаго полка и *Тимофей* — кадетъ 1-го кадет. корп. (13 лѣтъ).

Полк. **Ник. Тимоф. Бѣляевъ** — 1937 г. (Вып. Уч. — 1899 г. Акад. — 1904 г.).

Сохранившаяся переписка между братьями рисуетъ тотъ періодъ Исторіи нашего Училища, когда его **Офицерскіе классы** были переформированы въ Михайловскую Артил. Академію (въ 1855 году).

Два старшіе брата въ 1850 году окончили 1-й кад. корпусъ, затѣмъ Офицерскіе классы Мих. Арт. Училища, и послѣ Александръ былъ профессоромъ Мих. Арт. Академіи, а Алексѣй — многолѣтнимъ редакторомъ Артиллерійскаго журнала; младшій изъ братьевъ *Тимофей Михайловичъ* (отецъ автора) тоже былъ въ Мих. Арт. Академіи 2 года, но ушелъ, не окончивъ, на Польскую кампанію 1863 года, — впослѣдствіи онъ долго командовалъ л.-гв 1-й артил. бригадой, былъ Комендантомъ Кронштадта и Почетнымъ опекуномъ.

Изъ писемъ видно, что въ періодъ Крымской кампаніи, въ 1855 году, офицеры, состоявшіе при Академіи, были командированы на береговыя батареи, расположенныя по берегамъ Финскаго залива, напр. А. С. Платовъ — на Невско-Гутуевскую батарею, А. В. Гадолинъ — въ Свеаборгъ, а А. М. Бѣляевъ — на островъ Рѣзвый и въ Кронштадтъ. Преподаватели командовали батареями по защитѣ Петербурга и жили тамъ, а юнкера и офицеры жили въ Ораніенбаумѣ, куда первые ѣздили на занятія.

Все это время Александръ Мих. Бѣляевъ продолжалъ работать по своему любимому предмету — Механикѣ, и на него возлагались большія надежды, какъ въ товарищеской средѣ, такъ и со стороны начальства, и когда, въ 1857 г., пріѣхалъ въ Петербургъ новый Начальникъ Академіи и Училища ген. Ник. Андр. **Крыжановскій**, то онъ ему сказалъ: „Не смотря на молодость, Вы успѣли составить себѣ высокую репутацію. О Васъ неоднократно слышалъ я самые пріятные отзывы отъ всѣхъ, съ кѣмъ Вы имѣли дѣло".

Съ 1856 года А. М. велъ преподаваніе въ Академіи Практической Механики, а въ 1858 году онъ и Аксель Вильгельмовичъ **Гадолинъ** (бывшій репетиторомъ по Физикѣ) были командированы на 14 мѣсяцевъ заграницу, для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ Бельгіи, Франціи и Англіи.

Александръ Михайловичъ направился сначала въ Карлсруэ, къ знаменитому профессору Редтенбахеру, бывшему тогда директоромъ Политехническаго института. Въ Январѣ 1859 г. А. М. пишетъ, что „Редтенбахеръ уже кончилъ курсъ паровыхъ машинъ, что модели машинъ для Училища отъ моделера Шреггера въ Дармштадтѣ получены, и что чертежи и записки для Академіи готовы". Гадолинъ, работавшій по Минералогіи и Физикѣ въ Дрезденѣ, нѣсколько разъ навѣщалъ А. М. и помогалъ ему въ разработкѣ чертежей и записокъ.

Осенью 1859 г. они вернулись изъ командировки, А. В. Гадолинъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Училища, А. М. Бѣляевъ приступилъ къ чтенію лекцій по Прикладной Механикѣ, а замѣщавшій его во время командировки Ив. Алексѣев. **Вышнеградскій** былъ командированъ къ Редтенбахеру для изученія деталей машинъ.

Съ начала 60-хъ годовъ А. М. Бѣляева стали все больше и больше привлекать къ разработкѣ техническихъ артиллерійскихъ вопросовъ, сначала въ Артиллерійскомъ Комитетѣ, а потомъ и въ VII отд. Г. А. У., что заставило его нѣсколько отойти отъ любимой имъ Механики и когда, въ 1862 г., Вышнеградскій вернулся изъ командировки, А. М. передалъ ему, на этотъ разъ уже окончательно, свою кафедру. Блестящія работы Вышнеградскаго по паровымъ и подъемнымъ машинамъ и по механической теоріи теплоты составили гордость русской науки и нашей М. А. Академіи.

Вскорѣ послѣ этого Александръ Мих. Бѣляевъ былъ назначенъ Начальникомъ Технической Артиллерійской Школы, которой посвятилъ много силъ и энергіи въ послѣдніе годы своей жизни. Скончался онъ въ 1872 г., отъ разрыва сердца.

Братья пережили его на много лѣтъ: Алексѣй Мих. скончался въ 1885 (въ чинѣ ген.-лейт.), Ник. Мих. — въ 1904 г. (ген.-штаба ген.-м.), а младшій — Тимоф. Мих. — въ 1915 году.

Можетъ быть интересно отмѣтить какъ-бы извѣстную семейственную связь съ наукой: Алекс. Мих. былъ женатъ на внучкѣ ген.-отъ-артил. **Дядина** („Дядинская" премія по Артиллеріи), который былъ 40 лѣтъ профессоромъ Артиллеріи. Старшая дочь А. М. Бѣляева вышла замужъ за горнаго инженера, металлурга Влад.

Анатол. Яковлева, который на Обуховскомъ Заводѣ замѣстилъ знаменитаго профессора Мих. Арт. Академіи — Дм. Конст. **Чернова** — *„отца металлографіи желѣза“*, какъ его назвали иностранцы.

Братья **Бѣляевы** — 1856 г.: Александръ, Алексѣй, Николай и Тимофей Михайловичи.

ОТЪ РЕДАКТОРА. Предъидущій краткій очеркъ о братьяхъ Бѣляевыхъ, такъ сказать, старшаго поколѣнія, навелъ меня на мысль, что необходимо упомянуть и о братьяхъ Бѣляевыхъ послѣдующаго поколѣнія, изъ коихъ двое составили себѣ почетное имя: это старшій — Сергѣй Тимофеевичъ и пятый изъ братьевъ — Николай Тимофеевичъ.

Тактика артиллеріи. Вспоминается мнѣ начало войны съ Японіей. Молодымъ капитаномъ пріѣхалъ я въ перемѣнный составъ Офиц. Арт. Школы и тамъ имѣлъ удовольствіе слушать блестящія лекціи Сергѣя Тимофеевича по Тактикѣ Артиллеріи.

Это былъ начальный періодъ жизни скорострѣльной артиллеріи, ея тогда многіе еще не знали, и не понимали, что-этотъ новый видъ оружія требуетъ „новой тактики"; среди офицеровъ ген. штаба раздавались еще голоса, что никакой особой „Тактики Артиллеріи" и не существуетъ.

Лекціи Сергѣя Тимофеевича были построены, главнымъ образомъ, на теоретическихъ трудахъ француза Ланглуа и итальянца Аллассона, переведенныхъ имъ же на русскій языкъ, но особыя, исключительныя способности С. Т. къ анализу и систематикѣ и блестящій даръ слова дѣлали то, что его лекціи были насыщены содержаніемъ и захватывали слушателей яркостью и ясностью изложенія...

На первой же лекціи, мнѣ, какъ самому молодому слушателю и съ академическимъ значкомъ, С. Т. предложилъ вести за нимъ записки; такимъ образомъ я сдѣлался невольнымъ сотрудникомъ С. Т-ча и весной, по окончаніи курса, передалъ ему толстую тетрадь „Записокъ"...

Потомъ мы встрѣтились, и непосредственно соприкасались, черезъ 8 лѣтъ: С. Т. былъ назначенъ к-ромъ 29-й арт. бригады, а я былъ тогда Начальникомъ Полигона Вилен. Воен. Округа; чрезвычайно самолюбивый, онъ долго не могъ примириться съ тѣмъ, что я — младшій и его ученикъ — имѣлъ право критиковать подготовку къ стрѣльбѣ его батарей...

Тогда только что вышло „*Наставленіе для дѣйствія полевой артиллеріи въ бою*", авторомъ котораго, главнымъ образомъ, являлся ген. С. Т. Бѣляевъ.

Это прекрасное „Наставленіе" также было насыщено содержаніемъ, что особенно могли оцѣнить тѣ, кто имѣлъ возможность слушать удивительные по ясности и полнотѣ разборы каждаго параграфа самимъ Сергѣемъ Тимофеевичемъ.

Вообще надо сказать, что С. Т. Бѣляевъ былъ замѣчательнымъ **Тактикомъ-теоретикомъ**, но, къ сожалѣнію, онъ пошелъ не по своей дорогѣ: отвлеченный командованіемъ батареей въ К. А. У., потомъ дивизіономъ и бригадой, будучи къ тому-же чрезвычайно добросовѣстнымъ службистомъ, онъ не могъ отдать достаточно времени для письменной работы и не оставилъ послѣ себя капитальнаго труда. Правда, до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ заполняютъ его статьи въ „*Артиллерійскомъ Журналѣ*" (кажется за 1907 г.) подъ названіемъ, если мнѣ память не измѣняетъ, — „*Вопросы Артиллерійской тактики*", которыя и сейчасъ могутъ представить жизненный интересъ, въ особенности отдѣлъ — „Тактика огня"...

С. Т. Бѣляевъ скончался въ Москвѣ въ 1923 г., тогда ходили слухи, что онъ застрѣлился...

Бессемеровская медаль. Имя Н. Т. Бѣляева, находящагося въ эмиграціи, уже упоминалось въ I-мъ выпускѣ, но теперь мы

снова о немъ говоримъ, такъ какъ Николай Тимофеевичъ получилъ міровую извѣстность, ибо ему въ 1937 году Лондонскимъ „Институтомъ по изученію желѣза и стали“ присуждена золотая „*Бессемеровская медаль*“, какъ выдающемуся ученику покойнаго профессора Чернова, — за совокупность обнародованныхъ, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, работъ по вопросу *кристаллизаціи металловъ*, а особенно, стали.

Съ 1874 года медаль присуждалась 80 разъ, изъ нихъ иностранцамъ (не англичанамъ) 27 разъ и вотъ, въ 1937 году, въ первый разъ — Русскому ученому — **Ник. Тим. Бѣляеву**. (Предполагалось дать эту медаль въ 1915 году профессору **Чернову**, но война помѣшала съѣзду, намѣчавшемуся въ Петербургѣ).

Дмит. Конст. Черновъ, знаменитый профессоръ Металлургіи Мих. Арт. Академіи, „Отецъ металлографіи желѣза“.

По поводу этого награжденія во французскомъ журналѣ „Revue de la Soudure Autogène“ за іюнь 1937 г., за подписью „R. G.“, помѣщена статья подъ заглавіемъ „En l'honneur du Colonel N.-T. Belaiew“, выдержки изъ которой мы приводимъ ниже*).

„Мы уже сообщали, что извѣстный и знаменитый металлургистъ, полк. Н. Т. Бѣляевъ, сотрудникъ Института автогенной сварки (L'Institut de Soudure Autogène) получилъ отъ Института по изученію желѣза и стали (The Iron and Steel Institute) золотую Бессеме ровскую медаль за 1937 годъ.

Это большое отличіе, которымъ были тронуты всѣ его друзья, такъ какъ оно награждаетъ знаменитаго металлурга, ученость котораго равна только его скромности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Н. Т. Бѣляевъ пожелалъ сдѣлаться добровольнымъ сотрудникомъ Института автогенной сварки, гдѣ онъ занимался съ огромнымъ интересомъ научными и техническими работами.

Ученикъ и послѣдователь Чернова, Осмонда и Ле Шателье, онъ особенно посвятилъ себя металлографическому изученію состава и структуры стали. Его трудъ „Кристаллизація металловъ“, изданный два года тому назадъ Институтомъ автогенной сварки, ставитъ его въ рядъ съ самыми великими металлографами этого вѣка.

Полк. Бѣляевъ пользуется въ научномъ и металлургическомъ

*) Въ переводѣ Н. С. Батюшина.

мірѣ высокимъ значеніемъ, обязаннымъ не только его большой цѣнности, какъ ученаго металлографа, но и качествамъ его ума и сердца и его удивительной скромности.

Институтъ Автогенной сварки чествовалъ своего сотрудника по случаю отличія, которое онъ получилъ. Идя навстрѣчу выраженному полк. Бѣляевымъ желанію, это торжество, дружескій завтракъ, носило совершенно интимный характеръ...

Во время тостовъ Л. де Сейнъ (предсѣдатель Института Автогенной сварки) принесъ полковнику Бѣляеву поздравленіе Института и благодарилъ за его сотрудничество въ работахъ этого учрежденія въ слѣдующихъ словахъ: „Вы, г. Полковникъ, хорошо знаете, что мы Вамъ глубоко признательны за все, что Вы сдѣлали для нашихъ молодыхъ кадровъ и учениковъ, съ той одушевленностью и абсолютной незаинтересованностью настоящаго ученаго, для котораго каждый ученикъ или сотрудникъ — это будущій членъ огромной семьи. Мы имѣли большую привиллегію знать Васъ ближе, чѣмъ кто-либо другой и видѣть Васъ осуществляющимъ ту формулу, которая сдѣлалась для Васъ девизомъ: „Передавать молодымъ поколѣніямъ въ еще большемъ объемѣ все то, что Вы получили отъ учителей Вашей юности".

Проф. Портевэнъ, самъ отличенный Бессемеровской медалью въ 1935 году, сказалъ такъ: „Если мѣра, настойчивость, умъ и научная добросовѣстность являются отличіемъ Вашихъ трудовъ, согласно традиціи Вашихъ почившихъ учителей — Чернова, Осмонда и Ле-Шателье, то у Васъ есть и другія качества, которыя насъ больше всего трогаютъ. Я укажу только на одно изъ нихъ — Вашу скромность, соединенную съ уваженіемъ къ Вашимъ научнымъ друзьямъ, что заставляетъ Васъ стараться всегда выдвигать ихъ труды... Сегодня, въ свою очередь, разсѣянные по всему свѣту Ваши друзья выражаютъ удовлетвореніе и радуются той заслуженной высокой наградѣ, которая Вамъ дана"...

Полковникъ Бѣляевъ отвѣтилъ на эти привѣтствія рѣчью, въ которой снова подтвердилась его скромность. Своими познаніями, — сказалъ онъ — онъ обязанъ своимъ учителямъ — Чернову, Осмонду и Ле Шателье и своимъ друзьямъ — Шарпи, Портевэнъ, Шевенардъ... Онъ указалъ также, что „Промышленность это — тѣло, душой котораго является наука"...

Алексѣй Никол. Ефремовъ
полковникъ, выпуска 1902 г.
Буэносъ-Айресъ.

КОРПУСЪ — УЧИЛИЩЕ.

Экзамены по математикѣ прошли, остались словесные предметы, когда отдѣленный воспитатель собралъ выпускныхъ и объявилъ копію предписанія о составленіи списка на желающихъ быть записанными въ артиллерійское и Николаевское инженерное училища.

Полк. **А. Н. Ефремовъ**, снято въ эмиграціи.

Дрогнуло сердце — надо рѣшать — Николаевское кавалерійское или Михайловское, о пѣхотномъ не хотѣлось и думать. Всѣ мечты всегда были о Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, но... средства, а главное вѣдь и изъ Михайловскаго можно выйти въ Конную артиллерію, да еще и въ Туркестанъ, гдѣ регулярной кавалеріи не было; рѣшена участь — запишусь въ Михайловское, но вотъ попаду ли еще — вопросъ...

Промелькнули каникулы и только за недѣлю до отъѣзда изъ О. были получены списки и я, въ числѣ другихъ 7 человѣкъ, назначенъ въ Михайловское артиллерійское училище. Въ отпуску въ О. можно было встрѣтить юнкеровъ почти всѣхъ училищъ, пріѣхавшихъ въ отпускъ послѣ лагерныхъ сборовъ, но Михайловца — ни одного, не у кого и распросить толкомъ — гдѣ, что и какъ, а сколько вопросовъ возникло сразу, особенно, когда отпускные юнкера начали злорадствовать — „ну, попали, попадете въ цукъ ни чуть не легче Николаевскаго кавалерійскаго и пр. и пр... Слушаемъ, переглядываемся и начинаемъ ежиться — какъ-то будетъ!..

Посадка въ вагоны, пять дней пути, съ отпускомъ одного рубля въ день на довольствіе, родительскіе запасы на дорогу, встрѣча въ Самарѣ съ Сибиряками, визиты однихъ къ другимъ; хоровое пѣніе — объединило всѣхъ и дружной компаніей доѣхали до Москвы, гдѣ отъ насъ отдѣлились Александровцы. Проѣхали цѣлой компаніей въ Кремль, поднялись на колокольню Ивана Великаго, въ сопровожденіи гида съ галунами, на добрыя пожеланія котораго на дальнѣйшій путь, каждый далъ ему рубль на чай — за всѣхъ, какъ потомъ это выяснилось, каждый это дѣлалъ не предупредивъ остальныхъ...

Экономіи ради забрели въ экономическую столовую, гдѣ, заплативъ за тарелку щей и котлету съ соусомъ — 20 коп. — рѣшили еще разъ пообѣдать на вокзалѣ, т. к. даже послѣ 4-хъ часовой прогулки и при невзыскательномъ кадетскомъ вкусѣ — обѣдъ остался памятнымъ и по сей день.

Вечеромъ поѣздъ двинулся къ цѣли нашего путешествія — Петербургу, куда и прибыли на слѣдующій день — около 5 часовъ дня.

„Безконечный" корридоръ — 180 шаговъ.
(Изъ альбома 1909 г.).

Ну, что-же, если все правда, что мы слышали о цукѣ — не дадимъ себя въ обиду, цукать себя не позволимъ... съ этой мыслью, расплатившись съ извощикомъ, съ чемоданами въ рукахъ, мы входили въ парадный подъѣздъ Михайловской Артил. Академіи и Училища.

Почтеннаго вида швейцаръ указалъ на лѣстницу, по которой и повелъ насъ дежурный трубачъ. Не успѣли мы подняться на верхнюю площадку, какъ были встрѣчены своего же корпуса юнкерами, годомъ раньше кончившими корпусъ, которые, по принятой въ корпусѣ формѣ — со всѣми „на ты", — насъ расцѣло-

вали, и мы въ приподнятомъ отъ такой встрѣчи настроеніи уже весело отрапортовали дежурному офицеру, который распредѣлилъ по батареямъ, а въ батареяхъ по отдѣленіямъ.

Заняли кровати, умылись и черезъ часъ пошли къ ужину. А почему не строемъ? Къ завтраку и вечернему чаю ходимъ безъ строя и садимся по своимъ столамъ — своими компаніями и лишь на утреннюю молитву, а послѣ нея къ чаю и на обѣдъ строятся и становятся по столамъ по расчету и по ранжиру.

Входимъ въ столовую — въ нижнемъ этажѣ — предвкушая хорошо поѣсть — сказалось нервное настроеніе и отсутствіе аппетита въ ожиданіи пріѣзда въ Петербургъ... Но... блестящее блюдо съ вензелемъ „М“ и короной, но на немъ строго выравнено всего десять котлетъ — по числу юнкеровъ, блестящій соусникъ, хорошая посуда, хлѣбъ, чай... но развѣ этого достаточно? — Да, въ послѣдующіе дни мы не только ѣли вкусно и сытно, но и послѣ производства часто вспоминали и... не получали къ супу пирога, который юнкеромъ получалъ ежедневно...

Старшіе насъ не оставляютъ, водятъ, показываютъ, учатъ и на вопросы о цукѣ — смѣются.. Да и было отчего и намъ посмѣяться, такъ какъ азіаты, какъ насъ здѣсь оказывается окрестили, въ тотъ же день чуть-чуть не загнули салазки своему же учителю...

Вотъ шпоръ, оказывается, не полагается — жаль, ждали, но когда выѣзжаешь въ отпускъ за предѣлы Петербурга, по традиціи, долженъ одѣть и на балы то-же... Перекличка въ Конференцъ-Залѣ — 1-я батарея, и мы, утомленные массой впечатлѣній, немедля улеглись спать.

Утро — звонокъ въ 6 ч. 45 м., и труба трубача. Пришелъ нашъ старшій въ отдѣленіи — старшій портупей-юнкеръ **Хрущовъ**, преподалъ въ чисто товарищеской формѣ нѣкоторыя указанія, обявилъ время, когда медицинскій осмотръ, пригонка обмундированія и пр... и, жизнь пошла своимъ чередомъ...

Какъ въ доброй хорошей семьѣ, всѣ слились воедино. Дружественно-товарищеское единеніе юнкеровъ, заботливо-братское отношеніе училищныхъ офицеровъ, самихъ же бывшихъ **Михайловцевъ**, отеческое — со стороны командировъ батарей и высшаго учебнаго персонала, опровергло всѣ страхи о цукѣ и ложное представленіе другихъ о взаимоотношеніяхъ въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, а въ дальнѣйшемъ, не только не вызывало сожалѣнія о назначеніи въ Артиллерійское Училище, но и выпускъ — вмѣсто конной — въ крѣпостную артиллерію — вызывалъ гордость сознанія, что хоть и въ крѣпости, но изъ **Михайловскаго Артиллерійскаго Училища**.

Алекс. Ник. Потаповъ
капитанъ, выпуска 1910 г.
Суворов. кадет. корп.

„М“ съ короной.

(1907—1910 гг.).

Хочется вѣрить, что мое искреннее желаніе подѣлиться моими воспоминаніями о дорогой нашей школѣ, искупитъ недостатки изложенія и смягчитъ строгій судъ читателя.

А. Н. Потаповъ (1914 г. — пор. Кавк. Гренад. Арт. бриг.).

Останавливаясь, главнымъ образомъ, на строевомъ дѣлѣ, внутреннемъ укладѣ и разныхъ событіяхъ жизни Училища, долженъ оговориться, что возможны ошибки во времени, ибо не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили стѣны родного Михайловскаго Артиллерійскаго Училища. Эти невольныя ошибки прошу мнѣ простить.

1907 годъ.

Нашему выпуску 1907 года изъ кадетскихъ корпусовъ приказано было явиться въ училище 1 іюля — для отбытія лагернаго сбора. Послѣ мѣсяца усиленныхъ строевыхъ занятій, въ началѣ августа, мы были уволены въ отпускъ, уже присягнувшими молодыми юнкерами, по училищному прозвищу *„козерогами“*. Явиться изъ отпуска мы были должны 1 сентября. Къ этому дню прибыли и поступившіе изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, по конкурснымъ испытаніямъ, 30 молодыхъ людей, которые должны были и нагонять насъ въ строевыхъ занятіяхъ и принимать присягу отдѣльно отъ насъ — своихъ однокурсниковъ. Это было признано неудобнымъ и уже въ 1908 году всѣ поступившіе въ Училище прибывали 1 сентября. Такимъ образомъ кадеты выпуска 1907 года были послѣдними, отбывшими въ Училищѣ четыре лагерныхъ сбора.

Ко дню нашего поступленія Начальникомъ Училища былъ генералъ-маіоръ **Вахарловскій**; командиръ 1-й батареи полк. **Бодиско**, 2-й батареи — полк. **Мамонтовъ**; командиры полубатарей 2-й батареи — капитаны **Говорѣцкій** и **Леонтовскій**. Курсовые офицеры, принявшіе отдѣленія младшаго класса, были: въ 1-й батареѣ — 1 отдѣленія кап. **Коноваловъ**, 2 го — шт.-кап. **Марцинкевичъ**, 3-го — шт.-кап. **Голубинцевъ**; во 2-й батареѣ 4-го — кап. **Куприяновъ**, 5-го — шт.-кап. **Коверскій** и 6-го шт.-кап. — **Поповъ**.

1 сентября начался нашъ первый учебный годъ. Лекціи и репетиціи чередовались со строевыми занятіями. Рабочій день начинался въ 7 часовъ и заканчивался въ 16 часовъ, когда юнкера обѣдали. Въ свободное время — до переклички, которая производилась въ 21 часъ и послѣ нея до 24 часовъ, когда уже всѣ должны были быть въ постеляхъ, юнкера могли готовиться къ репетиціямъ или же располагать временемъ по своему желанію. Ежедневно было три часа строевыхъ занятій и четыре часа лекцій. Расписаніе репетицій объявлялось на полгода. Начинались онѣ обыкновенно въ 18 часовъ; если же профессоръ не приходилъ къ 18¼, то репетиція „*закладывалась*“.

Учебный отдѣлъ состоялъ въ вѣдѣніи инспектора классовъ ген.-маіора **Брикса**; помощникомъ его былъ, тогда еще капитанъ, **Гродскій**, одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ математиковъ. Въ права помощника инспектора классовъ входило разрѣшеніе отложить, по училищному выраженію „*заложить*“, репетицію, если юнкеръ почему-либо къ ней не приготовился; полк. Гродскій почти всегда давалъ это разрѣшеніе, но если юнкеръ, случайно или намѣренно, просилъ „заложить“, да еще „аналитику“ (вмѣсто аналитической геометріи), то сначала обязательно изгонялся изъ кабинета (см. снимокъ стр. 57).

Всѣ главные предметы читали у насъ извѣстные профессора Академіи и Училища. Вѣроятно, старѣйшимъ изъ нихъ былъ генералъ отъ артиллеріи **Гукъ**, читавшій въ младшемъ классѣ Артиллерію; его расположеніе духа иногда зависѣло отъ привычки вертѣть въ рукахъ линейку, которую и не слѣдовало забывать класть на столъ передъ репетиціей. Артиллерію читали также полковники **Майдель** и **Микеладзе**; химію — полковники **Ипатьевъ** и **Сапожниковъ**, капитаны **Солонина** и **Бѣляевъ**; механику и математику — милѣйшій полк. **Цытовичъ**; физику — ген. **Корольковъ**, кап. **Гуранда** и полк. **Куприяновъ**, худой, высокій, строгій и подчасъ придирчивый, по прозвищу „гвоздь“; математику — полк. **Фроловскій**, братья — полк. и кап. **Петровичи**, страшно другъ на друга похожіе, да еще всегда одинаково одѣтые; различали ихъ по погонамъ и по прическѣ, которая у старшаго брата была немного рѣже. Тактику и фортификацію читали офицеры генеральнаго штаба и военные инженеры. Изъ „тактиковъ“ вспоминаются: высокій и плотный полк. **Скобельцынъ** и высокій и тощій полк. **Шильдбахъ**, любившій, когда юнкера на репетиціи были хорошо одѣты и подтянуты и не терпѣвшій бушлатовъ. Былъ у насъ и штатскій преподаватель, проф. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ **Борисовъ**; „Его Превосходительство“ никогда не ставилъ именинникамъ неудовлетворительный баллъ, а потому въ критическихъ случаяхъ юнкера изъ „Ѳомы“ крестились въ „Ерему“.

Воспоминанія о нашихъ наставникахъ, посвятившихъ себя дѣлу подготовки русскихъ офицеровъ-артиллеристовъ, всегда проникнуты чувствами глубокаго уваженія и искренней благодарности.

Всю чисто строевую подготовку вели наши курсовые офицеры съ крайней серьезностью и настойчивостью; подчасъ и заѣдала насъ „матеріальная часть", но зато, уже будучи офицерами, мы могли только съ чувствомъ глубокой благодарности и удовлетворенія оцѣнить ихъ настоянія, такъ какъ дѣйствительно мы являлись на службу во всеоружіи знанія. Выдающійся вообще составъ учебнаго и строевого персонала давалъ Училищу заслуженную извѣстность серьезной школы.

Зима 1907 года, въ самомъ началѣ нашей юнкерской жизни, ознаменовалась большимъ событіемъ. Въ день Училищнаго праздника, 25 ноября, традиціонный балъ не состоялся. Исторія этого событія такова. Генералъ-Инспекторомъ артиллеріи въ 1907 году былъ отданъ приказъ о самомъ строгомъ соблюденіи формы одежды; этотъ приказъ тяжело отразился на Училищѣ изъ-за ношенія шпоръ. Эта традиція Училища стала подвергаться особеннымъ преслѣдованіямъ. Юнкерамъ было объявлено, что и на балу въ шпорахъ будутъ не всѣ юнкера, какъ это по традиціи было всегда, а только тѣ, кому онѣ по званію полагаются. Среди юнкеровъ немедленно стало извѣстно мнѣніе старшихъ Михайловцевъ, что при такихъ условіяхъ балъ состояться не можетъ, хотя это и будетъ отмѣчено въ столицѣ, какъ событіе большой важности, потому что балы Училища были очень популярны не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, откуда съѣзжались близкіе и знакомые юнкеровъ. Конечно, всѣ юнкера, какъ строгіе хранители традицій, раздѣляли мнѣніе своихъ старшихъ однокашниковъ. Несмотря на всѣ переговоры, требованія свыше и даже извѣстные нажимы, глухой отпоръ юнкеровъ сломленъ не былъ. Генералъ **Чернявскій** въ одномъ изъ своихъ собесѣдованій съ юнкерами по этому поводу заявилъ, что балъ устроятъ офицеры — слушатели Михайловской Артиллерійской Академіи. Но офицеры-академики, поддерживая юнкеровъ въ ихъ защитѣ училищной традиціи, согласія на это не дали. Такъ былъ „заложенъ" балъ въ 1907 году. Чтобы не возвращаться больше къ баламъ Училища, отмѣчу, что нашъ выпускъ такъ и не видѣлъ ни одного нашего бала. Въ 1908 году балъ не состоялся по той-же причинѣ, а въ 1909 году его не было по случаю траура по Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ.

Затронувъ здѣсь, въ связи съ баломъ, одинъ изъ традиціонныхъ вопросовъ Училища, невольно хочется остановиться немного подробнѣе на традиціяхъ училища вообще. Носителями ихъ являлись старшіе юнкера и подъ ихъ вліяніе, благодаря правилу назначенія „правящаго" — портупей-юнкера въ каждое отдѣленіе всѣхъ классовъ, сразу попадали всѣ молодые юнкера. Традиціи, главнымъ образомъ, воспитательнаго характера, требовали отъ юнкера прежде всего самаго бережнаго отношенія къ имени Училища и внѣ и въ стѣнахъ его. Отношеніе юнкеровъ между собой и старшихъ къ младшимъ всегда было доброжелательное, безъ грубости и безъ

фамиліярности. Грубая ругань вообще никогда не раздавалась въ стѣнахъ Училища. Дисциплинарной властью старшіе юнкера по традиціи не пользовались, но ихъ замѣчаніе было много дѣйствительнѣе яюбого наказанія. Юнкеръ Училища нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не смѣлъ показаться „подъ градусомъ"; это, конечно, не значило, что юнкера всегда сидѣли на „сухомъ режимѣ", но значило, что юнкера всегда помнили, что они Михайловцы. Въ Училище, также по традиціи, запрещалось приносить спиртные напитки и, конечно, этого никогда и не было. Только въ одномъ случаѣ въ жизни Училища разрѣшалось традиціей проглотить „по одной", но объ этомъ дальше.

Со стороны офицеровъ Училища отмѣчалось такое же бережное отношеніе къ имени и традиціямъ училища.

Надо замѣтить только, что „шпорный вопросъ", въ связи съ приказомъ, о которомъ ранѣе говорилось, внесъ извѣстную струю разлада между офицерами училища: съ одной стороны — сторонниками традиціи, съ другой — сухими толкователями правилъ, желающихъ выслужиться. Этотъ же приказъ былъ настолько строгъ, что предусматривалъ даже увольненіе юнкера изъ Училища вольноопредѣляющимся въ часть. Такой случай едва не имѣлъ мѣста въ нашу бытность въ Училищѣ. Если бы юнкера не отстояли, то получилось бы странное обстоятельство: по прибытіи въ часть, онъ, по своему званію, былъ бы фейерверкеромъ и надѣлъ бы нашивки и шпоры, за которые пострадалъ въ Училищѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ закончилось первое учебное полугодіе и опредѣлились *„декабристы"*, т. е. тѣ юнкера, которые не выдержали тяжести наукъ и перевелись въ другія училища; ихъ мы уже не застали, вернувшись въ Училище послѣ Рождественскаго отпуска.

1908 годъ.

Второе полугодіе учебнаго года пролетѣло также быстро за напряженной работой, чередовавшейся съ отдыхомъ и развлеченіями, которыя намъ давала столица въ видѣ театровъ, музеевъ, вечеровъ и простого отпуска; имъ юнкера младшаго класса пользовались по праздникамъ и разъ въ недѣлю, въ день по своему выбору.

Повѣяло весной. Училище заканчивало зимнія занятія и готовилось къ выходу въ лагерь.

Въ лагерь Михайловское Артиллерійское Училище всегда выступало 5 мая. Старшій и средній классъ шли походнымъ порядкомъ въ конномъ расчетѣ, а свободные отъ наряда и младшій классъ отправлялись на пароходахъ по Невѣ и Фонтанкѣ до Лермонтовскаго проспекта, оттуда на Балтійскій вокзалъ, гдѣ ихъ уже ждалъ отдѣльный поѣздъ. Они прибывали въ лагерь раньше и тамъ встрѣчали конный расчетъ.

Лагерная жизнь по своему порядку дня рѣзко отличалась отъ зимняго періода. Подъемъ былъ въ 6 часовъ, и съ 7 ч. до 11 и отъ $13^1/_2$ до $15^1/_2$ час. велись строевыя занятія; обѣдъ былъ въ 11 час.; въ 16 ч. полдникъ, послѣ чего до вечерней зари и пере-

клички — свободное время; въ 23 часа въ лагерѣ жизнь замирала. Въ дни стрѣльбы порядокъ измѣнялся.

Зимой всегда къ утреннему чаю, обѣду и ужину ходили строемъ; въ лагерѣ же въ столовую строемъ не ходили; столы составлялись по группамъ, потому что, вмѣсто подаваемыхъ зимой прекрасныхъ приборовъ, лѣтомъ на трехъ человѣкъ полагалась общая деревянная миска и такія же ложки. Въ свободное время юнкера могли быть гдѣ угодно въ районѣ лагеря; къ услугамъ была прекрасная библіотека, перевозившаяся въ лагерь, музыкальная и фотографическая комнаты и спортивныя площадки.

На Дудергофскомъ озерѣ, на высокомъ берегу котораго былъ расположенъ лагерь Училища, находилась наша купальня и стояла

Открытіе навигаціи. 1909 г.

парусная и гребная флотилія. Парусникъ плаваньемъ вѣдалъ шт.-кап. **Авринскій**, который и производилъ испытанія юнкеровъ и отмѣчалъ ихъ право ходить на томъ или иномъ парусномъ „кораблѣ". Открытіе навигаціи происходило вскорѣ послѣ прихода въ лагерь. На двухмачтовый „Кондоръ", подарокъ Училищу Великаго Князя Михаила Александровича, ставилась горная пушка и онъ отходилъ отъ берега; за нимъ въ кильватерной колоннѣ „Граната", „Шрапнель", „Картечь" и другія парусныя и гребныя шлюпки. Выстрѣлъ съ „Кондора" давалъ знакъ свободнаго плаванія. На берегу стояла мачта, на которой часто поднимался сигналъ той или иной шлюпкѣ „къ берегу", когда юнкера „ловчились" забраться въ камыши, чтобы встрѣтиться съ „нимфами" озера. Непосредственное вѣдѣніе флотиліей было въ рукахъ стараго матроса **Поликарпа**, который былъ первымъ наставникомъ въ дѣлѣ паруснаго плаванія; зимой же онъ опекалъ арестованныхъ, исполняя обязанности сторожа у карцеровъ.

Нельзя обойти молчаніемъ нашъ лагерный буфетъ **Шувалова**, по училищному прозвищу **„Шакала"**, съ его замѣчательными

„двойными“ бутербродами *) и мороженщика по фамиліи **Родись-хлѣбъ**, съ его вкуснѣйшими сортами мороженаго и несравненнымъ пломбиромъ.

Лагерный сборъ, для насъ „козероговъ“, проходилъ въ усиленной подготовкѣ къ первой боевой стрѣльбѣ; занятія въ паркѣ при орудіяхъ шли непрерывно. На стрѣльбу младшій классъ ходилъ въ пѣшемъ строю, средній классъ давалъ орудійный, а старшій классъ — конный расчетъ.

День первой боевой стрѣльбы младшаго класса назывался *„козерожьимъ праздникомъ“*. Символически въ этотъ день у *„козероговъ“* отпадалъ *„козерожій хвостъ“* изъ 365 позвонковъ, и они, окрещенные первой стрѣльбой, становились уже настоящими юнкерами. Если не ошибаюсь, то съ этимъ днемъ связывалось полученіе юнкерами младшаго класса фейерверкерскаго званія. Въ день „козерожьяго праздника“ баракъ младшаго класса украшался зеленью, а въ баракѣ по койкамъ лежали, приготовленные старшими, различные сюрпризы въ родѣ каррикатуръ, стихотвореній, графическихъ изображеній прозвищъ и т. д. По прибытіи со стрѣльбы младшій классъ выстраивался передъ баракомъ и командиръ батареи, въ присутствіи старшихъ юнкеровъ, поздравлялъ „козероговъ“ съ крещеніемъ. Послѣ этого всѣ, конечно, бросались въ баракъ смотрѣть приготовленные „подарки“, вызывавшіе подчасъ много смѣха; затѣмъ всѣ отправлялись на улучшеный обѣдъ.

Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля младшій классъ увольнялся въ отпускъ. Черезъ нѣкоторое время разтѣзжался и средній классъ, а въ лагерѣ оставался одинъ старшій, въ ожиданіи производства въ офицеры.

Къ 1 сентября прибыли мы въ Училище, въ Петербургъ, уже старыми, обстрѣлянными юнкерами средняго класса и принялись усиленно за зимнія занятія и работы.

По пріѣздѣ встрѣтили насъ новости: ушелъ изъ Училища всѣми уважаемый и любимый, традиціонеръ и лихой командиръ 2-й батареи полк. **Мамонтовъ**. За свою быструю рѣчь онъ носилъ прозвище „Балалай“. Вмѣсто него батарею принялъ полк. **Леонтовскій**, командовавшій до того времени полубатареей; 4-е отдѣленіе принялъ, послѣ шк.-кап. **Ланге**, который имъ вѣдалъ очень короткое время, шт.-кап. **Кобылинъ**; 5-е отдѣленіе, вмѣсто назначеннаго завѣдывать конскимъ составомъ нашего тишайшаго и добрѣйшаго шт.-кап. Коверскаго, принялъ кап. **Купріяновъ**, полный, огромнаго роста, добрый и спокойный человѣкъ, преданный Училищу и его традиціямъ; прозвище его за вѣсъ и ростъ было „Мортира“. Въ 1-й батареѣ, вмѣсто кап. Коновалова, 1-е отдѣленіе принялъ шт.-кап. **Козловскій**.

Юнкерамъ средняго класса разрѣшалось ходить въ отпускъ въ праздникъ, наканунѣ его и въ день по своему выбору. Отпускъ съ ночевкой, зимою, разрѣшался лишь къ родителямъ; лѣтомъ же и къ тѣмъ лицамъ, заявленія которыхъ были даны объ этомъ, съ согласія родителей, въ Училище. Отпускъ до окончанія спектакля

*) Въ наше время назывались — „на два канта“ (Прим. Ред).

разрѣшался до часу ночи; и вотъ иногда, когда юнкеру хотѣлось посидѣть у знакомыхъ подольше, прибѣгали къ помощи „контрамарки", ее получали у капельдинера „Александринки" за двугривенный и предъявляли, по возвращеніи изъ отпуска, дежурному офицеру. Конечно, не слѣдовало предъявлять контрамарку въ „постный день", когда спектаклей нѣтъ, и не слѣдовало также забывать названіе шедшей въ театрѣ пьесы.

На дверяхъ одной изъ комнатъ около „Бѣлаго" зала останавливала вниманіе надпись: редакція журнала **„Михайловецъ"**. Журналъ этотъ редактировали и издавали сами юнкера. Въ немъ сотрудничали также профессора и офицеры Академіи и Училища; печатались научныя статьи, очерки училищной жизни и другія литературныя произведенія. Въ нашу бытность редакторами журнала были: портупей-юнкера **Дудышкинъ, де-Лазари** и **Тесленко.**

Нельзя не вспомнить нашу „Донну Анну", много лѣтъ торговавшую сладостями въ кіоскѣ на плацу Училища. Всѣхъ юнкеровъ она знала или по фамиліи или по прозвищу, лично ею данному тѣмъ, кому она особенно симпатизировала: вспоминается нашъ красивый **Гриневичъ**, котораго „Донна Анна" прозвала „Груней".

Приближалось время Рождественскаго отпуска; уже нетерпѣливо считались дни и трудно становилось сдавать репетиціи, особенно въ день или наканунѣ отъѣзда. Здѣсь нѣкоторыхъ выручала возможность попросить преподавателя поставить баллъ на „честное слово"; такъ какъ къ этой просьбѣ прибѣгали очень рѣдко, то отказа не встрѣчалось, но ужъ зато юнкеръ обязанъ былъ слово сдержать и сдать репетицію послѣ Рождества такъ, какъ это ему, по поставленному баллу и данному слову, полагалось.

Безъ особенныхъ событій подошли и встрѣтили мы 1909 годъ.

1909 годъ.

Второе полугодіе учебнаго года требовало по нѣкоторымъ предметамъ изпряженной работы, такъ какъ баллы за нихъ шли въ зачетъ выпускныхъ отмѣтокъ или же учитывались при окончательномъ выводѣ, а также вліяли и на будущія производства въ портупей-юнкера.

Но въ общемъ, все проходило подъ знакомъ скораго выступленія въ лагерь. Какъ всегда, походъ былъ 5 мая. Мы уже въ этомъ году шли въ орудійномъ расчетѣ. Передъ выходомъ изъ города, у Нарвской заставы, юнкерами были сдѣланы нѣкоторые запасы жидкостей въ бутылкахъ, быстро скрывшихся во вьюкахъ и кобурахъ. На большомъ привалѣ у Лигова для офицеровъ были накрыты столы, а юнкера расположились у своихъ запряжекъ, куда имъ принесли обѣдъ, во время котораго и были уничтожены взятые запасы. Это и есть тотъ единственный случай, когда Михайловцы могли выпить въ Училищѣ. Никто изъ офицеровъ, конечно, къ запряжкамъ не подходилъ, а когда это попробовалъ сдѣлать одинъ изъ только-что прибывшихъ въ Училище офицеровъ, то еще съ дороги былъ отозванъ старшими офицерами.

Во время лагернаго сбора намъ, среднему классу, на стрѣльбу пришлось всегда давать орудійный расчетъ. Всѣ другія строевыя

занятія, вмѣстѣ съ практической уборкой лошадей, ковкой и иными работами, связанными съ будущей дѣятельностью, шли своимъ чередомъ; наряды по батареѣ, по кухнѣ, по конюшнѣ и караулъ неслись юнкерами. Съемки и тактическія работы велись подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Особенно напряженно шла подготовка къ призовой стрѣльбѣ, на которую номера при орудіяхъ назначались отъ средняго класса. Стрѣльба въ этомъ году велась уже изъ орудій образца 1902 года, но безъ панорамныхъ прицѣловъ. Орудіе 2-й батареи, въ составѣ юнкеровъ **Лукинскаго, Кирсанова, Есимонтовскаго** и, если не измѣняетъ память, **Подвысоцкаго** — всѣ 6-го отдѣленія, которымъ вѣдалъ кап. Поповъ, — выбило **„фельдцейхмейстерскій призъ“.**

Баракъ младшаго класса въ день первой стрѣльбы.

Призъ этотъ состоялъ изъ золотыхъ часовъ, бинокля и особыхъ нагрудныхъ значковъ номерамъ; батарея же получила почетную доску съ изображеніемъ мишени и попаданій.

Въ этомъ году „козерожій праздникъ“ былъ отмѣченъ личнымъ участіемъ командира батареи полк. Леонтовскаго, который, послѣ прибытія со стрѣльбы, поздравилъ молодыхъ и, подъ крики „ура“, собственноручно оборвалъ *„козерожій хвостъ“*, составленный изъ 365 колпачковъ отъ дистанціонныхъ трубокъ, по числу *„позвонковъ“* хвоста, отросшихъ за годъ; баракъ былъ традиціонно украшенъ и полонъ сюрпризовъ.

Въ концѣ іюля средній классъ, разъѣхался на лѣтніе каникулы.

Сборъ юнкеровъ на зимній періодъ, въ который мы вошли уже юнкерами старшаго класса, былъ, какъ всегда, 1 сентября.

Не застали мы уже курсовымъ офицеромъ кап. Купріянова, принявшаго полубатарею; его отдѣленіе принялъ шт.-кап. **Утиловъ**.

Ушелъ полк. **Бодиско** и вмѣсто него 1-ю батарею принялъ полк. **Микеладзе**. Встрѣтили насъ: новый фельдфебель 2-й батареи Николай **Беренсъ** и старшіе портупей-юнкера Евгеній **Гарабурда** и др.

Къ торжественному дню присяги молодыхъ юнкеровъ въ этомъ году уже мы готовили конный расчетъ. Присяга происходила въ Старомъ манежѣ, передъ фронтомъ 4-хъ орудійной батареи. Послѣ присяги конный расчетъ производилъ показное „нѣмое“ ученіе. Готовились къ нему усиленно; въ этотъ день манежъ всегда былъ полонъ высокихъ начальствующихъ лицъ и гостей, и въ ихъ присутствіи сдѣлать какую-нибудь ошибку было большимъ скандаломъ. Отъ капитана Попова не разъ во время подготовки приходилось слышать напоминанія объ этомъ и прибавленія неизмѣннаго выраженія его, то добродушнаго, то сердитаго, *„хрѣнъ вамъ въ лобъ“*.

Однимъ изъ волнующихъ событій этой зимы было распоряженіе выпускать по 3-му разряду, т. е. вольноопредѣляющимся на шесть мѣсяцевъ, тѣхъ юнкеровъ, которые получатъ на выпускныхъ экзаменахъ неудовлетворительный баллъ по какому-нибудь предмету. Для нашего выпуска была исходатайствована отмѣна этого распоряженія.

Учебный годъ проходилъ въ самыхъ напряженныхъ занятіяхъ. Многіе такъ усиленно занимались по вечерамъ въ аудиторіяхъ, гдѣ запрещался всякій шумъ и разговоры, что дали основаніе юнкеру 4-го отдѣленія Константину **Кобордо** утверждать, что отъ температуры *„каленія“* можетъ зажечься электрическая лампочка и что въ доказательство этого имъ будетъ помѣщенъ въ *„зубрилку“* изобрѣтенный имъ-же приборъ *„зубримѣтръ“*. „Опытъ“ былъ произведенъ и, къ общему удовольствію всѣхъ собравшихся передъ стеклянными дверями аудиторіи, въ томъ числѣ даже и дежурнаго по училищу офицера, электрическая лампочка зажглась и доказала правоту изобрѣтателя, остроумно использовавшаго въ приборѣ тяжесть маленькаго, подвѣшеннаго на коромыслѣ, ведрышка, въ которое постепенно набиралась вода изъ воронки.

Послѣдній разъ провели мы юнкерами Рождественскіе праздники. Грядущій годъ сулилъ намъ производство.

1910 годъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ состоялось погребеніе Великаго Князя **Михаила Николаевича**, скончавшагося въ Ниццѣ, въ декабрѣ 1909 года. Тѣло Великаго Князя прибыло въ Севастополь, куда отъ артиллерійскихъ училищъ и шефскихъ частей ѣздили депутаціи для сопровожденія гроба въ Петербургъ. Съ Николаевскаго вокзала на лафетѣ отъ 2-й Великаго Князя Михаила Николаевича батареи Гвардейской конно-артиллерійской бригады, въ сопровожденіи наряда отъ частей гарнизона и среди шпалеръ войскъ, гробъ былъ перенесенъ въ соборъ Петропавловской крѣпости. Когда лафетъ прибылъ къ собору, то **Государь Императоръ** лично, съ назначеннымъ нарядомъ, внесъ гробъ Великаго Князя въ соборъ. Въ этотъ нарядъ были назначены: 20 человѣкъ отъ 2-й Великаго Князя батареи, два юнкера Константиновскаго и два юнкера Ми-

хайловскаго училища; отъ нашего Училища въ этомъ нарядѣ привелось быть: отъ 1-й батареи юнкеру **Халютину**, а отъ 2-й батареи *мнѣ*.

Учебный годъ приближался къ концу. Послѣдній день лекцій въ Училищѣ былъ ознаменованъ традиціоннымъ „отбоемъ". Всѣ трубачи Училища во всѣхъ помѣщеніяхъ играли „*отбой*", а въ курительной комнатѣ читался соотвѣтствующій приказъ и были развѣшены рисунки на злобу дня, стихотворенія и прочія произведенія, характеризующія событія училищной жизни. Трубачи получили за „отбой" вознагражденіе отъ юнкеровъ, т. к. сыграть сигналъ въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ, находившихся подъ запретомъ, было связано съ извѣстнымъ рискомъ взысканія. Протрубилъ намъ въ послѣдній разъ „отбой" и старшій швейцаръ, бывшій нашъ штабъ-трубачъ, прослуживший въ Училищѣ на этой должности 25 лѣтъ.

Наступила волнующая и для многихъ судьбоносная пора выпускныхъ экзаменовъ.

Она ознаменовалась еще болѣе волнующимъ и важнымъ событіемъ училищной жизни — посѣщеніемъ Училища **Государемъ Императоромъ**. Радостная вѣсть мгновенно облетѣла Училище и только выраженное **Его Величествомъ** желаніе, ничѣмъ не прерывать происходившихъ въ этотъ день экзаменовъ и общаго порядка дня, удержало всѣхъ на мѣстахъ. Обходя классныя помѣщенія, **Государь** интересовался работами юнкеровъ и выражалъ имъ пожеланіе успѣха въ предстоящихъ испытаніяхъ; тамъ же, гдѣ уже шли экзамены, **Его Величество** задерживался дольше, выслушивая отвѣты юнкеровъ. Въ моментъ отбытія **Государя** удержать кого-либо и дальше на мѣстахъ было уже невозможно — рѣшительно всѣ бросились провожать Августѣйшаго Посѣтителя. Эти восторженныя чувства, всѣхъ тогда охватившія, понятны и дороги тому, кто ихъ не разъ переживалъ и испытывалъ въ присутствіи и подъ обаяніемъ личности Государя.

Вскорѣ закончились испытанія и будущихъ офицеровъ не безпокоили больше длинныя химическія формулы и тощіе крючки интеграловъ.

Послѣдніе дни передъ выступленіемъ въ лагерь мы широко пользовались правами старшаго класса на отпускъ: въ праздникъ, наканунѣ его и два дня по выбору юнкера. Къ тому же начались уже и пріятныя хлопоты съ заказами офицерскаго обмундированія и мы охотно и много времени удѣляли поставщикамъ.

Пришло традиціонное 5 мая, когда мы, уже въ конномъ расчетѣ, выступили въ лагерь отбывать нашъ послѣдній передъ производствомъ и самый интересный сборъ. Всѣ строевыя занятія велись, главнымъ образомъ, въ полѣ, практически; почти ежедневно производились конныя ученія, развѣдка, съемки и подготовка къ стрѣльбѣ.

Стрѣльбы проходили для старшаго класса очень интересно, т. к. каждый юнкеръ долженъ былъ отбыть боевую стрѣльбу, къ которой, конечно, приступалъ не безъ трепета. Очередныя стрѣльбы офицеровъ училища проходили далеко не всегда благо-

получно и удачно, т. к. заслужившаго „подкатъ“ офицера преслѣдовали „журавли“ въ небѣ или глубоко зарывавшіеся „клевки“, не давая ему пристрѣляться. Однимъ изъ такихъ постоянныхъ „счастливцевъ“ былъ, сравнительно недавно прибывшій въ училище, шт.-кап. **Шкапскій**, особенно рьяно преслѣдовавшій юнкеровъ за шпоры. Очень рѣдко удавалось пристрѣляться и полковнику Микеладзе, несмотря на его ученые труды и статьи по теоріи стрѣльбы въ журналѣ **„Михайловецъ“**.

Приближался день Царскаго смотра. Уже не въ первый разъ намъ, отбывавшимъ лагерные сборы въ училищѣ, приходилось на немъ присутствовать, но раньше мы не участвовали въ парадѣ, куда ходилъ только конный расчетъ, а теперь это выпадало на нашу долю. Незабываемое впечатлѣніе. И теперь еще охватываетъ волненіе, когда вспоминаешь то особенное чувство, которое вливало невѣроятный подъемъ и желаніе быть наилучшимъ въ каждое живое существо въ моментъ прохожденія передъ Государемъ.

Нельзя не вспомнить маленькій эпизодъ. Обыкновенно, незадолго до дня смотра, войска лагеріаго сбора собирались по тревогѣ къ Царскому валику. Одинъ изъ офицеровъ 2-й батареи случайно узналъ, когда будетъ тревога. Батарея заранѣе приготовилась и, какъ только взвилась сигнальная ракета, пошла полевымъ галопомъ къ мѣсту сбора въ полной увѣренности, что честь прибытія первыми — за ней. Каково же было разочарованіе, когда батарея застала у Царскаго валика Павловское училище, несравненныхъ нашихъ *„Павлоновъ“*, въ строю. Оказалось, что и у нихъ стало извѣстно о тревогѣ, и они, подъ прикрытіемъ темноты, блестяще произвели перебѣжку.

На призовую стрѣльбу въ этомъ году вышли съ панорамными прицѣлами. Интересно отмѣтить вліяніе этихъ точныхъ прицѣловъ на исходъ стрѣльбы. Нѣкоторыя орудія, давшія радіусъ разсѣиванія въ 17″ и расчитывавшія на призъ, зная призовыя попаданія предыдущихъ лѣтъ до 60″, такового вообще не получили. Конному расчету пришлось даже на этотъ разъ отказаться отъ традиціи прокатить домой не получившихъ приза по всѣмъ камнямъ и ухабамъ, а наоборотъ бережно ихъ доставить въ лагерь.

Посѣтилъ лѣтомъ училище Китайскій принцъ и ему 2-я батарея показывала конное ученіе въ полномъ расчетѣ батареи. Принцъ въ сѣромъ, обтягивающемъ его тоненькую фигуру, мундирѣ, сѣрыхъ длинныхъ брюкахъ, въ лакированныхъ сапожкахъ съ золотыми шпорами и въ сѣрой шапочкѣ съ золотымъ шарикомъ, подъѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи свиты русскихъ начальствующихъ лицъ и двухъ мандариновъ въ черныхъ халатахъ, съ блестящими шариками на шапочкахъ, къ строю батареи и громко произнесъ что-то въ родѣ „тра-та-та“. Только мелькнувшая шашка командира батареи вызвала дружный отвѣтъ на это „здравствуйте юнкера“. По отзывамъ лицъ свиты, ученіе подъ командой лихого командира полковника Леонтовскаго, закончившееся остановкой развернутаго строя, шедшаго широкимъ полевымъ галопомъ, передъ группой начальниковъ, было проведено блестяще и оставило отличное впечатлѣніе.

Въ этомъ же году были возобновлены состязанія въ фигурной орудійной ѣздѣ по препятствіямъ, и мнѣ пріятно вспомнить, что наша запряжка, въ составѣ: фейерверкера **А. Павлова** и уносовъ — передняго **С. Базилевскаго**, средняго **Ф. Межинскаго** и корня — *меня*, не сдѣлавшая вообще никогда ни одной заступки и участвовавшая во всѣхъ церемоніяхъ и парадахъ, и на этотъ разъ взяла призъ.

Изъ обычаевъ лагерной жизни надо еще вспомнить *„собаку“*, т. е. угощеніе, которое долженъ ставить часовымъ начальникъ караула. Такъ какъ это былъ иногда расходъ весьма значительный, то нѣкоторыя отдѣленія въ теченіе года собирали средства, изъ которыхъ и оплачивалась „собака“ караульнаго начальника.

Прошла уже разборка вакансій и наступила пора маневровъ, какъ признакъ приближающагося дня производства.

5 августа, наканунѣ производства, мы вернулись съ послѣдняго ночного маневра и лихорадочно готовились къ волнующему событію слѣдующаго дня. Вечеромъ намъ, „офицерамъ“, былъ сдѣланъ Начальникомъ Училища генераломъ Вахарловскимъ пріятный сюрпризъ: лучшій военный оркестръ, Л. Гв. Финляндскаго полка, доставилъ намъ много удовольствія своимъ исполненіемъ чудесныхъ произведеній русской музыки.

Былъ исполненъ и вальсъ *„Сѣтонъ кръпаковъ“*, какъ въ наше время называли юнкера вальсъ *„На сопкахъ Манджуріи“*. Играли его тѣмъ тридцати юнкерамъ, которые должны были взять обязательныя вакансіи въ крѣпостную артиллерію.

Въ незабываемый для насъ день, 6 августа 1910 года, жизнь въ лагерѣ началась чуть-свѣтъ. Около 9 часовъ старшій классъ училища въ строю отправился на переднюю линейку Главнаго Красносельскаго лагеря, гдѣ всѣ училища и выстроились, въ ожиданіи прибытія Его Величества.

Государь Императоръ лично поздравилъ насъ офицерами.

Трудно описать тѣ чувства, которыя волновали тогда души молодыхъ офицеровъ; ихъ ликованіе, восторгъ и горделивое сознаніе, что они вступаютъ на путь отвѣтственной службы Царю и Родинѣ, — вылилось отчасти въ громовомъ „ура“.

Необходимо отмѣтить здѣсь одну изъ традицій училища: послѣ производства всѣ остальныя училища немедленно оставляютъ строй и расходятся или разъѣзжаются по своимъ лагерямъ, лишь наше училище остается въ строю: командиры батарей командуютъ *„г. г.офицеры, направо, шагомъ, маршъ.“* Строемъ приходитъ училище въ лагерь и, послѣ скромнаго торжества поздравленія произведенныхъ офицеровъ начальникомъ училища и командирами батарей, бросаются молодые офицеры по баракамъ, чтобы надѣть сіяющія зарею новой жизни звѣздочки.

Перевернулась тогда страница нашей жизни, но и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, лѣтъ тяжелыхъ испытаній, страница эта также свѣтла, также наша душа согрѣта чувствами неизмѣнной любви и преданности къ нашей выдающейся во всѣхъ отношеніяхъ школѣ — **Михайловскому Артиллерійскому Училищу**, и также крѣпка наша вѣра, что вспыхнетъ снова яркимъ огнемъ, теперь намъ символически сіяющій, вензель **“М“ съ Короной**.

Борисъ Авдѣевичъ Долгово-Сабуровъ
капитанъ, выпуска 1911 года.
С.-Франциско.

ПРИВѢТЪ КЪ 110-й ГОДОВЩИНѢ.

Твое рожденье, Твой юбилей въ сто десять лѣтъ справляю я, Училище родное, на берегахъ чужихъ... за тридевять земель.

Я шлю Тебѣ привѣтъ, желаю возрожденья.

О, какъ хочу увидѣть вновь Тебя и вспомнить все, что было... и пережить опять тѣ лучшіе года, ту молодую радость, которая ушла навѣки,... навсегда!

Но это лишь мечты. Я не могу вернуться въ далекія, теперь чужія,... странныя мѣста, на берега Невы, которая одна на фонѣ буйныхъ лѣтъ, осталась неизмѣнною и гордой, какъ тогда.

И развернувъ альбомъ, мой спутникъ постоянный, я вспоминаю...

И вижу вновь фасадъ, смотрящій свысока въ просторъ Невы широкой, и уходящій вдаль Литейный длинный мостъ и плацъ съ десяткомъ чахлыхъ ольхъ и небольшой аллейкой, гдѣ я гулялъ съ учебникомъ въ рукахъ.

Юнк. **Б. А. Сабуровъ**, вып. 1911 г.

Вотъ, пушки, входъ и лѣстница крутая ведетъ на верхъ... площадка, телефонъ и мѣсто для „мосье“ (а можетъ быть и нѣмца?), который бралъ перчатки и чистилъ ихъ... за гривенникъ всего.

А дальше... залъ, въ немъ лѣстница стояла,... турникъ... шесты, висѣли кольца. лежалъ матрацъ, чтобы смягчать паденье, упавшихъ невзначай. Отсюда... дверь къ „дежурной“, куда являлся я, чтобъ отпускъ получить иль выслушать разносъ отъ капитана „Моро“.

Налѣво... „дѣтская“, въ четыре ряда койки, портреты по стѣнамъ героевъ прежнихъ лѣтъ, заслуженныхъ усатыхъ генераловъ, въ медаляхъ и крестахъ.

Здѣсь коротали время... и „ставили собаки“ (халву и шоколадъ), что набирали въ долгъ у „нашей донны Анны“, хохлушки среднихъ лѣтъ.

Тутъ... камора для младшихъ, тутъ для старшихъ, а дальше... „камеры“ для всѣхъ: для модниковъ и франтовъ въ собственныхъ мундирахъ, покроя „чортъ меня возьми“, съ рейтузами, прилипшими въ обтяжку и съ сапогами отъ „Гозе“; для безпокойныхъ, нерадивыхъ и тѣхъ, кто на Морской, во мглѣ нависшаго тумана не вдругъ могучую „Мортиру“ различилъ, съ усмѣшкой бросившаго взоръ на кожаный темлякъ и шпоры.

А вотъ... красавецъ, изящный „Бѣлый залъ“, нарядный, какъ невѣста, слѣпившій тысячью блистающихъ огней,... рояль въ углу, вдоль стѣнъ — портреты, скамейки мягкія, турникъ,... на немъ Оскаръ, а можетъ Отто? даетъ урокъ: „Ви дэлай такъ“!

Внизъ... лѣстница, ведущая къ столовой, — печальный эпизодъ случился здѣсь со мной, — я до звонка къ обѣду тихо крался, чтобъ первому въ столовую попасть, какъ вдругъ, лицомъ къ лицу, наткнулся... на „Шабаку“.

Вотъ классы... длинные столы, зеленые большіе абажуры,— они уютъ вносили, — и было такъ пріятно и тепло, закрывшись съ головой, въ нихъ помечтать... А иногда, раскрывши книгу, разлечься на столѣ: надменный видъ бездушныхъ интеграловъ въ унынье приводилъ, глаза слипались; я свѣтъ тушилъ и, абажуръ спустивши, подъ нимъ дремалъ до чаю, подъ болтовню и шутки юнкеровъ.

А лекціи! Среди учителей, талантливыхъ и заслужившихъ имя, я вспоминаю многихъ... **Ипатьевъ** и **Сапожниковъ**, солидные мужи, въ трудахъ скрѣпленные другъ съ другомъ такъ прочно, какъ сахаръ и вода въ загадочной глюкозѣ, какъ... „О“ съ „Ашъ два“ въ молекулѣ воды.

Полковникъ **Гродскій**, **Гнучевъ**... влюбленные друзья, постигшіе всю глубину науки, всю прелесть функцій, стремящихся къ нулю, какъ къ своему далекому, далекому предѣлу. Меня они не поняли и разговоръ со мной вели обычно кратко, голосомъ въ которомъ слышалась глубокая тоска. „Чушь! Ахинея! Вздоръ!“— вотъ тѣ слова, подъ звукъ которыхъ „плавалъ“ я, стараясь разгадать предѣлъ для „Пси большого“.

И вспоминается блестящаго ума и рѣдкихъ знаній **Петровичъ** старшій, его чудесная манера говорить и рѣдкій даръ такъ ясно излагать, что даже я — „крѣпакъ на грани“, — могъ понимать и чувствовать и даже осязать секретъ... „кривыхъ второго рода“.

Серьезный химикъ, съ тонкимъ теноркомъ „*моолекула*“ **Бѣляевъ; Семека,** штатскій душка, влюбленный въ Пушкина и не дурной ораторъ; священникъ **Альбовъ**... онъ часто говорилъ о безутѣшномъ львѣ, ронявшемъ слезы надъ трупомъ человѣка, пустынника-аскета.

Бѣляевъ, но другой — артиллерійскій тактикъ... полковникъ былъ тогда... незаурядный лекторъ! На лекціяхъ его едва хватало мѣста. Въ волненіи мы слушали, какъ онъ разсказывалъ

о подвигахъ и жертвахъ, о бояхъ въ Японскую войну и... о жестокихъ, но заслуженныхъ урокахъ.

Полковникъ **Майдель**, пылкій и живой... и видный, статный **Микеладзе**, они могли донять меня почти до слезъ „кривой Персена", которая, какъ думается мнѣ, была не очень ясна ея создателю — ученому французу.

Чудакъ полковникъ **Лоренцъ**, передъ отвѣтомъ на доскѣ — всегда удачнымъ — мы къ дочери его... вдругъ загорались страстью и посылали ей цвѣты, и шоколадъ, и... клюкву въ сахарѣ. Никто не видѣлъ эту дочку и не зналъ, но каждый проявлялъ о ней всегдашнюю заботу и о ея здоровьи — мы все переклись и... съ папой жили въ мирѣ.

На маневрахъ: „вольно—оправиться" на позиціи. (Пушка обр. 1902 г.).

И многіе другіе проходятъ предо мной... вотъ длинный *„Гвоздь"*, гроза для слабонервныхъ, на генераторѣ запутавшій меня въ конецъ. На лекціяхъ его, — тягучихъ и унылыхъ, какъ панихида въ ненастный и дождливый день, — такъ спать хотѣлось!

Профессоръ **Корольковъ**, похожій на іерея съ большимъ приходомъ въ уѣздномъ бойкомъ городкѣ.

„Его Превосходительство" ветеринаръ, магистръ и докторъ **Лавриновичъ**, былъ нервенъ, совсѣмъ какъ мышь, попавшая въ ловушку Малѣйшій шумъ его тревожилъ, а яркій свѣтъ отъ лампъ могъ вызвать вспышку гнѣва. На репетиціяхъ его мы двигались, какъ тѣни, въ неясномъ мягкомъ свѣтѣ китайскихъ фонарей изъ розовой бумаги, что къ репетиціямъ готовили его.

Василій Тимофеичъ!.. нашъ генералъ!.. какъ дубъ столѣтній, кряжистый и крѣпкій, очаровательный чудакъ! Разставивъ ноги, и руки заложивъ назадъ иль за сюртучный бортъ, въ занятной рѣчи онъ жаловался намъ, что измѣнились люди, что *„юнкеръ ужъ не тотъ"*.

Полковникъ **Леонтовскій**... (я „Балалайку“ не засталъ) простакъ, упрямецъ, милѣйшій человѣкъ, по виду — типъ забубеннаго казака-запорожца, съ усами длинными, свисавшими на ротъ.

— „А не угодно ли!“ — генштабъ. полковникъ **Шильдбахъ**, надушенный „моментъ“ и безупречный франтъ, онъ тактику читалъ. Въ Германскую войну, какъ слышалъ я потомъ, командуя полкомъ... Лейбъ-Гвардіи Литовскимъ, онъ оказался доблестнымъ, умѣлымъ офицеромъ и заслужилъ почетъ...

И многое другое, я вспомнилъ о Тебѣ, Училище мое... Безъ муштры, и безъ лишняго стѣсненья, безъ лишней строгости, въ Твоихъ стѣнахъ велась серьезная работа для подготовки вѣрныхъ слугъ, „отличныхъ офицеровъ“, — защитниковъ Россіи въ ея невзгоды часъ...

Ты укрѣпляло въ нихъ понятіе о долгѣ и научило ихъ достоинство блюсти, не выходить изъ правилъ чести, поддерживать традиціи Твои — заботиться о томъ, чтобъ имя юнкера **Михайловца-артиллериста** примѣромъ было всѣмъ... [1]).

Къ 25-му ноября 1937 г. [2])

И сегодня, какъ раньше, мы собрались семьей, чтобы вспомнить далеко ушедшее: милыхъ сердцу людей, молодую безпечную радость, и пріютъ и забаву родного гнѣзда, гдѣ мелькнули счастливые, лучшіе годы.

Зовы прошлаго сильны... и межъ нами и тѣ, кто бѣжалъ отъ людей и отъ свѣта, — на сегодня они измѣнили себѣ и пришли. Здѣсь питомцы далекихъ годовъ той единственной школы, что дала многихъ доблестныхъ воиновъ и... почтенныхъ, ученыхъ мужей — гордость нашей науки. И питомцы послѣднихъ часовъ, дѣти въ юнкерской формѣ, очевидцы кровавыхъ безумствъ и... заката Училища зрители. Всѣ пришли; не взирая на возрастъ, на дальность, разницу вкусовъ, различье въ трудѣ. Здѣсь не сборище лицъ, не случайная встрѣча за пищей... И при полномъ несходствѣ, мы одинъ общій признакъ имѣемъ, то — печать нашей школы. Ею мы скрѣплены и въ единствѣ другъ къ другу приближены.

И сегодня, въ 117-й годъ зарожденья, мы почтимъ юбиляра, припомнимъ былое, и прочтемъ подивясь, какъ вѣрны, три строки изъ альбома: [3])

„Тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія о томъ, что не возвратно!“...

---

[1]) Это звучное „стихотвореніе въ прозѣ“ уже было напечатано въ „Артил. журналѣ“ за 1930 годъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи опять напечатать его, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ внесъ нѣкоторыя исправленія.

[2]) Это привѣтствіе, написанное въ С.-Франциско Б. А. Долгово-Сабуровымъ, случайно тамъ, за обѣдомъ, не было прочтено...

[3]) Стихъ Грибоѣдова, помѣщенъ подъ жетономъ на первой страницѣ Альбома видовъ Училища — изд. 1909 г. (*Ред*).

Алекс. Ник. Щербининъ,
шт.-капитанъ, выпуска 1913 г.

НАШЪ БАЛЪ.

25 ноября 1912 года, въ день своего Училищнаго праздника, Михайловцы устраивали балъ.

Каждый годъ на нашъ праздникъ со всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались въ Петербургъ многіе офицеры-артиллеристы, бывшіе питомцы Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, чтобы присутствовать на этомъ праздникѣ. Пріѣзжіе гости обходили все помѣщеніе столь дорогого имъ и ихъ Училища, радостно вспоминая то счастливое время, когда и они были юнкерами и они жили и учились здѣсь также, какъ вотъ эти юнцы, встрѣчающіеся имъ всюду въ ихъ гимнастеркахъ защитнаго цвѣта. Особенно много въ этотъ день было заслуженныхъ генераловъ, мундиры которыхъ были украшены множествомъ боевыхъ орденовъ и появленіе этихъ стариковъ-Михайловцевъ въ нашихъ камораxъ невольно вызывало въ насъ нѣкоторый трепетъ, но эти добрѣйшіе старики просто и мило здоровались съ нами, какъ со своими пріятелями, обнимая и цѣлуя близъ стоящихъ къ нимъ юнкеровъ, также мило бесѣдовали съ нами, были въ весьма радостномъ настроеніи, указывали другъ другу на кровати, которыхъ и они когда-то были хозяева; вспоминали и тѣ дни, когда и они сидѣли въ карцерѣ и оттуда въ окно любовались весь день подъѣздомъ Финляндскаго вокзала и т. д. и т. п. Вотъ теперь каждый изъ насъ понимаетъ радость тѣхъ, болѣе счастливыхъ — чѣмъ мы, Михайловцевъ.

А. Н. Щербининъ
(Юнк. ср. кл., V отд.; 2-й батарей — 1912 г.).

Ко дню своего бала всѣ юнкера готовились двѣ недѣли, украшая обширное помѣщеніе Училища.

Трудно описать все то, что отличало этотъ торжественный день отъ нашихъ повседневныхъ буденъ, — это надо видѣть, чтобы представить себѣ ту талантливость Михайловцевъ, которой восхищались присутствующіе на этомъ балу.

Итакъ, съ 8 час. вечера начали съѣзжаться къ Михайловскому Артилерійскому Училищу приглашенные гости; главный подъѣздъ былъ соотвѣтствующе задрапированъ и украшенъ нашимъ инициаломъ, который ярко сіялъ отъ составлявшихъ его электрическихъ лампочекъ, а кромѣ того съ противоположной стороны рѣки Невы, какъ говорили изъ Пулковской Обсерваторіи, весь фасадъ училища освѣщался ослѣпительными лучами сильнаго прожектора, что придавало торжественный видъ этой части нашего зданія, которое было отлично видно съ другого конца Литейнаго моста; особенно величественными казались на фонѣ, освѣщеннаго прожекторомъ зданія, всѣмъ намъ знакомыя четыре бронзовыя пушки, украшавшія собою изстари главный фасадъ зданія академіи и училища. Это тѣ самыя пушки, у которыхъ мы такъ любили сидѣть во время отдыха на послѣобѣденной прогулкѣ. Мы всѣ знали, что эти пробабушки русской артиллеріи въ свое время весьма удачно усмирили мятежъ „декабристовъ“. Гдѣ-же Вы теперь — эти славныя и дорогія всѣмъ Михайловцамъ пушки?.. Очень жаль, что въ Ваше время Васъ видимо было не такъ много, — иначе не страдала бы никогда наша невиноватая Россія, да и Вы — безмолвные памятники артиллерійской вѣрности Царю и Родинѣ до сей поры отдыхали бы на Вашихъ пьедесталахъ, украшая собою, достойныя Васъ Михайловскія Академію и Училище!..

Длинная вереница санокъ и автомобилей тянулась къ нашему парадному подъѣзду, подвозя приглашенныхъ на балъ, которые по широкой ковровой дорожкѣ входили въ вестибюль, у входныхъ дверей котораго важно стояли два швейцара въ своихъ парадныхъ ливреяхъ съ булавами въ рукахъ, а тамъ дальше суетились трубачи, желая услужить каждому вошедшему гостю.

По лѣстницѣ, ведущей на второй этажъ, стояли шпалерами юнкера, а при входѣ въ классный корридоръ академіи оба фельдфебеля училища преподносили каждой дамѣ букетъ живыхъ цвѣтовъ, а барышнямъ бутоньерки такихъ же цвѣтовъ. Эти цвѣты были выписаны изъ Ниццы на средства, собранныя юнкерами между собою. Дивныя, мохровыя гвоздики своимъ ароматомъ наполнили все помѣщеніе училища, а владѣтельницамъ ихъ придавали еще болѣе праздничный видъ и настроеніе. Каждый юнкеръ встрѣчалъ здѣсь свою даму и слѣдовалъ съ нею дальше, стараясь до открытія бала, познакомить свою спутницу съ тѣмъ убранствомъ помѣщенія училища, которое такъ пріятно отмѣчало сегодняшній, праздничный день.

Въ одной изъ академическихъ аудиторій былъ устроенъ дивный зимній садъ, прохладный, съ широкими аллеями, освѣщенный какъ бы луною и даже въ этомъ саду щебетали и пѣли птички, — это гдѣ-то въ соснахъ были подвѣшены двѣ клѣтки съ канарейками, которыя здѣсь весьма охотно пѣли. Въ чертежной аудиторіи академіи была устроена комфортабельная гостинная.

Малый залъ, какъ мы его называли—академическій, былъ уже готовъ къ танцамъ, сверкая своимъ бальнымъ паркетомъ. Въ этомъ залѣ офицеры-академики устраивали почти каждое воскресенiе свои танцевальные вечера, а мы — юнкера — иногда съ завистью посматривали на танцующихъ изъ своего безконечнаго корридора, направляясь часовъ въ 10 вечера изъ какой-либо „калилки“ или „мертвецкой“ въ свои каморы на ночлегъ.

И сегодня нашъ „безконечный корридоръ“ не измѣнилъ своего вида, развѣ только казался еще безконечнѣе при болѣе медленномъ прохожденiи его подъ руку со своей дамой. Въ концѣ этого корридора, большая проходная комната или залъ, какъ уже ее правильнѣе назвать не знаю, откуда идетъ входъ въ нашу церковь и кабинетъ начальника училища, она всегда была ничѣмъ не занята, сегодня же и она принаряжена, представляя изъ себя гостинную.

А вотъ и нашъ широкій классный корридоръ; позволю и себѣ здѣсь остановиться дольше, такъ какъ всѣ наши гости именно здѣсь то и задерживались, — центромъ ихъ вниманiя была панорама „Кавказъ“. Я не ошибусь, утверждая, что ни одинъ изъ столичныхъ театровъ на своей сценѣ не представилъ бы такъ естественно ущелья кавказскихъ горъ, какъ это изобразили юнкера-Михайловцы въ этой панорамѣ. Одна изъ классныхъ комнатъ и была въ это время какъ бы сценой, на которую публика могла смотрѣть изъ корридора. Всѣ гости весьма долго и съ большимъ удивленiемъ и восхищенiемъ любовались нашимъ „Кавказомъ“, гдѣ открывался видъ на темное ущелье высокихъ горъ, верхушки которыхъ, слегка покрытыя снѣгомъ, еще освѣщались лучами заходящаго солнца; внизу же, уже въ полумракѣ, надъ обрывомъ, видны были силуэты трехъ горцевъ въ ихъ пушистыхъ папахахъ и длинныхъ буркахъ: двое сидѣли, а одинъ стоялъ у костра, всматриваясь куда то въ даль; слабое пламя этого костра временами освѣщало весьма естественныя позы этихъ горцевъ. Этотъ, какъ бы живой огонекъ и вызывалъ въ зрителѣ недоумѣнiе, — дѣйствительное ли это пламя костра или мастерски изображенное, — второе и было правильнымъ. Костеръ былъ искусственный: — подъ хворостомъ находилась оранжеваго цвѣта электрическая лампочка и прилѣпленныя тамъ же соотвѣтственныя полоски папиросной бумаги, изображавшiя огненные языки, выбивающiеся изъ-подъ хвороста, которыя, при помощи вентилятора, колыхались подобно огню костра, въ чемъ издали зрителю дѣйствительно было трудно разобраться.

Японскiй посланникъ, который намъ былъ весьма симпатиченъ въ его богатомъ парадномъ мундирѣ, при его японскомъ ростѣ, такъ онъ отъ нашего „Кавказа“ пришелъ въ неописуемый восторгъ и, забавно говоря по-русски, отдалъ должное талантливости юнкеровъ-Михайловцевъ.

Всѣми, безъ исключенiя, смотрѣвшими эту дивную панораму, чувствовалось, что изъ ущелья вѣетъ на нихъ прохладнымъ, какъ бы сырымъ воздухомъ. Совершенно вѣрно Эту тонкость впечатлѣнiя на зрителя предвидѣли творящiе этотъ „Кавказъ“, для чего за полотнищемъ задняго плана и были открыты всѣ четыре форточки въ окнахъ этого класса.

Великій Князь **Сергѣй Михайловичъ**, въ сопровожденіи ген. Чернявскаго, ген. Карачана и другихъ, долго и молча любовался „Кавказомъ", затѣмъ, обращаясь къ своей свитѣ, сказалъ: *талантливы наши Михайловцы*".

Другая панорама Египетской пустыни была представлена тоже художественно; здѣсь также играло главную роль удачно подобранное и изображенное красками освѣщеніе, передавая зрителю характерность колорита африканской пустыни, съ ея пирамидами и двумя тощими пальмами вдали необъятнаго простора сыпучихъ, раскаленныхъ солнцемъ песковъ.

Третья классная комната въ этомъ же корридорѣ была преображена въ „китайскую комнату", которая вся, съ потолкомъ вмѣстѣ, была затянута дивными коврами, съ низкими, тоже ковровыми тахтами и подушками для сидѣнія и всюду были развѣшены, освѣщающіе эту комнату, китайскіе фонари, а посрединѣ ея красовался, мастерски украшенный живыми цвѣтами, фонтанъ изъ духовъ, ароматомъ которыхъ была пресыщена эта, весьма уютная, гостинная, украшенная еще громадными китайскими вазами, наполненными живыми цвѣтами. Устройство этой „китайской комнаты" было поручено какому-то мебельному магазину.

Поруч. **А. Н. Щербининъ** (1918 г. — Лет.-наблюдат. XXVII Корп. авіац. отр.)

Въ этомъ же корридорѣ, по концамъ его, величественно красовались 6-дм. орудія, сдѣланныя юнкерами изъ картона и эта ихъ картонность дамами выяснялась весьма нелегко, — они дѣйствительно были сработаны мастерски. Но особенно заинтересовала всѣхъ гостей 10-дм. мортира, занимавшая своей громоздкой установкой, почти всю площадку между „Бѣлымъ заломъ" и каморами юнкеровъ I батареи; здѣсь все время наблюдались группы зрителей, въ числѣ которыхъ было много старыхъ артиллеристовъ, любовавшихся и детально осматривавшихъ эту талантливую и весьма сложную работу юнкеровъ; все вѣдь было сдѣлано изъ картона, но размѣры и всѣ детали этихъ трехъ орудій были выполнены точно въ ихъ натуральныя величины.

Открыты для публики были и камеры юнкеровъ II батареи, гдѣ наши кровати стройно стояли подъ спеціальными бѣлыми покрывалами съ громадными, почти во всю кровать, красными вензелями нашего погона, что, конечно, придавало этимъ каморамъ весьма нарядный видъ.

А вотъ еще не лишнимъ будетъ упомянуть объ избушкѣ: это кіоскъ, тоже сдѣланный изъ картона, художественно выполненный въ русскомъ стилѣ, изъ котораго гостямъ предлагались прохладительныя напитки. Кіосковъ этого назначенія было три, но я хорошо запомнилъ вотъ эту небольшую русскую избушку, которая гостямъ такъ нравилась, что она одна привлекала къ себѣ всѣхъ жаждущихъ, въ виду чего два юнкера, обитатели на сей вечеръ этой замѣчательной избушки, просто, какъ говорится, сбились съ ногъ, едва успѣвая — обязательно черезъ единственное окошечко съ расписными ставеньками — угощать жаждущихъ вкуснымъ сравнительно холоднымъ, лимонадомъ.

Наконецъ, грянулъ оркестръ военной музыки, своимъ воодушевляющимъ маршемъ, ровно въ 9 час. вечера, призывая гостей на танцы, первымъ изъ которыхъ былъ полонезъ (муз. Огинскаго) — этотъ танецъ и его музыка до сихъ поръ сохранились въ моей памяти; въ первыхъ двухъ парахъ шествовали важно съ своими дамамъ оба фельдфебеля нашего Училища, открывая балъ, а за ними, также граціозно выступала цѣлая колонна танцующихъ. Сколько граціи и красоты въ этомъ старинномъ, традиціонномъ для большого бала, танцѣ; не то, что въ нынѣшнее время!

Итакъ, балъ начался. Все какъ-то сразу оживилось. Пара за парой носятся въ вихрѣ вальса, но не въ силахъ пройти полнаго тура въ нашемъ громадномъ „Бѣломъ залѣ". Блестящіе офицерскіе мундиры всѣхъ родовъ оружія и нарядные дамскіе туалеты, все это въ танцахъ сливалось въ общую картину рѣдкаго зрѣлища. Да, — любоваться въ то время было чѣмъ.

Великій Князь **Сергѣй Михайловичъ** долго стоялъ съ своей свитой и съ восторженнымъ лицомъ, при Его выгодномъ ростѣ, обозрѣвалъ весь Бѣлый залъ, наполненный танцующей веселой молодежью. Нашъ высокій Гость и Хозяинъ тоже любовался. Бѣлый залъ, второй въ Петербургѣ по размѣрамъ своей площади, вмѣщалъ большую часть танцующихъ, а другая часть танцевала въ меньшемъ, академическомъ залѣ, при второмъ оркестрѣ тоже военной музыки.

На нашемъ балу присутствоваи, какъ я уже упоминалъ, Великій Князь **Сергѣй Михайловичъ**, со своей свитой, затѣмъ почти весь генералитетъ и адмиралитетъ столицы, представители всѣхъ иностранныхъ посольствъ, а также представители всѣхъ военныхъ училищъ и женскихъ институтовъ и приглашенные юнкерами гости, — словомъ всего было гостей около 5 тысячъ. Нетанцующіе гости, сидя въ Бѣломъ залѣ, любовались танцующими, дополняя собою общую красоту столичнаго большого бала. Принявъ во вниманіе богатое освѣщеніе зала его четырьмя громадными люстрами, со множествомъ яркихъ лампіоновъ, и весьма нарядныхъ уже пожилыхъ и заслуженныхъ сидѣвшихъ тамъ гостей, читатель ясно представитъ ту красоту, которую можно видѣть на балахъ, подобныхъ нашему.

Наконецъ, дошло время и до котильона, чего обычно такъ ожидаютъ танцующія дамы, которымъ ихъ кавалеры преподносятъ прекрасный котильонный значекъ въ видѣ жучка, бабочки и

пр въ память настоящаго бала. Вотъ здѣсь еще разъ наши милые гости убѣдились въ мастерствѣ, изобрѣтательности и искреннемъ желаніи хозяевъ бала доставить имъ истое удовольствіе и восхищеніе отъ этого вечера. Юнкера, въ лицѣ присутствующихъ на ихъ балу, какъ-бы благодарили этимъ, всѣхъ вообще за тѣ симпатіи, которыми издавна пользовались Михайловцы въ обществѣ русскихъ людей всей Россіи.

Въ разгаръ этого танца, изъ двери Бѣлаго зала, со стороны II батареи, медленно выѣзжаетъ отлично сдѣланный изъ картона броневой автомобиль въ полномъ своемъ вооруженіи, — дойдя до середины зала, даетъ залпъ изъ двухъ своихъ орудій, направленныхъ высоко въ противоположный уголъ зала; моментъ легкаго испуга отъ выстрѣла смѣнился удивленіемъ и восторгомъ гостей и, подъ громъ аплодисментовъ, изъ обстрѣленнаго угла зала, медленно спланировалъ пораженный аэропланъ, спускаясь на середину зала. Всѣмъ стало ясно, что этотъ аэропланъ принесъ танцующимъ на своихъ крыльяхъ множество разнообразныхъ котильонныхъ значковъ. Отважный броневикъ, сдѣлавъ свое артиллерійское дѣло, вернулся во-свояси, а всѣмъ танцовавшимъ дамамъ ихъ кавалеры преподнесли по одному и по два, въ зависимости отъ ловкости кавалера, значка, снятаго съ только что сбитаго непріятельскаго аэроплана. Опорожненный аэропланъ убирается и начатый танецъ продолжается; всѣ веселы, лица ихъ сіяютъ, они довольны только что случившимся неожиданнымъ для нихъ событіемъ.

Этотъ небольшой и тоже картонный аэропланъ былъ еще наканунѣ бала подвѣшенъ въ самомъ углу высокаго потолка зала и, конечно, не былъ даже и замѣченъ гостями, а если кто и видѣлъ его, то не зналъ его назначенія, что и произвело на всѣхъ соотвѣтствующее впечатлѣніе. Цѣлая система точно размѣренныхъ веревочекъ и дала возможность этому аэроплану плавно спланировать точно на середину зала. Удачей этого планированія всѣ мы были весьма довольны, такъ какъ веревочки были тонкими, за прочность ихъ никто не ручался А въ бронированный автомобиль былъ запрятанъ юнкеръ безъ сапогъ, который и везъ безшумно по скользящему паркету этотъ автомобиль: юнкеръ былъ невидимъ для публики, такъ какъ броня автомобиля закрывала его ноги.

Въ нашей столовой былъ устроенъ буфетъ съ весьма разнообразнымъ и богатымъ угощеніемъ, а кромѣ того, въ одномъ изъ классовъ широкаго корридора находилась, какъ мы ее называли, „сладкая комната“, гдѣ гостямъ предлагались свѣжіе фрукты, пирожныя, конфекты и пр.

Всюду царилъ образцовый порядокъ, благодаря умѣлой распорядительности юнкеровъ, роли которыхъ заранѣе были распредѣлены; всюду наши гости встрѣчали вниманіе и радушіе юнкеровъ-хозяевъ.

Конецъ бала предполагался въ 1 часъ ночи, но начальникъ нашего Училища ген.-м. **Карачанъ**, по просьбѣ нашихъ фельдфебелей, продлилъ веселье до 2-хъ часовъ ночи, послѣ чего, подъ звуки марша, гости начали расходиться, а любители танцевъ

даже и подъ этотъ маршъ успѣли протанцовать еще одинъ вальсъ, чѣмъ и закончили нашъ балъ.

Юнкерамъ было разрѣшено проводить своихъ дамъ до ихъ дома.

Занятій на слѣдующій день, кромѣ дежурствъ, никакихъ не было и мы весь этотъ день отдыхали и дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями нашего бала, а вечеромъ на повѣркѣ юнкеровъ присутствовалъ Начальникъ Училища, котораго наши фельдфебеля, отъ лица всѣхъ юнкеровъ, благодарили за доставленное имъ вчерашнее удовольствіе, а Его Превосходительство благодарилъ своихъ юнкеровъ и отъ имени Генералъ-Инспектора Артиллеріи — Великаго Князя **Сергѣя Михайловича** за тотъ образцовый порядокъ и за ту работу, которую юнкера показали на вчерашнемъ праздникѣ и балу.

Полк. **Ник. Фердин. Рафаловичъ**, завѣд. обуч. въ Акад. офиц.—1904.

При описаніи бала, попутно мнѣ вспомнились всѣ три года, проведенные въ Училищѣ. Это были самые счастливые годы жизни моей и моихъ однокашниковъ, такъ какъ вскорѣ вспыхнула Великая Война, съ ея увѣчьями, неволею и смертью, но на это мы не роптали, мы знали, что страдаемъ, защищая Вѣру, Царя и Отечество, и дѣйствительно русскіе артиллеристы съумѣли врагу показать свою храбрость, талантъ и знанія, что явно признала, еще воюя съ нами, Германія (изъ записокъ начальника нѣмецкаго Главнаго Генеральнаго Штаба генерала Людендорфа). Артиллеристы умѣли быть лучшими на своихъ балахъ и первыми въ бояхъ, чѣмъ всѣ мы обязаны своему, воистину славному и дорогому, Михайловскому Артиллерійскому Училищу.

Великія и тяжкія испытанія выпали на долю нашей одинокой и несчастной Россіи, но Богъ милостивъ и эти страданія сердобольнаго русскаго народа близятся къ концу. Россія, наша Царская, Великая, богатая Россія скоро опять будетъ такой же, а мы — **Михайловцы** приложимъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы, дорогое намъ, наше **Михайловское Артиллерійское Училище** было возстановлено на томъ же самомъ мѣстѣ, съ тѣми же нашими порядками и традиціями и съ тѣми же отличными знаніями и балами.

Въ этомъ и будетъ цѣль дальнѣйшей жизни стараго Михайловца.

****

Всеволодъ Евг. Милодановичъ
шт.-капитанъ; выпуска 1912 года.

ГЕН. С. Л. МАРКОВЪ ВЪ МИХ. АРТ. УЧИЛИЩѢ.

Въ 1911 году въ старшемъ классѣ Михайловскаго Училища былъ впервые введенъ курсъ Исторіи русской арміи. Преподавателемъ былъ приглашенъ **Марковъ**. Мы увидѣли худощаваго, весьма элегантнаго подполковника генштаба, съ рѣзкими движеніями, съ нервнымъ и блѣднымъ лицомъ. Эту блѣдность еще болѣе подчеркивала черная бородка и черный сюртукъ, который носился въ генштабѣ „тоннягами". И Марковъ казался такимъ „тоннягой", типичнымъ „моментомъ", съ котораго Егоръ Егоровъ могъ-бы писать портретъ своего „полковника Миноносцева". Всѣ его манеры, жесты, выраженія, все отвѣчало такому представленію и вносило диссонансъ въ атмосферу Михайловскаго Училища. Онъ и былъ „констоперъ" и не имѣлъ ничего общаго съ духомъ и традиціями нашего „заведенія", ими не интересовался и называлъ насъ „военнымъ" училищемъ, что „противорѣчило существовавшимъ законоположеніямъ" и задѣвало почти-что всѣ 100% слушателей. Отношенія между новымъ преподавателемъ и аудиторіей не приняли поэтому сердечнаго характера.

Предметъ былъ новый, въ программу его всунули съ трудомъ; для лекцій объединяли нѣсколько отдѣленій въ химической аудиторіи. Читалъ Марковъ очень хорошо (это признавали и наиболѣе убѣжденные химики и математики), хотя и не могъ соперничать въ краснорѣчіи съ ген **С. Т. Бѣляевымъ** или съ с. с. **Семекой.** Химическая аудиторія дала одинъ изъ поводовъ къ тому, чтобы была затронута святая святыхъ правовѣрныхъ „михайловцевъ".

Передъ лекціей Маркова читалъ свою ген. **Ипатьевъ** и нагромождалъ вокругъ себя такое множество химическихъ препаратовъ, что лаборанты не успѣвали въ теченіе перерыва очистить поле для „генеральнаго штаба". Марковъ приходилъ въ ярость.

„Уберите эти колбы!" кричалъ лаборантамъ, и съ отвращеніемъ въ лицѣ хваталъ самъ какой-нибудь предметъ и отбрасывалъ его подальше отъ себя.

„Это называется военное училище!" восклицалъ, обращаясь къ юнкерамъ: „Восемь часовъ химіи въ недѣлю! А для военной исторіи нашелся только одинъ часъ въ двѣ!.."

Хотя химія и не пользовалась популярностью, все же большинство видѣло въ заявленіи новаго лектора „покушеніе къ ниспроверженію".

„Не зубрите!" продолжалъ Марковъ: „Вы гонитесь за отмѣтками и тотъ, кто имѣетъ средній балъ на 0,1 больше, чѣмъ другой,

считаетъ себя умнѣе его! Вздоръ! Ваше старшинство не останется навсегда, жизнь передѣлаетъ все! Я кончилъ военную академію хоть и по 1-му разряду, но безъ права преподованія въ военныхъ училищахъ. И вотъ — читаю лекціи не только у Васъ, но и въ той-же военной академіи!"

„И я когда-то смотрѣлъ на вещи такъ, какъ теперь смотрите вы: я кончилъ артиллерійское... Константиновское Училище („хорошо, что хоть поправился!" ядовито шептали юнкера, не признававшіе за константиновцами званія артиллеристовъ) и могъ бы выйти въ офицеры безъ дополнительнаго курса. Но нѣтъ-же!.. Старшій портупей-юнкеръ... остался на дополнительный. Я былъ бы уже полковникомъ, если бы не сдѣлалъ этой глупости!"

Химическая аудиторія. (Свящ. о. Григорій Петровъ и выпускъ 1896 г.).

Въ желаніи Маркова „быть уже полковникомъ" публика усматривала дерзость: вѣдь ему было всего 35 лѣтъ! Это отсутствіе скромности и было тѣмъ, что раздражало большинство юнкеровъ. По общему мнѣнію, Марковъ долженъ бы былъ быть счастливъ, что удостоился чести быть преподавателемъ не гдѣ-нибудь, но въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ! Какъ новый преподаватель онъ долженъ былъ сразу выразить намъ это чувство, долженъ былъ подчеркнуть, что онъ всегда къ этому стремился и что, наконецъ, его мечта исполнилась! Однако, какъ „констоперъ", онъ ничего подобнаго, конечно, не сказалъ, и началъ съ критики.

Образовались двѣ партіи: за Маркова и противъ. Къ первой принадлежали тѣ, которые собирались „измѣнить артиллеріи" и пойти по „моментской" дорогѣ, а также тѣ, которымъ военная Исторія нравилась больше, чѣмъ химія. Но тѣ, которые „чаяли своего второго пришествія въ академію „зубрильную" или тѣ, которые хотя и не

имѣли такого намѣренія, но просто считали нужнымъ „поддерживать традиціи“ — были противъ, и ихъ было значительное большинство.

Однажды Марковъ появился въ полной парадной формѣ. Колодка съ орденами едва умѣщалась на его груди, теряясь концами въ кистяхъ эполетъ. Половина орденовъ были иностранные, остальные съ мечами за японскую войну.

„Ну, конечно!“ говорили юнкера: „Нахваталъ въ штабахъ! Посмотрѣли бы мы на него на войнѣ!“ — „Но, вѣдь, былъ же!“ возражали сторонники Маркова, успѣвшіе обзавестись его книжкой „Еще о Сандепу“ и проштудировать ее. „Да“, отвѣчали первые скептически: „Въ штабѣ 1 Сибирскаго корпуса!“

Борьба была неравная! Вѣдь обыкновенно такъ бываетъ, что люди весьма яркіе въ мирное время, какъ-то удивительно тускнѣютъ на войнѣ! Юнкера, хотя и не имѣли никакого опыта, но чувствовали это инстинктивно, и никто не могъ доказать, что именно Марковъ является такимъ блестящимъ исключеніемъ!

Начались репетиціи. Юнкера подзубрили то, что успѣли записать на лекціяхъ (учебника еще не было) и считали, что подготовились. Не тутъ-то было! Ждалъ новый сюрпризъ.

„Вы — быстрота“, сказалъ Марковъ, обращаясь къ стоящимъ у доски юнкерамъ: „Вы — „глазомѣръ“, а Вы — „натискъ“, и прочтя на лицахъ всѣхъ трехъ полное разочарованіе, добавилъ: „Ну да! Вы ждали, что будете мнѣ разсказывать своими словами то, что записали за мной на лекціяхъ! Это былъ-бы „юнкерскій“ отвѣтъ! Я такихъ отвѣтовъ слышать не желаю и хочу васъ научить думать надъ тѣмъ, что вы прочли“.

Началось „плаванье“ и, какъ результатъ, странныя послѣдствія: люди, имѣвшіе средній баллъ 11 съ дробью, вдругъ получали 9, 8 и даже 6 по такому второстепенному предмету, какимъ была „Исторія русской арміи“. И наоборотъ, юнкеръ, никогда не оцѣнившій разницы между альдегидомъ и кетономъ, вдругъ украшался полнымъ балломъ! Ропотъ усилился...

„Я не остановлюсь передъ тѣмъ, чтобы на выпускномъ экзаменѣ поставить кому-нибудь „ноль“, совершенно не интересуясь тѣмъ, сколько онъ имѣетъ по дифференціальному исчисленію!“ угрожалъ Марковъ...

„Отдѣльные егерскіе баталіоны были впервые употреблены съ большимъ успѣхомъ у Румянцева при осадѣ Кольберга“, началъ на одной репетиціи юнкеръ свой отвѣтъ.

„А гдѣ по Вашему мнѣнію этотъ самый Кольбергъ находится?“ перебилъ его Марковъ. Юнкеръ не зналъ.

„Видите?“ сказалъ Марковъ: „это типично: готовится человѣкъ и совершенно не интересуется тѣмъ, что зубритъ! А Вы?“ обратился къ слѣдующему въ очереди юнкеру **Ордынскому,** химику не меньшему, чѣмъ самъ Ипатьевъ.

„Въ Помераніи“, отвѣтилъ „химикъ“. Марковъ былъ пораженъ, видимо не ожидалъ и какъ-то призадумался. Пауза была сейчасъ-же использована: „Онъ, какъ-будто, и самъ хорошенько не знаетъ: раздумываетъ, дѣйствительно-ли въ Помераніи? Ай, да „хабатъ“ (Ордынскій былъ Александровскаго корпуса)! Нарѣзалъ!

На репетиціяхъ Марковъ курилъ. Самъ особенный — и папиросы курилъ какія-то особенныя: коричневыя, толстыя и безъ мундштуковъ (вставлялъ ихъ въ мундштукъ янтарный). Куренье, конечно, никому не мѣшало, но тоже казалось посягательствомъ на традиціи: вѣдь никто другой этого себѣ не разрѣшалъ!

Итакъ, противъ Маркова накопилось много, что юнкера обратились за „моральной поддержкой“ къ инспектору классовъ проф. ген.-м. **А. А. Брикcу.** На лекціи механики, не помню ужъ по какому поводу, зашла рѣчь о Марковѣ.

„Онъ называетъ насъ *„военнымъ училищемъ“*, началъ осторожно одинъ юнкеръ. „Онъ себя ведетъ, какъ будто-бы находился въ Павловскомъ училищѣ“, добавилъ другой. „Или во 2-мъ военномъ Константиновскомъ“, съязвилъ третій. Старый михайловецъ Брикcъ искренно опечалился.

„Онъ говоритъ, чтобы мы наплевали на химію!“ продолжались жалобы: *„И на механику!“* Брикcъ былъ задѣтъ. *„Онъ куритъ въ классѣ!“* не унимались юнкера. — „Неужели? изумился Брикcъ. „Такъ точно, куритъ! Какія-то коричневыя сигаретки, обыкновенныя, вѣроятно, не годятся для генеральнаго штаба“.

„Господа“, сказалъ Брикcъ: *„Когда у васъ будетъ слѣдующая репетиція? Я приду посмотрѣть“!*

И вотъ репетиція. Марковъ уже въ классѣ. Входитъ Брикcъ и садится за первый столъ. Воздухъ набитъ электричествомъ. Пока что репетиція идетъ обычнымъ чередомъ. Брикcъ тихо ждетъ и юнкера съ нимъ. Марковъ ходитъ вдоль линіи вызванныхъ къ доскѣ.

Вотъ, наконецъ, достаетъ футляръ съ мундштукомъ, вынимаетъ мундштукъ, закрываетъ футляръ и вкладываетъ его обратно въ карманъ. Потомъ вынимаетъ портсигаръ, достаетъ папиросу, вставляетъ ее въ мундштукъ, закрываетъ портсигаръ и отправляетъ его на мѣсто...

Двадцать паръ глазъ, съ глазами Брикса во главѣ, напряженно наблюдаютъ за каждымъ его движеніемъ, но Марковъ, увы, не подозрѣваетъ ничего — и достаетъ коробку спичекъ! Открываетъ ее и вынимаетъ спичку, потомъ беретъ мундштукъ въ ротъ и готовится спичкой черкнуть, но вдругъ какъ бы вспоминаетъ о присутствіи молчаливаго генерала, небрежно цѣдитъ черезъ плечо:

„Разрѣшите, Ваше Превосходительство?“ и, не дожидаясь отвѣта, зажигаетъ спичку.

„Здѣсь курить нельзя!“ выпаливаетъ свирѣпо приподнявшійся Брикcъ. Марковъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе правымъ плечемъ и взмахомъ руки гаситъ спичку. А потомъ вынутые предметы „обращаетъ въ первобытное состояніе“.

„Сеансъ“ оконченъ! Химія и механика торжествуютъ! Но юнкерамъ становится неловко за почтеннаго генерала, такого вообще смирнѣйшаго и безобиднѣйшаго человѣка! Вѣдь и онъ тоже въ своемъ родѣ „готовился“ къ репетиціи и не нашелъ ничего болѣе удачнаго, какъ огрызнуться на подполковника въ нашемъ присутствіи. Почему онъ не могъ предупредить Маркова раньше? Нѣтъ, онъ пришелъ съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ „срѣзать“

Маркова за то, что онъ путаетъ Михайловское Училище съ „военными“, что, конечно, было со стороны Маркова нехорошо, но не заслуживало такого жестокаго наказанія...

Въ концѣ-концовъ юнкера болѣе или менѣе привыкли къ методамъ Маркова, случаи съ Кольбергомъ не повторялись и „шестерки“ перестали получать тѣ, которые по „интеграламъ“ имѣли 12. Но, всетаки, отвѣчать ему было трудно. Онъ былъ нетерпѣливый и постоянно перебивалъ. Поэтому тотъ, кто получалъ какой-нибудь короткій и сгущенный вопросъ, напримѣръ, какой-нибудь бой, былъ въ огромной выгодѣ по сравненію съ тѣмъ, на долю котораго выпало „перелиганіе изъ пустого въ порожнее“, напримѣръ „Движеніе Россіи на востокъ, приведшее къ столкновенію съ Японіей“. Ко времени экзаменовъ мы уже имѣли литографированный курсъ и упомянутое „движеніе“ въ немъ занимало 70 страницъ.

„Вѣдь не дастъ же Марковъ говорить!“ жаловался я передъ экзаменомъ коллегамъ. „Только бы не этотъ билетъ!“ И какъ водится, вытянулъ именно его.

„Уже съ Ермака“, началъ было свой отвѣтъ...

„Оставимъ археологію!“ сейчасъ-же перебилъ Марковъ: „Впрочемъ, когда жилъ Ермакъ?“ Я далъ исчерпывающій отвѣтъ и умолкъ, раздумывая о томъ, въ которомъ столѣтіи кончается „археологія“? Рѣшить было трудно; пришлось обратиться къ Маркову съ непріятнымъ чувствомъ, что „12“ улетѣло!

„Начните съ Японско-китайской войны“, сказалъ Марковъ и слушалъ противъ ожиданія довольно терпѣливо.

„Но отчего же Японія должна была объявить Россіи войну именно въ 1904 году?“ спросилъ, когда я поставилъ точку. Я перечислилъ причины.

„Все это совершенно вѣрно, но можно сказать короче. Помните такое образное выраженіе генерала Симанскаго“? Увы, ничего подобнаго я не помнилъ.

„Пока русскій паровозъ не задымилъ у Корейской границы“! отчеканилъ Марковъ: „Садитесь“!

Курсовой офицеръ гв. шт.-капитанъ **Коверскій**, наклонившись къ Маркову, что-то шепталъ. Сидѣвшіе за нимъ услышали: ...„весьма интересуется военной исторіей...“

Да, думалъ я, возвращаясь на свое мѣсто, „археологія мнѣ обойдется въ одинъ баллъ, а генералъ Симанскій пожалуй что и въ два!“ И сталъ искать въ учебникѣ злополучную фразу Была тамъ, но безъ малѣйшаго намека на авторство Симанскаго! Не знаю, насколько дѣйствительной оказалась защита Коверскаго: я получилъ 10.

На экзаменѣ Марковъ привелъ въ исполненіе свою угрозу „влѣпить кому-нибудь ноль“. Получилъ его юнкеръ Б. и долженъ былъ-бы выйти по 3-му „запалу“. Начальство, конечно, не допустило такого скандала! Юнкеръ Б. былъ объявленъ „переутомленнымъ“ и получилъ переэкзаменовку, на которой Марковъ не присутствовалъ. Вышелъ по 1-му разряду.

П. Туруханскій
свящ. Уфимскаго Гусарскаго полка.
(Не Михайловецъ).

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ П. Е. ГЛУДКИНЪ.

„Ты чести своей никому не отдалъ,
Завѣты храня Адмирала.
И много ты вынесъ, и много страдалъ
Храня чистоту идеала".
(Изъ пѣсни, посвященной ген. Глудкину).

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни"...

Генералъ Петръ Ефимовичъ Глудкинъ родился въ нынѣшней Литвѣ, въ мѣстечкѣ Дусятахъ, Ковенской губерніи, 29 іюня 1895 года, въ семействѣ народнаго учителя. Окончилъ Поневѣжское реальное училище въ 1912 г. и Михайловское Артиллерійское Училище въ 1915 г., откуда былъ выпущенъ въ чинѣ подпоручика. Сразу же изъ училища былъ отправленъ на германскій фронтъ.

Пылкій и неустрашимый, онъ не разъ отличался въ бояхъ, и въ Августовскихъ лѣсахъ былъ дважды раненъ. Онъ имѣлъ слѣдующія награды: орденъ Станислава, Анны III степени, англійскій серебряный крестъ и Георгіевское оружіе. Командуя батареей, онъ отошелъ со своей частью къ Ригѣ.

Здѣсь застала его „великая безкровная". Желаніе поддержать порядокъ и дисциплину въ своей части вызвало недовольство большевиковъ, и штабсъ-капитанъ Глудкинъ былъ арестованъ.

Но смѣлымъ Богъ владѣетъ, и шт.-капитанъ Глудкинъ совершаетъ дерзкій побѣгъ изъ подъ ареста. Черезъ объятую большевицкимъ пламенемъ, необъятную матушку Россію, Глудкинъ благополучно пробирается на югъ въ ряды Добровольческой арміи. Здѣсь онъ получаетъ „секретное порученіе" отправиться въ Москву для вербовки офицеровъ въ армію ген. Деникина.

Шт.-капитанъ Глудкинъ нелегально пробирается въ Москву, съ опасностью для жизни завязываетъ сношенія съ рядомъ лицъ, но латышъ, поручикъ Скуэпикъ, оказывается провокаторомъ и въ одинъ далеко не прекрасный день Глудкинъ попадаетъ въ Бутырскую тюрьму.

Какимъ-то чудомъ Петру Ефимовичу удается доказать свою невинность, и онъ снова на свободѣ. Но эта свобода хуже неволи. „Взятый подъ сумнѣніе" онъ не можетъ оставаться въ Первопрестольной, гдѣ чекисты наблюдаютъ за каждымъ его шагомъ.

Раздобывъ соотвѣтствующій документъ, подъ чужимъ именемъ и фамиліей, Глудкинъ появляется въ Смоленскѣ — въ родной семьѣ.

Но въ Смоленскѣ то-же самое, что и въ Москвѣ. Чека неистовствуетъ: обыски, аресты, разстрѣлы, національзація, соціализація...

Атмосфера невыносимая. Каждую минуту ожидаетъ арестъ и расправа „въ два счета“.

Три дня лежитъ Глудкинъ, не покидая кровати, душою и тѣломъ отдыхая отъ пережитаго кошмара, окруженный вниманіемъ,

Штабъ ген. Глудкина. 1-й рядъ—прап. Коченгинъ, шт.-кап. Сапунковъ; 2-й рядъ—полк. Александровъ, ген. **П. Е. Глудкинъ** (Мих.), полк. Доможировъ; 3-й рядъ — полк. Гамнеръ, шт.-кап. Семенюкъ.

тепломъ, лаской и любовью родной семьи, въ которой съ малыхъ лѣтъ онъ появляется лишь на короткое время рѣдкимъ гостемъ.

Родные распрашиваютъ объ обстоятельствахъ его ареста и суда въ Москвѣ, но Глудкинъ, не желая разстраивать родныхъ, ограничивается самымъ краткимъ, поверхностнымъ разсказомъ, обѣщая повѣдать все потомъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, въ наступленіе которыхъ онъ твердо вѣритъ и за которыя онъ готовъ биться не на животъ, а на смерть. На четвертый день рѣшеніе принято, планъ готовъ, обдуманъ во всѣхъ деталяхъ...

„Родина зоветъ... Онъ не можетъ сидѣть на печкѣ, когда Родинануждается въ каждомъ бойцѣ“... Послѣдній поцѣлуй, послѣднее „прости“ роднымъ и шт.-кап. Глудкинъ уходитъ въ неизвѣстность... Глудкину снова удается пробраться въ Добровольческую армію. Здѣсь онъ получаетъ командировку, вмѣстѣ съ полковникомъ Лебедевымъ, въ Сибирь, въ армію адмирала Колчака. Какъ и какими путями, съ какими приключеніями они переходятъ красно-бѣлый сибирскій фронтъ, для насъ осталось неизвѣстнымъ.

Въ Сибири шт.-капитанъ Глудкинъ получаетъ важную и отвѣтственную должность Командира Отдѣльнаго Баталіона охраны Ставки Верховнаго Главнокомандующаго и Верховнаго Правителя освобожденныхъ отъ большевиковъ мѣстностей Россіи, нынѣ покойнаго адмирала Колчака...

Лѣто 1919 г. было особенно труднымъ для бѣлой Сибирской арміи. Раскинувшаяся на необъятныя пространства, Сибирь мало населена. Все, способное носить оружіе, находится на фронтѣ. Резервовъ нѣтъ. Фабрикъ и заводовъ для производства военнаго снаряженія нѣтъ. Каждый патронъ нужно оплачивать золотомъ — нашимъ, такъ называемымъ, союзникамъ. Черезъ Сибирь пролегаетъ только одна желѣзно-дорожная магистраль, поэтому снабженіе арміи всегда запаздываетъ.

Такъ удачно начавшееся наступленіе бѣлыхъ на Вятку и Волгу пріостанавливается. Сѣверная армія, состоящая въ подчиненіи у чешскаго генерала Гайды, распропагандированная эсъ-эрами, позорно оставляетъ фронтъ и только Уфимская группа сохраняетъ порядокъ, отходитъ планомѣрно, отбиваясь и мѣстами переходя въ наступленіе.

При спускѣ съ Уральскихъ горъ на Западно-Сибирскую равнину, подъ городомъ Челябинскомъ происходятъ упорные бои, но силы неравны, и бѣлые вынуждены къ отступленію вглубь Сибири. Въ сентябрѣ бѣлые снова пытаются остановить красный потокъ и побѣдоносно гонятъ краснымъ верстъ 200—250 отъ Ишима за рѣку Тоболъ. Въ виду отсутствія резервовъ, Верховный Правитель посылаетъ на фронтъ свой личный конвой. Отдѣльный Егерскій отрядъ охраны Ставки, подъ командой произведеннаго въ подполковники Глудкина, храбро сражается на Тоболѣ...

Затѣмъ начинается ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНІЕ, ВЕЛИКІЙ СИБИРСКІЙ ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ. Стоитъ 30—40 градусный морозъ. Армія совершаетъ двухтысячноверстный походъ, плохо одѣтая, разутая... Эс-эры, чехи и большевики производятъ въ тылу возстанія въ Новониколаевскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Владивостокѣ... Въ Красноярскѣ власть захватываютъ большевики. Бѣлая армія въ мѣшкѣ. 24 декабря 1919 г., подъ Красноярскомъ, окруженная со всѣхъ сторонъ Бѣлая Сибирская армія силою оружія пробиваетъ себѣ дальнѣйшій путь на востокъ. Часть арміи сдается краснымъ въ плѣнъ. Подполковникъ Глудкинъ черезъ тайгу и горы благополучно выводитъ свой отрядъ въ Забайкалье и производится въ полковники.

Весь 1920 годъ Глудкинцы ведутъ борьбу съ красными въ Забайкальѣ. Затѣмъ армія вынуждена отступить на китайскую территорію. Китайцами отданъ приказъ о сдачѣ оружія, нѣкоторыя части оружіе сдали, но Глудкинъ приказываетъ своимъ частямъ;

„оружія не сдавать“, и Глудкинцы съ оружіемъ въ рукахъ появляются въ Приморской области.

Въ 1921 г. бѣлые захватываютъ Владивостокъ, и Глудкинъ производится въ генералъ-маіоры. Въ арміи начинаются распри между Каппелевцами и Семеновцами. Каппелевцы возмущаются быстрымъ чинопроизводствомъ, практикуемымъ атаманомъ Семеновымъ. Чтобы положить конецъ спорамъ и показать примѣръ другимъ, генералъ Глудкинъ **слагаетъ съ себя два чина**, полученные послѣ паденія адмирала Колчака, и остается въ чинѣ подполковника...

Кап. Алекс. Алекс. **Тихонравовъ**, III уск. вып. 1915 г., юнкеромъ.

Иннокентій Алекс. **Тихонравовъ**, II уск. вып. 1915 г., прапорщикомъ.

Послѣднее бѣлое правительство братьевъ Меркуловыхъ во Владивостокѣ вызвало недовольство Народнаго Собранія и нѣкоторыхъ частей арміи. Глудкинъ остается до конца вѣренъ правительству. Онъ пытается вывести свою бригаду во Владивостокъ для поддержки правительства, но командованіе арміей приказываетъ разоружить Глудкинцевъ. Во время этого разоруженія, 2 іюня 1922 г., въ Никольскъ-Уссурійскѣ, въ помѣщеніе, гдѣ находился Глудкинъ, брошена бомба. Глудкинъ схватилъ ее и выбросилъ за окно. Второю бомбою онъ былъ раненъ, но не смертельно, хотя получилъ 22 раны. Темные люди врываются въ помѣщеніе Глудкина и добиваютъ его выстрѣломъ изъ револьвера...

Послѣ ухода сына изъ Смоленска въ 1918 г., до 1935 г. родители ген. Глудкина ничего не знали о судьбѣ своего сына. Въ 1935 г. друзья покойнаго прислали родителямъ Глудкина его рубашку, а впослѣдствіи и **Грамоту**.

ГРАМОТА

Командира и чиновъ I Отдѣльной Стрѣлковой Бригады войскъ Пріамурскаго Края, 1-го Егерскаго полка, 2-го Уральскаго Стрѣлковаго полка, 1 Конно-Егерскаго полка и 1 Отдѣльнаго Артиллерійскаго Стрѣлковаго Дивизіона.

СЕМЬѢ СВОЕГО КОМАНДИРА.

Чтя свѣтлую память своего горячо любимаго, боевого Командира и большого русскаго человѣка, отдавшаго на алтарь служенія своей великой Родины — Матушки Россіи все, до своей жизни включительно, мы приносимъ Вамъ, отцу, матери и братьямъ почившаго героя выраженія нашего глубокаго и искренняго соболѣзнованія въ постигшей Васъ безвременной утерѣ Вашего сына и брата — Петра, а нашего Командира — Подполковника **Петра Ефимовича Глудкина.**

Свѣтлая память покойнаго, убіеннаго раба Божія Петра свято чтится не только нами — его бывшими подчиненными, боевыми друзьями и соратниками, нѣтъ, его имя на Дальнемъ Востокѣ всегда являлось и является синонимомъ чести, доблести, вѣрности и безкорыстности въ служеніи своему Отечеству.

Въ далекую Вамъ Сибирь сынъ Вашъ прибылъ въ началѣ 1919 г., пробравшись туда степями съ Юга Россіи, изъ Добровольческой Арміи.

Въ чинѣ штабсъ-капитана, въ должности Командира Отдѣльнаго Баталіона Охраны Ставки Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго, нынѣ покойнаго Адмирала Александра Васильевича Колчака, началъ сынъ и братъ Вашъ службу Отчизнѣ въ рядахъ возраждавшейся молодой Русской Арміи.

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-маіоръ Дмитрій Антоновичъ Лебедевъ справедливо оцѣнилъ Петра Ефимовича и возвысилъ его.

Въ тяжелыя минуты Омска, осенью 1919 г. подполковникъ Глудкинъ, стоя во главѣ Отдѣльнаго Егерскаго отряда Охраны Ставки — отряда равнаго стрѣлковой бригадѣ, доблестно сражается съ красными на поляхъ Западной Сибири.

Въ дни тяжкаго, трагическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и героическаго Великаго Сибирскаго Ледяного Похода, подполковникъ Глудкинъ горными и таежными тропами, въ сторонѣ отъ арміи, выводитъ свой отрядъ въ Забайкалье, за что и производится Главнокомандующимъ Арміями Восточнаго фронта, генералъ-лейтенантомъ Войцеховскимъ въ чинъ полковника.

Весь 1920 годъ проводитъ Глудкинъ, и его егеря, въ Забайкалѣ, въ борьбѣ съ красными партизанми, борьбѣ, доставившей новые лавры, широкую извѣстность и славу и Командиру и его полку.

По отходѣ арміи въ Приморье, утомленные бойцы начинаютъ какъ-будто бы сдавать, но Петръ Ефимовичъ остается въ числѣ немногихъ, вѣрныхъ себѣ и Родинѣ. Онъ готовится снова къ борьбѣ. Уральскій Стрѣлковый полкъ и Отдѣльный Уфимскій,

имени генерала Корнилова, артиллерійскій дивизіонъ присоединяются къ егерямъ, — такъ рождается I-ая Отдѣльная Стрѣлковая бригада.

Труды Петра Ефимовича не были напрасны: 26 мая 1921 г. Владивостокъ переходитъ въ руки бѣлыхъ, а самъ герой, приказомъ Главнокомандующаго вооруженными силами Восточной Россійской Окраины генералъ-лейтенантомъ и Атаманомъ Семеновымъ производится въ чинъ генералъ-маіора.

Однако, скоро вспыхиваетъ братоубійственная война каппелевцевъ и семеновцевъ. Одинъ генералъ Глудкинъ, со своей бригадой не принимаетъ въ ней участія. Подавая примѣръ истиннаго служенія Отечеству, онъ уводитъ свои части въ Спасскъ, на рубежѣ съ совѣтами. Но это не дѣйствуетъ на безумныхъ. Тогда, подчеркивая свое безкорыстіе и идейность служенія, Вашъ сынъ и братъ *снимаетъ съ себя два чина*, полученные имъ по смерти непререкаемаго авторитета — Главы Всероссійскаго Правительства, Верховнаго Правителя Адмирала Колчака.

Но доблесть, безкорыстіе и самопожертвованіе Петра Ефимовича, создавая десятки тысячъ поклонниковъ подполковнику Глудкину, съ другой стороны еще болѣе разжигаютъ темныя страсти мелкихъ людишекъ: 2 іюня 1922 г. надежда Бѣлаго Приморья — подполковникъ Глудкинъ падаетъ отъ гранаты, брошенной презрѣнной и преступной рукой изъ-за угла въ окно помѣщенія, гдѣ находился Петръ Ефимовичъ.

Безъ почестей, тайкомъ зарыли преступники тѣло героя, но Великъ, Справедливъ и Многомилостивъ Господь Богъ: Правитель Пріамурскаго Края и Воевода Земской Рати, генералъ-лейтенантъ Дидерихсъ отдалъ приказъ разыскать тѣло героя. Оно было найдено, открыто и съ честью погребено 12 іюля 1922 г. во Владивостокѣ.

Войска и тысячи гражданъ обоего пола провожали тѣло безвременно погибшаго, убіеннаго раба Божія Петра къ мѣсту послѣдняго его упокоенія на гарнизонное Владивостокское кладбище на Чуркиномъ мысу.

Героя нѣтъ больше съ нами. Сынъ и братъ Вашъ, а нашъ любимый Командиръ спитъ вѣчнымъ сномъ, но память о немъ продолжаетъ ярко горѣть въ сердцахъ не только его бывшихъ соратниковъ, друзей-сослуживцевъ и подчиненныхъ, но многіе десятки тысячъ истинно русскихъ людей, свидѣтелей беззавѣтнаго служенія своей Родинѣ покойнаго Петра Ефимовича Глудкина, свято чтутъ его память. Въ числѣ этихъ лицъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Начальникъ Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ, Преосвященный Викторъ, епископъ Пекинскій и Китайскій, а за нимъ слѣдуютъ духовные, военные и гражданскіе вожди, руководители и просто дѣти, кому приходилось соприкасаться или даже просто наблюдать Петра Ефимовича. Миръ праху его.

Хвала, честь и слава родителямъ и семьѣ, возрастившимъ и воспитавшимъ такого сына.

Командующій I-ой Отдѣльной Стрѣлковой Бригадой
Полковникъ **Н. Александровъ.**

Шанхай 1936 г. Сентябрь.

Затѣмъ слѣдуетъ 87 подписей.

Вадимъ Всеволодов. Щавинскій
подполк.; вып. 1915 г., 1 ускор.

ПЕРВЫЕ ПРАПОРЩИКИ.

Передъ войной. 31 мая 1914 года въ 7 кл. 3 Московскаго Императора Александра II кадет. корпуса закончились послѣдніе экзамены. Съ радостными криками и въ торжественной обстановкѣ, съ самодѣльнаго стѣнного календаря была сорвана долгожданная страница съ цифрой 1, т. е. корпусъ оконченъ.

В. В. Щавинскій — I Уск вып., май 1915 г. VI отд. 2 й батареи.

На слѣдующій день строевая рота со знаменемъ, подъ звуки своего оркестра, съ винтовками, скатками и вещевыми мѣшками на плечахъ, изъ Лефортова, пройдя черезъ всю Москву, подходила къ Ходынкѣ къ лагерю 6 гр. Таврическаго полка, гдѣ она должна была провести, впервые введенный, лагерный сборъ.

Быстро прошли эти дни и числа 8 іюня 7-й классъ построился на плацу 3-й роты корпуса для прощанія со знаменемъ и послѣдняго своего парада. Глубоко запали въ наши сердца слова Директора ген.-л. Лобачевскаго, говорившаго о предстоящей службѣ Государю и Родинѣ, о чести нашего корпуса, и никто тогда на думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ большинство уже станутъ офицерами, а нѣкоторые и отдадутъ свою жизнь.

Послѣ трогательнаго прощанья съ друзьями, мы стали покидать корпусъ, гдѣ такъ несправедливо говорила наша „Звѣріада“:

„Семь лѣтъ промчались, какъ мгновенье,
Но много пережили мы
И съ цѣлымъ роемъ впечатлѣній
На свѣтъ мы вырвались изъ тьмы...“

Черезъ всю Москву извозчикъ отвезъ меня въ С. Хорошово, гдѣ на берегу рѣки Москвы стоялъ лагеремъ 11 гр. Фанагорійскій полкъ. Начались самые длинные кадетскіе каникулы, до 1 сентября, т. е. до начала занятій въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, куда я вышелъ.

Стояла чудная погода, дня фактически не хватало, появлялся дома, какъ метеоръ, чтобы поѣсть и поспать, а затѣмъ снова на футболъ, теннисъ, какое-нибудь интересное строевое занятіе съ братомъ, или танцевальный вечеръ... И казалось ничто не могло нарушить этотъ обычный и мирный образъ жизни, какъ вдругъ раздался Сараевскій выстрѣлъ. На горизонтѣ появились тучи, грозность которыхъ для обывателя вначалѣ скрывалась за красивыми описаніями визита въ Россію Президента Пуанкарэ. 12 іюля Государь неожиданно произвелъ, раньше срока, въ офицеры всѣхъ юнкеровъ старшихъ классовъ военныхъ училищъ и уже опредѣленно стало пахнуть войной.

15 іюля — днемъ въ полку поднялась тревога. Часа черезъ три уже не было видно моря бѣлыхъ палатокъ и одна рота за другой выстраивались на серединѣ полка. Подъ звуки полкового марша, появилось Георгіевское знамя Суворовскихъ Чудо-богатырей, любимцевъ Генералиссимуса. Все поле было покрыто семействами офицеровъ, дачниками и мѣстными крестьянами. Торжественно звучали слова напутственнаго молебна, послѣ котораго подъ крики „ура“ собравшихся и звуки своего марша, вытянулись въ колонну 16 ротъ Фанагорійцевъ, взявъ направленіе на Москву, въ свои зимнія квартиры.

Далѣе уже событія шли съ головокружительной быстротой, мобилизація и 19 іюля Высочайшій Манифестъ о войнѣ. Всѣ расчеты сбиты. Казалось вся Россія, забывъ мелкія распри, встала какъ одинъ на защиту Отечества и вѣчно въ памяти сохраняется незабываемая картина манифестацій рабочихъ съ Царскими портретами, Гимномъ, восторженныя привѣтствія и качанія встрѣчавшихся офицеровъ.

Всѣ дни я проводилъ съ братомъ, получившимъ роту, имѣя уже въ карманѣ предписаніе Начальника Училища явиться туда 29 іюля. 25 и 26 іюля, одинъ за другимъ, пять эшелоновъ родного полка, гдѣ я выросъ и гдѣ прошли мои кадетскіе годы, покинули Москву. Наконецъ наступило 28 іюля. Около 16 час. мы пріѣхали на Николаевскій вокзалъ, гдѣ встрѣтили много юнкеровъ и кадетъ, спѣшившихъ въ С. Петербургъ. Появился, конечно, юнкерскій вагонъ, въ немъ уже сидѣла большая группа донскихъ кадетъ, среди которыхъ нѣсколько человѣкъ, во главѣ со своимъ вахмистромъ, то-же Михайлоны. Поѣздъ полонъ военныхъ и масса провожающихъ. Вскорѣ раздались звонки и поѣздъ сталъ медленно отходить.

Какъ-то, крѣпко сжалось сердце, одна за другой промелькнули картины кадетской жизни и вспомнился послѣдній куплетъ „Звѣріады“:

„Пора кончать намъ Звѣріаду,
Ужъ поѣздъ тихо отъѣзжаетъ,
Ура! мы больше не кадеты,
Мы юнкера!.. Мы юнкера!..“

Вотъ въ какой обстановкѣ исключительнаго момента Исторіи нашей Родины, началась военная служба, а съ нею и юнкерскіе годы нашего выпуска...

На младшемъ курсѣ. *Въ лагеряхъ.* Черезъ какой-нибудь часъ, весь вагонъ былъ друзьями; начались оживленные разговоры, разсказы и предположенія о будущемъ, которое для насъ начиналось не совсѣмъ въ нормальной обстановкѣ.

29 іюля, часовъ въ десять утра поѣздъ подходилъ къ Николаевскому вокзалу. Непривѣтливымъ показался намъ, москвичамъ, огромный С. Петербургъ: изъ сотенъ фабричныхъ трубъ валилъ дымъ, окутывавшій городъ какъ-бы во мглу; всюду кипѣла жизнь и чувствовалась война. По незнакомымъ улицамъ извозчикъ подъѣхалъ къ Училищу, гдѣ насъ встрѣтилъ почтительно швейцаръ, доложивъ, что „г. г. юнкерамъ надо ѣхать на Царскосельскій вокзалъ", т. к. Училище въ лагеряхъ.

Часа черезъ два-три, на лодкахъ, мы переѣхали Дудергофское озеро и съ училищной пристани насъ направили въ караульное помѣщеніе, гдѣ явились дежурному офицеру, размѣстившему всѣхъ въ баракѣ 1-ой батареи. Въ Училищѣ жизнь кипѣла во всю, старшіе юнкера занимались, вновь прибывшіе бродили по всему расположенію, съ любопытствомъ разсматривая всѣ уголки. Всюду бѣлѣли рубашки кадетъ, ходившихъ выводками по корпусамъ, и разнообразныя формы студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и просто штатскихъ. Кадетскій пріемъ былъ сплошнымъ съ нашивками, однихъ фельдфебелей только около 20. Кромѣ того, нѣсколько юнкеровъ другихъ училищъ: Чугуевскаго, Топографическаго и Арт. Техническаго, перешедшихъ тамъ на старшій курсъ, но желающихъ въ дальнѣйшемъ служить въ артиллеріи.

Передъ обѣдомъ насъ разыскали старшіе однокашники и нашего корпуса собрались: п.-юн. Лачиновъ, Младовъ и еще нѣсколько, на среднемъ одинъ лишь Хорото и восемь насъ молодыхъ: фельдфебель Ткаченко и в. у. о. Викторовъ, Емельяновъ, Ливенцевъ, Милюковъ, Савченко, я и Щербовъ. Вечеромъ наши старшіе привѣтствовали своихъ „козероговъ" первой училищной „собакой".

30 іюля, послѣ повѣрки и утренняго чая, началась наша служба. Старшіе курсы отправились на занятія, насъ же всѣхъ выстроили и, произведя повѣрку по спискамъ, стали разбивать по батареямъ, а въ батареяхъ по отдѣленіямъ. Я получилъ назначеніе въ 2-ю батарею или „Кобуру", какъ насъ звала первая, и въ первое ея отдѣленіе т. е. шестое. Шт.-капитанъ Коверскій — отдѣленный офицеръ, назначивъ старшимъ въ отдѣленіи фельдфебеля Ярославскаго кад. корпуса Рупшинскаго, повелъ отдѣленіе въ цейхгаузъ, гдѣ мы переодѣлись, въ юнкерскую форму, оставивъ все кадетское для отправки въ корпусъ. Затѣмъ онъ отвелъ отдѣленіе въ баракъ и каждый получилъ свою кровать.

Три барака 2-ой батареи выходили на переднюю линейку, находясь влѣво отъ караульнаго помѣщенія, нашъ же былъ самымъ лѣвымъ, непосредственно примыкавшимъ къ Николаевскому кав. Училищу. Бараки 1-й батареи находились вдали отъ передней линейки, около крытой столовой.

Послѣ завтрака отдѣленіе вышло въ поле, передъ паркомъ и шт.-кап. **Коверскій** обратился къ намъ со словомъ. Говорилъ онъ хорошо; всѣ внимательно слушали и его слова глубоко запали въ наши сердца. Онъ обрисовалъ тотъ исключительный моментъ, говорилъ о необходимости особенно внимательно относиться къ занятіямъ, ибо каждая ошибка въ будущемъ будетъ искупаться кровью; говорилъ о славныхъ традиціяхъ въ артиллеріи вообще и въ Училищѣ въ частности; о чувствѣ товарищества, которое никогда не должно переходить границы амикошонства; о томъ, что Училище — это не корпусъ, серьезный проступокъ — фейерверкеромъ въ часть; наконецъ о внутреннихъ правилахъ жизни, обязанностяхъ и традиціяхъ, среди которыхъ: въ строю отвѣчать не по чинамъ, а „Ваше Высокоблагородіе“ и въ расположеніи Училища всему его начальствующему составу становиться во фронтъ. Наконецъ онъ кончилъ и раздалась, столь удивившая насъ, кадетъ, и въ то же время показывающая, что мы уже взрослые — команда: „оправиться; можно покурить“. Вспомнился корпусъ съ запрещеніемъ и преслѣдованіемъ куренія.

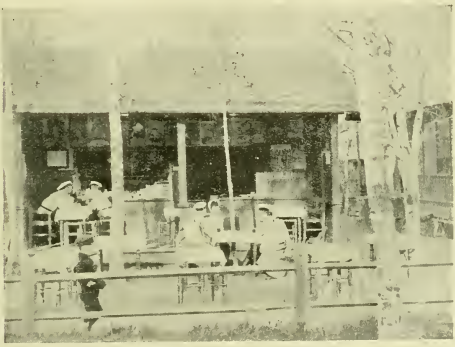
Со слѣдующаго дня начались регулярныя строевыя занятія. Начальникомъ былъ ген.-м. **Карачанъ** и въ Училище входило двѣ батареи: 1-ая — полковникъ **Новогребельскій** или „Новогребъ“ и 2-ая, которую только получилъ капитанъ **Авринскій,** своей наружностью напоминавшій Государя. Юнкера раздѣлялись на три курса или класса: Старшій — на училищномъ языкѣ „г.г. офицеры или подпоручики“, пріемъ 1912 года; Средній — „фоксы“, пріемъ 1913 года, оба курса въ 6 отдѣленіи, по 3 въ каждой батареѣ, нормальнаго штатнаго состава мирнаго времени и наконецъ — Младшій, нашъ пріемъ — „козероги“, 10 отдѣленій, по 5 въ каждой батареѣ, со среднимъ составомъ въ 30—35 юнкеровъ въ отдѣленіи. Курсовыми офицерами въ другихъ отдѣленіяхъ младшаго курса нашей батареи были: 7 — шт.-к. **Братчиковъ,** 8 — шт.-к. **Высоцкій,** 9 — шт.-к. **Шкапскій** и въ 10 — небольшого роста шт.-к. **Поповъ,** какъ его звали *„безъ хрѣна“*, въ отличіе отъ болѣе высокаго нашей же батареи старшаго курса — шт.-к. **Попова,** прозваннаго *„съ хрѣномъ“*. Фельдфебелемъ нашей батареи былъ **Левашевъ,** фельдфебель 2 кад. корпуса, прекрасный строевикъ, представительный и внушавшій намъ большое уваженіе.

Впервые въ исторіи Училища число кадетъ ($40^{0}/_{0}$) было меньше числа поступившихъ со стороны или „полтинниковъ“, какъ ихъ звали. Это объясняется тѣмъ, что выпускъ кадетъ былъ принятъ еще до войны, по штатному расчету, со старыми строгими требованіями средняго балла — 9. Большинство же молодыхъ людей, была такая же зеленая молодежь, какъ и мы — кадеты, кончившіе въ этомъ-же году съ золотыми медалями сред. уч. заведенія, но и была порядочная группа студентовъ и даже лицъ съ законченнымъ высшимъ образованіемъ, гораздо старше насъ, отъ 25 до 30 лѣтъ, что указывало, очевидно, на удлиненіе возраста для поступленія въ Училище.

На старшемъ курсѣ шли усиленныя занятія, имъ оставалось нѣсколько недѣль до производства, почему къ нимъ пріѣзжали

изъ города лектора и усиленно шилось офицерское обмундированіе, на среднемъ и младшемъ — занятія чисто строевыя.

День былъ занятъ полностью. Съ утренняго чая и до завтрака, затѣмъ, послѣ небольшого перерыва, снова до обѣда — 16 час., мы находились въ паркѣ и въ баракахъ. Первые дни: пѣшее ученіе, повороты и отданіе чести, дабы обучить поступившихъ со стороны, а затѣмъ: гимнастика, уставы, занятія при орудіяхъ, начало правилъ стрѣльбы и матеріальная часть. Большое вниманіе обращалось на верховую ѣзду, вначалѣ волтижировка, а потомъ ѣзда смѣнная



У „шакала". (Альбомъ 1909 г.).

безъ стремянъ. Большинство никогда не ѣздило верхомъ и первые уроки были для многихъ, въ особенности болѣе старшихъ, мученіемъ. По заведеннымъ повиламъ, старшій ѣздовой смѣны передавалъ старшему отдѣленія списокъ лошадей, которыя по опредѣленной очереди и съ извѣстнымъ коэффиціентомъ, разбирались къ приходу отдѣленнаго офицера, юнкерами. Такимъ образомъ, каждый юнкеръ ѣздилъ, какъ на лучшихъ, такъ и на худшихъ лошадяхъ. Сейчасъ изъ памяти вышли всѣ названія лошадей, среди которыхъ было нѣсколько такихъ, которыя своей горячностью и боязнью бича приводили въ бѣшенство не только юнкеровъ, но и офицера, а иногда бичъ попадалъ и по юнкеру, въ отвѣтъ на что, курсовой офицеръ бралъ руку къ козырьку и говорилъ: „простите".

Кормили въ лагеряхъ чудно и сытно. На завтракъ горячее блюдо съ гарниромъ, чаемъ и хлѣбомъ; обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ, постоянно — пирога съ супомъ, который подавали въ мискахъ на 4 человѣкъ и изъ нихъ ѣли деревянными ложками, затѣмъ мясного

второго съ гарниромъ и, наконецъ, кондитерскихъ пирожныхъ, какъ третье; ужинъ — горячее мясное и чай Послѣ обѣда многіе, набравъ хлѣба, шли въ батарейныя конюшни, гдѣ уже лошади, зная часъ, ржали, ожидая нашего прихода и угощенія.

Воздухъ, много занятій и молодость вызывали у всѣхъ большой аппетитъ, поэтому послѣ обѣда, а главнымъ образомъ вечеромъ, большинство отправлялось къ *„шакалу“* находящемуся въ шагахъ ста отъ столовой. „Шакалъ“ — это училищная лавка, хозяинъ ея имѣлъ буквально все, начиная отъ письменныхъ принадлежностей. Тамъ пили чай и молоко съ бутербродами, прохладительные напитки, ѣли мороженое, конфеты, пирожныя и т. д... Все стоило очень дешево и почти каждый юнкеръ хоть разъ въ день тамъ бывалъ. Вскорѣ стали устраиваться „собаки“ — большія, когда старшіе привѣтствовали младшихъ, а затѣмъ наоборотъ, корпусныя и отдѣленныя; наконецъ и малыя — объединяющія небольшія группы друзей.

Черезъ нѣсколько дней мы познакомились съ Начальникомъ Академіи и Арт. Училищъ ген.-отъ-артиллеріи **В. Т. Чернявскимъ**. Генералъ бывалъ у насъ очень часто, пользовался уваженіемъ и особеннымъ, ибо каждый зналъ, что золотое оружіе имъ полученно въ Турецкую войну 1877—1878 гг. за отбитіе атаки черкесовъ на батарею вытяжными трубками. Но въ то же время его юнкерская молва обвиняла въ излишней симпатіи къ Константиновцамъ, за что онъ и получилъ прозваніе *„Васьки Констоўуа“*. При первой встрѣчѣ съ нами онъ обратился съ рѣчью, которую традиціонно закончилъ: *„У насъ есть три Училища и никакой разницы между ними нѣтъ, развѣ одно на Невѣ, другое на Фонтанкѣ и третье на Черномъ морѣ“*.

Отпускъ для младшаго курса не разрѣшался, а поэтому все свободное время и праздники мы проводили въ лагеряхъ, при чемъ въ нашемъ распоряженіи было масса удовольствій. Обыкновенно послѣ обѣда и нѣсколькихъ порцій мороженнаго у „шакала“, всѣ спѣшили въ читальню, помѣщающуюся въ баракѣ караульнаго помѣщенія, гдѣ съ жадностью набрасывались на газеты и сводки съ Театра военныхъ дѣйствій. Кто послѣ отдыхалъ въ баракѣ, на чудныхъ и мягкихъ кроватяхъ; кто спѣшилъ заняться спортомъ, футболомъ или теннисомъ, для чего имѣлось три площадки. У меня была своя ракетка, поэтому я все время тамъ и проводилъ.

Въ началѣ августа, когда еще было тепло, купались въ училищной купальнѣ на озерѣ и катались на лодкахъ. При катаніи соблюдались строгія правила, съ запрещеніемъ ѣздить въ камыши, и съ флотскими командами для отданія чести, какъ-то: „суши весла“, „весла на воду“ и т. д. На озерѣ всегда встрѣчались съ другими Училищами и иногда устраивали купанья Пажамъ, съ которыми почти всѣ не были въ хорошихъ отношеніяхъ. Офицерское собраніе Училища находилось на берегу озера, на его верандѣ стояла стереотруба Цейса и дежурный офицеръ. время отъ времени, наблюдалъ за исполненіемъ правилъ катанія и иногда въ рупоръ раздавалось приказаніе: *„Лодка № 2 Мих. Арт. Учил. къ берегу“*. Дежурный по пристани юнкеръ докладывалъ фамиліи и озерное путешествіе заканчивалось для экипажа лодки довольно печально.

Вечера мы проводили почти всегда у „шакала“, а иногда ходили въ гости къ сосѣдямъ 1-й батареи — Константиновцамъ. Помню однажды, встрѣтившись со своими однокашниками по корпусу, мы рѣшили пройти къ Павлонамъ, сосѣдямъ Константиновцевъ справа. Уже прошли почти все расположеніе ихъ Училища, какъ вдругъ навстрѣчу показалась фигура дежурнаго офицера; всѣ вытянулись, мы же Михайловцы, забывшись, что не у себя, встали во фронтъ. Дежурный офицеръ сразу догадался и, продолжая свой путь проронилъ: *„Михайловцевъ прошу идти къ себѣ“*.

24 августа, старшій курсъ былъ вызванъ Государемъ, произведенъ въ подпоручики и отправленъ на фронтъ. Новаго пріема не было и съ этого дня Училище перешло на два курса: *младшій и старшій*, на который и былъ переведенъ средній. Послѣдніе дни августа стало хуже и холоднѣе и къ числу 30-му насъ перевели въ городъ. Старшій курсъ съ орудіями шелъ походнымъ порядкомъ, мы же по жел. дорогѣ, а затѣмъ черезъ весь городъ въ пѣшемъ строю, съ пѣснями. Шт.-кап. Ковердкій получилъ полубатарею и наше отдѣленіе принялъ шт.-капитанъ Голубинцевъ. Въ батареяхъ фельдфебелями назначались: въ 1-й **Бибиковъ**. а во 2-й—**Иртель**.

Въ Училищѣ — на Выборгской сторонѣ. Съ прибытіемъ въ городъ началось наше новое знакомство съ обширнымъ зданіемъ Училища. Прежде всего насъ размѣстили въ спальняхъ или „Каморахъ“, гдѣ были хорошія кровати, съ пружиннымъ матрацомъ и двумя мягкими тюфяками, со шкафчикомъ для каждаго и съ табуретками въ ногахъ, для складыванія бѣлья. Каморы обѣихъ батарей начинались съ корридора, гдѣ была дежурная комната и читальня, наша вправо отъ нея, и обѣ каморы выходили къ лѣстницамъ, ведущимъ въ классы второго этажа и столовую перваго. Между ними былъ обширный Бѣлый залъ, окна котораго выходили на Симбирскую улицу. Младшій курсъ въ нашей батареѣ начинался съ маленькой каморы, соприкасающейся съ корридоромъ дежурной комнаты, при чемъ моя кровать была первая у самыхъ дверей. Такая-же камора первой батареи, совмѣстно съ коридоромъ дежурной комнаты и нашей, составляли третій этажъ главнаго фасада зданія съ его подъѣздомъ. Съ нами помѣщалась часть 7-го отдѣленія, затѣмъ камора подъ прямымъ угломъ поворачивала и шла по внутреннему двору Училища. Между нами и старшимъ классомъ помѣщалась чистилка, умывалка, уборная, коридоръ ведущій на 4-й этажъ, гдѣ былъ цейхгаузъ и наконецъ небольшая комната, гдѣ стояла осѣдланная и заамуниченная деревянная лошадь. Здѣсь изучали амуницію, сѣдло и дѣлали ножницы. Камора старшаго курса соприкасалась съ Бѣлымъ заломъ, гдѣ стояли гимнастическіе приборы. Надъ Бѣлымъ заломъ: комнаты фехтованія, а надъ каморой 1-ой батареи лазаретъ, во главѣ котораго стоялъ докторъ **Чистовичъ**.

Сразу же въ обѣихъ батареяхъ въ нашъ курсъ были назначены правящіе, т. е. порт.-юнкера старшаго курса. Въ 1-й батареѣ ст. п-юнк. **Сойкановъ** изъ кадетъ, а въ нашей ст. п.-юнк. **Коленко** со стороны, вышедшій позднѣе въ Конную артиллерію; его помощникомъ мл. п.-юнк. **Захаровъ**. Помѣстился онъ въ каморѣ

нашего отдѣленія на правомъ флангѣ. имѣя въ головахъ у себя нашего старшаго Рупшинскаго На слѣдующій день онъ собралъ всѣ отдѣленія и обратился съ рѣчью, въ которой самымъ подробнымъ образомъ ознакомилъ насъ съ традиціями и правилами жизни. Говорилъ о высокой чести быть въ Мих. Арт. Училищѣ; объ уваженіи къ старшимъ юнкерамъ; о желательности, чтобы каждый юнкеръ имѣлъ бы собственные сапоги и безкозырку; о необходимости въ отпуску быть въ шпорахъ и съ темлякомъ, на что не имѣлъ права козерогъ; о мелочахъ внутренняго распорядка и, наконецъ, о *традиціяхъ*: отдачи всѣмъ первыми чести; запрещеніи пить, играть въ карты, сквернословить, появляться въ обществѣ легкихъ женщинъ и списывать во время отвѣтовъ.

По традиціи ни фельдфебель, ни портупей-юнкера никакой властью не пользовались по отношенію къ рядовымъ юнкерамъ и, за все свое пребываніе въ Училищѣ, не помню ни одного случая нарушенія нашихъ традицій или неуваженія къ старшимъ.

Открытіе при Училищѣ лазарета для раненыхъ и увеличенный составъ юнкеровъ заставили начальство сдѣлать кой-какія измѣненія и первую недѣлю мы даже мѣняли раза два классы. Вскорѣ 6-ое отдѣленіе заняло классъ, сосѣдній съ классной кладовой, гдѣ выдавались пособія и тетради. Академія прекратила занятія и ея три класса, выходящіе на второй этажъ главнаго подъѣзда, были заняты тремя отдѣленіями старшаго класса нашей батареи. Инспекторомъ классовъ былъ ген.-м. **Гродскій** или Жоржъ Гродскій, какъ мы его звали.

Немедленно были выданы учебники и начались занятія. Никто, конечно, вначалѣ и не могъ предположить о длительной войнѣ и и навѣрно точно неизвѣстенъ былъ и срокъ нашего пребыванія, но было очевидно, что значительно меньше трехъ лѣтъ. Поэтому сразу же программа была сокращена, часть предметовъ совсѣмъ вычеркнута: Законъ Божій, всѣ языки, Военная Исторія и географія, черченіе и часть математики. Другая часть — значительно или болѣе-менѣе сокращена и за оба курса намъ читали: артиллерію — академикъ шт.-кап. **Невядомскій**; тактику — ген. шт. полк. **Стойкинъ**, потомъ кап. **Кн. Тумановъ**, позднѣе увлекшійся „великой и безкровной“ и въ 1917 г., кажется погибшій въ чинѣ ген.-маіора; химію — полк. **Солонина** и талантливый кап. **Филипповъ**; механику — кап. **Гуранда**; математику — кап. (не помню); топографію — ген.-м. **Орловъ**; фортификацію — полк. (не помню); законовѣдѣніе — (не помню); администрацію — адъютантъ Училища капитанъ **фонъ Ланге** и Иппологію — нашъ ветеринарный врачъ. Экзамены отмѣнялись и ихъ замѣнила система репетицій послѣ 18 часовъ.

Все строевое обученіе лежало на нашихъ курсовыхъ офицерахъ: всѣ уставы; гимнастика и пѣшій строй; правила стрѣльбы и объяснительная къ нимъ записка; арт. развѣдка; рубка; матеріальная часть и верховая ѣзда. Послѣдняя происходила въ трехъ внутреннихъ манежахъ: смѣнная и уносная. На ѣзду орудійную и стрѣльбу изъ револьверовъ мы ходили, подъ командой своего старшаго, въ Ломанскій манежъ, внѣ Училища, гдѣ были конюшни и помѣщалась команда солдатъ. Кромѣ того, были уроки фехтованія и боя на эспадронахъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что составъ курсовыхъ офицеровъ былъ блестящій, знающій свое дѣло и почти всѣ штабсъ-капитаны — участники Японской войны, съ Владимірами 4-й ст. съ мечами и бантомъ и Аннеискимъ темлякомъ, что еще болѣе повышало ихъ авторитетъ. Къ юнкерамъ были заботливы, внимательны и корректны. Правда, среди нихъ было нѣсколько нелюбимыхъ за ихъ усердіе въ ловлѣ юнкеровъ въ ношеніи неприсвоенныхъ шпоръ, что влекло за собою второй разрядъ по поведенію и 30 сутокъ безъ отпуска. Иногда послѣ повѣрки, когда читались выдержки

У „донны Анны". (Альбомъ 1909 г.).

изъ журнала взысканій, имъ устраивались бенефисы. Въ этомъ отношеніи поимки были рѣдки, т. к. у юнкеровъ выработались извѣстные навыки и мы уже знали, что надо было дѣлать при внезапныхъ встрѣчахъ, напримѣръ: увидѣвъ полк. Авринскаго, юнкеръ долженъ былъ смѣло идти, встать лихо во фронтъ, щелкнуть шпорами, командиръ батареи здоровался и проходилъ дальше. Въ лѣтнее время, когда носились шинели въ накидку, при явкѣ въ отпускъ бывали и такіе случаи, что дежурный офицеръ заставлялъ поднимать полы шинели и, обнаруживъ собственные галифэ, записывалъ въ журналъ или посылалъ обратно въ батарею, съ приказаніемъ одѣть рейтузы и снова явиться. Но и здѣсь была контръ мѣра, зная кто дежурный, юнкера закалывали сзади галифэ булавкой и такъ свободно проходили. Въ нашей батареѣ такъ былъ строгъ лишь одинъ шт.-кап. Шкапскій, прекрасный строевикъ,

мрачный и непривѣтливый, носившій синіе очки, придававшіе ему больше таинственности, за это его юнкера прозвали „бандитомъ".

Съ ранняго утра, сразу же послѣ чая, начинались занятія и лекціи, съ перерывомъ для завтрака, а затѣмъ продолжались до обѣда — 16 часовъ. Послѣ, если не было репетицій, юнкеръ свободно располагалъ своимъ временемъ; часа полтора желающимъ разрѣшалось поспать, для чего въ каморахъ зажигался ночной свѣтъ, должна была соблюдаться тишина, но спать могли только обязательно снявъ сапоги. Конецъ этого отдыха возвѣщался звонкомъ, съ обходомъ батарей дежурнымъ офицеромъ. Затѣмъ можно было оставаться въ каморахъ или идти въ классы для занятій. Послѣ обѣда желающіе могли идти гулять на плацъ передъ подъѣздомъ, гдѣ была училищная лавка или „донна Анна" — жена запаснаго солдата гв. полка. У нея было абсолютно все и дешево; здѣсь закупалось все необходимое для „собакъ" или для нуждъ одиночныхъ юнкеровъ. Обычно всегда тамъ стояла очередь и каждый вновь подошедшій юнкеръ, взявъ руку подъ козырекъ, спрашивалъ: *„Разрѣшите узнать, кто послѣдній"*, — послѣдній, отдавъ честь, говорилъ — „я".

Коснувшись этого вопроса, необходимо отмѣтить, что кормили насъ очень хорошо. Утромъ чай съ булочками разнаго сорта; завтракъ — мясной съ гарниромъ, булочками, чернымъ хлѣбомъ и чаемъ, особенно мы любили среду, когда былъ пирогъ, булочки и кофе; обѣдъ — обязательно пирогъ къ супу, мясное съ гарниромъ, всегда кондитерское пирожное и квасъ; наконецъ и ужинъ — чай съ котлетами, сыромъ, сосисками и т. д. Всегда давали добавку, всѣ любили дежурство по кухнѣ, гдѣ повара дежурному и его помощникамъ дѣлали по заказу меню. По очереди каждая батарея вела хозяйство, выбирая артельщика и въ моемъ выпускѣ таковымъ былъ нашей батареи, Сибирскаго кад. корпуса, юнкеръ **Думбадзе.**

Изъ другихъ нарядовъ были дневальные по каморамъ, на обязанности которыхъ было слѣдить за порядкомъ и будить юнкеровъ. Младшій классъ несъ нарядъ у старшаго и по заведенной традиціи „козерогъ" не имѣлъ права будить „подпоручика" послѣ второго сигнала, когда начинался обходъ дежурнаго офицера. Для этого существовала слѣдующая процедура: фланговые дневальные въ каморахъ обѣихъ батарей занимали наблюдательные посты: на правомъ флангѣ, т. е, изъ дверей выходящихъ въ корридоръ дежурной комнаты и на лѣвомъ — изъ дверей въ Бѣлый залъ. Какъ только выходилъ дежурный офицеръ, первые дневальные видѣли — куда онъ свернулъ — въ 1-ю или во 2-ю батарею и отбѣжавъ отъ двери, въ случаѣ если онъ шелъ къ нимъ въ батарею, кричали — „псссс... сс..." Съ этого момента съ него снималась всякая отвѣтственность. Если же дежурный офицеръ шелъ въ другую батарею, то же передавалось по цѣпи дневальныхъ къ лѣвымъ и уже тѣ ожидали, когда появится дежурный офицеръ въ Бѣломъ залѣ. Какъ бы юнкеръ не спалъ, онъ моментально вскакивалъ и начиналъ одѣваться, ну, а если спалъ, то докладывалъ, что его дневальный будилъ.

Отношенія между юнкерами были самыя корректныя и товарищескія, уваженіе къ старшимъ и всегда взаимная поддержка. Нѣкоторая отчужденность между нами, кадетами, и „со стороны", вскорѣ прошла, они въ большинствѣ оказались хорошими друзьями и съ многими мы были на „ты". Въ моемъ отдѣленіи было 14 кадетъ на 19 „со стороны", въ числѣ коихъ два съ высшимъ образованіемъ, при чемъ одинъ инженеръ-химикъ былъ старше 30 лѣтъ, почти совсѣмъ лысый и черезчуръ неповоротливый. Онъ даже остался на старшемъ классѣ и кончилъ со слѣдующимъ выпускомъ. Хоть насъ, кадетъ, было мало, но все было въ нашихъ рукахъ.

Сразу-же, по прибытіи въ городъ, началась пригонка новаго обмундированія: шинелей — на примѣркѣ всѣ старались ихъ словчить подлиннѣе; бушлатовъ — для строевыхъ занятій и прогулокъ; парадныхъ мундировъ съ галунами; рейтузъ, безкозырокъ, сапогъ и киверовъ, которые намъ ни разу и не пришлось носить. Храненіе нашей одежды и ея чистка лежала на обязанности служителей или „дядекъ". Они-же убирали каморы и подавали въ столовой. На отдѣленіе былъ одинъ, обязанности свои несъ отлично и получалъ въ мѣсяцъ отъ каждаго юнкера рубль.

Одновременно съ учебниками, намъ выдали толстую книжку правилъ для юнкера, въ которой были описаны всѣ правила внутренней жизни, съ процедурой закладокъ репетицій и т. д. Вначалѣ сентября младшій курсъ, послѣ строевого экзамена — отданіе чести, выправка и прыжки черезъ „кобылу", получилъ право хожденія въ отпускъ. Каждый имѣлъ право брать отпускъ по выбору въ одинъ изъ любыхъ дней недѣли послѣ обѣда, а затѣмъ въ праздники и наканунѣ ихъ. Отпускъ съ ночевкой получали только къ родителямъ, остальные ходили безъ ночевки до 23 часовъ; въ праздники только послѣ Богослуженія и, кажется, разъ въ двѣ недѣли, до окончанія спектакля, т. е. позднѣе полночи. Лишаясь права на отпускъ имѣющіе неудовлетворительный баллъ по репетиціямъ, впредь до его исправленія и выписавшіеся изъ лазарета — въ теченіе трехъ дней со дня выписки. Юнкера не имѣли права по вечерамъ ходить по солнечной сторонѣ Невскаго и послѣ 18 час. посѣщать кино, гдѣ просто не продавали билеты.

Традиціи соблюдались свято, одѣвали все собственное: галифэ, сапоги, мятки-безкозырки и въ ближайшемъ удобномъ мѣстѣ одѣвались шпоры и темлякъ. Для этого сразу же, съ первыхъ дней пріѣзда въ городъ, послѣ обѣда наша швейцарская осаждалась поставщиками. Представители шпоръ — Савельева; сапожники: Кищенко и другіе, портные: Павловъ, Капланъ и т. д... Все предлагалось въ разсрочку и даже въ счетъ производства. Хромовые сапоги стоили 15—18 рублей.

Въ концѣ сентября въ Училищѣ открылся лазаретъ для раненыхъ, который обслуживался, главнымъ образомъ, женами курсовыхъ офицеровъ или ихъ знакомыми, среди которыхъ было много барышень, во главѣ съ симпатичной и милой племянницей ген. Карачана. Послѣ обѣда мы частенько посѣщали лазаретъ и проводили время мило въ бесѣдахъ. Племянница ген. Карачана была ярая Михайлонка, знавшая всю жизнь Училища и у нея на квартирѣ

иногда собиралась юнкерская молодежь. Когда открылся лазаретъ, то юнкера рѣшили отказаться отъ сладкаго блюда въ пользу раненыхъ, но начальство это не разрѣшило, считая, что мы обязаны, кромѣ знаній, набраться какъ можно больше силъ для предстоящей боевой службы.

5 октября, въ день Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, въ большомъ манежѣ Училища, состоялся парадъ, во время котораго младшій классъ, выстроенный въ пѣшемъ строю передъ конным фронтомъ двухъ батарей, принялъ присягу. Затѣмъ все Училище прошло церемоніальнымъ маршемъ передъ Начальникомъ Главнаго Артилл. Управленія ген.-отъ-артиллеріи **Кузьминымъ-Караваевымъ**. Послѣ парада наши отдѣленія въ классахъ подписали текстъ присяги и его сдали своему курсовому. Съ этого дня мы всѣ были переведены въ первый разрядъ по поведенію, т. е. получили унтеръ-офицерское званіе, дающее право на ношеніе шпоръ и темляка.

Старшій классъ усиленно готовился къ производству, которое намѣчалось въ декабрѣ. Начались одна за другой репетиціи, приходилось много къ нимъ готовиться и свободнаго времени стало еще меньше. Послѣ обѣда обыкновенно спѣшили въ читальню узнать новости съ фронта, затѣмъ небольшая прогулка на воздухѣ, а потомъ за ученіе. Иногда собирались компаніей и посѣщали театры и циркъ.

Петроградскій Военный Округъ входилъ въ составъ Дѣйствующей Арміи, составляя ее 6-ю армію, и Училище было всегда въ боевой готовности. Къ началу ноября была отмѣнена зимняя форма, намъ сшили новыя защитныя фуражки и такого же цвѣта суконныя рубашки, кои замѣнили безкозырки и мундиры.

25 ноября — нашъ училищный праздникъ. Послѣ Богослуженія объ батареи, въ парадной походной формѣ, со своимъ хоромъ трубачей, выстроились въ Бѣломъ залѣ для парада, который принялъ ген. Кузьминъ-Караваевъ, въ сопровожденіи ген. Черняевскаго. Послѣ церемоніальнаго марша состоялся парадный обѣдъ, съ традиціоннымъ для этого дня меню. На обѣдѣ присутствовало все начальство, много бывшихъ питомцевъ и игралъ оркестръ одного изъ запасныхъ гвардейскихъ полковъ. Балъ по случаю войны былъ отмѣненъ и вмѣсто этого — отпускъ

1-го декабря старшій курсъ былъ произведенъ въ подпоручики и отправленъ на фронтъ. Это были послѣдніе *подпоручики*, которые, вмѣстѣ съ предыдущими, впослѣдствіи получили названіе **выпусковъ военнаго времени** — 1-го и 2-го. Одновременно, наши сверстники по корпусу — изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ училищъ — были произведены въ *прапорщики*.

Насъ же перевели на старшій курсъ и мы положили основаніе, такъ называемымъ, **ускореннымъ выпускамъ**, получивъ позднѣе названіе *перваго*. Наше отдѣленіе принялъ шт.-кап. фонъ Бадеръ...

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Викт. Павл. Родзянко.
капитанъ, выпуска 1916 г.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ГИМНАЗИСТА.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я первый выпускъ сборника „Михайловцы".

Въ отвѣтъ на просьбу о матеріалѣ попробую передать впечатлѣніе, произведенное Училищемъ на 19-тилѣтняго юношу, хотя и принадлежавшаго къ военной семьѣ, но окончившаго гимназію, а до этого воспитывавшагося, главнымъ образомъ, заграницей.

В. П. Родзянко (Уск. вып. въ маѣ 1916 г.). „На одной изъ историческихъ пушекъ".

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Великая война, революція, Добровольческая армія, Константинополь, Америка... и потому многія подробности забыты. Но главныя впечатлѣнія легли неизгладимою печатью.

Въ ноябрѣ или декабрѣ 1915 года я попалъ въ 7-е отдѣленіе 2-й батареи, *пятаго* ускореннаго выпуска.

Начальникомъ Училища былъ ген. **Карачанъ**, командиромъ 1-й батареи — полк. **Невядомскій**, командиромъ же 2-й батареи — полк. **Авринскій**. Кажется, насъ произвели въ прапорщики 1-го мая 1916 г., и приблизительно недѣли черезъ двѣ послѣ этого я сидѣлъ на наблюдательномъ пунктѣ на Двинскомъ фронтѣ.

Все это было продѣлано съ такой головокружительной быстротой, что почти не было времени оглядѣться, и, къ сожалѣнію, очень близкія связи съ товарищами просто не успѣли установиться, какъ это было бы въ мирное время.

Духовныя же связь съ Училищемъ даже за это короткое время установилась полная, и я всегда считалъ себя счастливымъ за то, что мнѣ удалось окончить даже ускоренный выпускъ. Въ

подтвержденіе этого скажу, что черезъ годъ послѣ производства, уже будучи подпоручикомъ Л.-Гв. Конной Артиллеріи, я выбралъ вѣнчаться именно въ церкви Училища,

Конечно, что дѣлало такую духовную спайку въ столь короткій срокъ возможной, — это свѣтлыя и глубокія традиціи Русской Арміи. Но это еще не все: надо отдать должное прекрасному офицерскому составу Училища. Нигдѣ я не видѣлъ, наравнѣ съ требовательностью, болѣе справедливаго, ровнаго, привѣтливаго и умнаго отношенія, чѣмъ въ Училищѣ. Это чувствовалось во всемъ и, кажется, что для нѣкоторыхъ бывшихъ штатскихъ являлось до извѣстной степени пріятной неожиданностью.

Близко познакомиться съ личностью отдѣльныхъ офицеровъ, какъ и съ товарищами, не удалось изъ-за недостатка времени. Конечно, лучше всего помню своихъ болѣе непосредственныхъ начальниковъ. Моимъ отдѣленнымъ командиромъ былъ весьма милый и симпатичный шт.-кап. **Братчиковъ**. Полубатарейнымъ командиромъ былъ капитанъ **Поповъ**, котораго прозвали „Поповъ съ хрѣномъ“ за то, что онъ имѣлъ здороввеннѣйшій голосъ и, хотя былъ строгъ, но имѣлъ въ общемъ болѣе внушительный видъ, нежели строгости, и, повидимому, былъ добрѣйшимъ человѣкомъ. Его тоже любили.

Составъ юнкеровъ былъ весьма разношерстный, но очень милый и приличный. Повидимому, несмотря на войну, не всѣхъ принимали. Были всякіе возрасты: отъ 17-ти и до 40. Средній возрастъ былъ около 25—30. Были крупные дѣловые люди, инженеры, кадеты, студенты, гимназисты... Было много отцовъ семействъ.

Всѣ, конечно, подводились подъ одну рамку, и нѣкоторымъ изъ болѣе пожилыхъ и холеныхъ было подчасъ не легко, особенно когда дѣло доходило до гимнастики или вольтижировки. Помню въ особенности одинъ урокъ вольтижировки, когда нѣсколько отцовъ семействъ и другихъ толстяковъ дѣлали большія усилія, чтобы вскочить на коня и исполнить другія приказанія, какъ то: „ножницы“ и т. д. Это было такъ забавно, что все отдѣленіе, несмотря на дисциплину, не могло удержаться отъ смѣха. Улыбался и шт.-кап. Братчиковъ, не смотря на всѣ его старанія сохранить серьезность. Приходится удивляться, какъ нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ справлялись съ затрудненіями. Для многихъ изъ нихъ верховая ѣзда была труднымъ номеромъ, особенно, если конь оказывался трясскимъ. Такъ вотъ, они какъ-то, повидимому, поуспѣвали изучить имена и качества училищныхъ коней, и при началѣ смѣнной ѣзды бросались опрометью къ своимъ любимцамъ. Такимъ образомъ, тѣ изъ насъ, которые не изучили этого вопроса такъ досконально и не были къ сему такъ побуждаемы силой обстоятельствъ, неизбѣжно попадали на какихъ-то безумно трясскихъ звѣрей. Припоминается, какъ однажды къ концу смѣны я еле понималъ, что вокругъ меня происходитъ, и было чувство будто цѣлый часъ меня били дубиной по головѣ.

Но когда дѣло доходило до классовъ, то преимущество часто было на сторонѣ „ученыхъ“, мозги которыхъ были лучше натасканы. Но всѣмъ въ этомъ отношеніи было не легко.

Чтобы показать, какъ молніеносно производился переходъ отъ штатской психологіи къ юнкерской, скажу, что въ исполненіи установленныхъ традицій бывшіе штатскіе старались не отставать. Всѣ, конечно, носили шпоры, когда это не разрѣшалось, а когда, наконецъ, разрѣшили, то было чувство, будто придѣлали крылья. Въ послѣдующіе годы я дослужился до чина капитана, но никогда не испытывалъ такого подъема, какъ — когда меня произвели въ младшіе портупей-юнкера. И этому нисколько не мѣшало то, что мнѣ пѣли: *„нашивки не простыя, изъ мыла сварены“*.

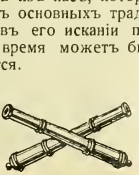
Подп. **Конст. Иван. Некрашевичъ-Покладъ**, к-ръ 3 бат. 8 Сиб. Стр. арт. бр. Выпуска 15-III-1905 г.

Изъ зданія Училища наиболѣе ярко врѣзался въ память Бѣлый залъ, гдѣ строились нѣсколько разъ въ день и гдѣ пѣли молитву. Эта замѣчательная традиція Русской Арміи была въ особенности вдохновительна и сильно помогала всеобщей спайкѣ.

Конечно, самымъ пріятнымъ временемъ въ Училищѣ было, когда мы попали на нѣсколько недѣль въ лагерь въ Дудергофъ. Зубрежки уже тамъ не было и можно было, наконецъ, оглядѣться. Работа въ полѣ была пріятная, интересная и не трудная. Въ особенности сильное впечатлѣніе произвела стрѣльба съ Царскаго Валика, — конечная практическая цѣль всей нашей работы.

Съ тѣхъ поръ ужасныя испытанія выпали на долю нашей дорогой Родины, и иногда кажется, что свѣтлыя традиціи Русской Арміи и Михайловскаго Училища пропали безвозвратно. Но я этому не вѣрю! Русскій народъ сброситъ съ себя звѣря, который его душитъ, и тогда онъ вернется къ старымъ основнымъ традиціямъ, потому что онѣ покоятся на глубочайшемъ фундаментѣ, который не можетъ быть разрушенъ временемъ. Пусть эти традиціи воскреснутъ даже подъ другимъ именемъ, не все ли равно? Дѣло въ ихъ сути. И вотъ, быть можетъ, тѣ изъ насъ, которые понимаютъ и цѣнятъ глубокій смыслъ старыхъ основныхъ традицій, смогутъ тогда помочь русскому народу въ его исканіи путей обратно къ свѣту.

И я вѣрю, что это время можетъ быть не столь отдаленно, какъ это многимъ кажется.



Конст. Воисл. Саватіевичъ
рез. кап. 1 кл. Югослав. арміи
и
Алекс. Иван. Крыловъ
сотникъ Русской арміи.

IX УСКОРЕННЫЙ КУРСЪ.

Вып. 1 іюля 1917 года.

Много уже лѣтъ прошло съ того дня, когда мы оставили и милыя стѣны Михайловскаго Артиллерійскаго Училища и дорогіе намъ предѣлы когда-то Великой матушки Россіи. Вспоминая и перебирая въ памяти прошлое, вспоминая нашихъ друзей-однокашниковъ, наши юнкерскія настроенія и весь укладъ нашей жизни,— мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія констатируемъ, что IX уск. курсъ, несмотря на трагизмъ своего положенія, остался достойнымъ имени Училища, въ которомъ онъ воспитывался и учился. Трагизмъ же этого положенія заключался въ томъ, что разразившійся бунтъ, такъ сказать, надломилъ нашъ курсъ: вступивъ въ стѣны славнаго Михайловскаго Артиллерійскаго Училища при Величайшемъ Славянинѣ на Престолѣ, **Царѣ-Мученикѣ Императорѣ Николаѣ II**, IX уск. курсъ вышелъ изъ Училища, по волѣ Всевышняго, при ничтожнѣйшемъ правительствѣ, какое когда-либо знала Россія. Но, оканчивая Училище при обстоятельствахъ необычныхъ, не такихъ, какъ мы всѣ предполагали при поступленіи, юношіи IX уск. курса, тѣмъ не менѣе, сохранили чистоту своихъ сердецъ, не принявъ революціи и охарактеризовавъ ее съ первыхъ же дней, по мѣткому выраженію порт.-юнкера 2-й батареи **Бѣляева**, принятому и усвоенному потомъ всей юнкерской массой курса, какъ Россійское „*безобразіе*“ *).

Величайшая благодарность за это принадлежитъ, безусловно, нашему славному и дорогому Училищу, ибо только въ немъ (принимая во вниманіе краткость времени пребыванія въ Училищѣ) могли дать отличные ростки сѣмена любви къ Царю и Родинѣ, заложенныя въ большинство изъ насъ еще въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Весьма показателенъ въ этомъ отношеніи инцидентъ съ юнкеромъ VI отд. 2-й бат. Александромъ Александровичемъ **Гельбке**, имѣвшій мѣсто въ первые же дни петербургскаго хаоса. Дѣло было такъ: нашъ (т. е. 2-й бат.) полубатареѣный — гв. шт.-кап. **Братчиковъ** приказалъ батареѣ построиться въ бѣломъ залѣ. Поздоровавшись съ юнкерами, онъ приказалъ стать внѣ строя и окру-

*) Конечно, были и исключенія, были и „воспріявшіе“, но это были единицы, подтверждавшіе только антиреволюціонное настроеніе юнкеровъ всего курса. Такими „воспріявшими“ единицами, прежде всего и главнымъ образомъ, были: отъ юнкеровъ 1 бат. порт.-юнкеръ Павловъ, а отъ офицерскаго состава Училища — командиръ 1 бат. полк. Невядомскій. Это были два наиболѣе одіозныя имени всего курса.

жить его для собесѣдованія. Нарисовавъ юнкерамъ въ сочувственныхъ краскахъ картину того, что происходило въ городѣ, онъ увѣренно закончилъ: „Я не сомнѣваюсь, господа, что вы, какъ люди штатскіе *), вполнѣ все это понимаете и одобрите!“, на что дорогой Александръ Александровичъ, вспыхнувъ почти до слезъ, рѣзко отвѣтилъ: „*Господинъ капитанъ я все это понимаю, но не одобряю и никогда не одобрю этого безобразія, а Государю Императору не измѣню!*“. Эффектъ былъ потрясающій — раздались одобрительные возгласы... „Господинъ капитанъ“, вздумавшій въ лучшемъ случаѣ полиберальничать и получивъ неожиданный урокъ отъ „штатскаго“ А. А. Гельбке, смѣшался и какъ-то буквально растаялъ, исчезъ изъ нашей средины. Гдѣ-то теперь этотъ чистый сердцемъ юноша-юнкеръ, дорогой намъ А. А. Гельбке?

Ген.-лейт. Влад. Андреев. Леховичъ, послѣдній Начальникъ Глав. Артил. Управленія — 1917 г.

Такимъ образомъ, IX уск. курсъ за свой короткій періодъ еще Императорской Россіи получилъ уже отъ Училища прививку противъ той болѣзни, которая разразилась въ странѣ съ конца февраля мѣсяца 1917 года.

Юнкера IX уск. курса, охарактеризовавъ революцію „безобразіемъ“, продолжали с в о ю жизнь и работу по прежнему, старому руслу. Мы считали все происходящее плохимъ сномъ, который не продолжится долго. Мы вѣрили почему-то, вѣроятно, по юношескому легкомыслію, что мрачныя тучи быстро разсѣются и ко времени нашего производства жизнь опять пойдетъ по с в о е м у налаженному историческому пути, а мы еще послужимъ матушкѣ Россіи подъ ея священнымъ лозунгомъ: „За Вѣру, Царя и Отечество!“, съ которымъ служили и умирали наши предки. Увы, чуда, котораго мы ждали, не случилось. Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже 20 лѣтъ, и наши мечты еще не сбылись. Въ жизни за это время произошло много и большихъ и малыхъ перемѣнъ и измѣненій, но вѣра наша— вѣра воспитанниковъ IX уск. курса Мих. Арт. Учил. осталась та-же.

Теперь, оглядываясь все чаще и чаще назадъ, вспоминая наше пребываніе въ Училищѣ, намъ, „молодымъ“ Михайловцамъ, пріятно

*) Курсъ былъ „штатскій“, ибо, за исключеніемъ максимально 10 юнкеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, вся остальная масса юнкеровъ была изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

сознавать, что шли мы по тому же „Михайловскому“ пути, по которому передъ нами прошли наши старшіе коллеги, учителя и начальники. Намъ пріятно сознавать, что между нами и ими нѣтъ духовнаго разрыва, а въ этомъ залогъ нашего воскресенія. Также, какъ и наши старшія поколѣнія, мы прежде всего гордились и гордимся, что мы Михайловцы, а гордясь этимъ именемъ, мы заботились (и тогда и теперь), чтобы престижъ намъ дорогого Училища стоялъ на недосягаемой высотѣ, — отсюда наша любовь къ Училищу, отсюда прилежное и серьезное отношеніе юнкеровъ ко всему намъ преподаваемому и къ своимъ обязанностямъ.

Товарищество и спайка, несмотря на краткость курса, были такія, какія едва ли могутъ быть гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Ускор. курсъ, и серба Коку Саватіевича, и великоросса А. Крылова, и сибиряка Л. Яблокова, и южанина Н. Бабіева, и кавказца Ильяса Хана Тальшинскаго, — всѣхъ насъ сдѣлалъ Михайловцами до скончанія дней нашихъ. Типичнѣйшій примѣръ такой „Михайловской“ спайки и товарищества представляютъ, хотя бы, вотъ, наши отношенія: въ стѣнахъ Мих. Арт. Училища на IX уск. курсѣ оказзлись два юнкера — одинъ сербъ — К. Саватіевичъ, юнкеръ VIII отд., а другой русскій — А. Крыловъ, юнкеръ VI отд. Окончили Училище и разошлись, чтобы черезъ 15—16 лѣтъ случайно встрѣтиться въ Югославіи и притомъ встрѣтиться такъ, какъ встрѣчаются братья, прожившіе цѣлый рядъ лѣтъ подъ одной родительской кровлей. Развѣ не заслуга это Мих. Артил. Училища и развѣ можно не любить и не гордиться такимъ Училищемъ?

Ген.-лейт. **Алекс. Ив. Постовскій** — 1915 г. (Вып. Уч.—1880 г.).

Хочется вѣрить, а мы и вѣримъ, что у насъ у всѣхъ Михайловцевъ, какъ птенцовъ одного гнѣзда, — одно желанье:

„Скорѣй добраться до Москвы,
Увидѣть тамъ коронованье
И спѣть Царю — Аллаверды!“.

Ибо съ возрожденіемъ Царской Россіи, съ возстановленіемъ этого общаго Великаго Славянскаго Дома — возродится и тотъ маленькій уголокъ его, наше разрушенное гнѣздо — **Михайловское Артиллерійское Училище**, которому мы теперь съ любовью посвящаемъ наши мысли и воспоминанія.

••••••••••••••••••••

Радивой Фед. Бойовичъ
полков. Югосл. арміи въ пенсіи.
Вып. Академіи — 1892 г.

ВЪ АКАДЕМІИ.

(1889—1892 гг.).

Полк. Лашковъ попросилъ меня, какъ „Михайловца", написать мои воспоминанія о Мих. Арт. Академіи, на что я съ радостью отзываюсь, ибо время проведенное въ Артил. Академіи, какъ и вообще въ Россіи, съ 1889 по 1892 годъ, считаю — лучшими днями моей жизни; если прибавить, что тогда на престолѣ мощной и могучей Россіи сидѣлъ Царь Александръ III, то я увѣренъ, что всякій Михайловецъ того времени легко пойметь, почему я говорю, что тогда были наилучшіе дни моей жизни.

Радивой Федор. Бойовичъ,
подпоручикъ Сербской артил. —1892 г.

Сербское Военное Министерство, желая имѣть извѣстное число офицеровъ съ высшей артиллерійской подготовкой, раньше посылали нашихъ офицеровъ въ Австрію и Францію, и только въ 1889 г. Сербскій Военный Министръ рѣшилъ послать трехъ артилл. офицеровъ въ Русскую Михайловскую Артил. Академію. Выборъ палъ на артиллер. поручика Георгія Петровича **Анастасіевича** и Гойко Афанасьевича **Джурича**, окончившихъ низшій курсъ Сербской военной Академіи*) въ 1885 г. и меня, подпоручика Радивоя Федоровича **Бойовича**, вып. 1887 года.

4 января 1889 г. мы отправились въ Россію и, черезъ Вѣну, Варшаву и Вильну, прибыли въ Петербургъ 13 января, при морозѣ въ 15° С.

На слѣдующій день мы явились нашему посланнику, а черезъ день представились Военному Министру ген. Ванновскому.

*) По нашему — „Военное Училище" *(Прим. Ред.)*

Ген. Ванновскій былъ небольшого роста, съ сѣдой бородой, въ золотыхъ очкахъ, черезъ которые виднѣлись сѣро стальные проницательные глаза. Онъ насъ принялъ очень любезно, говорилъ о томъ, какъ полезно будетъ для Сербской артиллеріи и Сербской арміи полученное нами высшее техническое артиллерійское образованіе, а въ концѣ добавилъ, что такъ какъ мы не владѣемъ настолько русскимъ языкомъ, чтобы могли слѣдить за лекціями въ Михайловской Академіи, то предварительно мы будемъ прикомандированы къ войскамъ для изученія русскаго языка, а чтобы для насъ было больше пользы, онъ насъ пошлетъ въ разные роды артиллеріи, а именно: пор. Джуричъ назначенъ въ Крѣпостиую артиллерію — въ Кронштадтъ, пор. Анастасіевичъ — въ 22 арт. бригаду, въ Новгородъ, а я — въ 5-ю батарею Гвард. Конной Артиллеріи, которой командовалъ полк. Фанъ-дер-Флитъ.

Прослуживъ 6 мѣсяцевъ въ строю и пробывъ 2 мѣсяца въ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, я въ сентябрѣ 1889 г. явился Начальнику Мих. Артил. Акад. ген.-лейт. Ник. Афанас. Демяненкову.

Ген. **Демяненковъ**, выше средняго роста, въ очкахъ, съ острымъ взглядомъ, принялъ насъ серьезно и съ достоинствомъ, сказалъ нѣсколько поучительныхъ словъ о томъ, что мы, поступая въ Мих. Арт. Академію, должны придерживаться всѣхъ тѣхъ законовъ и правилъ, которые существуютъ для русскихъ офицеровъ и что онъ надѣется, что мы исполнимъ свои обязанности до конца.

Ген. Демяненковъ показался мнѣ съ перваго взгляда строгимъ и недоступнымъ, но позднѣе я увидѣлъ, что онъ человѣкъ добрый, всегда заботившійся объ Академіи и Училищѣ, неустанно работавшій надъ ихъ усовершенствованіемъ, влагая въ это большой трудъ, энергію и талантъ, благодаря чему Мих. Артил. Академія заняла завидное мѣсто не только между Академіями въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, давши немалое число ученыхъ, знаменитыхъ не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ: имена Маевскаго, Н. Забудскаго, Ипатьева и др. извѣстны всему научному міру...

Инспекторомъ классовъ былъ полк. Карлъ Егор. **Гукъ**, очень симпатичный и доступный. Не знаю по какимъ причинамъ, но я пользовался его особой симпатіей и онъ часто приглашалъ меня на чай и тогда, когда не было гостей, а только супруга и дѣти. При моемъ отъѣздѣ они мнѣ дали свои фотографіи, которыя и сейчасъ напоминаютъ мнѣ о тѣхъ прекрасныхъ часахъ, которыя я провелъ въ семьѣ Гука.

Помощникомъ инсп. классовъ былъ кап. Петръ Алекс. Шифъ, высокій блондинъ, съ длинной бородой; всегда серьезный; сильный математикъ. Онъ читалъ „Теорію упругости“, которая была настолько сложна, что позже ему было запрещено передавать ее въ такомъ объемѣ и изложеніи.

Считаю своимъ долгомъ вспомнить и о всѣхъ почтенныхъ профессорахъ, которымъ я весьма благодаренъ за полученныя знанія, принесшія мнѣ впослѣдствіи такъ много пользы въ жизни.

Въ младшемъ классѣ Внѣшнюю Балистику и Теорію наименьшихъ квадратовъ преподавалъ знаменитый міровой ученый ген. отъ арт. Ник. Влад. **Маевскій**; въ свои лекціи вносилъ немного и юмора;

вслѣдствіе глубокой старости, онъ не довелъ своихъ лекцій до конца года и его замѣнилъ кап. Ник. Алекс. **Забудскій**, небольшого роста и очень живого темперамента; онъ уже и тогда былъ извѣстной личностью, а его курсъ „Внѣшняя баллистика“ былъ оцѣненъ по достоинству не только въ Россіи, но и заграницей.

Ружейное и патронное дѣло читалъ заслуж. проф ген.-лейт. Влад. Львов. **Чебышевъ**, довольно уже старый; очень красиво и ясно вычерчивалъ на доскѣ части винтовокъ и патроновъ.

Лекціи по „Исторіи Артиллеріи“ началъ читать проф. Левъ Львов. **Кирпичевъ**, но прочиталъ только одну, послѣ которой умеръ отъ удара. Однако, эта одна лекція глубоко врѣзалась въ моей памяти. На ней присутствовалъ самъ Начальникъ Академіи ген. Демяненковъ, большинство профессоровъ Академіи и много офицеровъ генеральнаго штаба.

Когда ген. Кирпичевъ поднялся на кафедру, то былъ привѣтствованъ апплодисментами. Затѣмъ ген. Кирпичевъ сказалъ примѣрно такъ: „Чтобы было извѣстно, что это лекція по Исторіи Артиллеріи, я прикрѣпляю на доскѣ вотъ этотъ чертежъ“, который изображалъ 12-ти фунтовую бронзовую пушку. Затѣмъ онъ началъ свою лекцію, но она не имѣла никакой связи съ Исторіей Артиллеріи, а была чисто политической.

Далеко бы я отошелъ, если бы привелъ ее даже въ самомъ краткомъ видѣ, посему я скажу только о концѣ ея, гдѣ онъ говорилъ, что Россія имѣетъ свой „*Влади-Востокъ*“, свой „*Влади-Стверъ*“*), но на югѣ она имѣетъ Черное море, которое есть закрытая лужа. Поэтому Россія должна имѣть выходъ на открытое море, которое не замерзаетъ; она должна имѣть свой „*Влади-Югъ*“, а именно Персидскій заливъ; „между нимъ и нами находится Персія, какъ упругій буферъ, на который съ одной стороны нажимаетъ Россія, а съ другой — Англія; придетъ день, когда давленіе перейдетъ предѣлъ упругости, буферъ треснетъ, ...но Россія должна имѣть свой „*Влади-Югъ*“...“. Конецъ лекціи сопровождался апплодисментами всѣхъ присутствующихъ...

Ген. Кирпичева очень любили, что особенно подчеркнули его похороны. Его гробъ отъ Сергіевскаго всей Артиллеріи собора до Новодѣвичьяго монастыря несли на плечахъ слушатели Академіи.

Инженеръ-технологъ ст. сов. Дмит. Конст. **Черновъ** читалъ лекціи по „Сталелитейному дѣлу“. Знаменитый ученый въ Россіи и заграницей, онъ былъ влюбленъ въ свое дѣло и читалъ лекціи съ большимъ воодушевленіемъ, влагая въ нихъ всю свою душу.

Шт.-кап. Григ. Алекс. **Забудскій**. Очень скромный, но зато и очень цѣнный; его лекціи были очень хорошо разработаны. Онъ преподавалъ „Порохъ“, а послѣ смерти кап. Панпушко и „Взрывч. вещества“ по лекціямъ, составленнымъ кап. Панпушко.

Проф. ген.-м. Мих. Конст. **Тахтаревъ** читалъ „Паровыя и подъемныя машины“. Не вступалъ въ разговоры: войдя въ классъ, подходилъ къ доскѣ, бралъ мѣлъ, писалъ, чертилъ, говорилъ, объяснялъ и, закончивъ лекцію, тихо уходилъ.

Полк. Мих. Ник. **Барановскій** былъ шт.-оф. завѣд. обуч. въ

*) См. статью г.-л. Милодановича *(Прим. Ред.)*.

Академ и кромѣ того читалъ: Механическую технологію (по курсу А. В. Гадолина), Графическую статику и Прикладную механику. Средняго роста, съ небольшой рыжей бородой; по внѣшности производилъ впечатлѣніе человѣка злого, непріятнаго, строгаго, въ дѣйствительности же былъ добраго сердца, съ широкой русской душой.

Стратегію читалъ проф. Ник. Акад. ген. штаба ген.-м. Ник. Ник. **Сухотинъ**. Средняго роста, темпераментный, всегда прекрасно одѣтый. Читалъ свой предметъ съ одушевленіемъ, отлично его зная, и былъ, такъ сказать, мастеромъ своего дѣла.

Долговременную фортификацію читалъ ген.-м. Цезарь Антон. **Кюи** по своему курсу, хорошо и ясно излагая свои лекціи и поясняя ихъ прекрасными чертежами на доскѣ. Но, кромѣ того, онъ былъ прекрасный піанистъ, а какъ композиторъ былъ извѣстенъ и въ Россіи и заграницей.

Математику читалъ Петръ Емельянов. **Рощинъ**. Его лекціи были ясны, математическіе выводы доводилъ до мелочей и за нимъ было легко слѣдить. Всѣ его любили, никого онъ не провалилъ на экзаменѣ.

„Теоретическую механику", которую читалъ **Н. С. Будаевъ**, большинство офицеровъ не любили, такъ-какъ не могли ее хорошо понимать, тѣмъ болѣе, что Будаевъ не доводилъ математическіе выводы до мелочей и за нимъ слѣдить было не легко.

Лекціи по Электротехникѣ читалъ кап. Фед. Петр. **Введенскій** по курсу Вл. Як. Флоренсова. Очень мягкаго характера, симпатичный; читалъ хорошо, ясно и понятно.

Нѣсколько лекцій по „Взрывчатымъ веществамъ" прочиталъ шт.-кап. Сем. Вас. **Панпушко**, высокаго роста, рыжій, сильнаго сложенія; очень доступный, держалъ себя, какъ другъ. Погибъ отъ взрыва мелинитовой бомбы на Охтенскомъ порох. заводѣ. Въ немъ мы потеряли цѣннаго и талантливаго профессора и всѣ его очень жалѣли.

Франц. яз. преподавалъ Людв. Ив. **Гіонне**, хорошаго характера. Обыкновенно нѣсколько офицеровъ собирались около него, читали, разговаривали съ нимъ, а остальные занимались, чѣмъ хотѣли.

Совсѣмъ инымъ былъ преподаватель нѣмец. языка, Адольфъ Март. **Шмидтъ**. На его лекціяхъ каждый долженъ былъ слѣдить за чтеніемъ, такъ какъ онъ часто прерывалъ: „господинъ Х. Х. продолжите чтеніе"... Особенно насѣдалъ Шмидтъ на поручика фонъ Грота, который, хотя носилъ нѣмецкую фамилію, не зналъ, такъ сказать, ни одного слова по-нѣмецки, что Шмидта страшно злило...

За недостаткомъ мѣста, упомяну только о нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

Пор. Вас. Мих. **Трофимовъ**, талантливый, хорошій математикъ; окончилъ Академію *первымъ*; съ нимъ я встрѣтился въ 1911 г. на заводѣ Крезо, когда большая русская комиссія осматривала этотъ заводъ, а я былъ предсѣдателемъ комиссіи по пріему 75 мм. скорострѣльныхъ пушекъ и 100 мм. гаубицъ для сербской артиллеріи.

Пор. Влад. Конст. **Бодиско**, всегда безукоризненно одѣтый, симпатичный; съ нимъ встрѣтился въ Югославіи въ 1923 или 24 г.

Выпускъ 1892 года изъ Михайловской Артиллерійской Академіи.

Стоятъ, 2-й рядъ: Г. П. Анастасіевичъ, А. М. Герасимовъ, В. М. Трофимовъ. И. А. Крыловъ, Д. А. Скрябинъ, В. К. Бодиско, А. Н. Офросимовъ, И. В. Казначеевъ.

Стоятъ, 1 й рядъ: А. А. Михайловъ, кап. Эрисъ-Ханъ Алісвъ, (офиц. Учил.), Н. П. Демидовъ, С. М. Барановичъ. Р. Ф. Бойовичъ, Ф. А. Берсеневъ, Г. А. Джуричъ, В. Н. Ипатьевъ, М. К. Соколовскій.

Сидятъ (профессора): Л. И. Гіонне кап. Г. А. Забудскій, кап. П. А Шиффъ, полк. К. Е. Гукъ, кап. А М. Головинъ, А. М. Шмидтъ, кап. Ф. П. Введенскій.

Не снимались (слушатели): А. И. Даниловъ, К. Ф. Максимовъ, А. Н. Ходкинъ, А. Г. Дубницкій, А. И. Залѣсскій, Н. Г. Павловскій, А. Ю. фонъ-Гротъ, Ф. Ф. Старкъ, Н. В. Загряцкій, Ф. Д. Ремесниковъ.

Пор. Влад. Ник. **Ипатьевъ**; еще въ Академіи обратилъ на себя вниманіе работами по химіи и составилъ для старшаго класса курсъ — *„Количественный анализъ“*, по которому мы и работали въ лабораторіи; у себя въ квартирѣ имѣлъ лабораторію. Сейчасъ находится въ Чикаго профессоромъ университета.

Пор. Серг. Мих. **Барановичъ**, прекрасно воспитанъ; очень хорошо рисовалъ сепіей по фарфору; онъ былъ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

Мичм. Алекс. Мих. **Герасимовъ** — окончилъ *вторымъ*.

Жизнь въ Академіи. Жизнь въ Академіи протекала однообразно. Лекціи начинались въ 9 ч. утра, но прежде, чѣмъ войти въ классъ, каждый долженъ былъ расписаться въ книгѣ, которая лежала въ комнатѣ дежурнаго офицера; это служило контролемъ своевременнаго прихода въ Академію. Передъ входомъ въ классъ мы ставили сабли (шашки) и вѣшали шапки (фуражки) въ особыя стойки въ классномъ корридорѣ, надъ которыми были написаны фамиліи офицеровъ; это тоже былъ способъ контроля — всѣ ли находятся въ классѣ — всѣ ли мѣста заняты шашками и фуражками.

Съ офицерами обращались по джентльмэнски, но слѣдили за порядкомъ и дисциплиной и за аккуратнымъ посѣщеніемъ лекцій.

Если какой-нибудь офицеръ сообщалъ о болѣзни, къ нему немедленно командировался академическій докторъ для лѣченія или для установленія, что здоровъ.

Лекціи продолжались отъ 9 ч. утра до 3 ч. дня, что очень удобно и практично, такъ какъ послѣ 3 ч. дня каждый былъ свободенъ и это время могъ использовать какъ хотѣлъ.

Завтракали мы въ 11 час., спускаясь въ столовую, гдѣ за малыя деньги, насколько помню за 3 рубля въ мѣсяцъ, имѣли одно горячее блюдо (мясо съ гарниромъ), чашку чая и булку каждый день. Ѣли мы наскоро и возвращались въ классъ.

И такъ шло изо дня въ день; только репетиціи, два раза въ годъ, вносили нервность, но, все-таки, все заканчивалось хорошо.

Въ Академіи мы выполняли и практическія работы и чертежи по „деталямъ машинъ“, „начертательной геометріи“, „подъемнымъ машинамъ“, „проектированію орудій“ и т. д., оставаясь по окончаніи лекцій. Особенно для этого мы использовывали недѣлю говѣнія, когда ходили въ училищную церковь для подготовки къ причастію.

Русскіе офицеры много богомольнѣе, чѣмъ мы. Во время службы они, вдругъ, всѣ одновременно опускались на колѣни; у насъ, сербовъ, это не было въ обычаѣ и въ первый моментъ я не зналъ — что дѣлать, но быстро нашелся и сталъ на колѣни, чтобы не бросаться въ глаза; но въ одинъ изъ моментовъ нѣкоторые офицеры стали дѣлать земные поклоны и я опять былъ въ недоумѣніи, но быстро рѣшилъ этого не дѣлать, такъ какъ и нѣкоторые русскіе офицеры земныхъ поклоновъ не дѣлали.

Передъ причастіемъ мы должны были исповѣдываться у стараго протоіерея; когда я вошелъ въ алтарь, протоіерей что-то мнѣ говорилъ и я ему что-то отвѣчалъ, но ни я его не понималъ, ни онъ меня, только я вошелъ въ списокъ исповѣдывавшихся и могъ причаститься.

Въ Мих. Академіи и Училищѣ каждый годъ давались балы, на которыхъ главную роль играли юнкера и посѣтители въ большинствѣ были молодежь. Но былъ еще балъ, который давали офицеры гвардейской артиллеріи; этотъ балъ, можно сказать, являлся наиболѣе блестящимъ въ Петроградѣ; на немъ, кромѣ офицеровъ, присутствовали: все высшее общество, а также дипломатическій корпусъ.

Я также бывалъ на этихъ балахъ и прекрасно проводилъ время, да и какъ могло быть иначе, когда я тогда имѣлъ неполныхъ

Миливой Федоровичъ Іоксимовичъ
(поручикъ Сербской артиллеріи, въ Академіи — 1904 г.). (Артил.-Технич. генералъ Югословен. арміи — 1937 г.).

25 лѣтъ, хорошо танцевалъ вальсъ, а въ Петербургѣ научился танцевать и мазурку. На балахъ я пріобрѣлъ много знакомыхъ и полуцлъ приглашенія отъ отдѣльныхъ семействъ на чай и домашнія развлеченія, такъ что создалась возможность хорошо проводить время, но, къ сожалѣнію, репетиціи, практическія работы и экзамены этого не позволяли, я долженъ былъ серьезно работать и о веселомъ времяпрепровожденіи не могло быть и рѣчи.

Воспоминанія о первомъ балѣ еще свѣжи въ моей памяти, какъ будто сейчасъ все вижу. Особенно мнѣ понравилась одна сцена: стоятъ два уже старыхъ генерала и о чемъ-то серьезно разговариваютъ; какъ вдругъ къ нимъ подходитъ стройная, молоденькая и интересная барышня, дѣлаетъ реверансъ и приглашаетъ одного

изъ генераловъ на танецъ; генералъ ни мало не смутился, снялъ шашку, передалъ одному изъ офицеровъ и сталъ скользить съ барышней по паркету, подъ звуки вальса. Этотъ поступокъ генерала тогда мнѣ сильно понравился, такъ какъ у насъ такой случай не могъ бы произойти, у насъ уже капитаны, конечно въ то время, переставали танцевать на балахъ, считая себя уже старыми, что я нахожу весьма ошибочнымъ...

Въ первые два года, послѣ экзаменовъ мы отправлялись на практическія работы на заводы — Колпинскій, Охтенскій пороховой, Трубочный, на Главный артиллерійскій полигонъ и т. д., вездѣ получали опредѣленныя заданія и нужно было серьезно работать; но понемногу развлекались, бывали тутъ и маленькіе романы, обѣщанія и слезы при разставаніи. Въ Колпинѣ одинъ изъ нашихъ товарищей (Ремесниковъ) и женился...

Многое бы могъ еще написать, но это было бы слишкомъ много для Сборника, поэтому я приведу еще только описаніе того, какъ я, будучи слушателемъ Академіи, присутствовалъ 26 ноября 1889 г. въ Зимнемъ Дворцѣ на праздникѣ кавалеровъ ордена св. Георгія.

Во всѣхъ залахъ Дворца были выстроены офицеры разныхъ родовъ оружія; мы, артиллеристы, стояли въ большомъ бѣломъ залѣ, стѣны и потолокъ котораго были покрыты лѣпными украшеніями съ золотомъ, а вдоль стѣнъ стояли золоченыя стулья. Вездѣ лакеи въ ливреяхъ, украшенныхъ золотомъ и царскими орлами. Караулы отъ кавалергардовъ и конногвардейцевъ въ бѣлой парадной формѣ, въ высокихъ сапогахъ и бѣлыхъ рыцарскихъ перчаткахъ; на головѣ каска съ двуглавымъ орломъ, а на груди на красномъ супервестѣ (одѣтомъ поверхъ бѣлаго мундира): у кавалергардовъ большая серебряная звѣзда, а у конногвардейцевъ большой золотой двуглавый орелъ; если прибавить, что солдаты были ростомъ около 190 сантим., то понятно, что получалась красивая и импозантная картина. А если принять во вниманіе массу офицеровъ въ парадной формѣ, въ лентахъ и орденахъ, то создавалось впечатлѣніе, которое нельзя забыть...

Всѣ ожидали шествія Царя, Царской Фамиліи и георгіевскихъ кавалеровъ, которые должны были пройти черезъ всѣ залы въ Дворцовую церковь.

И вотъ, черезъ нѣкоторое время появилась величественная фигура Царя Александра III съ Царицей, которая, будучи небольшого роста, казалась еще меньше рядомъ съ колоссомъ — Царемъ.

Царь былъ въ генеральской формѣ, а Царица въ русскомъ народномъ одѣяніи (бѣломъ сарафанѣ) съ кокошникомъ на головѣ, богато украшенныхъ драгоцѣнными камнями.

За Царемъ шли всѣ Великіе Князья и Великія Княгини, также въ русскихъ платьяхъ, дальше генералитетъ, высшіе чины, всѣ въ формахъ съ золотымъ шитьемъ, а за ними — георгіевскіе кавалеры, что создавало импозантную картину. Первыми шли генералы, награжденные орденомъ св. Георгія, за ними офицеры по чинамъ, потомъ унтеръ-офицеры и простые солдаты; были здѣсь георгіевскіе кавалеры и безъ руки, и безъ ноги, на костыляхъ или опиравшіеся на палку, что также произвело на меня очень сильное

впечатлѣніе и вызвало удивленіе, когда я увидѣлъ — какая великая честь оказывается этимъ храбрымъ людямъ, которые части своего тѣла жертвовали за Царя и Отечество.

Когда шествіе прошло, мы оставались въ ожиданіи окончанія церковной службы и возвращенія шествія, послѣ чего разошлись...

Всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ Царь давалъ обѣдъ. Мнѣ говорили, что унтеръ-офицеры и солдаты имѣли право, какъ память объ этомъ днѣ, уносить съ собой весь обѣденный приборъ...

Когда мы окончили „Дополнительный курсъ", мы обмѣнялись фотографіями и собрались на прощальный обѣдъ, который организовалъ поруч. Д. А. Скрябинъ, въ ресторанѣ, названіе котораго не помню, но знаю, что находился на Б. Морской, вблизи зданія Главнаго штаба. За обѣдомъ мы прекрасно провели время до глубокой ночи, простились другъ съ другомъ и разошлись, чтобы, такъ сказать, никогда больше не встрѣчаться.

Наше поколѣніе пережило много тяжелыхъ дней въ своей жизни. Моя малая Сербія пережила свою Голгофу, но и дождалась своего Воскресенія. Такъ точно великая и мощная Россія сейчасъ переживаетъ свою Голгофу, послѣ которой должно придти Воскресеніе, и оно придетъ, а тогда появится Россія еще болѣе мощная и болѣе сильная, во славу и величіе своего народа и всего Славянства, и на страхъ врагамъ...

****

Приложеніе 1-е.

Выписки изъ краткихъ записокъ о службѣ:

I. Ген.-лейт. **Владиміръ Андреевичъ Леховичъ** (фотографія стр. 135). 1) По окончаніи Мих. Арт. Учил. произведенъ въ подпоручики 3-й Гв. и Гренад. арт. бриг., съ прикомандированіемъ къ л.-гв. 2-й арт. бр.—8 авг. 1880 г. Переведенъ въ гвардію—1881 г. 2) Окончилъ Офиц. Артил. Школу—1898 г. 3) К-ръ 3-й бат. л.-гв. 1 арт. бр.—1898 г. 4) К-ръ 1-й Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича 6-ея л.-гв. 1 арт. бр.—1902 г. 5) К-ръ Гв. Стр. арт. дивиз.—1904 г. 6) Командующій 22 арт. бр.—1904 г.; ген.-м. 1906 г. 7) К-ръ л.-гв. 2-й арт .бр.—1907 г. 8) Помощникъ Нач-ка Главнаго Артил. Управленія, съ зачисленіемъ въ списки л.-гв. 2 й арт. бр.—1909 г. 9) Ген.-лейт. 6 дек. 1910 г. 10) Назначенъ Помощн. Военнаго Министра—25 февр. 1917 г., но въ должность не вступалъ изъ-за развернувшихся событій. 11) Назначенъ Начальникомъ Главн. Артил. Управленія и въ этой должности послѣдняго Начальника Г. А. У. оставался до прихода къ власти большевиковъ, когда, подавъ въ отставку 2 дек. 1917 г., покинулъ С.-Петербургъ.

II. Ген.-лейт. **Александръ Ивановичъ Постовскій** (фотографія стр. 136). 1. По окончаніи Мих. Арт. Уч. произведенъ въ подпоручики 3-й Гв. и Гренад. артил. бриг.—8 авг. 1880 г. 2) Переведенъ въ гвардію—1881 г. 3) Окончилъ Ник. Акад. Генер. Штаба—1888 г. 4) Подполковникъ—1892 г., полков.—1896 г., ген.-маіоръ—1904 г. 5) Ген.-лейт.—1912 г., съ назначеніемъ Начальникомъ 1-й Гренадерской дивизіи.

Награжденъ: за Китайскую войну—орд. св. Анны 3-й степ. и св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ; за Японскую войну—орд. Анны 2 ст. и Владиміра 3-й ст. съ мечами, Золотымъ оружіемъ съ надписью „За храбрость" и чиномъ ген.-маіора; за Великую войну—орд. Владиміра 2-й ст. и Бѣлаго Орла съ мечами, и мечами къ орд. Станислава и Анны 1-й ст.

Выпускъ 1900 года изъ Михайловской Артиллерійской Академіи

(см. статью С. И. Лашкова въ 1-мъ выпускѣ).

Стоятъ: В. Г. Федоровъ, В. Н. Лахтіоновъ, С. И Лашковъ, К А. Евреиновъ, Л. Д. Гольмъ, В. А. Свидерскій, В. Э. Макаровичъ, В А. Платоновъ, В Ф. Скалфасовскій.

Сидятъ: С. В. Агокасъ, Н. С. Хватовъ, Н. А. Щербинскій, И. П. Граве, А. А. Дзержковичъ, М Г. Тидеманъ, М. Н. Добророльскій, Н. Г. Высочанскій, В. С. Михайловъ.

Не снятъ: П. И. Ивановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ КО 2-му ВЫПУСКУ.

		Стр.
I.	*Отъ Правленія.*	5
II.	*К. В. Снигиревскій* — „Воспоминанія старѣйшаго“.	6
III.	*А. А. Нилусъ* — Училище и Академія	14
IV.	*Л. Я. Симоновъ* — Воспоминанія объ „Alma Mater“	30
V.	*Е. А. Милодановичъ* — Полъ-вѣка назадъ	34
VI.	*Н. М. Храбровъ* — Воспоминанія о Великомъ Князѣ Сергіи Михаиловичѣ	47
VII.	*В. П. Никольскій* — Счастливые годы	52
VIII.	*В. Д. Нарбутъ* — Мои воспоминанія	59
IX.	*С. И. Лашковъ* — Михайловцы подъ Дашичао . .	63
X.	*Н. А. Герцо-Виноградскій* — Воспоминанія „Михайловца“ выпуска 1897 г.	69
XI.	*В. К. Чернявскій* — Н. С. Будаевъ	74
XII.	*Н. Т. Бѣляевъ* — Изъ семейной хроники	76
XIII.	*А. Н. Ефремовъ* — Корпусъ—Училище	82
XIV.	*А. Н. Потаповъ* — „*М*“ съ короной	85
XV.	*Б. А. Долгово-Сабуровъ* — Привѣтъ къ 110-й годовщинѣ	97
	Къ 25 ноября 1937 г.	100
XVI.	*А. Н. Щербининъ* — Нашъ балъ	101
XVII.	*В. Е. Милодановичъ*—Ген. С. Л. Марковъ въ М. А. У.	108
XVIII.	*Свящ. П. Туруханскій* — Ген.-м. П. Е. Глудкинъ .	113
XIX.	*В. В. Шавинскій* — Первые прапорщики	119
XX.	*В. П. Родзянко* — Впечатлѣнія гимназиста . . .	131
XXI.	*К. В. Савайтевичъ* и *А. И. Крыловъ* — IX ускоренный курсъ	134
XXII.	*Р. Ф. Бойовичъ* — Въ Академіи	137
Приложеніе I.	Выписки изъ краткихъ записокъ о службѣ	145

СТОИМОСТЬ 2-го ВЫПУСКА:

Югославія — безъ пересылки — 35 динаръ.
Югославія и Франція, съ пересылкой — 40 динаръ.
Болгарія, съ пересылкой — 60 лева.
Остальныя страны — 1 американскій долларъ.

ТРЕБОВАНІЯ НАПРАВЛЯТЬ:

І. І. Сахновски, ул. Кр. Милана 12, Belgrade, Jougoslavie.
С. И. Лашков, Четничка 12, Belgrade, Jougoslavie.

СБОРНИКЪ
ВОСПОМИНАНІЙ

Михайловцы

ОТ ПРАВЛЕНИЯ " ОБЩЕСТВА МИХАЙЛОВЦЕВ ".

Все попытки еще в Европе, выяснить возможность и желание издания №3 журнала "МИХАЙЛОВЦЫ", ни к чему не привели. Да это и понятно, т.к. вопрос был поднят в то время, когда большинство михайловцев было без средств, а главное, все были сорваны с мест 2-й войной и не знали, где они будут завтра. Хоть теперь эти условия изменились к лучшему, но у правления нет возможности собрать сведения о числе платных подписчиков, нет свободных материальных средств, чтобы рискнуть издать №3, да нет и достаточного материала. А так как " Общество Михайловцев" было создано для увековечения светлой памяти Михайловских Артиллерийских Академий и Училища путем издания " Сборника Воспоминаний, который бы дал будущему историку живой и правдивый материал, характеризующий быт и учебную жизнь этих школ, то нам необходимо, конечно, принять все меры к продолжению сбора "Воспоминаний" и изданию их.

Принимая все это во внимание и желая, одновременно, почтить память основателя журнала, Полковника С.И. Лапкова, гибелью погибшего, Правление решило попробовать издать №3 журнала путем издания 3-х отдельных выпусков мимеографическим способом, как самым дешевым. Обложка не будет точной копией обложки №1 журнала.

Что касается подбора материала, то Правление должно указать, что у него большого выбора. Нет воспоминаний, освещающих определенные периоды, особенно ускоренных выпусков, торжества кануна праздника Училища, следствие чего нельзя соблюсти хронологический порядок воспоминаний и дать общее и исчерпывающее описание родной Школы; это, как указано выше, сможет сделать только будущий историк.

Относительно того, что в воспоминаниях встречаются, якобы, неуязвки в названиях и пр., то это об"ясняется просто результатом разных периодов времени и случайная популярность тех или иных названий и даже терминов. Одни говорят "классы", другие - "курсы". В конце прошлого столетия никому и в голову не приходило говорить: " юнкер младшего класса" или "классный офицер" , говорилось: "юнкер младшего курса", "курсовой офицер". У старого зала было два названия: Императорский или Конференц, последнее пользовалось абсолютной популярностью. "Классами" назывались отделенные комнаты, в которых читались лекции.

Желательно получить воспоминания о жизни, фактах и событиях, связанных с Академией и Училищем, а не выводы и заключения. Желательны и фотографии, которые будут возвращены владельцам в полной исправности. Чрезвычайно желательно получить воспоминания ускоренных выпусков пилоть до революции, чтобы честно и правильно осветить стихийный развал Училища, чтобы защитить достойных, лойяльных и патриотических юнкеров от ложных обвинений.

Правление считает также, что было бы целесообразно ввести в журнал отдел хроники жизни и деятельности Общества с приложением списка его членов.

Правление знает, что в планируемых выпусках может быть сделано много ошибок, а потому заранее просит всех, находящих эти ошибки, сообщить Правлению для соответствующего исправления. Правление просит принять во внимание, что всю свою работу оно ведет абсолютно безплатно и в свободное от службы время, т.е. время, которое все реальные михайловцы употребляют на личный отдых. Это, конечно, должно не только избавить его от резкой критики и упреков, но и подсказать всем михайловцам необходимость всячески помогать и облегчать работу Правления - участием в официальных выступлениях и церковных службах, в

спортированных ответах на все запросы, и присылке материала для журнала и пр.
Правление полагает, что появление 1-го выпуска может заинтересовать михайловцев и дать толчок к присылке для следующего выпуска нового материала, без которого мы не сможем выполнить намеченный план.
Правление очень огорчено тем, что вынуждено пользоваться ломким правописанием, в силу того, что нет заглавок со старым шрифтом.
Вот почему, вопреки пожеланию одного из михайловцев, журнал не сможет быть издан на "ЯТЬ".

Правление "Общества Михайловцев".

Е.ИВАНОВСКИЙ.

В Михайловском Артиллерийском Училище.

Воспоминания юнкера.

1897 - 1900 гг.

Летом 1897 года я благополучно окончил дополнительный класс Белостокского реального училища и, по желанию матери, подал прошение о зачислении в Лесной Институт. Было меня разбодала карьера лесничего и я втайне надеялся, что тройки по языкам помогут мне попасть в институт по конкурсу аттестатов. И как я был огорчен, когда получено было сообщение из Лесного института, что я принят в число студентов.

С раннего детства привык я к военной среде, полюбил солдата, увлекался церковной службой, интересовался военной историей и мечтал о службе в кавалерии. Мое врачное состояние духа озабачивало отца и мать, и, в конце концов, родители согласились, чтобы я шел в военной училища, но не в кавалерийское, а в артиллерийское с тем, чтобы выйти в конную артиллерию, где служба не менее интересна, чем в кавалерии. И я с большой радостью стал готовиться к конкурсному экзамену по всем отделам математики и физики. По этим предметам у меня были полные баллы, и я особенно не волновался.

Осенью я хорошо выдержал экзамен и был принят в Михайловское Артиллерийское Училище.

До начала учебного года, до с"езда юнкеров, оставалось несколько дней и мы с Беркалоим получили разрешение поехать из гостиницы в училище: ехать на короткий срок домой не было смысла.

В училище в это время оставались только три юнкера - сибиряка, не уезжавшие на каникулы совсем. Они и приняли нас под свое покровительство. Нас переодели в юнкерскую форму, но в город не отпускали, - мы могли только гулять в училищном сквере. И вот, тут-то и произошел с нами неприятный случай.

Сергей Беркалов был глубоко штатский человек и о воинских порядках не имел никакого понятия. На второй день нашего пребывания в училище гуляли мы с ним в малом сквере. Навстречу нам идет какой то генерал, как потом оказалось - начальник училища. Генерю Беркалову: "Нужно стать генералу во фронт", и становлюсь по правилам, мне дали знакомым. А Беркалов снимает свою безкозырку и, почтительно раскланиваясь, говорит генералу: "Здравствуйте!" Генерал остановил

распросил кто мы такие и приказал Барклаю повнимательней опять к этой птичке, пока не научится держать себя по юнкерски.

Скоро стали с"вязаться юнкера и после поступления в училище кадеты. Мы, гимназисты, или, как нас звали в училище, "мальчики со стороны" чувствовали себя одиноко, тогда как кадеты, привычные к жизни в интернате, быстро находили своих единомышленников, юнкеров старшего класса, и научались у них особенностям юнкерской жизни и традициям нашего славного училища.

А традиции наши были построены на благородных началах. Так, например: не допускались шпаргалки, укрывательство, - требовалось быстрое и смелое сознание в проступке; в стенах училища не разрешались картежные игры, не разрешалось носить собственное обмундирование, за исключением собственных сюртуков и шинелей. Этим устранялась всякая разница в одежде юнкеров разного материального состояния.

Вспоминаю такой случай. Батарея стоит к обеду. Входит начальник Училища, добрейший генерал Николай Александрович Домыкенко, с палочкой и в накинутом на плечи довольно коротком пальто, - его обычная форма одежды при обходе наших помещений. Приняв рапорт дежурного офицера и поздоровавшись с нами, обращается к стоящему с краю со следующим вопросом: "Кто из вас, господа, недели две назад был на Сергиевской улице не по форме одетым - без шинели?. Минутная пауза, и из задней шеренги раздается: "Я, Ваше Превосходительство!"- "Я так и доложил Великому Князю", сказал генерал Домыкенко: "мой юнкер не может не сознаться сразу".

Оказывается, Начальник Училища накануне встретился с Великим Князем Николаем Николаевичем, который рассказал нашему генералу, что видел на улице юнкера-михайловца, не по форме одетого и не только не старшего по фронту, но не отдавшего чести Великому Князю. Генерал Домыкенко сказал, что узнает и завтра же доложит, чем Великий Князь выразил сомнение.

Провинившийся юнкер доложил, что он выбежал из дому, чтобы, по поручению матери, передать письмо извозчику с соседнего дома, и Великого Князя не видел. По приказанию Великого Князя юнкер наказан не был.

За нашим воспитанием наблюдали особо назначенные юнкера - дополнисты. Во главе всего курса стоял старший портупей-юнкер - "полковник", во главе отделения - младший портупей-юнкер - "помкома".
И не даром такими пышными именами звали их юнкера: они не были начальниками и обращались с нами, как любящие старшие братья, наставляя в духе наших прекрасных традиций и указывая нам прямой.
В серьезных случаях гимназический приглашался к фельдфебелю, который делал внушение легкомысленному юнкеру, а иногда и говорил: "Вам не подходят традиции нашего училища, - потрудитесь подыскать себе более подходящую Вам школу".
И неподходящий юнкер уходил из училища. Начальство всегда в таких случаях поддерживало фельдфебеля.

В бытность мою на младшем курсе фельдфебелем одиннадцатой батареи был очень серьезный и видный Федоров, палатой казарменной - мрачный Смирнов, и помощи отделения - Петерсен.
В следующем году фельдфебелями были; Волков и Синклер и последний год Ассанович, учившийся первым и Сашка Фонтейн. Сережа Докучаев, учившийся вторым, очень способный и общий любимец, не попал в правящие из-за своего мало серьезного характера.

И фельдфебель и портупей-юнкера дисциплинарной власти не имели, но пользовались таким уважением юнкеров, что эта власть и нужна была им.

Упущения по службе и нарушения требований инструкции, нашего устава внутренней службы, карались курсовыми офицерами, полубатарейными и батарейными командирами. Тут каждая мелочь не проходила без взыскания. В первые два года я ни разу не был наказан, а последний год,

будучи портупей - юнкером дополнительного курса, получил три взыскания подряд: 4 наряда по очереди, еще 8 нарядов и еще 8 нарядов, так что больше месяца не выходил из нарядов. Первый раз за то, что, сидя на кровати, потянулся и прилег на спину, что разрешалось только снявши сапоги и бушлат, а я прилег не раз, снявши. Второе нарушение порядка заключалось в следующем: покурил я на батарее, отбывши свой последний штрафной наряд; дежурный спал ночью в гимнастерке и должен был встать по тревоге, в 6 часов 45 минут утра; проснулся я минут на десять раньше положенного срока, вся ночь, истертая за ночь грубым гимнастерочным воротником, горела; я начал натягивать, снял гимнастерку, умылся и, так как было еще рано, решил полежать еще немного без гимнастерки. Не успел я прилечь, как слышу голос дежурного офицера: "Дежурный по батарее!" Я вскочил. Почему Вы сняли гимнастерку раньше времени?" - Мои об"яснения не удовлетворили офицера, и я получил должное возмездие. О третьем случае нарушения инструкции, расскажу позже.

Все это мелочи, но на этих мелочах мы приучались к точному соблюдению требований устава, и не только на глазах начальства.

Первый год моего пребывания в Училище командиром батареи был полковник Петраков, знаток лошади, мрачного вида, но добрейшей души человек; даром слова не обладал и бывал иногда очень рассеян. Встречает как-то он, на время строевых занятий, в бесконечном коридоре юнкера и спрашивает: "Как Ваша фамилия?" - "Сабанеевский, господин полковник", отвечает потрясенный юнкер. "Ну вот, видите!" говорит полковник и, занятый своими мыслями, идет дальше.

Полубатареями командовали: строгий, но сдержанный короткими фразами, полковник Туров и всегда веселый капитан Ламонтов, "балалайка". Дополнительным курсом водил молочный капитан Водинеко, владелец красивого парусного корабля "Монако" и и любезный капитан Симонов. Старший класс вели: строгий, но справедливый капитан Дмитриев и "Марфутка" Долгов. Младший класс состоял из четырех отделений, по главе которых были: маленький кап. Стандергельд, пан милейший кап. Данилович, каменный кап. Огурцов, плохо справлявшийся с своею "Грозеткой" и очень скромный кап. Линчевский.

На второй год батарея наша развернулась в роту. Начальником Училища назначен генерал Неведомский. Полковник Петраков произведен в генералы и получил в командование 24-ю бригаду. 1-е и 2-е отделения юнкеров младшего курса по жребию попали во 2-ю батарею полковника Ламонтова, 3-е и 4-е отделения - в 1-ю батарею полковника Турова. Появились новые офицеры: Лентовский - ~~хитрый~~ ~~тарахтящий~~ ~~Турок~~, минер - артиллерист - Куприянов, конник Агаф ов, типичный Гетманский, Валентинов и Терочкот.

Огромное здание Михайловского Училища находилось на Выборгской стороне Петербурга, сейчас же направо за Литейным мостом, и занимало целый квартал. Фасад был обращен к Неве. Над входом была надпись, золотыми буквами по черному фону: Михайловское артиллерийское Академия и Училище. У входа пушки, из которых стреляли на Сенатской площади по мятежникам - декабристам. Перед зданием - плац, на котором строились батареи к конному строю. По наружным краям плаца пол сквер, с чугунной металлической красивой решеткой. У боковых ворот стояла строевая будка для ночного сторожа, а днем в этой будке сидел торговец "бабки-лавочки", с халвой, пастилой, пряниками и фруктами. Бабка-лавочка познакомилась только с поступлением теплых весенних дней, знала в лицо всех своих покупателей-юнкеров и говорила всем "ты"; особенно любила весельчаков, изощрявшихся перед нею в остротах, и в тихомолку давала в кредит, нигде не записывая. И не было случая, чтобы она сетовала на неисправность своих должников.

Внутри блока училищных зданий было два двора, посреди каждого стоял большой крытый манеж, где юнкера обучались верховой езде и езде в орудиях. В одном из этих манежей в праздничные дни устраивались бесплатные вокально-музыкально-литературные представления для народа, на которых обычно все места бывали занятыми.

В обширном вестибюле всегда дежурил один из швейцаров. И Корнилов и Русинов были старыми солдатами, с медалями во всю грудь и имели весьма импозантный вид. Всегда были вежливы и пользовались симпатией юнкеров. Когда приходили поставщики, перчаточник Гросс из Праги или кто нибудь другой, швейцар об"являл об этом с прибавлением веселых прибауток.

Широкая лестница вела во второй и третий этажи, где помещались академические и юнкерские аудитории, физический кабинет, большая, со скамьями амфитеатром, химическая аудитория, чертежные залы, химическая лаборатория, артиллерийский музей, два зала - Императорский двусветный и Белый зал, по своей величине уступавший только огромному залу Морского корпуса, красивая церковь с художественно написанными иконами, ряд больших светлых, соединенных друг с другом арками, библиотека с читальной комнатой, лазаретные палаты. А внизу кухня с кладовыми и два длинных столовых зала, соединенные арками с разделяющим их корридором. В верхнем жилом этаже, среди спален, находились хорошо оборудованные умывалки и гимнастические залы со всевозможными приборами, что давало возможность, рано утром и перед отходом ко сну, упражняться на снарядах в легком одеянии, а затем освежиться холодной водой.

Бани своей у нас не было, водили нас два раза в месяц в частную баню на Симбирскую улицу, неподалеку от училища. В предбаннике, во время раздевания и одевания, пели мы разные русские песни и злободневные куплеты. Большим успехом пользовалась следующая нелепица:

Скачу в манеже на Бригадире
В одном мундире
И без штанов
Угломер наш дорог и непрочен
Ай, ай, ай!
Били по ногам нас,
Били по ногам нас,
Давай, тащи ведро.

И дальше перебирались лошади, подобно Бригадиру, доставлявшие юнкерам, своей тряской и безпокойным нравом, немалые неприятности.

Это было время беззаботного смеха и, казалось ясных перспектив.

Вновь вступившие юнкера прежде всего отправлялись на медицинский осмотр, а затем в цейхгауз, где получали обмундирование и обувь. Каждый юнкер получал четыре комплекта: классный - бушлат / мундир без галунов/, длинные брюки и сапоги с нечерненными голенищами; строевой - мундир, шаровары и высокие сапоги; отпускной - почти неношенный мундир и шаровары и новые лакированные сапоги. Эти три комплекта пригонялись из сданного выпускными юнкерами, а четвертый комплект, парадный, как и лакированные сапоги, шился на каждого юнкера по мерке и одевался только на парады.

Кроме того каждый получал: серо-синие шаровары для верховой езды, полотняную пару для гимнастики, безкозырку с бархатным околышем и барашковую парадную шапку.

Повседневное обмундирование хранилось у каждого юнкера в его ночном столике, а отпускное и парадное - в цейхгаузе, в

особой клетке под личным номером. Мой номер был 113.

Уход за нашей одеждой и обувью лежал на лсужителях, - на каждый 10 юнкеров назначался один служитель, клтлый и обслуживал своих юнкеров, получая с каждого, кроме жалования, по полтора рубля в месяц, - чистил наше платье и сапоги и подавал в столовой.

Жизнь в училище протекала по строго размеренным темпам.

Будний день начинался по первому сигналу в 6 час.45 мин. По этому сигналу вставали дежурный по батарее и дневальные первой смены, спавшие вторую половину ночи. В 7 час.подавался второй сигнал, по которому должны были вставать все остальные, но подымались лишь немногие, большинство же продолжали дремать под одеялом. На обязанности дневальных лежало внимательное наблюдение за появлением дежурного офицера. И как только он приближался, дневальный юнкер произносил тсс!... и этот звук, подобно электрическому току, выбрасывал спавших юнкеров из под одеяла, и, когда проходил офицер, спящих уже не было и все одевались. Правда, бывали упорные любители поваляться, которые, после обхода офицера, опять забирались под одеяло и оставались лежать чуть ли не до сигнала " на молитву ".

В половине восьмого сигнал на молитву. Все юнкера строились в Белом зале, батареи лицом друг к другу. После лбщей молитвы фельдфебеля вели свои батареи в столовую, где каждый юнкер садился на свое постоянное место, своей компанией, за стол на 10 человек каждый. Столы стояли длинной чередой поперек всей столовой.

На столе стояли два чайника, со сладким чаем, и за каждым прибором стояла фаянсовая кружка с училищным вензелем и лежала булка, только что доставленная из булочной Филиппова: тут были и калачи, и французские, и с маком, и мучные, и с солью, и сайки, и выборгские кренделя, и слоеные, и с вареньем, - словом на всякий вкус. Недовольные своей булкой менялись или у себя же за столом, или выходили в коррридор, где собирались все недовольные, и здесь менялись. А если и здесь не удавалось найти себе булку по вкусу, обращались к дежурному по кухне - юнкеру, и тот удовлетворял недовольного из своего запаса.

Этот маленький беспорядок следует отнести за счет того баловства, которое мы неизменно получали от нашего любимого Начальника Академии и Училища генерала Н.А.Демьяненкова.

Время между завтраком и началом лекций отдавалось строевым занятиям, которые обычно вели с своими юнкерами курсовые офицеры. У меня в отделении курсовым офицером был капитан Николай Александрович Данилович, добрейший человек и фанатик своего дела. За своих юнкеров стоял горой, хотя и сильно побаивался всякого начальства.

От 9 час.и дл 2-х с половиной шли лекции с перерывом, в полчаса, на завтрак. Нельзя не отметить здесь одну необычную особенность нарушения общего порядка. На все построения, как и в столовую, юнкера ходили обычно в полном порядке, за исключением сигнала на завтрак, в 11 часов. Как только раздавался этот сигнал, юнкера срывались со своих мест и, не обращая внимания на лектора, сломя голову неслись в столовую. Заняв свои места, ожидали прибытия дежурного офицера и только после общей молитвы приступали к завтраку. Так что торопиться не было никакого смысла и, тем не менее, это сумасшествие продолжалось изо дня в день, и начальство закрывало на это глаза, - так повелось уж! На завтрак давалось нам обычно какое нибудь мясное блюдо и чай. Особенным же успехом пользовались макароны с сыром.

Преподавательский состав, в мое время, был исключительно высокой квалификации: профессора военных академий или университета, с солидным стажем и авторы ряда ученых трудов. Старейшим из них был профессор и магистр математики Будаев, читавший высшую математику в нашем училище уже много лет. Вспоминаю такой случай. На одной из ре-

петиций по интегральному исчислению стоит у доски юнкер Г-в и весьма туманно поясняет свое задание. Будаев терпеливо слушает, а затем начинает перелистывать свою записную книжку. " Скажите, юнкер", спрашивает он:" в 18.. году не был ли Ваш отец в нашем училище?"- " Так точно, был" отвечает юнкер. " Такой же незабвенный был математик, как и Вы", говорит с грустью Будаев. И еще один случай. На выпускном экзамене отвечает юнкер К., большой тугодум, но очень прилежный. От волнения совсем запутался и, наконец, замолчал. " Вот что ксен/так произносил Будаев слово "господин"/ говорит профессор:"я вам поставлю удовлетворитений балл, но с условием, что Вы никогда и никому не скажете, что Вы изучали высшую математику."

Особенным успехом пользовались у нас лекции по Военной Истории, по Закону Божию и по химии.

Военную историю читал генерал Мтхневич исключительно живой и интересный лектор, захватывавший своих слушателей.

Нашим духовником и законоучителем был священник о.Григорий Петров. Читал он нам философию религии, поясняя примерами из жизни, и читал настолько интересно, что слушали его с затаенным дыханием. По воскресеньям он читал бесплатные лекции, в нашей большой химической аудитории для народа. И на этих лекциях всегда присутствовало немало юнкеров. В дальнейшем он ударился в политику, был членом 2-й Государственной Думы и, наконец был лишен сана.

Химию читал нам молодой ученый капитан Ипатьев, получивший впоследствии мировую известность. Он так увлекался при об"яснении какой нибудь химической реакции, что и нас заражал своим увлечением этим скучным, как казалось многим предметом.

" Болтается в пространстве точка", начал как то, прямо с порога класса, свою лекцию по проэкционному черчению, маленький полковник Голевин и, как всегда, повел ее очень быстрым темпом, применяя весьма оригинальные выражения.
А вот входит в класс изящный полковник Петрович, берет мел и со стенографической быстротой начинает покрывать доску чертежами и формулами аналитической геометрии. Записывать за ним никто не успевает, все растеряны. Но проходит две-три лекции, и юнкера привыкают к быстроте и ясности изложения полковника Петровича и усвоение аналитической геометрии подвигается легко.

Как живые встают передо мной образы наших профессоров, так много давших нам своими знаниями и своим всегда корректным и доброжелательным отношением: добродушный военный инженер генерал Иохер, которого юнкера пытались развлекать на репетициях интересными открытками; мрачный с виду, но очень доброжелательный физик Корольков; Миша Померцев, как называли его юнкера, геодезист-мечтатель, обучавший нас " раскачиванию глазом" при пользовании трубой кипрегеля; невозмутимый Орлов, профессор русской литературы, которого юнкера по несколько раз в году, поздравляли с новым годом; пунктуальный инспектор классов - Брикс - механика," накат и откат" Цитович - теория вероятностей, живой и энергичный Дельвиг - стрельба и другие.

Я не могу назвать ни одного преподавателя, лекции которого были скучны и неинтересны. Наименьший интерес вызывали уроки иностранных языков. Вспоминая маленькую фигурку только что приехавшего из Франции и не говорящего ни слова по русски преподавателя французского языка Дюсурбье-де-Ля-Турас, при входе которого в класс юнкера хором приветствовали: " Дюсурбье-де-Ля- Турас мели Бога о нас", на что он мило улыбался и раскланивался. Чтобы вызвать юнкеров на разговор он начинал рассказывать какой нибудь веселый анекдот. Заметив, что слушатели не смеются, он спрашивал в чем дело и узнав, что юнкера не понимают /чего на самом деле конечно не было/, предлагал кому-нибудь из хоро-

по-владевших французским языком рассказать классу этот же анекдот по-русски. Обычно выходил и так и случалось нам знаменитый анекдотист юнкер Х.и забавлял класс каким-нибудь новым анекдотом из бесконечного репертуара. Преподаватель был доволен и мы тоже.

После лекций и до обеда шли строевые занятия: торжественная езда, поэтий строй, гимнастика, фехтование, ученье при орудиях, занятие материальной частью и уставами.

И что нас особенно изнуряло это переодевание по нескольку раз в день: каждый вид занятий требовал соответственной формы. Так, на торжественную езду мы одевали мундир и синие штаны, на ученье при орудиях и на поэтий строй - мундир, черные штаны и пилотка, на классные занятия - бушлат и длинные штаны, на фехтование - белая гимнастерка и длинные черные штаны, на гимнастику - все белое. Приходилось переодеваться очень быстро, так как перерывы между занятиями были очень небольшие.

Любимым занятием была торжественная езда. Заранее юнкера выбирали себе на каждый урок, лошадь, каждый раз другую, и находили ее у манежа уже оседланной солдатами. Только в старшем классе, когда уже определились ездоки, лучшие из них получали постоянные лошади из числа более молодых и строгих.

На старшем курсе моим постоянным конем был строгий "Париж", а на дополнительном - очень трясся и гибкая "Незабудка". Лошади особенно трясшие, как Бригадир, Фухтарь, Егорка, оставлялись обычно на другую последнюю очередь и выбирали юнкера.

Особым видом езды была сначала "парижа" /на двух лошадях/ а затем езда в орудиях. Последняя была неприятна тем, что происходила в закрытом манеже, где четырем запряжкам было очень тесно. Особенно трудно приходилось юнкерам старшего класса, когда была собрана вся вторая батарея: приехали юнкера с лошадьми крупных, мелких, среднего роста, а потом и кровь с молоком, гнедой с притчиной и в чулках, Пан. Он никогда не пропускал опытности своего ездока и, подхватив, нес орудие. Им самим не оставалось только спасаться от напирающих на них лошадей и стараться, чтобы не налететь на другие запряжки.

На сколько мне приятна была верховая езда и я, с первого года, был в числе лучших ездоков, на столько я ненавидел от всех моих кодет по гимнастике: надеть и снять никогда правильно не занимался, и приходилось мне работать, больше потеть и позже ложиться, чтобы получить хоть бы удовлетворительных результатов. В общем все я любил строевые занятия и был неплохим строевиком.

Обедали мы в 4 часа. Строились мы в "белом" зале, фельдфебель производил расчет по столам, и в отдых юнкера, по одно на каждый стол, выходили на свои места и мы шли в столовую.

Обед состоял из трех блюд: борща или супа с пирогом, мясного блюда и сладкого - почему-то филипповка. К обеду у нас всегда был прекрасный хлебный квас. В праздничные дни давали сдобные пироги и птицу или дичь. Кормили нас очень хорошо и вкусно, но кадеты находили, что менее сытно, чем в корпусе.

Наряд обедал отдельно и получал обычные порции. Заботился о нашем столе, сервировал, мыл и раскладку выбранный нами наряд, раскладчик. Следил за чистотой и расходом продуктов дежурный по кухне, назначаемый сводно по из юнкеров старшего класса.

На сколько балловал нас генерал, смышленок может судить хотя бы потому, что в пример Великого поста нам давали пищу на сливочном масле. "Ах и юнкера", говорил генерал "но мы тут есть на постном масле."

После обеда, раза 2-3 в неделю, бывали строевые занятия

45 минут,и наступало наше свободное время,когда мы могли спать на своей кровати,снявши бушлат и сапоги,или гулять в сквере перед зданием, или читать,или готовиться к осередной репетиции,которые бывали раз в неделю,а то и реже. В это время устраивались " собаки " небольшая компания друзей покупали в складчину халву,колбасу или сыр и, усевшись у себя в сальне в кружок,закусывали и болтали. Можно было получить на кухне,бесплатно, чай. Тогда "собака" уничтожалась в столовой.

Весь курс каждого предмета разбивался на 2-3 репетиции, сдача которых была обязательна. Несданная репетиция сдавалась одновременно с экзаменом. Иногда обстоятельства складывались так,что не успеваешь подготовиться к репетиции. Единственное спасение в таком случае - наш милейший доктор Николаев: приходишь к нему и начинаешь откровенно об"яснять причину своего запоздания. " Вы хотите ", перебивал вас доктор:"получить патент на слабоумие?" И выдавал вам записку,удостоверяющую,что болезнь помешала вам подготовиться. Но случаи такие бывали редко.

Баллы за репетиции вместе с баллом за экзамен определяли старшинство юнкера при переходе в следующий класс и старшинство в чине при производстве в офицеры.

Иногда,когда вы чувствовали себя очень утомленным от быстрого темпа работы,вы опять таки обращались к доктору Николаеву и он оставлял вас дня на три в лазарете.

Репетиции начинались в 7 часов,и юнкера обязаны были ждать преподавателя до половины 8-го. Ровно в половине 8-го,если преподаватель не являлся,тушился в классе свет,все быстро расходились и репетиция считалась не состоявшейся.

Бывали курьезные случаи: часы подходят к половине 8-го и в это время в конце "безконечного коридора" показывается спешащий преподаватель;часы бьют половину,в классе тушится свет и ...преподавателю остается только удалиться восвояси. Нужно сказать,что заслуженные старые профессора обычно не приходили на репетиции,их заменяли молодые ассистенты.

В 8 часов мы ужинали - чай,хлеб,холодное мясо или колбаса. К ужину ходили без строя. А группа любителей поболтать заранее собиралась у запертых дверей в столовую и,рассевшись на ступеньках лестницы,поджидала сигнала.

В 10 часов вечера собирались в "Белом зале" на молитву,читался приказ по Училищу или по бптпрес,и можно было укладываться спать. В спальнях тушился свет и зажигались ночные синие лампочки. Желающие продолжать заниматься могли находится в любом помещении, кроме спальни.

Заниматься подготовкой к репетиции можно было где угодно: более способные и менее усидчивые занимались обычно в классе, где можно было разговаривать. Требовавшие большей тишины шли в читальную комнату,где разложены были газеты и стояли библиотечные шкафы; здесь можно было разговаривать только шепотом. Самые зубрилы забирались в комнату рядом с читалкой -"мертвецкую",где нельзя было даже шелестеть книгой при переворачивании страницы,а тем более разговаривать. А особые любители уединения уходили в дальний конец коридора и там,в нише окна,погружались в науку.

Во время экзаменов юнкерам выдавались свечи и,между 10 и 12 часами,разрешалось заниматься в спальне,лежа в постели.

В свободные часы никогда не пустовала курилка,где у камина собирались компанией,пели хоровые песни,болтали и рассказывали анекдоты.

Так протекали наши будние дни.Вся жизнь наша была подробно регламентирована в особой "Инструкции",заменяющей " Устав

внутренней службы".

В воскресные и праздничные дни вставали мы не часе позже, ходили к обедне в нашем училищную церковь, где пел наш юнкерский хор под управлением полковника Гельмана, желающие уходили в отпуск.

В отпуск имели право ходить: "взводные" - только по праздникам, старший класс - по средам и праздникам и два младших класс - три раза в неделю. Отпуск разрешался до 8-ми часов вечера. Но к знакомым, занятым желающие видеть у себя юнкера, отпускали к холостым до 10 часов и к семейным до 12 часов, а по особому каждый раз разрешению /на семейный вечер/ и до более позднего часа. В театр или на концерт отпускались до конца представления, - нужно было, являясь из отпуска представить театральный билет.

Отпускная форма была почти одинакова и в зимнюю стужу и в летнюю жару: мундир, панталоны и барашковая папка. Только зимой панталоны надевались с рукавами, с бобриком на плечах, и подпоясывалось лакированным поясом с гренадерской бляхой, а летом - панталоны надевались в нанки, и застегивалась на два верхних крючка. И как ни странно, но за три года пребывания в училище я ни разу не болел, тогда как до поступления в училище я не вылезал из ангины, хотя одевался тепло и соответственно с погодой.

Отпуском мы очень дорожили, и лишение отпуска было самым неприятным наказанием.

Почти каждый отпуск я бывал в очень милой семье моего однокурсника Егора Егоровича Дон, других знакомых у меня не было. Эта гостеприимная семья состояла из добрейшей вдовы-сибирячки, матери нашего Дона, двух сестер, т.лики и кончивших Анненское-тульи, и младшего брата-гимназиста. Приглашали они человек пять, безденежных юнкеров, и зимой на своей квартире на Бассейной улице, и летом - на дачу в "Сосновку", неподалеку от Лесного. Относились они к нам по родственному и вместе с нами переживали все наши радости и огорчения. После производства в офицеры, при расставании, каждый из нас получил на память по серебряной, вызолоченной и украшенной эмалью чайной ложке; цвет эмали соответствовал цвету петлиц, которыми переменялись обычно наши салфетки. Ложечку эту я бережно храню до сих пор.

У Дона часто бывала семья нашего юнкера Миши Плодского: вдова мать и три дочери-институтки. Своим присутствием, особенно на даче, они очень оживляли наше общество и заставляли сердца некоторых биться несколько учащенней. Бывала там и очень милая подруга младшей Дон, Сони С., из за которой Петя Бобрик, отличный сядок и гимнаст, юнкер Кронштадтской крепостной артиллерии, вместо конной артиллерии, о которой всегда мечтал.

Бывали мы иногда, вместе с кем нибудь из Дон, на приеме в институте. Записавшись у дежурной классной дамы, мы входили в большой зал, где в стороне которого рассаживались посетители с вызванными к ним родственницами институтками. И к нам приходили наши "кузины", и мы весь прием весело беседовали и были довольны друг другом.

Как только были у мены деньги, я отправлялся обычно в Александринский театр, где юнкера, за половинную стоимость билета могли занимать места не ближе 7-го ряда. В антрактах все офицеры и, конечно юнкера, не имели права сидеть. Это было очень стеснительно, если Вы бывали не вместе с дамой.

Труппа Александринского театра блистала в то время такими именами, как Варламов, В.Ф. Комиссаржевская, Савина, Мичурина, Стрельская, Давыдова, Гаяцкая, Савина, Ходотов, Дальский, Аполлонский, Юрьев.

Репертуар был очень интересный, и я долго оставался под впечатлением виденного. Особенно меня захватывала художественная игра Комиссаржевской, и я не пропускал ни одной пьесы с ее участием.

Бывал я и в Мариинском театре, но туда трудно было достать билеты да и предпочитал я драму,- она меня захватывала. Еще будучи реалистом я принимал участие в любительских спектаклях и даже одно время подумывал избрать себе карьеру драматического артиста.

В связи с описанием наших отпускных дней хочу отметить еще одну вольность, которую нам позволяло наше начальство.

Юнкера-артиллеристы числились по полевой артиллерии, а потому гпор нам не полагалось. Гпоры носили только портупей-юнкера дополнительного и старшего классов и, пока оставался начальником училища, генерал Демьяненко, лучшие ездоки старшего класса/ наездник и фейерверкерский темляк/. Остальные юнкера не имели права ни на гпоры, ни на темляк.

И вот, чтобы нарядить нас, гпоры разрешались всем отправляющимся на танцевальный вечер. Юнкер, приглашенный на семейный вечер, уходил в отпуск в гпорах. Приглашенные в институт на бал отправлялись в гпорах. На училищных балах юнкера бывали в гпорах. И когда уезжали в загородный отпуск, надевали, самостоятельно уже, гпоры; начальство закрывало на это глаза. Бывали, конечно, шалости, которые в обыкновенное время пытались носить гпоры в отпуску, надевая их за ближайшим от училища углом. Но такие нарушители формы строго карались - оставались без отпуска.

Вторым нарушением требований устава был и нежелание отдавать честь подпрапорщикам и эстандарт-юнкерам. Этот чин получали окончившие юнкерское пехотное или кавалерийское училище, куда принимались молодые люди с неполным средним образованием. И вот юнкера наши не хотели отдавать честь "недоучкам", за что иногда и несли серьезное наказание.

В своей юнкерской "клятве" Михаил Юнгмейстер писал:

" Но если кто-хоть каплю лести
Вам взор в словах моих найдет,
То пусть за неотдание чести
Меня подпрапорщик цукнет.

Пускай в унтерах лямку порю,
Когда помучусь я в Кар"ере,
Пускай на горной станции гпоры
Возьмет пехотный офицер.

Пусть надо мной смеется взвод,
Ученый кант пусть истрется
И фейерверкерский темляк
Пускай от тряски оторвется."

Употребление спиртных напитков в стенах училища и появление на улице в нетрезвом виде у нас преследовалось начальством и самими юнкерами. Но когда уезжали на каникулы, запасались алкогольными напитками и закусками и, когда поезд трогался, начинался общий кутеж. Этим занимались, впрочем, и юнкера Михайловского училища.

При отправлении в отпуск юнкер должен был очень тщательно одеться и явиться дежурному офицеру, рапортуя: " младшего курса юнкер такой-то просит отпуска до такого-то часа. Номер билета такой-то." И возвратиться из отпуска необходимо не позже указанного юнкером часа,- опоздание на одну минуту уже карается.

Будучи юнкером младшего класса, я хотел пройти в фотографию за карточками. Рассчитав, что мне вполне достаточно на это полтора часа, я часов около 11 утра явился дежурному офицеру и попросил отпуска до часу дня. В фотографии меня задержали больше чем я ожидал, а

затем еще на Литейном мосту встретил трех генералов, которым должен был отсалютовать по фронту и по результате он задел на одну минуту. Дежурный офицер, мой полубатарейный командир, полковник Мамонтов сделал мне выговор, указав, что я мог взять отпуск до двух и больше, но "не дал ни слова кривить, а держись держись!" Комплимент русским пословицам, что я и запомнил на всю жизнь.

Теперь я хочу вспомнить об особых днях, отличавшихся от однообразного течения повседневной жизни: приезжие родственники и портупей-юнкера, балы наши и в других училищах или в институтах, помещения высоких особ, майский парад и др.

Приезжие, парный бал и производство.

При поступлении в училище молодые люди зачислялись на военную службу юнкерами рядового звания. Через два месяца строевого обучения, когда основные требования этических установок были усвоены, юнкера приводились к присяге на верность службы Государю и Отечеству. Для этого в манеже строилась батарея в конном строю и "козерки" в пешем строю.

После молебна младший класс вызывался к оружию, снятым с передков, и приводился к присяге. Торжество заканчивалось словом Начальника Училища и церемониальным маршем. Был улучшенный обед и юнкера отличались в отпуск. В этот же день отдавался приказ о производстве юнкеров младшего класса в унтер-офицерское звание. Теперь уже нельзя было уйти из училища на сторону: уходящий, по каким-нибудь причинам, юнкер отчислялся в какую-нибудь строевую часть фейерверкером.

6 ноября, в день тезоименитства Вел. Князя Михаила Николаевича, и в Михайловском и в Константиновском училищах бывал бал. В 1897 году, в этот день, я впервые присутствовал на большом столичном балу и любовался нарядными туалетами дам, блестящими формами гвардейских офицеров и художественным убранством залов старших классов, обвешанных юнкерами в фантастические гроты или изящные гостиные. Через них тянулись процессии в парадному зданию, в противному огнями. Весь этот парад, в котором был застегнут экипажами гостей. В вестибюле работали количественного вида швейцары, облаченные в парадные красные ливреи. Бал этот оставил по себе незабываемое впечатление на всю жизнь.

6 декабря, в день тезоименитства Государя Императора, лучшие по успехам и поведению ученики старшего класса производились в портупей-юнкера и получали фейерверкерский темляк на шашку и погоны. Это в большинстве случаев будущие флигель-адъютанты и "полпаги" и "помаги".

Незадолго перед отпуском на Рождество лучшие взводные старшего класса тоже получали фейерверкерский темляк и погоны, что являлось предметом особенной гордости.

Вспоминаю по этому поводу следующий мало приятный для меня случай. В бытность мою на старшем курсе я, как один из лучших взводных, с нетерпением ожидал получения погон. Вернувшись как-то из отпуска, я был встречен приятелем-другой по поводу награждения меня погонами, с чем, будто бы, было сообщено сегодня в приказе. У меня не было никаких сомнений в истине этого сообщения, тем более, что ряд других мне были названы еще несколько человек, отличных взводных, которые тоже получили погоны. На следующий день, который тоже был отпускным, я собрался в отпуск! Надел темляк и одел погоны. Друзья помогли мне одеваться и долго провожали меня до дверей комнаты дежурного офицера. И только тут признался мне, что никакого приказа о погонах не было и что они хотели меня разыграть, чтобы я не был слишком самоуверенным. И тут же помогли мне снять погоны и темляк, а я с обиженной мрачностью пошел ябедничать дежурному офицеру, предварительно хорошенько выругав своих приятелей.

Впоследствии оказалось, что с этим годом юнкер зиму никому не дали и обычай этот прекратился навсегда.

25 Ноября.

В последние годы пятьдесят лет этот день Михайловское Артиллерийское Училище давало свой второй бал, бал. Первый был бал 8 ноября, а третий, "белый бал", бывал в конце января, на время белых ночей, по окончании экзаменов.

Начальник училища, Н.А. Домбровский, придавал этим балам большое воспитательное значение и не устройством их никогда отпускал деньги. До и юнкера старались не ударить лицом в грязь и, по общей подписке, собирали значительную сумму.

Подготовка к балу начиналась с первых же дней учебного года. Каждую среду собирались в зал, приходил Начальник училища, и с другими членами балетмейстера Императорских театров Трикиного, начинались танцы. Каждый урок начинался с обучения поклонам, на месте и на ходу, а затем и танцам - полька, вальс, мазурка и кадриль. Постепенно составлялся "кор-де-балет", группа слабых танцоров, которые становились главным об"ектом внимания нашего балетмейстера. Перед отпуском на Рождественские каникулы кор-де-балет должен был перед лицом самого генерала Домбровского, демонстрировать свои достижения. И горе тому, кто не мог похвастаться успехами: он лишался Рождественского отпуска. К общему удовольствию за три года моего пребывания в училище кор-де-балет сразу не проваливался и лишних отпусков не было.

К началу бала все помещения училища и академии, которая помещалась в том же здании и имела общий с училищем начальника, преображались.

Широкая парадная лестница покрывалась широкими красными коврами и устилалась тропическими растениями. Классные аудитории принимали совершенно необыкновенный вид: одна представляла собою грот с настоящими сталактитами, с журчащим, красиво освещенным, ручейком и с сидениями в виде белых камней; другая - уголок парка с беседкой, клумбой живых цветов и фонтаном, бьющим среди кадок с пальмами; третья - зимний и чудный лесу - пол затянут белым полотном, а со звездного неба светит полная луна. Стоят высокие елки с ветвями покрытыми ватой и засыпанными блестками.

Часть классов обращена в уютные гостиные, обставленные стильной мебелью, другие - в буфеты с прохладительными напитками, мороженым, кондитерскими пирожными и конфетами и с холодными закусками и бутербродами.

Фантазия юнкеров-художников каждый год создавала все новые и новые проекты и поражала посетителей своим искусством.

Спальни, в строго на этот случай тех дней открыты для гостей, принимали парадный вид: постоянно серые одеяла закрывались светлыми - красного цвета с двумя красными полосами и с красным вензелем училища "М" с короной / как на погонах/.

Тысячи гостей заполняли оба конца зала, прогуливались по "бесконечному" и другим коридорам, осматривали интересный артиллерийский музей, стильную, спальни и отдыхали в уютных гостиных.

Пригласительные билеты рассылались нашему начальству, в институты и военные училища, и каждый юнкер получал по два пригласительных билета для своих знакомых. Число желающих попасть к нам на бал далеко превосходило число пригласительных билетов. У парадной лестницы стояли юнкера распорядители и строго контролировали входные билеты.

Задолго до бала в лазаретские юнкера отвозили своих однокурсников-полудипломантов, проводивших все свое время за книгой и очень редко выходивших за стены училища. Знакомых у них не было и приглашать

было некого, а потому они охотно уступали свои пригласительные билеты тем юнкерам, которые имели большой круг знакомых и никак не могли обойтись двумя билетами: нельзя же пригласить одних, а других лишить удовольствия потанцевать на михайловском балу.

Танцевали в двух залах, в Императорском, украшенном большими портретами Императоров Всероссийских, и в огромном Белом зале. Танцевали под управлением дирижеров-юнкеров под струнный и духовой оркестры полков гвардии. В Белом зале играло два оркестра, в разных концах его, - величина зала допускала эту роскошь.

Особенно интересным и разнообразным бывал котильон. И здесь наши художники могли блеснуть своею изобретательностью. Так например, на одном из вечеров вкатили в зал модель старой мортиры в натуральную величину; раздался оглушительный выстрел, и мортира выбросила тучу конфетти, покрывшими всех танцующих. Масса котильонных значков развозилась по залам на стильных, разных веков, экипажах. А на другом балу в зал вкатился блиндированный паровоз с двумя платформами, на которых лежали подушки с котильонными значками.

Разнообразные гостиные и длинные коридоры служили местом для отдыха и прогулок в перерывах между танцами. Только институткам запрещалось выходить из зала одиночным порядком, - обычно дежурная классная дама собирала всех своих воспитанниц и, в сопровождении юнкеров распорядителей, вела осматривать наши гостиные или в буфетные комнаты. Там их встречали радушные хозяева и поклонники, успевшие проскочить в буфет заблаговременно.

Раз"езд гостей начинался в 2-3 часа ночи. Юнкера провожали своих знакомых до швейцарской, а затем, без обычного вечернего ритуала, укладывались спать. И долго еще соседи по кроватям делились своими впечатлениями. И ни одно юнкерское сердце с этого вечера начинало биться несколько учащенно.

Вечера наши приучали нас-провинциалов умению держать себя в обществе и бывали случаи, когда "мамаша", отделенные портупей-юнкер, на другой день после бала долго гулял под-руку со сконфуженным козерогом и спокойно обсуждал его вчерашние промахи.

Вспоминаю два неприятных для меня факта, имевших место на двух балах 25 ноября: первый - когда я был козерогом и второй - когда я был уже портупей-юнкером дополнительного класса.

Поступил я в училище "со стороны" и к танцам не имел никакой склонности, почему и попал в "кер-де-балет". Узнав, чем грозит мне пренебрежение к этому виду искусства, я усиленно стал изучать его. На балу 8 ноября я еще не рискнул пуститься в танцы, а к 25-му я уже постиг и вальс и другие танцы.

И вот на этом балу я должен был пригласить на тур вальса одну знакомую барышню, чуть ни на голову выше меня и не очень искусную в танцах. В те времена нельзя было танцевать все время с одной дамой и не протанцевать, хотя бы 1-2 раза, с каждой из присутствующих знакомых дам.

Закружились мы в вальсе среди танцующей толпы. Подходим уже к концу тура, как, вдруг, шлейф моей дамы обвил мою ногу, и я, потеряв равновесие, упал, увлекая за собой и мою даму. Смущен я был очень и больше не рискнул танцевать в этот вечер, - первый блин оказался комом.

25 ноября 1899 года я был дежурным по батарее. Обычно дежурный не ложится спать до 12 часов ночи, когда, обойдя все помещения батареи и убедившись, что все легли спать и освещение переведено на ночное, идет с докладом к дежурному офицеру. И только тогда ложиться спать, сняв шашку и сапоги и расстегнув крючок воротника шинели.

Вечер кончился. Я много танцевал и, переживая свое первое увлечение и делясь впечатлениями вечера со своим другом, с всем

Забыл, что я дежурный разделся и лег в постель. Только забрался я под одеяло, как раздался голос дежурного офицера, капитана Димитриева: "Дежурный по батарее! - "Я" господин капитан". - " Как, вы уже разделись? А рапорт/"

Пришлось встать, одеться и явиться дежурному офицеру с рапортом, а затем нести ряд дежурств не в очередь.

1897-98 учебный год был последним годом однобатарейного состава нашего училища, последним годом службы нашего "дедушки", гуманнейшего начальника училища генерала Демьяненкова и последним годом, когда мы танцевали на наших балах три раза в году. Уже в следующем году Великий Князь Михаил Николаевич запретил нам устраивать бал 8 ноября, чтобы не отвлекать посетителей бала "костаперов"/ так называли мы юнкеров Константиновского училища, не задолго перед тем ставшего артиллерийским/, дававших свой бал тоже 8 ноября. А еще через год отняли у нас и "Белый бал" и остался лишь бал 25 ноября, в день училищного праздника.

Майский парад.

В начале мая все войска гвардии и Петербургского гарнизона собирались на большой площади, Марсовом поле, чтобы представиться своему Державному Вождю. Военные училища также принимали участие в этом торжестве.

Уже с ранней весны батареи училища стали выезжать на Марсово поле, где производились батарейные учения и шла подготовка к прохождению церемониальным маршем. Младший класс в строевой расчет не входил и в параде участвовал в пешем строю. На старшем курсе я был ездовым переднего уноса 2-го орудия, а на дополнительном - ординарцем командира батареи.

Юнкера очень любили эти выезды на Марсово поле: уже сам выход в строю батареи был приятен, хорошо вычищенные, застоявшиеся, рослые кони гарцевали и блестели под лучами весеннего солнца; навстречу, на набережной Невы, попадались нарядные выезды, седоки которых, как казалось нам, любовались красивым строем юнкеров и приветливо нам улыбались. Особое внимание ездовых требовалось при прохождении горбатых мостов через впадавшие в Неву каналы: нужно было всей шестеркой коней втащить тяжелое орудие на мост, а затем спустить его на одном корню.

Перед парадом была общая репетиция его, под командованием Вел.Кн.Николая Николаевича. Нас, козерогов, повели посмотреть на эту репетицию и поставили спиной к Летнему саду, поблизости от Великого Князя и его свиты. Все поле было заставлено пехотой, в несколько линий, и артиллерией; кавалерия стояла дальше, по Миллионной. Одновременные движения и повороты всей этой массы войск производили большое впечатление, - подчинение единой воле. А как красива пехота на церемониальном марше, а Павловский полк, марширующий с ружьями "на руку"!
За пехотой тяжелым строем прогремела артиллерия, и поле очистилось. Тогда появилась кавалерия и развернула свой строй у противоположной стороны стороны Марсова поля, лицом к нам. Взмах шашкой старшего кавалерийского начальника, и вся масса конницы двинулась и, постепенно увеличивая галлюр, понеслась на нас и ....в нескольких шагах от нас остановилась. Впечатление потрясающее: стоявшие на линии Великого Князя зрители невольно пятились назад перед несущейся на них лавиной.

Самый парад принимал Государь Император Николай Александрович. Сначала Государь, в сопровождении огромной и нарядной свиты, под звуки нашего несравненного гимна и восторженных криков "ура", об"ехал войска, а затем принял церемониальный марш. Какая красота форм, стройность движений и мощь! Впечатление на всю жизнь. И кто мог тогда

представить себе, что, не пройдет и 20 лет, как тот же народ, который со слезами радости взирал на своего Государя в Зимнем дворце и Кремле, кричал "ура", тот самый народ отречется от своего Государя и, предав его, будет молча предавать его руки палачей, и погубив и его, и себя, и свою великую родину.

Высокие однокашники.

Михайловское Артиллерийское Училище и лейб-гвардии Преображенский полк. Юнкером нашего училища был Великий Князь Сергий Михайлович, впоследствии Генерал Инспектор артиллерии, трудами которого русские артиллеристы блестяще выдержали экзамен на полях битв в войну 1914-17 гг.

Одновременно со мной юнкерами училища числились Вел.Князь Андрей Владимирович, слушавший лекции на дому и привлекавшийся на практические занятия и даже живший с нами в лагерях, и брат Государя и Наследник Престола Вел.Князь Михаил Александрович, привлекавшийся только на стрельбы и на занятия конного взвода, к которому я принадлежал в лагерях из юнкеров, выходящих в конную артиллерию. И я имел счастье быть в составе этого взвода и ездить в одном орудии с Вел.Князем. В строевом расчете батареи В.Кн. Михаил Александрович был фейерверкером 1-го орудия и ездил на "Ярце", а В.Кн.Андрей Владимирович - фейерверкером 4-го орудия и ездил на "Ерофеиче".

Обыкновенные однокашники отличались большой скромностью и простотой. В лагерях у нас было заведено, что суп или борщ наливался не в тарелки, а в миски на троих. И обе Великие Князя по время общего обеда ели свой суп из общей миски.

Вел.Князь Михаил, когда был назначен флигель-адъютантом по иметь просить юнкерской формы и явился на занятия в конном взводе в офицерской форме, исполняя привычку и обязанности всех офицеров. Всему нашему выпуску Вел.Князь подарил золотые кортики училища, какой я и до сих пор бережно храню.

Высокие посетители.

Начальник всей артиллерии, Генерал-фельдцейхмейстер, Вел. Князь Михаил Николаевич бывал у нас 2-3 раза в году, бывал на лекциях, в столовой. Посещения его нашим особенно не скрывались.

Но вот как-то весною разнесся слух, что предстоящим посещении училища Государем Императором. И действительно, в один прекрасный день, когда мы сидели на лекциях, послышалось какое-то движение, а затем прибыло приказание всем идти в зал, - мы сразу поняли, что это значит. Вскоре в зал вошел Император, поздоровался с нами и обошел строй, поздоровавшись и здороваясь по-прежнему с старшими офицерами. Затем Государь отправился в лазарет, где милостиво беседовал с каждым больным.

Государь Император сел в экипаж и, глядя на нас своими ласковыми глазами, подал руку к козырьку фуражки и приказал кучеру трогать. Тогда юнкера окружили царский экипаж, продолжая кричать во все горло "ура". Выбежали на улицу, перегородили на Литейный мост. Некоторые смельчаки взобрались на ступеньки коляски. Но вот вопрос, почему не приехала Императрица, Государь сказал нам, что она больна, и обещал в следующий раз приехать вместе с ней. Кучер тем временем набавлял ходу, и их высокое, и толпа бегущих вокруг Государя юнкеров стала растягиваться и уменьшаться. Повернули на Набережную, юнкера не отставали. "Ну, довольно, господа", сказал Государь, обернувшись к стоящим на ступеньках коляски: "сходите!" и приказал кучеру: "пошел". Коляска стала быстро удаляться, а счастливые от счастья юнкера долго еще трясли вслед своему обожаемому Императору и, когда коляска исчезла из виду, вернулись в училище.

Здесь мы узнали, что Государь Император приказал отпустить юнкеров на три дня, - радости нашей не было конца.

Институтские балы.

Любили мы посещать институтские балы. Обычно училище получало 15-20 пригласительных билетов, которые фельдфебель распределял по курсам, а затем вскоре и танцевать разбегались их по дробно.

Мне приходилось побывать в трех институтах: в Патриотическом Екатерининском и Мариинском. Везде приходилось много танцевать. После танцев угощали нас ужином, при чем делалось это по разному. В Патриотическом институте все молодые кавалеры усаживали за отдельными столами, по одному с своими дамами в зале. К ужину давали по стакану легкого виноградного вина. В Екатерининском институте вместе с институтками, но сидели за разными столами. Иначе было в Мариинском институте: здесь прямо из зала или парами, каждый с заранее намеченной дамой, в столовую, где так и усаживались - парами. Угощение здесь было покрепче, но обстановка более принятая.

По царским дням во всех Императорских театрах давались бесплатные дневные представления, на которые рассылались пригласительные по всем учебным заведениям Петербурга. В ложах бенуара и бельэтажа сидели обычно институтки. Юнкера размещались в партере. И тут не могли избежать обменяться взглядом с затянутой дамой сердца на последнем балу институткой, могли издали поздравительно ей, но пройти и поступить в разговор было не возможно. Иногда только удавалось пройти и этого было достаточно, чтобы пережить несколько приятных моментов.

Пригласил меня побывать и на балу Рижского кадетского корпуса, первом балу сезона, полагавшимся всегда с большим успехом и неустающим, по изобретательности хозяек, нашим Михайловским балом.

Лагери.

Лучшие время юнкерской жизни эти лагери, когда не беспокоят тебя ни интегралы Буняковского, ни траектории Чебышева, ни теоремы Гука, ни периодическая система элементов Менделеева, ни формулы и реакции Игнатьева. Именно беззаботной жизнью, - это они запомнились, подвижные игры, купание и катание на лодках по Дудергофскому озеру, на чтение романов Вальтер-Скота променяли мы вкусный обед и вечерний сон. А то зайдешь с компанией к "стакалу" и засидишься " в счет предстоящего" мороженым или побалуешь за стаканом чая с бутербродом " на два конца" /французская булка с маслом, сыром и колбасой/, и прочтешь в той жизни, которая ждет тебя после производства в офицеры. Все так ясно, спокойно. Ни одной тучки впереди не видно.

Уже вскоре после Рождественских каникул, по время пересборного отпуска, по коридорам разносится голос одного из юнкеров, уже произведенного в прибытии какого-нибудь полка, и поставка, сапожника, портного или торговца офицерскими вещами, предлагающих свои услуги будущим гостям офицерам.

Выпускные юнкера рассматривают образчики, знакомятся с предложениями различных поставщиков-некурантов и, наконец, заказывают все необходимое в пределах отпускной казенной суммы: 300 рублей юнкеру старшего курса и 600 рублей юнкеру дополнительного курса.
В то время курс артиллерийских училищ был двухлетний. Дополнительный класс, на который попадались 35 лучших по успехам учеников, предназначался для подготовки в Артиллерийскую академию. Они производятся в офи-

церы юнкера старшего курса получали год старшинства, а юнкера двухлетнего курса – два года старшинства.

Все говорит о приближении к нам года. Наступает страдная пора экзаменов, курсы больше, – занимаемся приходящими днями.

Вспоминаю неприятный случай на экзамене. У меня был два любимых мною предмета: по физике – тепло и по артиллерии – ручное оружие. Репетицию я тепловое и не сдавал, – и получил "патент на слабоумие". На выпускном экзамене попался билет из электричества и, закончив отвечать билет, как профессор корпулентно поставил мне балл 12, ничего не спросив по теплоте. Я не напомнил и поспешил отвязаться в отпуск. Но когда я подходил уже к дежурной комнате, был вызван опять в класс, и полковник Кораблев предложил мне отвечать по пропущенной репетиции. Отвечал я очень мало удачно и снизил мой годовой балл, 11, и экзаменный, 12, до 10.

А с ручным оружием я чуть не провалился на экзамене в академию при округе, но об этом случае расскажу потом.

Наконец экзамены кончены. Батареи строятся на плацу и поступают по старшинству порядком в лагерь под Дудергофом. Напоминаю о строевой расчет юнкера отправляются на полевой парад.

Идем через весь Петербург, выходим на Красносельское шоссе, подходим к Лигову. Привал часовой. Завтракаем. И тут у юнкеров позволяем себе приложиться к спиртным напиткам, в скромных размерах конечно.

После привала продолжаем поход и движение. Вносят впереди командиры батарей с ординарцами, – производится первая боевая стрельба, прямо с похода. Стреляют командиры батарей. После стрельбы идем прямо в лагерь. Сбегаем оружие в парке, поровняем лошадей, солдатам и расходимся по баракам.

Внесены светлые бараки с двумя коридорами, с двумя комнатами, с двумя линейками. Впереди караульное помещение. За ним столовые, портрет для музыкантов и помещение для "тянок". Дальше офицерское собрание и бараки офицеров. Затем кухни и бараки для солдат и служителей. А дальше берег Дудергофского озера с купальней, пристанью и флотилией наших судов.

В бараках нас встречают наши служители и помогают нам привести себя в порядок. Удобные кровати, между ними тумбочки с умывальником и графином для воды. В передней конце барака комната старшего офицера, а в заднем – умывалка.

В парке, кроме двух орудий нашего строевого расчета, находился и ряд осадных гаубиц и крепостной артиллерии, при которых занимались преимущественно в эти части юнкера. Были и мортиры и гранатные пушки.

Соседями нашими были: справа – Константиновское артиллерийское училище и слева – Николаевское кавалерийское Училище.

Вспоминаю такую картинку. Идут два Михайловца по беговой линейке. К ним приближается юнкер-кавалерист и, вдруг, с криком "Ах" падает в обморок. К нему подбегают несколько Николаевцев и поднимают его на ноги. "Ах, я забыл свои розовые очки", говорит расслабленным голосом "кривет": "без них я не переношу гнусного вида наших "друзей" И вся группа удаляется, а наши только пожимали плечами и удивлялись.

С константиновцами отношения наши были холодно-сдержательные. И они развлекали нас изредка, и мы другим разом.

Наша горная пушка дает сигнал и куда помельче барочных нашему карауль, охранявшему наш парк. Свои, и-константиновцы убирали ночь потемнее и, подкрасившись к нашему парку и видят, когда часовой подальше стоит от горной пушки, подхватывали ее на руки и тащили ее за свой лагерь. Бывало так, что только слышу сменю часовых, наши поднимают крик рассвета, обнаружит исчезновение "горных". И начинается бег тех караула, – ведь это позор! Поднимаются на ноги и ближайшие друзья потерпевших, – для чести пушка должна быть в парке на своем месте. Обыкновенно все

заканчивается благополучно, но волнений бывает много.

Никорский караул считался обычно тремя постами – один у фронта / самый неприятный: ночью был очень тяжелый гулять взад и вперед по очень ограниченному пространству, а днем – все время быть на часу/, и два в парке.

Еще со времен юнкерства Вел.Кн.Георгия Михайловича установилась традиция, караульный начальник, вернувшись юнкер дополнительного курса, угощал своей караул вкусными вещами – бутербродами, сардинками или сырами, пирожными, фруктами и мармеладом, а разводящий, юнкер старшего класса, стащил корзинку потихоньку. Это собака уничтожалась обычно ночью, так как начальство запрещало эту трату /иногда до 25 рублей/ и строго наказывало нарушителей этого запрета. Но традиция есть традиция и не исполнять ее было нельзя.

Будучи караульным начальником, часов около трех ночи, заняв я пустующий кабинет, где были спрятаны наши продукты, и, взяв блюдо с клубникой, пошел в караульное помещение, а из наружных дверей в тот же момент входит капитан Дмитриев, дежурный офицер и мой кумовей. И остался я до конца лагеря без отпуска и с 11-ю за поведение.

Главным нашим занятием были стрельбы. Стреляли сначала командиры и офицеры батареи, а затем и каждый выпускной юнкер. Обязанности прислуги при орудиях исполнял отдельный расчет, но были стрельбы специально для младшего класса, с переменным составом прислуги. При первой стрельбе младшего класса канониры теряли свои качества и переставали быть качественными "канонирами".

Изредка полюбившемуся офицеру, особенно чем-нибудь полезному юнкеру, устраивался "бенефис", сидит затем, бывший ему приятелку: сбивается наводка, стаканы и пороховые трубка. Но такие нарушения порядка бывали редким исключением.

Исключительным событием бывала призовая стрельба. Готовились к ней очень усердно. Еще зимой отбирались юнкера с лучшим зрением и назначались наводчиками и прислугами. С первых дней лагерного сбора наводчики ежедневно упражнялись на контрольном прицеле и практиковались на стрельбах.

Каждая батарея Красносельского лагеря на призовую стрельбу посылала одно орудие. Артиллерийские училища посылали свои батареи с полным составом. На известное /не помню какое/ число орудий давался один приз. Училищные батареи получали по одному призу на свои восемь орудий! Наводчик – золотые часы с цепочкой, прислуга – театральные бинокли. Кроме того наводчик, сделавший расстояние не менее 8 дюймов / если память мне не изменяет, – ужасно давно это было/, получает фельдфебельский георгиевский приз – часы и серебряный знак.

Первые упражнения на контрольном прицеле показали большую точность моего глаза, и мне стали прочить карьеру наводчика, что мне совершенно не улыбалось: мне хотелось быть офицером. И я стал получать небрежно наводить и добился своего, – был назначен офицерским 2-го орудия, 1-го взвода. И весь старший курс провозил на красивой паре – " Пересвет" и " Полянка".

Наводчик нашего орудия оказался хуже других, и это при приближении дня призовой стрельбы, все больше и больше заставляло нервничать и юнкера нашего орудия и курсового офицера, капитана Даниловича, и искать выход.

Прислуга нашего орудия стала упрашивать меня, чтобы я стал за наводчика, и привлекли к этой кампании и капитана Даниловича. В конце концов, когда капитан Данилович попросил меня не снимать меня с офицерских, я согласился и с течение недели упражнялся в наводке. Правильным моим был мой друг юнкер Рафт пуль.

Наступил день призовой стрельбы, ясный, теплый. Ввезбрался я вместо сидла моего Пересвета, на орудии, и батарея тронулась. Уже издали был виден ряд белых белых щитов, частокол пик и поперек Ваганьего поля, за Царским Валиком.

Батарея наша заняла свое место, отмеченное флажками в длинном ряду орудий Красносельских лагеря. Сигнал - орудия дают по одному пробному выстрелу. Орудийные фейерверкеры несутся к мишеням и привозят нам маленькие мишеньки с отметкой попадания. Мой снаряд лег возле самого яблока, - и пробки делать не нужно.

Опять сигнал "Огонь", и каждое орудие, в определенно ограниченный промежуток времени, должно сделать четыре выстрела. Сигнал "отбой". Раздается одинокий выстрел, лягушка прогремел приз запоздалого наводчика.

Члены поверочной комиссии выезжают к мишеням. Орудия нельзя подходят и останавливаются шагах в тридцати от мишеней, подходить запрещено. С ужасом вижу, что в моей мишени не достает одного попадания, - провалился. Вся прислуга почти принесла пять.

Подходит к моей мишени поверочная комиссия; долго совещаются, наконец показывают все четыре попадания, очень близко одно от другого. Что за чудо?

Разрешили подойти к мишени и нам. Оказывается мои два снаряда образовали одну большую дырку, почему мы и не досчитались издали. А комиссия проверила по бороздам за мишенью, образованным нашими снарядами. Рассеяние моих снарядов дало радиус, на 2 дюйма меньше требуемого предела, для получения фельдфебельского приза и я получил этот приз. А мой друг Поэт Бобрик получил свой батарейный приз.

Сорок пять лет я бережно хранил эти часы, пока в 1944 году не отдал их часовому мастеру в чистку и не мог уже вернуться в Ленинград, занятый фашистами, чтобы взять их.

Радостный приезд происходил в торжественной обстановке возле Царского Валика. Когда вернулся я к орудию, он был украшен зелеными ветками, в честь своей победы. Лица прислуги сияли: высокий приз грянул на долю михайловцев.

В парке нас потрогали квасом и по рукам отнесли победителей-наводчиков в барак. Здесь кровати наши / Пети Бобрик спал рядом со мной/ были разукрашены цветами и зеленью, а кровати наводчиков - поздравителями, сослуживцами с нашего барака. Эксцентричный Галковский, наводчик 3-го орудия, снарядил гирлянды сам и на свой кровати, с сердцем стал их разбрасывать по всей старине.

На другой день, как и обещал, Данилович, я и Петя сидел на своих Пересвете и Полоцке. А в первый отпускной день мы отпраздновали получение приза у Мильброта.

" Нептуновы забавы."

Много радостей доставляли нам красивое большое Дудергофское озеро и флотилия баркасов и легких ялочек, стоящих у нашей пристани.

Вскоре по прибытии в лагерь назначалась церемония "открытия полигации". Обязанности адмирала исполнял командир батареи Владимир Петрович Лермонтов. В назначенный день на адмиральском баркасе "Кондор" поднималась гирлянда флагов, и флотилия нарядных судов разворачивала фронт и выходила на середину озера. "Кондор" давал салют и несколько выстрелов, и с первым выстрелом все мелкие суда-ялочки /частично собственные/ отчаливали и неслись к главной эскадре.

После нескольких перестроений, по команде "адмирала", "Кондор" уходил к берегу и начиналось свободное плавание, с одним ограничением: запрещалось уходить в камыши, где могли быть нежелательные встречи. И сам адмирал и дежурный офицер зорко наблюдали в трубу за соблюдением этого требования. Плавание по озеру разрешалось только в определенные часы. Роль коменданта пристани исполнял симпатичный Поликарп, служитель. Он же перевозил отпускных юнкеров, за плату конечно, на противоположный берег - к вокзалу.

Наша постоянная компания, Докучаев, Свечин и я, тоже имели свою лодочку " Весталку", на которой в жаркий день уходили поболтать на прохладной глади озера и посмотреть на дачниц тоже раз"езжавших на своих лодках.

С " е м к и .

В лагерное время одним из приятных занятий наших были с"емки. Юнкера разбивались на небольшие партии. Каждая партия, во главе со своим руководителем-офицером, получала участок местности в окрестностях лагеря, недальше часа ходу. Руководитель, в свою очередь, разбивал свой участок на части, по числу юнкеров своей партии, раздавал нам компасы, планшеты и чертежные принадлежности.

После утреннего чая юнкера расходились по своим участкам и приступали к с"емке. И вот эта самостоятельность работы, не стесняемая точным распределением времени, и была главной прелестью этого рода занятий.

Особенно нравились участки в районе Дудергофа и его окрестностей, где было много дачь и их обитательниц. Бойкие юнкера быстро заводили знакомства, и нередко можно было видеть юнкера, заседавшего на террасе дачи за стаканом чая с ароматным вареньем и в обществе веселых дачниц. Начальство этому не препятствовало, - лишь бы работа была выполнена во время.

Юнкерские спектакли.

В числе юнкеров было немало талантливых молодых людей. Были и очень способные драматические артисты и "артистки". Годом меня старше был юнкер Джонсон. Он рано потерял отца и все детство и юность провел в обществе многочисленных сестер и тетушек, усвоив от них манеру держать себя. Обладая интересной внешностью и недюженным драматическим талантом, он был украшением юнкерских спектаклей. Многочисленная публика, посещавшая наши спектакли, не хотела верить, что роль героини исполняет юнкер, а не женщина.

Посетил наш спектакль как-то Великий Князь Владимир Александрович, отец нашего августейшего юнкера, Андрея Владимировича. Посмотрел на игру Джонсона и потребовал проводить его за кулисы, чтобы вблизи посмотреть на нашу "артистку", - и он усумнился, что наша примадонна юнкер.

На этом же спектакле присутствовала также и красавица Великая Княжна Елена Владимировна, сестра Андрея Владимировича. Вспоминаю, как Вел. Княжна приезжала иногда на наши стрельбы, посмотреть на своего брата в строю батареи юнкеров. В таких случаях бочка, в которой возилась за батареей вода, наполнялась очень вкусной фруктовой водой. И юнкера с большим удовольствием уничтожали этот напиток, ласковой внимание Великой Княжны - красавицы.

Из других артистов наших вспоминаю Сережу Шейдемана талантливого комика.

В антрактах многочисленные зрители прогуливались по

по дорожкам лагеря, или сидели в нашей столовой, где юнкера угощали своих знакомых мороженым и прохладительными напитками.

Иногда вместо спектакля играл прекрасный оркестр стрелков Императорской Фамилии, под управлением К.И. Побуды. Эти концерты также охотно посещались многочисленной публикой, по приглашениям.

Производство в офицеры.

Но вот, лагерные занятия подходят к концу: стрельбы и с"емки закончены; конники и крепаки прошли свою специальную подготовку; проделано несколько фортификационных работ; каждый юнкер собственноручно подковал и зачистил одну-две лошади и поседлал их, с полным вьюком; проделаны и лабораторные работы по подготовке снарядов. Практическая подготовка закончена. Вакансии разобраны, офицерское обмундирование осмотрено. Приближается заключительный акт нашей трехлетней работы - производство в офицеры. И грустно сжимается сердце при мысли, что беззаботной жизни приходит конец, что навсегда оставляешь стены прекраснейшего училища - семьи, что расстаешься с товарищами - братьями. И что ждет впереди?

Высокий средний балл по научным предметам и за с"емки, а также и 12 баллов за езду, обеспечивали мне получение вакансии в конную артиллерию. Родители мои и я сам мечтали о выходе моем в Белосток, в 7 или 8-ю конные батареи. Об этом моем желании знал и командир батареи, полковник Мамонтов. На предварительной разборке вакансий 7-й и 8-й не было, и я записал себе 17-ю конную, стоящую в Харьковской губернии, в Малороссии, которую я знал по Гоголю и всегда мечтал жить в ней.

Наступила последняя разборка вакансий, - прислано было еще несколько новых и в числе их 7-я конная и Отдельный конно-горный дивизион со стоянкой в Киеве, только что сформированный.

Киев, столица Малороссии, предел моих мечтаний!

Узнав об этом за два дня до разборки и затрудняясь решить этот вопрос самостоятельно, я послал телеграфный запрос отцу и с нетерпением ждал ответа. Наступил день разборки, а ответа все нет. Подходит моя очередь, а я все еще не решил, что брать. Подхожу к столу, за которым сидят оба командира батарей.

"Седьмая конная?" говорит полковник Мамонтов.- " Отдельный конно-горный дивизион", отвечаю я и записываю эту вакансию. А на другой день пришла телеграмма отца: "бери Белосток". Но было уже поздно.

1-го августа младший класс раз"ехался на каникулы, а строевой состав батарей вышел на маневры. Погода мало благоприятствовала нам: пасмурно, моросит мелкий дождик. Солнца почти не видели за все восемь дней наших маневров. А ночевать приходилось в палатках. И тут сказалась трогательная забота о нас нашего начальства / я бы сказал даже баловство/: за нами следовала команда солдат, принимавших от нас лошадей на ночлегах; команда служителей везла за нами повозки с соломенными матрацами и постельной принадлежностью; ехала кухня с обслуживающим ее персоналом.

Когда приходили мы на ночлег, палатки были расставлены, постели посланы, вкусный борщ дымился. Если бы не мрачная погода, маневры, с ежедневной переменой мест и игрой в войну, были бы сплошным удовольствием.

9-е августа. Накануне дан "отбой". Прояснилось, показывается и солнышко, - как будто и сама природа радуется нашему торжеству. Выпускные юнкера всех военных училищ Петербурга выстроены покоем на большой лесной поляне. Посредине - аналой и духовенство.

Прибывает Государь Император. Служится молебен.

Его величество обращается к нам с речью, в которой говорит о чести быть защитником Родины, о долге служения своему Государю и поздравляет нас всех с первым офицерским чином. Всем нам раздают приказ о производстве, который мы кладем под левый погон. Церемония кончена. Государь отбывает. Юнкера расходятся по своим бивакам.

К сожалению не сохранились в моей памяти подробности этого важного события, - слишком сильны были переживания: с одной стороны, радость получения первого офицерского чина из уст самого Державного Вождя, а с другой - горечь сознания, что последний раз стоишь в форме родного училища, последний раз видишь своих однокашников.

Сдав парадное обмундирование и переодевшись в отпускное, вновь испеченные подпоручики бегут на ближайшую железно-дорожную станцию, чтобы захватить петербургский поезд, и мы заполняем все вагоны. Более предусмотрительные впервые используют льготу офицерского положения и едут во втором классе с билетами третьяго.

В Петербурге отправляюсь прежде всего в баню, а затем к портному Каплуну, на Невском проспекте, куда моими поставщиками доставлены заказанные мною офицерские вещи, фуражка и сапоги. Переодеваюсь и еду в Лесной на дачу А.В. Дон, где собираются почти все завсегдатаи этой милой семьи.

На другой день - товарищеский обед всего нашего выпуска в ресторане Донона. Вечером - в Зоологическом саду смотрим сидя за стаканом вина, кафе-шантанные номера на открытой сцене. Наш весельчак Волков, под легкими парами Бахуса, дережировал оркестром и пытался конферировать представление, обратив на себя внимание дежурного плац-ад"ютанта. Вспоминаю как этот представитель власти направляется к Волкову, а тот, отступая вглубь сада, поет: "Вы мной играете, я вижу", и, дойдя до конца куплета, заканчивает, пустившись на одно калено: "но я вас все таки люблю!" Плац ад"ютант быстро подходит к Волкову, но тот вскакивает и, прожолжая отходить, поет следующий куплет.

Побывали мы и в оперетке и на фарсе, куда юнкерам вход был запрещен. Прокатились на лихаче на стрелку. Побывали и у цыган. Когда на четвертый день утром я заглянул в мой бумажник, то пришлось отправиться к Каплуну, который шил и для моего отца, взять у него часть уплоченных мною денег и просить его неоплоченное обмундирование мое отправить наложенным платежом в адрес моего отца.

Тепло простившись с Денами, побывав еще раз в училище, сел я наконец в вагон второго класса скорого поезда и отправился к родителям в Белосток. И стало грустно, грустно. Жаль было оставлять этот чудный город, с красавицей Невой, прекрасными театрами и музеями, с дорогим училищем, с друзьями однокашниками, с внимательными, чуткими начальниками..

Прощай, счастливая беззаботная жизнь.

ЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ

Нет больше того Михайловского Артиллерийского Училища, которое создавалось рядом культурнейших начальников, во главе с Великими Князьями Михаилом Павловичем и Михаилом Николаевичем, которое любовно прививало своим воспитанникам преданность Государю и любовь к Отечеству, воспитывало в нас чувство долга, товарищество и любовь к красоте.

В годину тяжктх испытаний не раз обращался я мыслию к юнкерским годам и говорил: "так было и так будет!"

Твердо верю: пройдут года, Россия сбросит иго коммунизма и вновь выйдет на свой исторический путь. И в новой России возсоздастся наше родное училище и вновь поведет воспитание своих питомцев на основах чести, добра и красоты.

Да буде!

ВАНЯ ШТАЛЬБЕРГ.

24 ноября 1955 г. скончался и 27 ноября погребен на Сербском кладбище города Сан Франциско Владыка Иоанн, Сан-Францисский Великолепный.

Переносятся мыслями в далекое прошлое - Первая мировая война.

Уже по всей России кипела и бушевала пожарная работа, и кавказский конно-горный дивизион, отозванный с обоих сборов, на свои зимние квартиры - в г.Александрополь, лихорадочно готовился к кровавому экзамену на полях брани, как в канцелярии дивизиона, где в это время были собраны все офицеры, неожиданно появился молодой офицер-мальчик, в полной форме. Высокий, стройный блондин, с голубыми глазами под слегка опущенными верхними веками и с девичьим румянцем на всю щеку, сделал общий поклон и, быстро оглядевшись, подошел к полковнику, командиру дивизиона, и отчетливо отрапортовал: " Господин Полковник, Кавказского конно-горного дивизиона подпоручик Штальберг, представляюсь по случаю назначения во вверенный Вам дивизион.

Оказывается, этот, едва достигший 20 лет, юноша окончил Михайловское Артиллерийское училище старшим портупей-юнкером и 12 июля 1914 г. произведен Государем Императором в офицеры с назначением на службу в наш дивизион. Война висела в воздухе, и молодой подпоручик, не теряя ни одного дня, быстро примчался на далекий Кавказ и предстал пред нами, когда еще не был даже получен Высочайший приказ о его производстве.

Полковник, ласково оглядев Штальберга с головы до ног, похвалил за быстрое прибытие на службу и, обратясь к нам, сказал: " Возьмите его к себе. Надеюсь, подпоручик Штальберг будет Вам ценным помощником".

И с этого времени, в горячие годы войны, мы с Ваней Штальбергом, как его любили звать наши офицеры, вместе жили под одним кровом, вместе работали и вместе воевали сначала под Ванадой, потом на турецком фронте, затем опять на западе - в Галиции и, наконец, в Персии - в походе генерала Баратова на поддержку англичан.

Иван Михайлович Штальберг произошел из семьи, принадлежавшей к тому исторически слекшемуся классу, к тяжкий долг служения России ставил выше всего, и, действительно, оказался очень ценным помощником и блестящим офицером. Хорошо подготовленный теоретически он быстро освоился с практической стороной своего дела; трудящийся и серьезный, хорошо разбирался в боевой обстановке и успешно выполнял ответственные поручения; умел подчиняться, умел и повелевать - был твердый и заботливый начальник; в бою отличался полным самообладанием; скромный и застенчивый, прямой и тактичный, пользовался большой любовью офицеров и доверием солдат.

Вспоминаю такой случай. В конце 1915 г. несколько кавалерийских дивизий сосредоточивались за левым флангом нашего фронта для большого набега на прежним тылам. Кавказская кавалерийская дивизия собралась под Балтой, Подольской губернии, когда Император Николай Александрович приехал напутствовать нас в этот рейд.

После Высочайшего смотра Государь Император сел в автомобиль и направился к своему поезду. Офицеры дивизии скакали за царским автомобилем.

В это время наше внимание было привлечено большой группой всадников, стройно скакавших галопом параллельно нашему движению, шагах в ста от нас. Оказывается, подпоручик Штальберг, чтобы дать возможность своим солдатам еще раз взглянуть на своего Державного Вождя, оставил все запряжки в хвосте общей колонны, вызвал номера / конная артиллерия прислуга/ вперед и, построив их в колонну по-трое, в полном порядке вывел их к полотну железной дороги, на путь следования царского

поезда. И Кавказские конно-горцы имели счастье еще раз видеть, в окне вагона, и Императора и Наследника Цесаревича.

Эта смелая инициатива нашего " козерога " / так звали юнкера-Михайловцы своих младших однокашников/ не была замечена высшим начальством, а наш командир покачал лишь головой и сказал Штальбергу: " Спасибо за порядок!"

Весной 1916 г. поручик Штальберг был назначен ад"ютантом дивизиона и на этой должности показал большой такт и заслужил уважение и своих офицеров и офицеров дивизии.

Революция и гражданская война надолго оставила меня в неизвестности о судьбе нашего любимца. И только в 1947 г. я получил от Ивана Михайловича письмо из Нью-Иорка, где он был в сане игумена настоятелем собора и носил имя Ионы. И тут игумен Иона показал себя верным другом: разыскивал своих старых соратников и, если они нуждались, помогал им их своих скудных средств и посылками и деньгами.

С армиями адмирала Колчака он совершил " Ледяной поход" через всю Сибирь, в 1923 г. приехал в Америку, в 1942 принял мл-нашество и в 1951 г. рукоположен во епископы Вашингстонской епархии. И на этом высоком посту, по свидетельству Владыки Митрополита Леонтия, об был выдающимся Архипастырем.

Прибыв в свой любимый Сан Франциско в служебную командировку, заболел, подвергся операции и скончался, лпракиваемый своими многочисленными друзьями и поклонниками. Мир праху твоему, дорогой друг и глубокочтимый Владыко.

Старый конно-артиллерист.

ГЕНЕРАЛИССИМУС АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ
Св. Князь Италийский, граф Рымникский, насл. Принц Пьемонтский.

Знамена старые, штыки, мушкеты, шпаги
Аещают о тебе, о временах седых,
О польском мятеже Варшаве, Воле, Праге
О пугачевских днях и Яицкой ватаге,
Былых Фанагорийцах, Суздальцах твоих
С тобой считались все Берлин, Париж и Порта
Дрожали пред тобой Моро и Массена,
Австрийский Гоф-кригс-рат и Римская когорта
Турецкий паши и гений Бонапарта
Народы запада и многи племена.
Коса Кинбурнская, паденье Туртукая
Где полчища врагов твой гений победил,
В Рокшанах, Рымнике ты гордо водрузил
Российский стяг и славой Русь венчал,
Царице-Матушке поднес ты Измаил.

Суворов Рымникский, с дружиною российской
Под Аддой, Требией в Калабрии полях
Разбил Жубера Ты в стремительных боях
Взял Турин и Милан и князем Италийским
Повел своих орлов, идущих за тобой
Во имя Родины победною тропой.
Запомнили на век венгерские гусары
И Римский берсальер, Тиролии стрелки
И храбрый Мамелюк, и польские уланы
Эльзасский кирасир, зуав и янычар
И гордость Франции - гвардейские полки
Строй сомкнутый драгун и лавы боевые
Рассыпанных кругом Донских бородачей

Свинцовую картечь и ядра пушкарей,
Баталью карре с пиками огней,
Сапер и гренадер колонны штурмовые
Испытанный в бою, победой опьянен-
ный
Твой "чудо-богатырь" не подымал
преград
И смело ты пошел не зная "ретирад"
Чрез горные хребты, снегами окру-
женный
В погоне за врагом, как будто на
параде.
Твой "Чудо-Богатырь" - Р оссии
сын могучий
Прошел сквозь "Ущелье-Ада" под пу-
лючим огнем.
Летел на "Чертов мост" неся, раненый
орлом
И гнал Лекурба он сквозь долы,
снег и кручи
Суворовских в боях испытанным пти-
ком.
Что Римский Кремень идет властелу-
чу точно
Ты знал и смело шел сквозь горную
пургу
Но не судил Господь победный стиг
ому
Разбитой в Цюрихе уйдет за Рейн
он срочно,
А ты остался сам добычею врагу.
Навряд ли твой маневр в тот час
французу снился
Массену Розенберг штыком за Кинц
угнал,
А храбрый Багратион чрез Брегель
пропал
В долину Глариса, как коршун опус-
тился,

Где спит русский штык француза
канал.
Победам равен Суворову был сроду,
Мюратте, Эминок щ, Р ентак и Сан-
Г тор.
Стал тем, чем нарожен был гордый
Бонапарт,
Стал вечной славою "Швейцарского
похода"
О чем поет до сель в горах альпий-
ский бард
В селе Конченским Ты читал с
дорожных хорог
"Ап стал" и пел на клиросе с
дьячком;
Был Цезарю сродни; солдату был
отцом
И надпись простой, что " здесь
лежит Суворов"
Закончил ты свой долг пред Богом
и Царем.
Но Твой бессмертный дух живет
досель с нами;
"Наука побеждать"- у нас так-же
не умрет
За Русь страдальную и страждущий
народ
Восстанет меж нас Суворов со
сынами:
"Помилуй Бог!"- мы - русские!-

За Р одину! - Вперед! "

ПРАПРАВНУКИ - ТЕНИ ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА.

Восстань великий вождь из тьмы
своей гробницы
И научи, как встарь "науке побеждать
Но чуждые кры и чуждые столицы
Из рук тирании от недруга спасать
А научи, как встарь учил фанагрий-
цев
ЦАРЮ и РОДИНЕ беспрекословно служить
И правнуков твоих от власти коло-
пийцев
Святую научи ты Русь освобождить!
Не мирился ты в те дни твоих по-
ходов,-
В полях Италии, в Швейцарии горах

Когда в России стяг в столицах
всех народы
Противнику внушал не знавший
страх
Когда твой богатырь летел орлом
могучим
Неся с собой весть нам "Белого
Царя",
Шел с верою в груди и сквозь льды,
снега и кручи
К Р оссии-матушке любимого царя.
Когда Наполеон сказать много не
считался,
Затмить твой орел в бессилии не
смог

И голос твой, как звон победный раздавался
"Мы русские вперед! За нами Царь и Бог!"
О, Ты, прославленный победами Суворов,
Не мнилося тебе, что через сотню лет
Толпой крамольников, предателей и воров
Оплеван будет твой, Суворовский завет.
Не мнилося тебе, что стяг России славной
Затоптан будет в грязь разнузданной толпой;
Что Царь-Помазанник России православной
Убиен и сожжен предательской рукой
Что Русь страдальную, в мученьях избивая,
Среди миллионов жертв, затравленных как скот,
Распнут крамольники и, Бога проклиная,
Печать антихриста наложат на народ;
Что тот, кто на руси был тверд и непродажен
За верность Родине Москвою был судим
Кагалом мировым "преступником" оглашен
И как презренный "гой" безправен и гоним.
Восстань же между нас своим бессмертным духом
И ободри сердца бездомных россиян;
Влей твердости былой праправнукам и внукам
И вновь их собери в единый Русский стан
Пусть славный твой завет - "за русь Царя и Веру"
В них память воскресит Суворовских времен
И встанут вновь они по твоему примеру
Под сенью боевой прадедовских знамен.
Твой "чудо-богатырь" швейцарского похода
Незримо поведет их к подвигам опять
Во имя света, правды, веры и свободы!
На царственной Руси Господний крест поднять!
И верю я Твой глас, как мощная стихия
Уж скоро, скоро нас в изгнаньи соберет
И прогремит, как встарь:-
Да здравствует Россия
"Помилуй Бог, мы русские!
За Родину! Вперед!"

Н. Мамонтов.

Эпизод из жизни Генерала Карачана.

Случилось это в 1912 или 13 году. В эти годы я был в Академии В Училище, однако, у меня были товарищи - Киевляне. От одного из них Е.Степаненко/кажется 37 артиллерийской бригады, ранен в 15, а убит в 17 году/, участника трагикомедии, которую я собираюсь описать, я и узнал все ее детали.

Так вот. Начальником Училища в те поры был Генерал Карачан / земля ему пухом, он был убит недалеко от училища в начале 17 года революционной сволочью/. Как многие, вероятно, помнят, в конце года было довольно много Царских дней, Георгиевский День и т.д. В эти дни в Мариинском театре бывали торжественные спектакли. На эти спектакли во все Училища, Корпуса, Женские Институты и т.д. присылались ложи или билеты. В один из таких дней и в Михайловское училище было прислано несколько лож. Фельдфебели тянули жребий и в конце концов ложи эти были распределены между батареями, курсами и отделениями. Все было к

общему удовлетворению. Однако, за несколько дней или, может быть часов стало известно, что Генерал Карачан приказал юнкерам отправиться в театр строем и в казенных "смазных" сапогах ... Все попытки жертвователей попасть в списки, отбрикаться от такого удовольствия ни к чему не привели: было приказано идти в театр в "смазных"... Должен сказать, что в свое время / 1909 г./ я был на " Князе Игоре", на таком же спектакле. Прекрасно помню, что и туда и обратно я доставлялся своими собственными усилиями, и никому не было дела до моих сапог. Что укусило Генерала Карачана - Господь ведает / однако земля ему пухом/. Так вот, Ямпольцы Михайловцы в театр, заняли свои ложи за несколько минут до начала спектакля и оказались между двумя Институтами Благородных Девиц. Благородные девицы, учуявши современно ножированный и обстрелянный Мариинского театра смрад, добротной кофти, пустились в атаку на юнкеров. Посыпались шутки, колкости, демонстративные затыкались носы платками и пр. В конце концов не всем этим было, вероятно, больше желания познакомиться с юнкерами, чем чего другого. Однако, принимая во внимание время, место, мальчишеский возраст, юнкерам все это показалось незаслуженно обидным, а посему там же и тогда же была принесена клятва отомстить Начальнику Училища.

Месть началась на следующий день. Около 9 часов утра на квартиру Карачана явились два студента и попросили доложить Ген.Карачану, что они присланы от Бюро Труда Технологического Института по поводу чертежной работы, которую нужно сделать. Карачану пришлось извиниться и об"яснить студентам, что это недоразумение. Карачан предложил заплатить за хлопоты, но разочарованные студенты отказались и с недоумением откланялись. Прежде, чем Карачан сообразил в чем дело, звонят какие то г.г.в черных пальто, котелках. Эти господа с чувством грустными голосами об"явили, что пришли снять мерку с тела покойника, Генерала Карачана, на предмет гробовой работы и пр...Снова пришлось об"яснить, что генерал Карачан жив. Похоронщики ушли. Начальник Училища сообразил топорь, все это значит. Было приказано забить и запечатать училищные телефоны. Однако, некоторое время спустя на плац перед училищем с грохотом, звоном и трубным гласом влетает пожарная команда; находят квартиру Начальника Училища и ..... с большим удивлением слушают об"яснение, что все это недоразумение. Какое было четвертое действие, вспомнить не могу. Однако и этого было довольно. Генерал Карачан приказал построить батареи в Белом зале. Как все современники Карачана, вероятно помнят, он хорошо говорил. Его лекций по тактике артиллерии были очень хороши.

Однако, в этом случае этот дар ему не помог. Карачан вышел на середину Белого зала и, видимо, потеряв самообладание, сказал юнкерам следующее: " До сих пор я обращался с вами, руководствуясь головами моего сердца / дальше он делает театральный жест и кричит так /, теперь я бросаю мое сердце здесь и буду обращаться с вами только по закону..." повернулся и вышел. Через короткое время на том месте, где стоял Карачан, острым молом было нарисовано маленькое сердце, очерченное огромным кругом, по которому была изображена надпись: " Здесь лежит сердце Начальника Училища."

Н.Н. Брасцкий
Выпуска 1910 года.

Ускоренные курсы Михайловского Артиллерийского Училища в 1916 и 1917 годах.

Воспоминания и некоторые выводы.

С сочельника 1915 г, по 27 октября 1917 г. я состоял училищным офицером Михайловского Артиллерийского Училища - на должностях отделенного и курсового офицера и полубатарейного командира. Сам Михайловец выпуска 1907 г.,я вновь встретился со многими своими сверстниками,также,как и я,приобревшими некоторый боевой опыт. Назначение в Училище мы получили по особому приказу Верховного Главнокомандующего . Старшее поколение училищных офицеров стремилось на фронт и мы явились их сменой. К нашему - младших - счастью,еще не все "старики" ушли и не оставили нас - смену - без своей товарищеской поддержки и руководства,без передачи нам своего богатого артиллерийско педагогического опыта. Поэтому приемственность воспитания Михайловцев нарушена не была.

Генерал Карачан еще не ушел на фронт. Батареями командовали полковник Новогребельский и полковник Авринский,в Училище прибывший непосредственно с Японской войны и получивший тогда в моем выпуске параллельное отделение. Полубатареями или,по тогдашним условиям одним из двух соседних выпусков,командовали во 2-й батарее капитан Попов - младший / Попов - старший в это время лежал уже раненый в "нашем" же,устроенном персоналом училища,лазарете/,и капитан Утилов. В 1-й батарее полубатареями командовали капитан Козловский / 5-й ускоренный курс/ и капитан Высоцкий 6-й ускоренный курс/.

Олег Цезаревич Высоцкий - в высшей степени выдержанный, строгий,но не сухой,знаток артиллерийского дела,с громадным опытом в обучении,с"умел в кратчайший срок направить дело обучения на надлежащий путь. По непроверенным сведениям - он погиб. В последний раз я встретился ч ним в 1918 году в Екатеринодаре - ему удалось с женой и дочерью бежать из Петрограда.

1-е отделение У1-го курса принял я. Со мною получили отделения прибывшие в Училище несколько раньше меня мои же сверстники, шт.кап. Троицкий / во 2-м отделе у него я читал артиллерию/,шт. кап. Маевский и,несколько младший нас,шт.кап. Голенкин. О Троицком,с которым в младшем классе Училища я сидел рядом,сведений нет. Кажется,ему удалось проскочить в Финляндию. Голенкин остался на 2-х Советских Артиллерийских Курсах,как именовались курсы в здании М.А.У. и вместе с ними перешел к Юденичу. Маевский - редкостный офицер,воспитатель,товарищ,уйдя в эмиграцию,не бросил своей педагогической деятельности и был сначала офицером - воспитателем в Корпусе в Белой Церкви в Югославии,а затем,в Корпусе - Лицее в Париже. Хотелось бы видеть его вновь офицером,но уже инструктором молодых "отделенных офицеров",чтобы "не угасла свеча" артиллерийских духа и знаний. Было что передавать,а он умел это делать.

И так,- в январе-феврале 1917 г. я получил в непосредственное обуяение 1-е отделение У1-го ускоренного курса. В дальнейшем, продвигаясь по служебной лестнице,я получал все более широкое поле деятельности. Был курсовым офицером / помощником полубатарейного - О.Ц. Высоцкого/ УШ-го ускоренного курса и полубатарейным командиром Х-го ускоренного курса. Обучение Х11-го ускоренного курса было прерпано брльшевицкой революцией. Кроме строевой службы я постоянно читал и репетировал артиллерию; в некоторых случаях - тактику артиллерии. За время моего пребывания в Училище,через него прошло около полутора тысяч молодых людей. Считаю,что,в большей или меньшей мере,человек

четыреста из них были моими учениками.

Хотелось бы подвести итог этой моей двухлетней работы и сообщить некоторые практические выводы из нее.

Начнем с "живого" материала - юнкеров.

Успехи их подготовки со строевой и учебной точек зрения обсуждались на комитетах - дисциплинарных и педагогических. Здесь-то и сказывалось влияние начальства, а также и влияние старшего поколения офицеров и направлялась работа младших офицеров. Последние получали, так сказать, "показные уроки" педагогики, в ее артиллерийском приложении. Кроме обычных оценок юнкеров за "строй" и за "поведение" введена была еще оценка за "исполнительность". В сущности - это была оценка моральных качеств юнкера и подаваемых ими надежд, первая его аттестаций, как офицера. Хотя первоначально она и давалась отделенным, но на комитете ее обсуждали и она могла быть изменена, как и всякая другая, даже вопреки какому-нибудь, черезчур "пристрастному к своим" офицеру. Следовало бы обратить внимание на эту оценку и в будущем сообщать ее в часть для ориентировки строевого начальства.

Состав юнкеров, в отличие от мирного времени, не был однороден. Были выпуски "кадетские", в которых большинство составляли только что выпущенные из корпусов и, "штатские", пополнявшиеся молодыми людьми, как говорилось, "сос стороны".

Состав первых был однородный, однотипный, как следствие семилетнего корпусного воспитания, молодой, живой, увлекающийся, но физически еще не вполне развившийся. Духовно - это был лучший материал для подготовки будущего офицера, понимая под этим именем ответственного руководителя вверенной ему команды, и - в идеале - ее вождя, а не только специалиста военного дела.

Что и показала Гражданская война.

Состав вторых - весьма пестрый - от 17-ти летних юношей, только что соскочивших со школьной скамьи, до 30-ти летних инженеров и помощников присяжных поверенных. Нередки были случаи, что юнкер был старше возрастом своего отделенного офицера. Бывали и женатые. / по тогда не отмененной еще Инструкции - для получения юнкером права на отпуск с ночевкой, требовалось заявление родителей или опекунов. Его пришлось в некоторых случаях заменить заявлением жены. Бывало!/

Насколько "кадеты", благодаря математическому уклону учебных программ корпусов, были хорошо подготовлены к восприятию артиллерийской науки - технической по существу, настолько "штатские", за исключением поступивших из технических учебных заведений, были в разладе с " артиллерией". Не тот склад мышления приводил, зачастую, в отчаяние и обучаемого и обучающего, хотя состав "штатских" были сплошь или "золотые медалисты" или воспитанники, окончившие высшее учебные заведения.

И вот интересное, а для старых Михайловцев и радостное явление: молодежь, весьма пестрого состава, в самый короткий срок становилась истинными М и х а й л о в ц а м и; пришедшие буквально с разных сторон, быстро сживались и образовывали дружную семью. А воспоминания о кратком сроке, иногда меньшем полугода, пребывания в стенах Училища, не выветрились, как то показали факты, и за тридцать последующих лет войны, революции и вечных "походных движений", со снятыми номерами" и ..... погонами. Слиянию в одну семью много способствовала традиция вежливости, иначу взаимоуважения. Она быстро сглаживала острые углы недостаточного / в некоторых случаях / воспитания От этого совместная жизнь становилась легкой.

Уважение к чужому труду и личным заслугам тоже являлось одной из традиций Училища. Принято было / и не отменено/ у доски показывать только свои собственные знания, а не по способу Иванова Павла

" Шторный " вопрос и для ускоренных курсов оставался вопросом подчинения традициям и сохранения их; и, лишь, так сказать, вопросом корпоративности, в котором и нам, ломит воспитывать молодежь. Во всяком случае кто-то из У1-го ускоренного курса сключился, сняв с того не жалея, на " 4.30" " с исполнением служебных обязанностей". Острота "шторного" вопроса как-то постепенно сгладилась в военное время, т.к. из двух соседних курсов - старому "штурм" были присвоены приказом.

С чем приходилось бороться - это с сомнительным шиком носить тюльпак чуть не до полу: не все воспринимали известную артиллерийской формы.

"Отбой" - сохранился. Равно и последующая "пристяжка" "паржей - это замечательное учреждение, на котором уже училищные офицеры получали соответствующую аттестацию от которых юнкера, и, притом, почти всегда вернут. Выходы из таковой аттестации представлялось делать каждому самостоятельно.

Помню и "последний лъбий" - уже в революционное время. Если в мои юнкерские годы / да и всегда/ все Училище, предводимое трубачами, "валом валило", то в этот раз, на заре революции, наперекор стихиям оно, Училище, в колонне по два, в шагу парадировало из Широкого коридора в Преподавательской, которая была перенесена в Бесконечный коридор рядом с аудиторией. Мне, в этот момент оказавшемуся в Преподавательской, стариком, пришлось сказать несколько слов, покрытых дружным "ура", "ура" от сердца. В параде этом участвовало буквально все Училище, за исключением одного единственного юнкера Кутузова - остальгося " принципиально" в классе / он принадлежал к партии социал-революционеров и старательно нарушал, где только мог, и порядки и дисциплину: тогда приказ №1 уже дал свои блестящие всходы/. А ведь парад этот состоялся несмотря на уже действовавшие союзы "юнкеров - михайловцев - социалистов и т:п.

Такова была власть установившихся порядков, власть традиций.

Кроме воспитания, оказываемого средой, именно традициями, "духом" заключенным " в стенах", поступившие в училище молодые люди воспитывались в артиллерийском духе своим начальством, а непосредственно отделенными офицерами. Его работа была чрезвычайно напряженной и разносторонней. Ведь он являлся не только воспитателем, а и преподавателем всех отраслей артиллерийского дела и, даже, что, о чем ниже. Лично я, побывав предварительно на фронте, могу сказать, что никогда я там так физически не уставал, как во время пребывания в училище, в особенности с моим первым выпуском. Но и никогда, во всю мою жизнь, я не испытывал большего чувства нравственного удовлетворения, чувства исполняемого и исполненного долга и гордости успехами вверенных мне юнкеров, как в бытность мою отделенным офицером 1-го отделения У1-го ускоренного выпуска.

За это испытанное чувство - низко им мой низкий поклон.

Ко взысканиям приходилось прибегать исключительно редко. Мне помнится всего один-два случая выговора и один случай, когда совершенно не поддававшегося дисциплине молодого человека, пришлось отчислить в часть вскоре же после поступления. Лично я всегда придерживался взгляда, и думаю не ошибался/, что требование "не оставлять проступков и упущений подчиненных без взыскания", - не может, не смеет исполняться механически: " за тот-тот мол, положено то-то"/В отместку? Так что-ли?/. Взыскание, если целью ставится воспитание, должно быть индивидуально. Одного - дубиной не проймешь; другой от косого взгляда не знает куда деваться. Ведь дисциплина существует не ради самое себя, а ради постижения тех или иных целей.

И если этих целей можно достичь, так сказать добром, то такой способ будет просто выгоднее / не говоря уже о моральности/, чем если же этих же целей достигать дубьем. Кроме того, будущего офицера надо воспитывать в исключительной требовательности к самому себе.

Н. Шоколи.
Выпуска 1907г.

Воспоминания Михайловца.

Прочитав 1 и 2-ой сборники " Михайловцы", где так всесторонне, ярко и красочно описано незабвенная Академия и Училище, приходится согласиться, что к этим изложениям ничего уже нельзя добавить нового-позабытого, а можно только ограничиться воспоминаниями о некоторых эпизодах пережитого в Училище и характеристикой кое кого из моих однокашников и персонала Училища.

Я окончил Тифлисский Великого Князя Михаила Николаевича Кадетский Корпус в 1898 г. и был принят в Михайловские Артиллерийское Училище.

Юг, тепло и вечное солнце отличали Тифлис от прочих мест рассеяния Кадетских Корпусов. В то время нас собирали в корпус не к У5 августа, как других, а к 1 сентября, из за августовской жары, не дающей возможности к каким бы то ни было занятиям. За 7 лет пребывания в корпусе, помню один только раз выпал глубокий снег и лежал до полудня. Все тифлисцы в этот день, были проникнуты одним общим желанием: покататься на санях. Откуда то появились и таковые, но радость была непродолжительная: к полудню все растаяло и обратилось в сплошные потоки.

Помню весну... Все цветет, благоухает, радуется, кричит, поет. Тифлис, не зная туманных дней, наполнялся, тем гулом и гамом, которыми характеризуются многие южные города земного шара.
"Кинто" бойко торговали всевозможными фруктами, зеленью, сыром, громогласно восхваляя свой товар. Не даром в наше время пели: " Тыплис город очиен лучший, Кура риечка в нием течет. Садов много виноградных. Соловей, ишак поет".....

Это вступление, не относящееся к Училищу, привел только для того, чтобы сказать о мрачном душевном настроении, с к торым мы, тифлисцы, под"езжали к Петербургу по Николаевской жел. дороге.
Было утро одного из дней конца августа. Туман с дождем, безконечные лужи и болота, жалкая растительность усиливали тяжелое настроение и у меня бродили мысли: " Бог с ним, с Михайловским Училищем, назад бы к теплу и солнцу".. Я думаю, с такими переживаниями высаживались на Николаевском вокзале и все остальные мои однокашники. Распрощались друг с другом и раз"ехались по разным училищам. Я с моим другом - Князем Семеном Аваловым - направились в Михайловские Артиллерийское.
Дорогой, показавшейся нам очень длинной, сидели мрачно и молчали.
Видимо Сеня чувствовал тоже, что и я. Только что прошел дождь. Нас не мог развлечь словоохотливый извозчик, говорящий о встречавшихся достопримечательностях столицы. Переехав, наконец через Неву, под"ехали к зданию с четырьмя пушками у под"езда. И только перешагнули порог, как сразу же тепло и радостно нас приветсивовали швейцары Русинов и Корнилов, вежливо предложившие нам "пожадлвать наверх". И эта радость и теплота примирили нас с погодой, а уют родного Училища наполнил душу каким то светлым чувством, не оставлявшим нас за все время пребывания в нем.

Встретил нас нашего же корпуса, но уже юнкер старшего курса Плазовский. Начались рассказы, расспросы, и мы забыли о мрачном настроении. Так было сильно хорошее впечатление от первоначального переживаний, что и теперь, на склоне лет, ярко встает в памяти пребывание в Училище, и эти воспоминания делают меня опять молодым.
В жизни не приходилось встречаться с бывшими Михайловцами, но благоговейно отзывавшихся о родном Училище. В споминания о нем, как сосуд наполненный драгоценной влагой, каждый Михайловец будет нести до могилы, боясь расплескать хоть каплю его содержимого.

Я попал во 2-ю батарею / в год нашего поступления Училище было развернуто из одной в две батареи /, в 5-е Отделение, к только что поступившему в Училище штабс-капитану 1 Гренадерской Графа Брюсса Артиллерийской Бригады, Ивану Николаевичу Болотникову. Со мной в отделении было: 4 тифлисца, все псковичи, все орловцы, два со стороны, 1 из окончивших пехотное училище, 1 Донского корпуса и 1, оставшийся на второй год по болезни - всего 30 человек. Все, что проделывали и проходили предыдущие поколения, проделали и мы. Хочу лишь остановиться на описании некоторых однокашников, причем заранее оговариваюсь: все они были хорошие товарищи, внутренния их качества были превосходны, но как и каждый, отличались какими нибудь особенностями.
Один из псковичей Плотницкий оправдывал свою фамилию и был, как говорится "хорошо скроен и крепко сшит". Довольно высокий, полный, он был очень близорук, носил очки, и как поступил в Училище, куда для будущей службы в артиллерии принимали только с хорошим зрением, не знаю. Прекрасный товарищ, весельчак, шутник, он отличался одним свойством - боялся лошади. Верховая езда на младшем курсе, в наше время, производилась в малом манеже во дворе училища, называемом "сахарой" по толстому слою песка для облегчения ушибов при падении. Как всем известно, для укрепления посадки, ездили довольно продолжительное время без седел на одних попонах. Помню, в смене идем шагом - все благополучно, но как только раздается команда Болотникова: "рысью", у Плотницкого появляется ужас на лице и видно, как он к поводу на палец руки начинает наматывать гриву коня. По команде "марш", совсем терялся, балансировал и ... редко проходила смена, чтобы он не падал. Иногда головой попадал в песок, отплевывался, а конь, предназначаемый для младшего курса, обыкновенно останавливался и с удивлением смотрел, ожидая, очевидно, куска сахара, пока Плотницкий опять взбирался на него. Как то уже на старшем курсе, в большом манеже, конь Плотницкого разгорячился, стал давать козла и, вдруг, видим - конь носится по манежу, а седока нет. Оказалось Плотницкий, сброшенный у одних из боковых ворот на барьере, упал, открыв их своей фигурой и провалился за барьер, ворота же автоматически за ним закрылись. Через несколько минут Плотницкий высовывается из за барьера, держась за ягодицы / отбил/ и тут же слышится приказание Болотникова:" Плотницкий, ловите коня и садитесь". И так, повторяю, редкая смена обходилась для Плотницкого без падения.
В лагере, в Дудергофе, с ним произошел совсем комичный случай. В один из дней, штабс-капитан Болотников гонял нашу смену перед лагерным орудийным парком. В этот день почему то он был не в духе, повидимому чем то был расстроен и в замечаниях особенно часто слышалась фамилия Плотницкого. Бичем Болотников щелкнул коня Плотницкого, конь хватил с места в карьер, а так как со стороны Плотницкого не было никакой реакции, то и понес его по военному полю и исчез за лабораторной рощей. Через некоторое время видим несется обратно на более сдержанном аллюре и пристраивается к хвосту .... но не нашей смены, а смены юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища. Лихой ротмистр, гонявший смену, от удивления даже надел монокль и закричал:" Это что за фигура". Снова бич по коню и по Плотницкому и, и конь вновь рванулся в карьер

но уже в сторону задней линейки. После выяснилось - вскочил в конюшню, в свое стойло, а Плотницкий, по рассказу дневального по конюшне, безпомощно спустился на землю. Закончил он дни пребывания в училище Владивостокской Крепостной Артиллерией.

В противоположность Плотницкому и, так сказать в другую крайность впадал юнкер Мадатов /армянин, кавказец/. Поступил он в Училище из университета и уже "в летах". На голове ясно обозначался " просвет". Несмотря на свой "почтенный" возраст, по сравнению с нами-кадетами - он был хороший гимнаст и ездок. На старшем курсе в смену нам часто давали коня " Мельника". Хорошо выезженный, но горячий, он частенько многих вышибал из седла. Мадатов всегда возмущался:" Не умеете управлять, как это можно не удержаться на коне, даже если он горячий". Этот вопрос он задавал, обыкновенно, всем падающим и, зачастую не плохим ездокам. Однажды "Мельник" достался Мадатову. На шагу все шло благополучно; по началу и на рыси Мадатов восседал на "Мельнике" с победоносным видом и посмеивался. Вдруг "Мельник" вынесся из смены, стал бешено носиться по манежу, давать козлов и в конце концов .... Мадатов очутился на земле. Помню как после все потешались над ним, говоря:" Вот, брат, как падают с Мельника.

На старшем курсе я ездил в орудии, в среднем уносе, на "Кадете", а "Пандур" был подручным. Когда в первый раз я сел на "Кадета то был поражен огромной его головой с громадной вьющейся гривой. Разобрав поводья, принял важный вод, в это время " Пандур" зевнул и вытянул шею, а вместе с нею чуть не вытянул и меня из седла.
Тут я понял - шутки с этими конями будут плохи, и действительно после первой орудийной езды, рук не чувствовал от боли, до того было трудно управлять этими поистине львами, а не конями. По окончании езды, солдат, смотревший за моими конями, говорит:" Господин юнкер, Вы отпустите и тому и другому повода совсем свободно, они знают, что надо делать". И действительно, так потом я и поступал и только немного обозначал поводьями поворот и заезды. Бывало раздастся команда" " Вольт на лево", чуть тронув повода "Пандура" и он сам осаживает и дает возможность идти несколько вперед "Кадету". Так привык я и привязался к этой чудной паре, что после производства в офицеры, когда слез в последний раз с седла ездового, невольно прослезился, в особенности когда увидел глаза "Кадета" и "Пандура" повернутые в мою сторону и прощавшиеся со мною навсегда.
В 6-е Отделение 2 батареи попали кадеты 3 Московского Корпуса. Мы, тифлисцы, особенно дружили с ними. В числе их был кубанский казак Павел Поночевный. Помню, как вскоре после начала занятий в Училище, однажды на вечерней перекличке фельдфебель прочитав наряд на следующий день, огласил выписку из журнала взысканий, в которой говорилось: " Юнкер младшего курса Павел Поночевный после утреннего под-ема был замечен спящим. Назначается на два лишних дневальства". Потом и пошло, в большинстве "выписок из журнала взысканий" фигурировал "спящий Поночевный". Правда, взыскания, налагавшиеся на него не были строги, до ареста дело никогда не доходило, но дневальств и дежурств по кухне от отбыл значительное количество, а иногда сидел и без выпуска. Оглашаемые "выписки" невольно вызывали улыбки, так как большею частью были об одном и том же, что "юнкер Поночевный был замечен спящим не в урочное время". По видимому он страдал болезненной спячкой, почему и начальство относилось к нему снисходительно и не так уж строго наказывало его. Подружившись с Поначевным и перейдя с ним на "ты", я часто говорил ему:" Павло, смотри брат, Царство Небесное проспишь".

Прошло несколько лет. Все мы были уже офицерами. На Кавказе у города Пятигорска происходили летние маневры. По заданию "про-

тирник" укрепился на вершине горы "Мамук". Наш отряд находился у подошвы этой горы и должен был взять ее приступом. Наша батарея подготовляла артиллерийским огнем атаку пехоты и она, рассыпавшись цепями, начала подниматься на "Мамук". На маневрах присутствовал со своим штабом Главнокомандующий на Кавказе, в то время Генерал Князь Голицин. От начала маневра прошел добрый час, и, вдруг, видим, как по проселочной дороге, со стороны Ессентуков, кто-то несется и пыли карьером в облаках пыли. Ближе, ближе .... подскакивает к нашей батарее и, кто же, - оказывается Хорунжий Павло Пономаренный. Остановливается и спрашивает: " А где Его Императорское Высочество". Все покатились со смеху. Что же выяснилось: в этот день Пономаренный был назначен от Кубанской казачьей батареи ординарцем к Князю Голицину, по обыкновению он проспал, опоздал на час, приносся карьером и спросонья все перепутал, назвав князя Голицина ! Его Императорским Высочеством". Это было мое последнее свидание с Пономаренным, и о дальнейшей его судьбе ничего не знаю.

Дальше, кое что о персонале Училища. О старшем враче Николаеве, священнике Григории Петрове и Генерале В.И. Ипатьеве. Доктор Николаев, как сказал о нем в №1 журнала "Михайловцы" Полковник Лашков, знал регительно все, кроме медицины. Как сейчас помню его первую вступительную лекцию по гигиене, только что поступившим кадетам. Собрали всех нас - младший курс - в обширную химическую аудиторию. Д-р Николаев начал с предупреждения избегать знакомств с "кокаинами улицы", причем все назвал своими именами. Мы краснели от стыда, опускали глаза, а его это, видимо, еще больше подзадоривало и он, что называется разошелся по всю. После лекции окрестили кокаиником; так и мое время он и назывался. Помню его осмотр больных юнкеров в лазарете на утреннем приеме. Больные стоят в шеренге, в затылок друг другу. Д-р Николаев сидит на стуле и производит осмотр. " У Вас что", спрашивает очередного." " Что то с горлом плохо". Николаев, обыкновенно без инструментов осматривает горло." Смазать иодом, следующий, у Вас что". Болит глаза". Николаев не моя рук лезет в глаза. Хорошо когда болезни невинные, а бывали случаи венерических заболеваний и Николаев привички своей не изменял и рук не мыл, при осмотре больных. Лично со мною произошло неприятное событие, заболело горло и стал терять голос. Как не хотелось, вспоминая Николаева, идти в лазарет, но в конце концов пришлось это сделать. Николаев прописал полоскать горло борной кислотой. Почти весь учебный год младшего курса я следовал его указаниям, но горло болело все сильнее и сильнее. Перед выступлением в лагерь, решил еще раз пойти в лазарет. Николаев осмотрел горло и "утешил": " У Вас может быть горловая чахотка, продолжайте полоскать борной". Всякому станет ясно, с каким душевным состоянием я отправился в лагерь и с каким нетерпением ожидал окончания его и отпуска. На Кавказе, куда я поехал после лагерного сбора, лечился народными средствами и окончательно поправился. Болезнь горла, на старшем курсе, не повторилась и я благополучно окончил Училище. Николаев очень любил, когда его величали " Ваше Превосходительство". Многие юнкера этим пользовались и добивались у него некоторых льгот. Он же, в мое время, был лишь статским советником.

Вдохновенное лицо о. Григория Петрова ясно представляется мне теперь, после многих, многих лет, прошедших со дня окончания Училища. Он был выдающийся лектор и говорил с таким захватывающим интересом и каждый раз о чем нибудь новом, что его лекции пролетала, как один миг. Иногда на его лекции приходили к нам юнкера других, соседних отделений. В свою очередь и мы посещали соседния Отделения, когда там шли лекции о. Григория Петрова. Зачастую на его собеседованиях присутствовал и Начальник Училища Генерал Демьяненков. Отец Григорий Петров, как тогда уже носились упорные слухи был социалистом и впоследствие был заточен в монастырь и расстрижен. Сколько помню, в его обвинение

выставлялись мотивы: изменения им церковной службы по собственному почину. На основании этого его лишили сана священника. На обедне, например, он поминал не "всех православных христиан", как это установлено, а " Всех христиан". Затем говорил:"..... и всю жизнь нашу Христу Богу предадим" вместо"..... и весь живот наш „Христу Богу предадим". Делал и еще некоторые изменения. Обедня продолжалась очень не долго, так как он все возгласы не тянул на распев, как это делают по установлению все священнослужители, а просто говорил.

Вспоминаю его популярные лекции для народа на всевозможные темы. Лекции происходили по вечерам в воскресенье, в химической аудитории. Слушателей бывало очень много. Но только все места аудитории, но все корридоры, проходы были заняты публикой. Однажды он делал сообщение о вреде пьянства и демонстрировал на экране волшебным фонарем всевозможные внутренние органы трезвого, здорового человека и паралельно - пьяницы. На экране появляется печень. О. Григорий говорит:" Вот эта печень не пьющего, а здесь рядом, изменившаяся , чахлая печень пьяницы". В аудитории темнота и вдруг из публики раздается голос, явно подвыпившего человека:" Вот, батя, 25 лет пью и не чувствую никакого изменения печени". О. Григорий всегда удивительно метко находил, что ответить:" Ну, милый человек, пей и дальше, если это тебе идет на пользу". В другой раз, не помню о чем была лекция, из темноты, в притихшей аудитории опять раздается громкий голос:" Вот тут молодые люди и барышни шепчутся, смеются и не дают слушать". О. Григорий ответил:" Ваше столь громкое заявление на всю аудиторию, я думаю будет достаточным для вразумления этих людей и они перестанут разговаривать". По окончании каждой лекции он, тут же в аудитории, продавал по необыкновенно дешевой цене, популярно изложенные брошюры на всевозможные темы . В последний раз я встретился с Григорием Спиридоновичем Петровым в Кисловодске в 1919 году, во время гражданской войны, на его публичной лекции. Встреча была очень сердечной. Вспоминали давно минувшие времена пребывания в Училище. Между прочим он рассказал происшедший с ним такой случай. При большевиках он пробирался с севера на Кавказ. Ехать пришлось в товарном вагоне. И, вот, какой то пассажир-солдат прицепился к нему: " Это буржуй и его надо выкинуть из вагона". Другие спутники, в большинстве простой народ, стали на строну солдата и положение создалось угрожающее. " Тогда я," говорил Григорий Спиридонович," попросил у всех дать мне возможность сказать несколько слов, а потом уже привести свои угрозы в исполнение. Но прошло и десяти минут, как весь вагон ополчился на солдата и выкинули его, а не меня. И с этого момента все остальные сделались моими друзьями и мы благополучно доехали до Кавказа. " Это было мое последнее свидание с О.Григорием, а затем в эмиграции он скончался в Сербии.

Останавливаться на В.Н.Ипатьеве, как на ученом, конечно не приходится, имя его стало всемирно известным. Я переношусь воспоминаниями в далекое прошлое, юнкерских годов, когда Капитан Ипатьев читал у нас лекции по химии. Мы его прозвали: " Газом безцветным", и вот по какому случаю. На одной из лекций по химии, происходившей в химический аудитории, Ипатьев ,показывая опыт и добыв какой то газ, стал ходить около досок и говорить: " Пишите, газ безцветный"./его лекции мы записывали/ затем забылся, минут пять ходил взад и вперед и все повторял, со взором, устремленным куда то в пространство: " Газ безцветный". Мы его, понятно, не перебивали и все ждали, чем это кончится. Наконец он очнулся и стал ругаться:" Черт знает что такое, чего же вы меня не остановили"....так и пошел, с тех пор, прозываться у нас "газом безцветным". Тогда же по настойчивому его требованию, все мы записывали о том, что атом не разложим. И вот дожили до его разложения. Произошло это в Америке и, вероятно, проживавший там В.Н. в деле

оазложения атома принимал деятельное участие,а может быть и играл в нем главную роль.

Должен остановиться на случае,происшедшем со мной у Р В.Н. Ипатьева. 23 декабря последней репетицией на младшем курсе в моей партии была химия,после которой отпускали на святки. Для меня, уезжавшего на Кавказ,начальство сделало льготу - химию я мог сдать раньше с какой нибудь другой партией, и тогда последняя предпраздничная репетиция по артиллерии была у меня 16 декабря,после которой я мог бы сразу уехать в отпуск. В первых числах декабря,успев прочесть только половину заданного по химии,так как в то же время сдавал в своей партии и другие очередные репетиции,я явился в партию псковичей,для внеочерного ответа,в надежде,конечно,на авось,что попадется вопрос из прочитанного. Не тут то было. Ипатьев задал вопрос из того, что я не успел просмотреть. Пришлось отказаться. Ипатьев рассердился, но балла не поставил и пригласил придти к нему в химическую аудиторию через несколько дней. В назначенный срок из нашего Отделения пришло трое,два,как и я,сдавали репетицию вне очереди для более раннего от"езда на Р ождество. Расположились каждый у одной из трех сиенных досок химической аудитории. На этот раз я основательно подготовился. Ипатьев каждому из нас сделал задание,а сам удалился вглубь лаборатории и сказал,что скоро вернется. Рядос со мной столял юнкер С., бывший Изюмский реалист. Он стал предлагать мне,записанное у него мое задание. Я начал отказываться,говоря,что подготовился хорошо и все знаю. С. стал настаивать: " Да ты хоть проверь,на всякий случай,что там у тебя", и начал совать мне свои заметки. В этот момент появляется Ипатьев и ловит нас на месте преступления. Он совершенно вышел из себя и со словами:" Сдувать. Презрение к химии," выгнал нас. Скандал получился невероятный,а главное все случилось как то глупо, репетицию я знал хорошо; ушел сконфуженный. Балла Ипатьев опять не поставил. После этого я дня два ловил его,извинялся и чистосердечно об"яснял, как все это произошло. Он и слушать меня не хотел,но в конце концов смягчился и позвал отвечать еще с какой то партией. Эта репетиция была вечером 12 декабря. Я знал все превосходно / вообще химией увлекался /,а Ипатьев вдруг говорит:" За презрение к химии и за то,что сдували - 7 баллов. Не стал спорить и 17 декабря уже поехал домой. Впоследствии по химии у меня были отличные баллы,но Ипатьев время от времени старался меня "уколоть," говоря:" А все таки сдували".

На этом заканчиваю свои воспоминания о незабвенном Михайловском Артиллерийском Училище.

М И Х А Й Л О В Ц А М.

Родная Школа. Светоч жизни
Открой же двери для птенцов.
Верни ты вновь Святой Отчизне
Семью нам близких юнкеров.

Конец придет и большевизму,
Увидим яркий свет вдали...
По всем умершим справим тризну,
Живых - Господь благослови.

Забудем мы лихой время,
вновь силы все дадим стране.
Не тяжело науки бремя,
К себе привяжет всех втройне.

Предела счастья нам не будет
Душа воспрянет от"оков."..
На зорьке вновь труба разбудит
К походу в лагерь Дудергоф.

Вернутся снова "курсовые",
Смотры,парады и езда,
Балы,традиции лихие
Хранить уж будем их всегда.

Молю у Бога снисхожденья,
Дожить до этих светлых дней
И лишь взглянуть на возрожденье,
А там... сойти во мрак теней.

Ура, Михайловцы лихие.
Надежды луч в нас не погас.
Шумят раскаты громовые,
Придет, придет возврата час.

Полковник Андрей Федорович Пономарев. Выпуска 1900 года Бывший кадет Тифлисского Великого Князя Михаила Николаевича Кадетского Корпуса. По последней службе помощник Начальника Отделения Главного Артиллерийского Управления.

МИХАЙЛОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В 1899 - 1901 ГОДАХ.

В Михайловском Артиллерийском Училище существовала очень разумная система "Правящих" или, как мы их называли, "Мамаи".

В каждое Отделение младших курсов назначались лучшие юнкера Дополнительного или 3-го курса. Правящие наблюдали за поведением своих "козерогов", как назывались младшие юнкера, учили их заветам и традициям Училища, тому, что принято и что не принято в стенах или вне Училища, например: вино, карты и площадная ругань абсолютно запрещались в Училище самими юнкерами; не допускалось появление на улице в пьяном виде или в обществе публичных женщин. Из уважения к неимущим юнкерам не поощрялось носить лакированные сапоги, рекомендовались нагреневые, как более дешевые, а главное ближе подходящие к казенным отпускным сапогам, благодаря чему, неимущие, не имевшие возможности заказать даже нагреневые сапоги, не особенно отличались от тех, кто имел собственные. Когда собирались деньги на знаменитые "Михайловские" балы, сборщики никогда не позволяли себе угощать юнкеров давать больше или, хотя бы косвенно, подчеркивать, что дескать такой то пожертвовал столько то. Не разрешалось "нпаргалить", с тем, чтобы получить больший балл; снисходительно относились к тем, кто "нпаргалил" только на удовлетворительный балл. За исполнением всего этого наблюдали сами же юнкера. О неисправных нарушителях сообщалось Правящему, который и делал соответствующее внушение, всегда исполнявшееся. В серьезных случаях он сообщал об этом фельдфебелю, который принимал свои меры / в виде внушения или предложения перевестись в другое училище/ или же докладывал начальству для соответствующего разбора и воздействия. Было совершенно не принято говорить: " в моей батарее" или " в твоей". / Относительно батарей Училища/, а надо было говорить:" в 1-й батарее" или "во 2-й". Обо всем этом сообщалось нам путем дружеских собеседований с Правящим. Ни приказов, ни угроз, ни резкостей по отношению к нарушителям традиций, правил и пр. не существовало. Если же самими юнкерами обнаруживался нарушитель, то дело о нем передавалось товарищескому суду, который не был оформлен и организован официально а был именно товарищеский - дружеский суд. Например, если кто либо "напаргалил" на больший балл, то все Отделение или группа, к которой он принадлежал предупреждала его о прекращении такого "нпаргалення" и этого было совершенно достаточно, чтобы нарушитель полностью подчинился этому. Но были и печальные случаи нарушений и тяжких наказаний.

1-й . Это случилось в 1899 году. Мы только что поступили в Училище и принесли присягу. Все шло благополучно. Однажды вечером, юнкера младшего курса 1-й батареи / не помню точно, какого Отделения, но только

не моего 3-го/ предложили нам собраться в Конференц Зале / иногда назывался Императорский зал/ для решения важного вопроса. Нам было сообщено, что юнкер С. / не помню какого корпуса/, был замечен на Невском проспекте в обществе публичной женщины. Мы, конечно, возмутились, но все же отнеслись к этому разумно и трезво; было даже высказано предположение, что С., возможно не знал об этом юнкерском запрещении. Без всяких споров и долгоговорений, постановили: " Предупредить С., что если он вновь появится на улице с публичной женщиной, то будет немедленно удален из Училища". Думал ли С., что это только словесная угроза или, что начальство не посчитается с решением юнкеров, не знаю, во всяком случае недели через 2-3 нас вновь созвали и сообщили, что С., опять был с публичной женщиной в Летнем Саду и, в довершение всего, эта особа била его зонтиком. Проверив эти сведения, мы постановили единогласно:" Просить начальство об исключении С. из Училища".
Дня через два он был исключен.
2-й. Это был уже тяжкий случай. Насколько в 1-м случае мы выносили решение, по которому избавлялись от отрицательного типа, настолько во 2-м случае, происшедшем во 2-й батарее, все юнкера были потрясены решением, по которому пришлось погубить две жизни достойных людей, допустивших нелепую ошибку. Это произошло в лагере за две или три недели до производства в офицеры. Два юнкера старшего курса пили чай, сидя за столом под столовым навесом. Один бывший кадет, другой, поступивший со стороны, т.е. не кадет, а "душка штатский", как мы их называли. Кадет язвительно острил и высмеивал штатского; последний обиделся, обозлился, потерял, очевидно, голову, обмокнул булку в чай и швырнул ее в лицо кадету.
Товарищеский суд приговорил обоих к немедленному исключению, одного за неуместные шутки, другого за недопустимую несдержанность, что сочли несовместимым с понятием офицерской чести и офицерского поведения. Оба ушли. Об их судьбе ничего не знаю. Это была ужасная драма и, конечно, мы всесторонне обсуждали этот вопрос. В конечном результате было высказано следующее. Конечно, это жестокое наказание, но и поступок совершенно недопустимый и не простительный с точки зрения офицерской чести. Произойди это в корпусе или гимназии, где часто междуусобицы решались кулаками, что считалось понятным, правильным и мужественной защитой своей чести, интересов и пр., где не было арбитража, где была сила и кулак и Боже сохрани от прибегания к защите начальства, то это было бы принято совсем иначе. С поступлением же в Училище, с принятием определенных обязанностей, со вступлением на путь будущей офицерской службы с ее честью, долгом, этикой и пр., конечно, мы должны были забыть всякую кадетскую кулачную расправу и всякую безответственную фамильярность и неуважение к однокашникам, в чем бы оно не выражалось. И если два юнкера, за два года не усвоили всего этого и за три недели до производства в офицеры, т.е. почти уже офицеры, только еще не утвержденные Высочайшим приказом, позволили себе непристойную, недопустимую в офицерской среде выходку, т.е. позволившие себе личные интересы и настроения поставить выше офицерской этики, то, как ни горько это нам, до этого момента уважавших этих своих однокашников, мы должны их удалить из своей среды. Мы знаем одно, если юнкер провалился на экзамене, то его оставляют на следующий год, а эти юнкера провалились на экзамене по офицерской этике и пусть держат переэкзаменовку.
Так разсуждали мы.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТБОЙ И " СОБАКИ "

Каждый год выпускными юнкерами главным образом " Дополнистами" / 3-й курс/, производился " Генеральный отбой" в конце выпускных экзаменов. Официально это не разрешалось,т.к.это было самоуправство и нарушение дисциплины,но так как это невинная,но почтенная традиция,то Отбой и не преследовался . Обычно приглашался штаб трубач, который в сопровождении юнкеров в нижнем белье, так как это происходило вечером,обходил все каморы и играл Отбой.
За это трубачу юнкера платили 25 рублей,а начальство для видимости, за такой проступок сажало трубача на сутки под арест.

Производство в офицеры,в мое время,происходило 9 августа; от этого числа и шли все расчеты. За 300 дней до производства устраивалась " 300 дневная Собака". Каждый участник вносил довольно стромную сумму,по моему значительно меньше рубля, и вечером наши служители устраивали в столовой чай с закусками и сладостями. Некоторые юнкера надевали офицерские фуражки и шапки. Все было скромно,тихо и весело. Все были полны светлых надежд и уверенности в успешной и верной службе. ~~Все~~ Затем следовала " 200 дневная Собака" в таком же масштабе. Должен сознаться,что точно не помню,возможно, что была только одна собака. Маленькия " Собачки" устраивались чаще, отдельными группами,но в этих случаях все обходилось без чая,просто устраивалась складчина,служитель покупал сладости и пр. и участники поедпли все это в спальне. Во время лагерного сбора мы несли караульную службу,охраняя свои парки. Караульным начальником бывал Дополнист,часовыми остальные юнкера. На караульного начальника традиция возложила обязанность выставлять караулу " Собаку" - чай,закуски, сладости. Все это покупалось и " Шакала". Так назывался маркитант содержавший в лагере лавочку и чайную.

В лагере на удергофском озере у нас была целая флотилия парусных и гребных лодок.Была у нас красавица парусная лодка красного дерева под названием " Кондор" - подарок Великого Князя Михаила Александровича,окончившего наше Училище годом раньше моего поступления. Парусные лодки давались только тем,кто выдерживал теоритический и практический экзамен плавания под парусами.
Инструктором и "Морским Министром" был командир 2-й батареи Полковник Мамонтов,а практическим инструктором был матрос Поликарп,который ведал всеми лодками и, за плату,возил нас на веслах через озеро на жел.дор.станцию.

Однажды 4 юнкера 1-й батареи катались на гребной лодке и,хотя озеро было совершенно спокойно,они умудрились опрокинуться; не умея плавать,спаслись тем,что держались за борт лодки. Это увидели юнкера Константиновсеого Училища и немедленно подгребли к ним,чтобы спасти " Михайловцев",но последние,увидя Константиновцев замахали руками и отказались от помощи " Констаперов",как они потом сказали. Спасли их Михайловцы. В дальнейшем выяснилось,что тонувшие и Константиновцы,пытавшиеся спасти их,были одного корпуса и находились в самых дружеских отношениях. Отказ от спасения был просто дружеской шуткой,так как тонувшие увидели,что михайловская лодка уже подходила к ним. " Но будь нашей лодки, мы, конечно, обошлись бы и без шутки

и с благодарностью приняли бы помощь своих корпусных однокашников", сказали лни.

Однажды ночью, летом 1900 г., один Михайловец вернулся из отпуска и привез официальное извещение об об"явлении войны Китаю. Немедленно же по нашему лагерю разнеслись крики " ура", а затем хор наших трубачей заиграл Гимн. Все это было сразу подхвачено всем Авангардным лагерем, т.е. всеми Училищами. Произошла невероятная тревога. Главный лагерь заволновался, недоумевая, в чем дело. Но постепенно все раз"яснилось и успокоилось. На другой день Командующий Петербургским Военным Округом, Великий Князь Владимир Александрович, вызвал все Училище к Царскому валику и резко спросил Генерала Чернявского, командовавшего всем авангардным лагерем: " Как Вы могли допустить такое безобразие, да еще среди юнкеров?"
На это генерал Чернявский, не растерявшись, ответил: " Ваше Императорское Высочество, я не счел возможным угашать патриотический порыв будущих господ офицеров". После этого ответа Великий Князь сразу же изменил к нему свое отношение и инцидент был улажен.
Но, конечно, генерал ничего не знал об инциденте и никаких мер и принять то не мог, но он нашелся и спас себя и нас.

Еще несколько слов для характеристики этого генерала.

В одном из наших отделений он читал артиллерию. На одной из репетиций он спрашивает юнкера: " Почему ракета летит?" Растерявшийся и совершенно не подготовившийся " козерог", ответил: " Потому что у нее есть хвост". " И у коровы есть хвост, однако она не летает", возразил генерал. " Потому что у нее есть газы ", исправляется " козерог". " И у меня бывают газы, но я не летаю. Садитель," закончил генерал.

Д.Д. Гнедич
Портупей юнкер выпуска 1901 г.

ЮБИЛЕЙ ПОЛКОВНИКА Д.Д. ГНЕДИЧА.

6 октября в Доме " Свободная Россия" состоялся банкет и чествование Полк. Дмитрия Дмитриевича Гнедича по случаю ряда его юбилейных дат: 75-ти летия со дня рождения,55-ти летия пребывания в офицерских чинах,25-ти летия Председателем Союза Рус.Ветеранов, 20-ти летия в Обществе Артиллеристов-Михайловцев, в котором он является Почетным Председателем, 10-ти летия его работы в Обществе помощи русским детям. Чествование было прекрасно организовано Обществом Михайловцев и Союзом Рус. Ветеранов, и на нем, во главе с Е.В.Княжной Верой Константиновной,присутствовало свыше 60 чел.представителей различных организаций,членов указанных обществ и личных друзей юбиляра.

После краткого молебствия, отслуженного о.Александром Краснорумовым и дьяконом Сергием Лигиным,и теплого слова о.Александра, с приветствием выступил митрофорный протоиерей о. Сергий Пантелеев, передавший юбиляру поздравление и благословение Архиепископа Владыки Виталия. О.Сергий,будучи сам членом Союза Ветеранов, подчеркнул ту неустанную работу,которую вел юбиляр все эти годы,закрепляя и защищая интересы русских и способствуя созданию той благоприятной обстановки и условий,которые так много помогли новейшей эмиграции и защитили многих репатриантов. Затем выступил ряд представителей различных организаций с приветствиями. Выше Председатель Общества Михайловцев Полк.К.А. Герунович,поднеся от имени общества трогательный адрес и альбоме с художественно исполненными в красках видами прохождения учения и службы юбиляра,сердечно поблагодарил его за все,что он сделал для об"единения Михайловцев / художественная часть адреса исполнена Кап. Б.Н. Николаевым,подарившим юбиляру также и артиллер.фуражку своей работы; текст адреса исполнен С.К. Финне./

В своем кратком слове юбиляр отметил следующие факты: Пробыл безупречно в офицерских чинах 55 лет. Добровольно участвовал в Рус.Японской войне,а затем в 1-й Мировой войне,начав ее в чине шт.-капитана и окончив полковником,получив все боевые награды до двух орденов Св.Владимира 4 ст.с мечами. Во время революции работал в подполье,затем в Белой Армии.

Из России эмигрировал в США. Когда американцы захотели установить с русскими эмигрантами должные связи, они не знали к кому обратиться,т.к. у нас не было единого представительства. Совершенно случайно они обратились к Д.Д.Гнедичу во время первомайской анти-коммунистической демонстрации. И вот в этот момент у него явилась мысль,не посягая на полную независимость существующих тогда военных организаций,об"единить их для создания единого фронта, хотя бы лишь для объявления с американцами. Это об"единение вылилось в форму Союза Русских Ветеранов,в который вошли: Р.О.В.Союз,Корпус Офицеров Императ. Армии и Флота, Об-ство Морских Офицеров, Общ. Казачьих и Терско-Кубанская Станицы, Об-ство Галлиполийцев, Об"единение артиллеристов и др. С этого времени американцы стали все сношения с русскими через этот Союз. Наш Союз Ветеранов добился участия русских с Русским Национальным и Андреевским Флагами на параде 30 мая в память павших воинов. После этого Союз был приглашен вступить в международную организацию " Храма Войны" в Нью Йорке. Настоятель этого Храма,пастор Армстронг, в целях установления между народами дружеских отношений, об"единил в этом Храме все Великие Державы,участвовавшие в войне. Правительства этих Держав назначили в этот Об"единение своих официальных представителей,которые ежегодно в День Перемирия, 11 ноября

после торжественной службы в храме, возлагали лавровые венки под звуки своего Национального Гимна в память своих павших воинов. И тут впервые мы, русские, под звуки нашего Национального Гимна, стали возлагать венок в память наших павших братьев. Настоятель этого храма, приветствуя русских на службе в переполненном храме и в присутствии представителей великих держав сказал: " К нам пришли все великия державы, участвовавшия в войне, но к нам не пришла держава, понесшая наибольшие потери, спасшая союзников ценой своей гибели - это Великая Россия и я счастлив заявить, что теперь и эта держава, в лице Союза Русских Ветеранов, присоединилась к нам". В 1933 году, по примеру других стран, мы, после краткой службы, сопровожденной в этом храме Архиепископом Виталием, подносили храму: Русский Национальный Флаг / поднесен полк. Гнедичем от Союза Русс. Ветеранов/, Андреевский флаг/Ст.Лейт. С.В. Гладким от Общества Об.Импот.Флота/, Андреевскую Звезду с Андреевской лентой на черном бархатном щите / Ген-ом Е.С.Имеретинским от Р.О.В. Союза/, 3-х дюймовый снаряд, найденный на поле знаменитой Галлиполийской битвы, украшенный оружейн. пулями и обращенный в подставку для лампады / полковником В.И.Шишкиным от Общества помощи Военным Инвалидам/, лавровый венок в память павших погибших воинов, возложенный под звуки нашего Гимна / атаманом Областной Станицы А.Кулешовым/ и венок в память павших воинов всех стран / капитаном Б.В.Сергиевским от Гарнизона № 297/. Все эти подношения, кроме Андреевского Флага, были приготовлены нашим Союзом Рус.Вет. Когда нашему Русскому Кадетскому корпусу в Югославии грозило закрытие, Союз образовал комиссию, которая послала петицию на имя Югосл.Правительства, ряду югосл. министров и сербскому Патриарху Варнаве. Затем, обратившись к Об-ву помощи Рус.детям, комиссия получила сердечный отклик и Об-ство стало оказывать ежегодно материальную помощь корпусу.

При возникновении вопроса о признании советской власти, союз, через Русский Национальный Комитет, поднял грандиозную кампанию протеста и собрал через американ.патриотич.организации свыше миллиона подписей под протестом. " Нас спрашивают" - докладывал Д.Л.Гнедич, - зачем существует Союз Ветеранов и способствует раздроблению военных организаций: Совет Зарубежного Воинства, Р.О.В.Союз, Корпус Импер.Армии и Флота, Гарнизон № 297, Освободительный Корпус, в которые Союз Ветеранов мог бы войти. На это мы отвечаем ясно и определенно: совершенно ошибочно толкование о раздроблении, т.к. во все эти организации входят многие члены Союза и т.обр. состав этих организаций переплетены, а не раздроблены, но Союз, как таковой, после всей своей огромной работы и достижений для русского дела, не может растворяться в других организациях, или ликвидироваться. Союз не ведет своей активной политической работы, но всегда поддерживает и морально и материально все начинания военных и подлинно национальных организаций. Союз существует, если хотите, как памятник всего того положительного, что было сделано здесь в США до 2-й Мировой войны. И Союз будет и должен существовать до последнего человека, после чего уйдет в архив, откуда будущий историк извлечет его и об"ективно осветит его пригодную деятельность на пользу Русского дела.

Из изложенного видно, что во всех важных выступлениях, Союз, подготовив и приготовив все, приглашал все военные организации принять равное участие в выступлениях, т.к. ему всегда был чужд " вождизм" или игра в " начальство" и " главенство".
Ему было важно одно, служение РУССКОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ ДЕЛУ.

Что касается Общества Михайловцев, юбиляром было указано, что эта прекрасная организация, возникшая в Югославии, поставила своей целью увековечение светлой памяти Михайловских Артиллерийских Академии и Училища. Но не успела еще эта организация встать на ноги, как Вторая война разбросала всех Михайловцев по разным странам. Будучи заочным и заокеанским членом правления этого Общества, Д.Д. Гнедич счел своим долгом собрать вновь дружную семью Михайловцев, что ему и удалось очуществить в 1950 году.

Работая 10 лет в Обществе Помощи Русским детям за рубежом, Д.Д. Гнедич старался быть полезным по мере сил и возможностей и пользовался в Обществе абсолютным доверием. Оценив его работу это Общество приветствовало юбиляра торжественным ужином и ценным подношением.

В дальнейшем на банкете приветствовали юбиляра: от имени Союза Ветеранов вице председатель слюза П.П. Беляев, отметивший, что работая долгие годы с юбиляром, преклоняется перед неизсякаемой энергией, прямотой и стойкостью его убеждений и перед тем, чего достиг юбиляр для Русского дела.

От имени Кубанского Атамана Войск. Старшина Б.И. Ткачев благодарил юбиляра за то содействие, которое Союз Ветер. оказывал в защите его интересов в связи с выдачей казаков в Лиенце.

От имени Об-ва Офицеров Импер. Флота принес поздравления председатель Об-ва Кап. 1-го ранга Я.В. Шрамченко, вручив письменное приветствие от Общества.

Отец дьякон Сергий Лягин приветствовал юбиляра, как однокашника по 2-му Моск. Кадет. Корпусу и Михайл. Артиллер. Училища, Полк. М.М. Чайковский от Константиновского Артил. Училища, От Р.О.В. Союза юбиляра поздравил В.С. Мелешкевич. Г.И. Новицкий от имени Об-ва Помощи Рус. детям за рубежом отметил, что твердо сохраненное понятие о долге и о выполнении его, вызвало абсолтное доверие к работе в Об-ве юбиляра, которое надеется, что он найдет в себе силы еще долгие годы продолжать свою работу. Полк. Н.П. Рыбаков от имени газеты " Россия" отметил не только огромную работу, но главное скромность и незыблемость принципов и убеждений юбиляра. При этом он вспомнил, что оба они однокашники по Институту Восточных Языков во Владивостоке, хотя и разных факультетов.

Все приветствия юбиляру звучали искренностью и сердечностью. Были также присланы и письменные приветствия от Об-ва имени Пушкина, Всероссийского Комитета Освобождения, Князя С.С. Белосельского и С.В. Юрьева, Русского Научного Института Военных знаний, Российского Имперского союза, Общества Ревнителей Памяти Императора Николая 11, от Донского атамана Ген. А.И. Полякова, от Терского атамана Ген. К. Агоева, от С.Н. Ряснянского, проф. инж. Л.М. Михеева, С.И. Таптыкова, от Михайловцев: А.Н. Потапова, В.Я. Лосева, Е.Л. Ивановского, М.А. Шеневича, бар. В. Пушенталя, Ю.А. Зяблова, В.А. Авринского, И.И. Фомина, П.Н. Чижова, Е.Д. Христианович, П.Г. Емиль, от В. и Н. Чиркиных, С. Конева, П. и Н. Дамаскиных, В. Гомолицкого, Д. Биркина и П. Абрамова, быв. Атамана Обще-Казачьей станицы, отметившего в своем трогательном и сердечном поздравлении, что он с большим удовольствием вспоминает совместную работу под председательством юбиляра.

В дополнение к юбилеям полковника
Д.Д. ГНЕДИЧА.

Письмо в редакцию.

Дорогой Николай Павлович,

Не откажите поместить в газете " Россия", прилагаемую вырезку из письма, присланного мне генералом А.П.Архангельским.

Присылка этого письма задержалась рядом непредвиденных обстоятельств.

Глубокоуважаемый и дорогой Однокашник
Дмитрий Дмитриевич,

Читал в "России" описание празднования Ваших юбилеев и о Ваших заслугах и должен сказать, что просто преклоняюсь перед Вашей многосторонней деятельностью и Вашей доброй волей, перед Вашей жертвенностью. Да поспеет Вам Г осподь сил, бодрости и здоровья для продолжения Вашего большого дела на пользу всех нас и нашего дела - борьбы с поработителями нашей родины.

Горячо желаю Вам скорейшего счастья увидеть ее освобождение и возрождение нашей дорогой многострадальной Родины во всей ее былой мощи и славе на работь всему миру, и затем иметь возможность продолжать Вашу работу на родной земле, подавая пример служения Родине и передав новому поколению Русских воинов безупречные, славные, традиции Кадетских корпусов, военных училищ и вообще всей Российской Императорской Армии...

Искренно уважающий Вас
А. Архангельский.

На это я ответил глубокой и искренней благодарностью, одновременно поздравив генерала А.П.Архангельского, как однокашника, с праздником 2-го Московского Императора Николая 1 кадетского Корпуса / 8 Ноября/.

Искренно Ваш
Д. Гнедич.

К Юбилейному чествованию Полковника Д.Д.Гнедича.

Дорогой Николай Павлович,

Не откажите в любезности поместить в Вашей газете мой ответ на чествование моих юбилеев: 75 летия со дня рождения, 55 лет состояния в офицерских чинах, 25 лет Председатель Союза Русских Ветеранов, 20 лет член правления " Общества Михайловцев" и 10 лет работы в Обществе помощи русским детям.

Я приношу искреннюю и сердечную благодарность всем, кто оказал мне честь и внимание личным присутствием или присылкой письменных приветствий и поколений в день празднования моих юбилеев 6 сего октября, а именно: духовенству, Ея Высочеству Княгине Вере Константиновне, Председателям и Представителям Военных и Национальных Организаций, Редактору и Редакции газеты " Россия" и моим старым добрым друзьям. От всей души желаю им всякого благополучия, здоровья и сил.

Храни нас всех Господь.

Д. Гнедич

Ускоренные курсы Михайловского Артиллерийского Училища в 1916 и 1917 годах.

Продолжение статьи Н. Кокоди.

Устав есть Устав. Но его не следует "держаться яко слепой стены" / Петр Великий/. Необходимо передать, внедрить дух Устава, в особенности же Устава дисциплинарного.

Устав Внутренней Службы и Гарнизонной - уставы ежедневной практики, так сказать, обиходные, следует передавать, по возможности, так же на практике, показом. Во всяком случае караульная служба должна изучаться на примерных разводах караулов, смене их, постановке часовых и т.д.

Занятия пешим строем, столь презираемые молодыми артиллеристами, имеет свое / и не малое / психологическое значение. Известны шестое и седьмое чувство: "чувство стремени" в кавалерии - необходимое в былые времена при лихих конных атаках и " чувство локтя" - в пехоте. Эти чувства есть чувства взаимной связи, уверенности в поддержке соседом и обязательстве, долге и самому поддержать соседа. Оно должно быть обще-солдатским чувством. Артиллеристы работают при орудии расставлено, но с общей целью, работают, так сказать "артелью" / отсюда будто происходит и само наименование " артиллерия", как это утверждают некоторые очень ученые языковеды/. Поэтому " чувство локтя" в них надо воспитывать особо, до некоторой степени искусственно. В этом кроется смысл пешего строя, а не только " в церемониальном марше". Кроме того незначительное влияние пеший строй имеет как подготовка, к сожалению недостаточная к походному движению артиллерии шагом, которое, как правило, должно совершаться со спешенными номерами, а равно и к напряженной работе телефонистов и пеших разведчиков. Сейчас, при всеобщей моторизации, такая подготовка едва-ли потребуется и должна быть перенесена на занятия гимнастикой.

Занятия гимнастикой не всякому юнкеру были по вкусу, особенно вначале, пока не учли излишне накопленные каллории./ как их теперь величают/. Занятия эти остались на уровне мирного времени, велись с целью постичь секреты сокольской школы. Я бы ввел "полевую гимнастику" - бег с препятствиями, лазания на деревья, переползание, ходьбу, носку тяжестей при непременном условии сохранения правильного дыхания. Офицеру, особенно молодому, со всем этим придется чаще встречаться, нежели с турником и параллельными брусьями.

Вместо фехтования, процветавшего в мирное время, была введена / и правильно / рубка. Под руководством несменяемых бр.Байковых с увлечением рубили глиняные конуса. Рубке с коня обучались при конце обучения верховой езде.

Важнее было умение владеть личным огнестрельным оружием, револьвером; но стрельба из револьвера производилась всего только единожды. Результаты стрельбы были удовлетворительные. На будущее время следовало бы ввести утреннюю прикладку из револьверов и винтовок. Офицер должен уметь владеть всяким оружием.

Верховая езда, если память мне не изменяет, производилась в каждой смене три раза в неделю. За менее чем 6-ти месячное пребывание в Училище юнкера посадку приобрели, управлять конем научились без излишних тонкостей. Но лихие "конники" былых времен почти исчезли; встречались разве только в кадетских выпусках. Все стали сплошь " пижосами". К коню относились, скорее, безразлично, как к способу передвижения, но пользоваться конем в поле - уже могли. " Доездка" молодежи предоставлена была частям. Полугодичный срок обучения езде был мал.

Для воспитания лихости,вернее небоязни коня, имела вротшое значение вольтижировка. Юношам грузным она давалась с трудом. Поэтому,однажды,отделенному офицеру,/ как он был,в зимнем пальто на вате /, на личном примере пришлось показать возможность номеров вольтижировки. Спокойные,безответные существа были вольтижировочные кони. Чего-чего они не натерпелись от г.г. юнкеров за положенные полчаса гонки их на корде.

Прочие " конные" дисциплины ~~ф~~ на высоте не были. Ковка проходилась на лекциях иппологии. На седловку,амуниченье и уход зп конем часов было мало. На экзамене гражданской войны,когда многим г.г. офицерам пришлось стать за ездовых, это ясно сказалось. Все эти предметы обучения в современной артиллерии едва-ли удержаться и будут заменены изучением автомобиля,/ трактора/ и управления им.

Занятия материальной части велись шире,чем в мирное время. Кроме обычной 3" полевой пушки,приходилось,но более сокращенно, 3" горная и обе состоявшие на вооружении 48",,, гаубицы. Юнкеров знакомили также с новейшими тогда образцами напр.45""" английской гаубицей,с ее обычной для континентальной артиллерии спиральной шкалой прицела.

Пользуясь правами лектора артиллерии,я,с одной стороны расширял курс материальной части,придавая ему обобщающий образцы оружия характер, с другой стороны облегчал его,беря готовые примеры из проходимого на строевых часах. Надо отдать справедливость юнкерам - этой отраслью обучения они увлекались. И овладели ею вполне. Они могли производить самостоятельную замену неисправных частей,доливку масла и т.п. знали уход за орудием. Надо было только обратить немного больше внимания на "грязные" работы: пробивания орудия,снимание пыжом нагара после стрельбы,смазку,мытье орудия,подмазку колес и т:п. и привить меньшую,что ли " брезгливость" отсутствие боязни " запачкать свои белые ручки".

Офицер тогда только смеет требовать от подчиненных правильного ухода за материальной частью,когда сам будет ее знать и уметь ухаживать за ней / и любить ее /.

Устав Орудийного Учения - действия при орудии - затруднений не представлял. Что же касается под"ездов и от"ездов и тесно с ними связанной езды в орудиях,то часов на это предоставлялось маловато. В лагере давалось больше.

Езда в орудиях требует и физической силы и ловкости, и лихости,что не всегда совпадало. Не могу забыть случай,когда на Ломанском плацу запряжка подхватила и чуть было не вынесла орудия на улицу. Средний унос - ю.К-а " не стерпел" и бросив унос на произвол судьбы спешился без команды. К счастью - ездовые из обслуживающей команды во время захлопнули ворота на улицу и перехватили оруди. Ю.К-а свой выговор получил. Но не знаю,как после его поступка отнеслись к нему его товарищи.

Устав Батарейного Учения проходился в лагере: ежедневные занятия в парке, пешее по конному,взводное учение в каждом отделении и, наконец,батарейное учение и выезды на стрельбы.

Трубач - как и прежде - играл во время обеда сигналы / см.Приложение 5-е к Уставу Батарейного Учения/.

У1 и У11-му ускоренным курсам повезло - лагерь они отбыли в нашем старом расположении нормально,со всеми присвоенными нашему лагерю удобствами и удовольствиями: купанием,катанием на лодках по Дудергофскому озеру, "шакалом". При этом УШ-й курс " кадетский" - сначала отбыл лагерь осенью,а зимой проходил теоретический курс. Его производство совпадало с тяжелыми днями февральской революции.

Х-му выпуску не повезло - наш лагерь был занят запасными частями, которые никак не хотели его освободить - революция шла уже на полный ход и ее требовалось " занимать". Лагерь пришлось отбыть в расположении Гвардейского корпуса: - раскрылась другая панорама, другие точки наводки и отметки.

Отличным поповреждением, вошедшим в жизнь при ускоренных курсах, было возвращение с военного поля с песнями. Возвращались " ящиками" / в колонне по отделениям/, до небес пыль поднимая. Сохранялись нога, разношенные достигалось " чувством локтя", о котором говорилось раньше. Всему способствовал " журавель", подбодряя и веселя и наводя подобающую критику, иногда говоря "обкладная".

В лагерях, кроме строевых занятий, производились глазомерная с"емка и решение тактических задач в поле. И те и другие вели, сверх своих прямых обязанностей опять же мы, строевые офицеры, так как не было возможности найти руководителей - свободных офицеров Генерального Штаба. Задачи, конечно, решались, по большей части на милых Каделахтах. Юнкера успели научить видеть местность, читать карту. Почти всегда работы сдавались удовлетворительно.

В каком об"еме производилась артиллерийская разведка практически - не припоминаю, во всяком случае теоретически, она проходилась в учебные часы, как отдел Тактики Артиллерии.

Переходя теперь к главнейшему предмету артиллерийского обучения, к искусству стрельбы, пристрелки, прежде всего приходится заметить, что способы стрельбы в настоящее время далеко ушли вперед и ниже приводимое является уже " историей". Но на истории учатся.

О прохождении курса стрельбы отдельно каждым из сотен юнкеров не могло быть и речи. И в мирное время не всем юнкерам удавалось пристреливаться. Дело сводилось к показным стрельбам, командирским стрельбам и к стрельбам некоторых офицеров и лучших по успехам юнкеров. Но, все же, юнкера научились вести наблюдения, отличать плюс от минуса, воочию видели траекторию, перелеты огня и различные типы веров. Ускоренные же выпуски, сверх того, знакомились с новыми образцами оружия: ручными гранатами, осветительными средствами / ведь уже шла позиционная война/, в том числе со старушкой 3"" ракетой. Большая часть работы по изучению стрельбы производилась в классе. Почти все внимание было обращено на стрельбу шрапнелью, как на труднейшую. Правила стрельбы и об"яснительную к ним записку, как для пушек, так и для гаубиц, юнкера знали отлично и правильно их применяли, но, все же, это была теория.

В целях придания занятиям по стрельбе большей наглядности, я вел их следующим образом / это опять-таки " история"/, но, как мне кажется, заслуживающая разработки и модернизации.

На классных досках, вертикальными линиями, наносилась сетка в делениях угломера; на ней рисовалась некая панорама с Н?аблюдательного/ П/ункта/; / на панораме наносились/ и Ц?ели/. Назначался командный состав батареи и две вспомогательных партии. Первая была вооружена планом / просто бумагой/, масштабной линейкой и двумя целлюлоидными угломерами, для Н.П./ командира батареи/, и для В?атареи/. Они имела задачей наносить на карту разрывы основного орудия и наносить и измерять расстояния и углы. Для практики в командовании " старшим офицером" строился параллельный / подавались команды/ вер. Кр.В. делал приворот и давал пробный выстрел. Разрыв его откладывался по данным угломеру и дистанции на плане, на котором и измерялся угол отклонения от О/риентирного/ П?ункта/. Соответственно этому отклонению наносился разрыв на панораме.

Затем " дым рассеивался"/ разрыв стирался /. Дальнейшими командами разрывы выводились / для возможности привести пристрелку/ на линию НП-Ц. Когда это было достигнуто, командир переходил к стрельбе очередями - взводами, батареей. При этом он делал поправки направления с целью оставить разрывы на линии Н.П.-Ц. Тут вступала в свои обязанности вторая партия - дававшая рассеивание разрывов на основании, так называемых, "таражных таблиц". Эти таблицы давали рассеивание разрывов по высоте / Кл. Н.№.В. ОВ./, которые и показывались обычным путем на панораме, при чем средняя точка разрыва основного орудия определялась первой партией. Таблицы были составлены в согласии с Правилами Стрельбы для трех типов дистанций: малых, средних и больших. Для каждой из них элипсоиды разрывов были различны, а следовательно, и наблюдаемое рассеивание было типичным для каждой дистанции. Как и всегда целью стрельбы было: провести среднюю траэкторию через подошву цели, а центр разрывов провести на наивыгоднейшую для поражения цели высоту. И это определялось соответствующим каждой дистанции процентом разрывов каждой категории.

Вводя такой порядок обучения стрельбе, я стремился, как уже сказано, достичь прежде всего наглядности. Попутно проходились команды, подаваемые командиром батареи и ниже, вплоть до орудийных фейерверкеров, сноровки в пользовании планами, угломером, дистанционной линейкой, уяснялось рассеивание разрывов и его размеры. Кроме того юнкера знакомились с тем, что при большом смещении командира для того, чтобы удержать разрывы на линии Н.П.Ц., т.е. для возможности наблюдения + и, "прицел становится угломером", а угломер - прицелом".

В дальнейшем командир переносил огонь на новые цели.

Признавая громоздкость способа в этих его первоначальных формах, отстаиваю, что в принципе этот способ является единственным для приближения теоретических занятий в классе к действительности. Если сейчас в стрелковых школах, при обучении стрельбе ружейной и из пулеметов уже введен в типе кинематограф, причем попадание в движущуюся на стене цель отмечается звонком, то тем легче будет получать изображение разрывов, накладывающееся на неподвижную фотографическую местность - панораму с Н.П. Работу же двух вспомогательных партий облегчат механические счетчики. Этим ускорится появление " разрывов" на " местности". В идеале требуемое для расчета время сведется ко времени полета снаряда. Тогда " стрельба" в классе сделается любимейшим занятием и действительно подготовит к " стрельбе в поле".

Новейшие способы стрельбы с предварительным учетом метеорологических и баллистических факторов в 16 и 17 г.г. известны не были, вернее, еще не применялись широко. Все отклонения, производимые этими факторами, тогда покрывались пристрелкой. В настоящее время для принятие их во внимание, служат графиконы и таблицы.

Заканчивая эту заметку, шлю свой сердечный привет юнкерам ускоренных выпусков, которые, за исключением некоторых единиц, несмотря на краткость пребывания в училище и наступившую революцию, успели стать истинными Михайловцами Артиллеристами, благодарю их за лично мне доставленное удовлетворение их успехами и последовавшей деятельностью и приверженностью к хорошему, устоявшемуся, и ими на себе испытанному, быту.

От души желаю вновь встретиться всем нам в стенах восстановленного Михайловского Артиллерийского Училища.

Про себя же считаю вправе сказать - сделал все, что мог.

Н. ГОКОЛИ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Друзьям - Однокашникам

Письмо первое.

Слава нашей вечна.
Вечны наши традиции - залог дружбы, верности и любви.
Эти три фактора дали блестящую плеяду артиллеристов.

Верные науке, дисциплине духа, они в мирное время подготовляли на протяжении столетий кадры, покрывшие себя неувядаемой славой на полях битв.

Как конструкторы, как тактики и как стратеги - они показали себя блестящими не только перед Родиной, но и враги наши признали и отдавали должную похвалу Российской Артиллерии.

Об этом с гордостью мы можем говорить, где и когда бы то ни было. Это не есть самовосхваление, а самопризнание своей истинной полноценности.

Пусть волею Провидения мы не можем продолжать нашу работу на дорогой нам Р одине, пусть тому же Провидению угодно, может быть, еще многие годы не позволить нам прилагать наши знания, опыт и любовь на служение Родине; пусть еще долгие годы суждено нести нам тяжелый крест изгнания, но наши мысли, наши воспоминания о славном прошлом, - всегда останутся с нашей дорогой артиллерией. Да не теряем надежды на возможность еще послужить ей и отдать последние силы.

Наше несчастье - и очень большое - мы не имеем смены: нам некому непосредственно передать и передавать все заложенные в нас, как говорится, с молоком матери, но священный долг наш, оставшихся в живых, всегда и везде, где только возможно, вспоминать на словах и в печати о тех славных традициях, которые в основе всей нашей артиллерии породили взаимные:

Дружбу, верность и любовь.

Полков. П.Н. Чижов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Друзьям Отпокачникам

/ Письмо второе /.

Не только мы, артиллеристы, видели и слышали л лихих выездах на позиции конной артиллерии, но даже и многие штатские восхищались этой молодецкой работой бравых артиллеристов.

А приходилось ли вам видеть или слышать, что после такого геройского выезда батарея стреляла не снимаясь с передков.

А вот мне, будучи инспектором артиллерии 4-го / онского конного корпуса, посчастливилось наблюдать эту невероятную по всем артиллерийским понятиям, но знаменательную картину.

Наш корпус создавался со специальным назначением; лучшие конные полки были выбраны из армии самим командиром корпуса; лучшие конные батареи, а их было 22, попали в корпус.

Как полки, так и артиллерия с самого начала оправдали свое избрание и на деле доказали и показали еще и еще раз славу заслуженную ими в предыдущих боях.

Бывала и у нас "жара", когда усталая после больших переходов, артиллерия, должна была поддерживать свои полки, а неприятель, пользуясь своей многочисленностью, не давал нам возможности оторваться от него и выпукдал принимать бой.

Такой случай, один из многих, был в районе Лежанки. Мы отходили на северо-восток.

Наша 9-я конная дивизия шла в арьергарде. Люди и лошади измучены. Вахмистр Буденный шел по пятам.

Штаб корпуса прошел вперед, а я задержался при последнем дивизионе. Погода стояла чудная. На полях снегу почти не было, но слабый мороз держался.

Вдруг послышались откуда-то сзади крики, что неприятель "обходит" и что "нас атакует его конница". Посылая ординарца к начальнику дивизии, я увидел, как из балки, по левую сторону дороги, поднимается неприятельская конница; потом части ее появились в тылу.

Две сотни прикрития замялись и стали в нерешительности: принять бой или "драпать"?

Командующий 41к. батареей кап. Туркин, не обращая внимания на рвущиеся вокруг шрапнели, посмотрел на меня, приложил руку к папахе и сделал заезд, намереваясь открыть огонь.

Но, как всегда .... случается большое "но".

Было уже поздно; одна из сотен наметом ушла вперед, а другая развернула лаву против неприятеля, наседавшего с тыла, а со стороны левого фланга неприятель был настолько близко, что Туркин успел лишь скомандовать:" не снимаясь с передков, на картечь".

Этот герой командир совершенно правильно учел "момент" Если бы он не подал этой команды, а действовал бы по "законам" артиллерии, то и он, и прислуга при орудии, да и сами орудия - через несколько минут стали бы достоянием неприятеля. Но он учел положение; через несколько секунд снопы свинцового града, прорезав короткое расстояние ударили непосредственно - "в морду" неприятеля.

За первой очередью последовали вторая и третья.

Неприятель, не ожидавший такого артиллерийского "фокуса" не только остановился, но повернул коней и бежал в панике.

К сожалению преследовать было некому, да и бежавшие так рассеялись по полю, что вернувшаяся назад первая батарея уже не имела цели. Преследовавшая же нас конница с тыла, видя впереди разгром соседа, также скрылась.

Бедняга Туркин был ранен пулей в обе щеки, на вылет, с повреждением язычка.

Естественно каждому артиллеристу хочется спросить: " Ну, а как же с материальной частью?," Были ли какие-нибудь повреждения? Как запряжка?" - Сошло почти все благополучно, за исключением штырей у двух передков, оказавшихся немного погнутыми, а что касается запряжек, то они ограничились " крепким" вздрагиванием, да в одном из орудий закипулся головной унос.

Полковник П.Н. Чижов.

Письмо 3-е

Доузьям - Однокашникам

Мы, михайловцы, часто вспоминаем и, не без основания, гордимся нашими традициями. Но интересны они не только для нас, пробуждая воспоминания о днях нашей юности. Они привлекают пристальное внимание и тех, кто, не пройдя сам школы, подобной нашей, ищет в прошлом указаний на будущее, кто пожелает ознакомиться с укладом жизни нашего Училища, с исканиями молодежи, ее увлечениями, отношением к церкви, науке, начальству, товарищам, политике и пр.

Традиции Михайловского Артиллерийского Училища сложились на протяжении почти века. Вновь поступившей молодежи они прививались постепенно, как бы этапами, в раком порядке:

Вежливость, дружба и любовь.

На этих трех основаниях и образовались традиции. Вежливость была развита самая изысканная, рыцарская. Все вплоть до в училище к началу учебного года, как бывшие кадеты, так и принятые со стороны по экзамену, - были разбиваемы на отделения, по батареям. Во главе отделения стоял офицер, а в помощь ему назначался один из юнкеров третьяго курса, т.наз. правящий / он же "мамаша" /, который, собственно, и вел все отделение.

Институт правящих - есть проводник традиций школы с их первого этапа, основания всех традиций - вежливости.

-"Будь вежлив и уважай товарища" - были первые слова правящего.

-"Не делай никому ничего того, чего не хочешь себе" - были его последующие.

Потом нам стало ясно, что именно с этого-то и надо было начинать, т.к. откуда бы могла придти дружба, а дальше и любовь, когда в училище собралась молодежь со всех концов России.

Вежливость подчеркивалась сначала во всем, на каждом шагу, а с течением времени она так вкоренилась, что проявление ее не только в стенах училища, но и вне их, - стало как-бы прирожденным качеством.

Это и была первая традиция.

Например, никогда юнкер старшего или дополнительного класса не пройдет в дверях первый, а уступит дорогу младшему.

На улице, при встрече, старший первый отдавал честь младшему. В столовой, садясь за стол, старший пропускал младшего.

И так - во всем.

В отношениях между одноклассниками - постоянное желание и готовность каждого помочь один другому.

Пойти-ли на дневальство или дежурство за другого, помочь ли об"яснить кому-нибудь что-нибудь непонятное, - поменяться ли лошадьми, если одному не хочется сегодня трястись на какой - нибудь трясучей животине вроде кобылы " Незабудки", которая буквально выбрасывала из седла и после часовой езды на ней болели все печонки.

Что же касается правящего, то он с места завоевал наши симпатии и ясно было, что он скоро сделается нашим другом, а мы полюбим его.

Он спал с нами в том же дортуаре; будил засоавшихся юнкеров, осматривал все-ли чисто у нас и исправно ли мы одеты; умеем ли мы подойти к отделенному офицеру и другим, умеем-ли мы отвечать им; успеваем-ли мы в наших занятиях; его постоянные рассказы о порядках в училище, анекдоты из училищной жизни, указания как держать себя вне училища. А его готовность помогать и об"яснять непонятные отделы наук - была буквально самопожертвованием, т.к. в таких случаях он бросал свои занятия и помогал нам.

Первым правящим у меня был порт.юнкер Полянский.

Описанная выше "наука" продолжалась целый месяц, в продолжении которого молодые юнкера "козероги" не имели права на отпуск.

Вспоминается бывший со мною случай.

Когда начался сезон балов в Петербурге, мои сестры упросили меня пойти с ними на вечер в зал Павловой - на Троицкой улице.

Вечера в этом зале носили домашний характер, всегда бывали удачны, веселы и привлекали хорошую публику.

Я знал, что там будут "дополнисты" нашей батареи: Андреев, Шимера, Упорников и до.

Но, должно сказать, что мы тогда еще не имели права носить шпоры, а вместе с тем как-же я мог показаться на балу без шпор.? Лучше было вовсе не ходить! Потому, понятно, я одел шпоры, а кроме того был в собственном мундире и в лакированных сапогах.

В общем переступил все законные положения.

Все шло хорошо. Танцевали, веселились и решили поужинать. Только входим всей кампанией в буфет, как навстречу нам мой отделенный офицер, капитан И.Н.Болотников / он же - Ваня Брю-/.

Болотников, странно любезный, останавливается, здоровается, я знакомлю его с моими. Ясно, что он успел осмотреть меня с ног до головы. Я -же знал, что "влип". Дело было в субботу; в воскресенье вечером, явившись в училище, рассказал все Полянскому.

Он только головой качал.

На другой день я встречал много раз Болотникова; он не обмолвился ни единым словом и я временами льстил себя надеждой, что, может быть, проскочу.

Но это были лишь мечты, т.к. вечером, на перекличке, я, как равно и мои друзья, ясно услышали, что юнкер Чижов за пошение неприсвоенной одежды назначается на два дневальства, не в очередь.

х х

х

Постепенно, день за днем внедрялась в нас вежливость. Одновременно и параллельно с этим шла наша совместная жизнь, учение, взаимное знакомство. Вежливость эта перешла в дружбу не поверхностную, наносную, а в истинную, бескорыстную и жертвенную.

Одиноких юнкеров, т.е. не имевших родителей или родственников поблизости, брали к себе в отпуска живущие в Петербурге, и делали все возможное, чтобы скрасить их одиночество.

Были юнкера бедных родителей, не имевшие возможности покупать " модные блюда" вроде пирожных, маковников, халвы, пеклеванных хлебцев с маслом и ветчиной, пойти в театр, купить у "Шольца" замшевые перчатки или у "Савельева" - шпоры, заплатить очередной взнос на устройство бала в день училищного праздника / 25 ноября/, и, представьте, все это они получали, все это делалось так деликатно, под разными предлогами и осторожно, чтобы никогда не задеть хоть сколько-нибудь их самолюбия.

Постепенно начались пересказы о доме, семье; делились впечатлениями виденного; высказывались мечты на будущее, открывались сердца, поверялись самые сокровенные тайны и, как венец всего этого мы полюбили друг друга.

В нашем отделении /5-е, 2-й батарей/ было 32 человека. Мы все были на "ты" и ну-ка попробуй кто из "посторонних" задеть кого-нибудь из нас, не говорю о чем-нибудь серьезном, - его вообще не было, а так - подшутить, поддеть на чем-нибудь. Все отделение поднялось бы на ноги.

Памятен мне случай во время езды в "большом манеже", когда в отношении "постороннего" так матерински заботливо показал себя наш правящий.

Был у нас юнкер Довгалевич.

Вначале ему никак не удавалась посадка. Он волновался, сердился, но с течением времени приспособился "довертывать колено", "тянуть пятку", и "убирать живот".

В ожидании окончания нашего часа, пришедшие на смену нам юнкера, стояли вдоль барьера, критиковали нашу смену, а иногда щекотали соломинками крупы проходивших мимо них лошадей.

Так было и тут. Один из юнкеров старшего курса пощекотал лошадь Довгалевича.

Довгалевич вылетел на середину манежа.

Болотников расширенными глазами смотрел на неудачника. Довгалевич молча,злой поехал на свое место, сопровождаемый соответствующим напутствием Болотникова. А по прибытию в батарею Довгалевич рассказал все Полянскому и тот устроил большой скандал в отделении юнкера,позволившего себе неуместную шутку.

П.Н. Чижов.

Редакция с особым удовольствием помещает письмо старого артиллериста,истинного воспитателя и руководителя юнкеров и подготовке их к службе русского офицера.

Прежде,чем приступить к повествованию,связанному с воспоминаниями о дорогом всем нам, Михайловцам Училище,я хотел бы поделиться с издателями,сотрудниками и читателями " Артиллерийского Вестника" своим взглядом на цели издания " Вестника" и печатания в нем наших воспоминаний.

Жизнь человеческая строится так же,как и геометрия, на аксиомах - на аксиомах житейских. Уничтожьте геометрические аксиомы - исчезнет и геометрия. Преступите,нарушьте или измените житейские аксиомы,- жизнь человечества превратиться в страдания,муку и даже в сплошной хаос в духовном и материальном отношениях. Житейских аксиом много;я же хочу указать здесь лишь на три,нарушение которых,на мой взгляд,привело человечество к тому житейскому хаосу,в котором оно и поныне пребывает.

Первая из них - "приемственность". Наша русская мудрость своею пословицей, - "что посеешь, - то и пожнешь", как нельзя лучше определяет,что такое приемственность. Сеятель житейских семян помни,что если посеял пшеницу, - не жди овса или ячменя или еще чего-нибудь другого; обязательно получишь пшеницу. А потому, подразумевая под посеянными семенами дела людские,можно сказать,что если сеешь вокруг себя ложь,ненависть и зло - не жди получить правду, любовь и добро! - Следуйте твердо и неукоснительно словам Господа нашего И исуса Христа, - " как хотите,чтобы люди поступали с Вами, так и вы поступайте с ними!

Жизнь,говорят,учит жизни,т.е. чем человек дольше живет,тем он больше сам умудряется житейским опытом. Передав этот опыт следующему за собой поколению,он научает последнее жизни,сокращает время учения и накапливания опыта. Этим обеспечивается дальнейший прогресс в жизни,ибо не надо будет тратить ни сил,ни времени на то,что уже приобретено предыдущим поколением,а потому отношение к этому предыдущему поколению и определяется,вернее предписывается, словами Священного Писания: " чти отца твоего и матерь твою" ..... " Перед лицем седого восстани" и "лице старче почти".-
Только этими чувствами к предыдущему поколению и может быть обеспечена польза от полученных от него знаний и житейского опыта.
В противном случае жизнь остановится,ибо все,уже достигнутое старшим поколением,не пойдет в прок - будет утрачено и младшим придется самим вновь повторять однажды пройденный путь.

Из сказанного полагаю,что наш Вестник является средством для выполнения этой житейской аксиомы - преемственности, средством,прерванной житейским ураганом, - связи между Русскими Артиллеристами.

Второй аксиомой я ставлю - последовательность или постепенность. Все в мире подчинено Закону постепенности или последовательности, - закону эволюционного развития; все должно пройти в определенном и точном порядке процесс своего развития, чтобы достичь последнего состояния своего назначения. Возьмем посеянную уже нами пшеницу. Можем ли мы,посеяв ее сегодня, ждать завтра,что она уже даст колосс? Нет! Потяните ее, - вырвете с корнем или перервете стебель - погубите ее. Только лишь улучшением условий развития можно ускорить его процесс.

Так и в жизни всего живущего на земле, в том числе и человека,народов и всего человечества.

Насильственное нарушение закона постепенности эволюции / путь революций/ ведет к духовным и материальным тяжелым переживаниям или к гибели.

На молодой лес налетел ураган,который часть деревьев поломал,повыворачивал с корнями,часть покалечил,погнул.- Так случается и в жизни человечества,- налетит ураган - революция, а что от этого получается - мы,да не только мы,но весь мир,это знает и испытывает.

И третья аксиома,самая главная,утверждает, что жизнь человечества,т.е.его благополучие,благополучие и благосостояние,прямо пропорциональна его нравственному состоянию, понимая под нравственным устройство своей жизни на добрых началах,понятья о которых человечеству дает религия. Следовательно,нравственное состояние человечества в свою очередь находится в прямой зависимости от религиозности человечества,- чем человечество религиознее,тем оно нравственнее,а следовательно тем и жизнь его во всех отношениях, и в духовном и материальном,лучше и легче.

Третья аксиома утверждается и подтверждается словами Спасителя:" И так будьте совершенны,как совершен Отец ваш Небесный", и " ищите же прежде Царствия Божия и Правды Его и все приложится вам."/ Еван.мтф.гл.5,ст.48 и Гл.6,ст.33./

И так первая аксиома,как я полагаю,определяет назначение нашего Вестника,а вторые две дают ему направление, как выполнять это назначение,т.е. как работать и о чем писать,памятуя,"что дурной пример заразителен", и что "повторение есть мать учения".

А теперь разрешите мне,господа артиллеристы, взявшие на свои плечи издательство "Артиллерийского Вестника",пожелать Вам сил и разумения,энергии,знания и умения,чтобы достойно и с наибольшей пользой выполнить возложенную на себя работу.

Да поможет вам Господь Бог !

После этого вступления позвольте мне поделиться с вами одним из многих случаев проявления благородства и порядочности имевшим место в бытность мою юнкером Михайловского Артиллерийского Училища, на которых в то время основывалось воспитание военной молодежи.

Это было после Рождественских Праздников - в 1898 году. В Училище тогда была только одна батарея и оно не было еще отделено от Академии. В Академии и Училище был один общий начальник, в то время Генерал-Лейтенант Николай Афанасьевич Демьяненков / между собой юнкера его звали "Демьяном"/, общего инспектора классов и его помощника / инсп.клас. был Ген. Гук, а помощ. Гук, капитан Брикс/. Командиром батареи был полковник Александр Николаевич Петраков / по юнкерски - Петрило/, выдающийся артиллерист того времени и наездник. х/

Первое по прибытии из загороднего Рождественского отпуска построение юнкеров к обеду.

В том году строились к обеду в Широком классном коридоре, выходящем окнами на Сивирскую ул., так как Белый зал еще не был готов. Узкий, как его называли, - Бесконечный коридор, классные и другие помещения, выходящие в этот коридор, классные и другие помещения, и все помещения будущей 1-й батареи и лазарета - ремонтировались и передельвались для предстоящего разворачивания Училища. Доступ в эти помещения был закрыт; арки, соединяющие Бесконечный коридор с одной стороны с Красной комнатой с портретом родоначальника Русской Артиллерии Вел.Князя Дмитрия Донского, а с другой с коридором, куда выходил кабинет Начальника Училища были наглухо заделаны.

К этому построению все, - и офицеры и юнкера, ждали прибытия Начальника Училища, который должен был появиться со стороны артиллерийского музея.

Из коридора классной, курилки, что под 2-й батареей, послышались шаги и стук палки, - "Демьян идет"- пронеслось в мыслях каждого юнкера. По особому разрешению Начальник Училища и Академии всегда ходил с палкой, вследствие тяжелого ранения в ногу еще в Крымскую кампанию.

Раздалась команда дежурного офицера: "Смирно! равнение направо!" - Командир батареи в полголоса скомандовал: " г:г. офицеры!"

Приняв рапорт дежурного офицера и поздоровавшись с командиром батареи и офицерами, Начальник Училища обошел фронт юнкеров с правого фланга до самого левофлангового юнкера, вглядываясь в лицо каждого юнкера, как бы стараясь прочесть рл глазам настроение своих питомцев.

Окончив обход Ген. Демьяненков, вышел на середину фронта и поздоровался с юнкерами: " Здраствуйте, господа!" В ответ раздалось дружное и громкое - " Здравия желаем Ваше Превосходительство!" - После поздравления юнкеров с прошедшими Рождественскими праздниками и Новым Годом, с пожеланием здоровья, успехов и всяких благополучий своим юнкерам и их близким, начальник училища обратился к юнкерам со следующими словами: " Господа, кто из вас, проводивших праздники в Петербурге, на первый день Нового Г ода, перебежал Миллионную улицу не по форме одетым, - в шинели в накидку, - пусть выйдет три шага вперед?!...

У меня,стоявшего в строю старшего класса/ батарея на обед строилась по классам,на правом фланге дополнительный класс,в середине старший и на левом фланге младший класс - козероги/ после этого приказания начальника училища по спине пробежали мурашки, выйдет ли виновный,или спрячется за спины товарищей? Так хотелось, чтобы вышел! - И не успел я об этом подумать и притти в себя от волнения,как на правом фланге,в районе дополнительного класса послышались отчетливые три шага,остановка со щелканием ногой и громкий ответ: " Я, Ваше Превосходительство!" Услышав это у меня отлегло на сердце,- чувство томительного беспокойства сменилось неописуемой радостью...

Генерал Фельдцейхмейстер,повернув голову в сторону выходящего юнкера,спросил:"- Кто это я,- я отсюда не вижу? - "Портупей юнкер Мехинский, Ваше Превосходительство!"

" Портупей юнкер Мехинский! - За то,что вы позволили себе быть на улице не по форме одетым,об"являю вам перед строем юнкеров выговор! - А за то,что вы по первому моему предложению, как подобает юнкеру Михайловского Училища,не прячась за спины своих товарищей,признались в своем проступке,об"являю вам в присутствии командира батареи,г.г. офицеров и всех юнкеров свою благодарность.

"Г оспода,уметь так красиво и безстрашно признаться в своей вине,в своем проступке,как сейчас нам показал портупей-юнкер Мехинский,это значит быть обладателем двух великих моральных качеств души,- благородством и гражданским мужеством,каковым в особенности должен обладать каждый офицер.- Портупей-юнкер Мехинский станьте на свое место!. - Когда Мехинский стал на место,начальник училища продолжал свое обращение уже ко всем юнкерам: " Теперь,господа,я Вам расскажу,чем был вызван этот случай. - На первый день Нового Года я поехал поздравить его Императорское Высочество Генерал Фельдцейхмейстера. хх/. Его Высочество оставил меня у себя обедать. Во время обеда сидевший рядом со мной Великий Князь Сергей Михайлович ххх/, говорит мне: - " Я сегодня,стоя у окна,выходящего на Миллионную улицу,видел как юнкер Михайловского Артиллерийского училища перебежал Миллионную улицу не по форме одетым,- имея шинель в накидку.

- " Я на это сказал Его Высочеству,что я после праздников побраню этого юнкера. - А Его Высочество на это мне с улыбкой сказал:-" Я уверен,что вы этого юнкера никогда не узнаете."

-"Мне было очень неприятно слышать такое мнение Великого князя о юнкерах Михайловского училища,и я сказал Его Высочеству,что я вполне уверен,что узнаю и легко узнаю этого юнкера. На это Великий Князь предложил мне пари на одну копейку,что я этого юнкера не узнаю.

-" Теперь,вы,господа,видите,что я не ошибся в порядочности юнкеров Михайловского училища,а портупей-юнкер Мехинский дал мне возможность это доказать Его Высочеству и выиграть с Великого Князя на память об этом случае одну копейку,за что еще раз благодарю портупей-юнкера Мехинского.

Сегодня же поеду доложить Его Высочеству,что я виновного юнкера побранил и получить выигранную мною одну копейку. Дежурный офицер!Ведите батарею на обед.

Н. А. ПОПОВ

Примечания редакции

х/ Он написал книгу " Школа ездового и фейерверкера в артиллерии " единственный учебник в этой области.

хх/ Е.И.В. Вел.Кн. Михаил Николаевич ... младший сын Императора Николая 1-го - занимал должность Генерал-фельдцейхмейстера начальника всей Российской Артиллерии - сыграл полувека.

Русская артиллерия,которую он принял,заряжалась еще с дула. При нем она несколько раз перевооружалась и уже орудиями,заряжаемыми с казны - с клиновым затвором-бронзовыми обр. 67г.и стальными обр.77г. Затем с поршневым затвором обр.93г. и,наконец,современными скорострельными орудиями обр. 1900г. и 1902г.

Пехота,вооруженная в Крымскую кампанию гладкоствольными,в"12 тампов" с дула заряжаемыми руками и ограниченным числом нарезных штуцеров,получала все более усовершенствованные образцы - винтовки Крнка,Бердана и,наконец, / чисто русского проекта и производства/"3-х линейку". Кроме того,во время японской кампании 1904-5 г.г.пехота получила рулеметы.

Военная техника,развиваясь на отечественных заводах военных и частных,освобождала государство от иностранной зависимости.

ххх/ Е.И.В. Вел.Князь Сергий Михайлович - питомец Михайловского Артиллерийского Училища - будущий Генерал Инспектор Артиллерии. Как командир батареи - замечательный стрелок и знаток артиллерийского дела. Его настойчивости и самостоятельности, знанию дела мы много обязаны успехами нашей артиллерии,как в японскую,так и в 1-ю мировую войну.

Воспоминания о родном Училище.

1901 год. Обращение курсового офицера штабс-капитана Куприянова / Фортира/ к отделению младшего курса 2-й батареи:
" Господа, сегодня, при осмотре юнкерских шкафчиков, в ящике юнкера С. мною обнаружен какой то музыкальный инструмент, который при дальнейшем исследовании оказался савельевской шпорой.

Мой курсовой офицер, милейший капитан Говорецкий, иногда приходил на езду не в духе. Особенно мы боялись суббот, когда для церковной езды нам давали орудийных коней и езда была на попонах и без стремян. С этими, воистину, буцефалами справиться было трудно, а Говорецкий нещадно хлопал бичем, кричал: "Китайская кавалерия", и мы, как горох, сыпались с лошадей на пол манежа.

Красное село 1901 года...1-й батареи, 2-е отделение младшего курса, капитана Говорецкого, в парке на после обеденных занятиях при орудиях. Перед нами 4-е орудие, орудие равнения / по традиции ездовые Донцы/, занято орудийной ездой с капитаном Огурцовым. Нам шепнули, что сегодня они сделают пид, что не могут сдержать лошадей и ускачут к Царскому Валику. В корню ездовым казак Голубов / в 17 году игравший какую роль на Дону и, кажется, там погибший/ мы на стороже... Орудие начинает ускорять аллюр и наконец скачет. За ним скачет капитан Огурцов, по обыкновению, через задний карман кителя держась за заднюю луку. Мы слышим диалог скачущих:

-- " Голубов, не скачите.
-- " Я не скачу, господин капитан.
-- " А кто же скачет?
-- " Это лошади скачут.
-- " Я вас под арест посажу".

В это время лошадь Огурцова дает свечку и бедный капитан падает на землю. Мы бросаемся поднимать, а орудие скачет к Царскому Валику.

1902 год. У меня, на старшем курсе, читал тактику генерального штаба полковник Николаев. Это был, по внешности и по внутреннему содержанию, типичнейший домент военного Олимпа. За его высокомерие, юнкера его не любили. Во второй половине учебного года он нам дал для решения тактическую задачу.
Мне было дано: занятие оборонительной позиции 1 батальоном пехоты, взводом артиллерии и, кажется, эскадроном кавалерии. По середине моего участка была возвышенность, слегка покрытая лесом. К этому времени у нас уже были скорострельные пушки и командир батареи полковник Туров все время нас натаскивал на работе с угломером. Я решил задачу, поставивши свой взвод артиллерии скрыто за возвышенностью. Принесли задачу, она перечеркнута красным карандашем с отметкой 4. Это в конце учебного года. Я спросил полковника Николаева в чем дело.
-- " А где Вы, юнкер, расположили свою артиллерию.
-- " Я ответил," что так как мы вооружены новыми скорострельными орудиями, то стрельба по угломеру будет вестись с закрытой позиции.
-- Он усмехнулся и сказал: " Ну, эти свои артиллерийские штучки бросьте"

Я,да и все мои товарищи были возмущены. Я не знал,что делать. Кто то мне посоветовал: " Да пойди ты к Турову,кого же нам слушать. Наших или генеральный штаб." Хотя с Туровым просто не поговоришь, но я взял задачу и пошел. Не успел я выйти из класса в безконечный корридор,как лицом к лицу столкнулся с Туровым и остановился против него,протягивая ему задачу. Он,видимо,по моему виду,понял,что я обращаюсь к нему и сурово спросил. " В чем дело". Я ему об"яснил и сказал,что не знаю,где же искать защиты. Он просмотрел задачу и, спрятав ее в задний карман сюртука,сказал :" Хорошо". Прошла неделя,другая,близился конец учебного года,а результатов никаких. К Турову лезть я не посмел,а однажды зашел к нашему милейшему помощнику инспектора классов, капитану Нилусу,и просил его посмотреть, сколько у меня стоит за тактическую задачу,рассказав откровенно в чем дело. Он посмотрел в списки и сказал:" У вас за тактическую задачу балла нет! Туров,видимо , настоял на своем.

Со мной в Отделении 1-й батареи,на младшем курсе,был юнкер,как все его называли Володя Воинов, Донского Кадетского корпуса. Небольшого роста,веселый,живой,очень способный и разносторонне талантливый человек,но безконечно легкомысленный.
У него был хороший голос и слух; в свободное время его всегда можно было застать в курилке,где,сидя на полене перед камином,он с приятелями пел донские песни. Прекрасно рисовал,был хороший гимнаст и хорошо владел эспадроном. Был очень начитан и хорошо писал стихи. Его стихи были помещены в первых,еще рукописных номерах журнала " Михайловец",вышедшего в свет в 1901 году. По рукам ходила в стихах его перекличка 1 батареи: " Винклер,Синклер,просто Лер" и вообще стишки комического содержания . Учебные дела его, перед концом учебного года,были весьма плохи и капитан Гродский,читавший у нас аналитику и дифференциалы,как то,встретив его в корридоре, спросил: " Что Вы, Воинов думаете".
" А я , господин капитан,по всем вашим предметам на экзамене получу 12".
" Очень буду рад поставить вам этот балл":
Начались подготовки к экзаменам. Воинов пропал. Его нигде не было видно. Он свое обещание выполнил,отвечая блестяще и за все экзамены по этим предметам и за все заложенные репотиции получил по 12. На этом дело и кончилось. По физике и химии он срезался,но благодаря безконечному заступничеству Гродского,ему на конференции дали дво переэкзаменовки. На переэкзаменовки с"езжались раньше. Приехал он; переэкзаменовку по физико сдал,а в ожидании другой,которая была позже,попел уже приехавших кадет Донского корпуса показывать училище. И,черт его дернул,в новом манеже,зарыв откуда то взятый , заряд пороху,взорвал его вытяжной трубкой. В манеже шел ремонт; рабочие попадали с лесов - одним словом скандал. Он с кадетами убежал. Через несколько минут всех юнкеров и кадет собрали. Пришел полковник Туров и спросил,кто это сделал. Воинов вышел вперед и назвал себя. Кончилось дело тем,что но дали ему держать другую переэкзаменовку и отчислили от училища. Когда я приехал из отпуска,Воинов был уже в сотне Николаевского Кавалерийского Училища. На первой же неделе была дана письменная работа по русскому языку на вольную тему. Воинов на листе написал стихами сравнение между Михайловским Артиллерийским Училищем и сотней,очень не в пользу последней. Не знали,что делать. И стихи хороши,и как будто, по настроению и теме отвечают. Начальник Училища,вызвав к себе Воинова,спросил,находит ли он удобным оставаться в училище после

такого сочинения. Воинов отметил отрицательно и перешел в Павловское Военное Училище. Ни я, и никто из моих товарищей, в Павловском училище Воинова не видали, хотя и наведывали его; он был или в наряде или под арестом. К Рождеству его отчислили в армию. Дальше, об этом милом и талантливом человеке, я ничего не знаю. В 1908-9 годах я читал в журнале "Нива" и ежемесячных приложениях его стихи и очень хорошие рассказы.

Вспоминается один малюпкий эпизод из жизни Училища. Как то, когда я был на младшем курсе в лагерях, неожиданно наступила такая жара, что ночью, в нагревшихся бараках, положительно ночем было дышать. Пили безконечно воду и обливались водой в умывалке, но это не помогало. Кто то предложил выкупаться . Не вдумываясь в легкомыслие и невыполнимость этого, надели на босые ноги - это было около 10 часов вечера - и отправились на озеро. Нас было человек 6 - 8. Купальня оказалась запертой. Как только первые из нас добрались до крыши, внезапно раздался с балкона офицерского собрания зычный голос полковника Мамонтова: " Марчев, что у тебя делается в купальне?" / Марчев матрос при лодках/.
Чувство юнкерского достоинства не позволило спасаться бегством и мы медленно пошли по мосткам обратно.
На берегу, у мостков нас поджидал дежурный офицер, капитан Говорецкий, и переписал всех нас. Результат - сутки ареста в караульном помещении. Мне и двум приятелям особенно не повезло; наша очередь на арест выпала на день, когда в лагерях был юнкерский спектакль; мы с грустью смотрели, как по всему лагерю мелькали разноцветные платья гостей и гремела музыка... Все в прошлом... Спасибо тебе Родное Училище.

Дорогие друзья Михайловцы, надеясь на ваше снисхождение к моим воспоминаниям, которые не блещут литературными достоинствами, я думаю, что Вы мне все простите за то, что написал их исключительно под влиянием моей безконечной признательности дорогому Училищу.
Всей душой с вами, дорогие друзья.

Н.Е. КАРПОВ
Выпуска 1902 года.

/ От редакции: Карпов писал страдая от сердечной болезни и вскоре скончался.
Мир праху его. /

МИХАЙЛОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

В первые годы 20-го столетия.

С общим развитием техники, усовершенствовалась и вся система артиллерийского орудия - пушки.

Одновременно с этим, явилась настойчивая потребность и в перепреобразовании всего персонала, обслуживавшего нашу артиллерию. Потребовались специальные техники, как для постройки новых орудий, так, особенно, для изготовления к ним усовершенствованных частей.

Эти новыя условия, естественно, потребовали и ново-обученный личный состав.

Претворение в жизнь всех насущных потребностей артиллерии было, как начало, осуществлено при Императоре Александре Первом, когда во главе всей артиллерии был поставлен брат Государя, Великий Князь Михаил Павлович, с наименованием его Фельдцейхмейстером.

25-го ноября 1820 года, было основано МИХАЙЛОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Во вновь основанное училище стали набирать молодежь " для усвоения правил стрельбы, наводки орудий и для уменья конструировать новые".

Офицерский персонал, постоянный состав училища, тщательно следил, чтобы в каждом случае жизни училища, строго и неуклонно, все воспитанники не только проникались "артиллерийским духом", но, чтобы и поддержирали его, в стенах училища и вне его, но особенно в боевой обстановке.

Офицеры училища прекрасно отдавали себе отчет в том, что каким-вышел молодой человек из училища - таким он будет и дальше, во все время его пребывания в строю артиллерии.

Выходивший в Р оссии журнал " Исторический Вестник", в одном из своих номеров, в начале этого столетия, дал интересное описание начала основания нашего училища, сохранившееся в моей памяти теперь уже в отрывочном виде.

В первые годы основания Михайловского Артиллерийского Училища не было и сотни юнкеров. Жили они в отдельных камерах, по несколько человек в одной.

Разбиты они были по отделениям; собирались также по отделениям на строевые занятия и в учебные классы, и составляли артиллерийскую учебную роту.

Это последнее название сохранялось долго, еще со времен Императора Петра Великого, бывшего "бомбардиром".

Занятия в классах тогда носили полудомашний характер, вроде собеседований, да и весь строй училища отличался от воинской части своей простотой.

В училище, с годами, менялось положение. Изменилась и сама внешность. С расширением камер исчез полу-штатский уют отдельных камер, а наплыв молодежи заставил начальство перегести юнкеров на взводное / отделенное/ размещение. Появились вместительные учебные классы, в новопостроенных манежах явилась возможность обучения юнкеров, вне зависимости от погоды.

И вот, к концу 19-го столетия, училище совершенно изменило свой старый облик.

На р. Неве, у Литейного моста, и с выходом зданий на Нижегородскую улицу / Выборгская сторона/, стало красоваться большое 3-х этажное здание, вмещавшее теперь до 430 юнкеров, разделенных на две батареи.

Появились новые классы, аудитории, технические кабинеты, музей, два больших зала, обширная и богатая книгами библиотека и пр. службы. Прекрасная церковь.

Начальство заботилось об юнкерах и предоставляло им все возможности для преодоления ими их "зугубей" науки, но и юнкера, надо признать, как своим поведением, так и рвением к наукам, отвечали еще больше, т.к. царивший в училище дух не имел себе равного в других военных училищах.

Поведение юнкеров, как в стенах училища, так и вне его считалось примерным.

В мое время совершенно отсутствовали: - вино, и игра в карты.

Никогда не было споров и ссор между юнкерами.

Общая вежливость и учтивость были настолько развиты ТРАДИЦИОННО, что не говоря уже о том, что они рыцарски соблюдались между юнкерами одного и того-же курса, но и старшие юнкера, на каждом шагу, старались перещеголять младших, показывая этим самый достойный пример.

Офицеры училища, все бывшие его воспитанники, воспринявшие в плоть и кровь заветы своих дедов и отцов, - относились к юнкерам скорее отечески, по родственному, чем начальнически.

Преподавательский персонал, в большинстве, был тоже из числа бывших питомцев училища, но кончивших артиллерийскую академию. Но были профессора и со стороны. Например, - много лет читал высшую математику проф. университета Будаев, инж.ген. Мохер - фортификацию. Полковник Поморцев / наз. " Мина" / - топографию. Он окончил геодезическое отделение при Академии генерального штаба. Про себя он так рассказывал: " нас кончило трое: один - умер, другой сошел с ума, а третий - ваш покорный слуга". Иностранные языки преподавали штатские.

Но все они считали для себя почетом читать лекции в нашем училище.

Обыкновенно, лучшие ученики кадетских корпусов попадали в наше училище, но, каждый год принимали 10-12 человек " со стороны", т.е. окончивших гимназию или реальное училище. Эти должны были держать вступительные экзамены по физике и математике. Здесь тоже был конкурс, т.к. ежегодно желающих со стороны было 50-60 человек, а вакансий - 10. / с 1907 года - 30 вакансий и 250 человек желающих поступить/.

Студенты математического факультета, имели право, по сдаче всех зачетов за год, - поступать в артиллерийское училище, без экзаменов.

К концу августа с"езжалась молодежь, поступавшая в училище, со всей России, получившая право учиться дальше, а также и пришедшие из корпусов.

Всех встречал начальник училища, с командирами батарей / 2 / и начальниками отделений / их было по 3, в каждой батарее/, называвшихся " курсовыми офицерами".

Курсовой офицер, капитан или штабс-капитан, отмечал в своей записной книжке прибывшего. Спрашивал его: кто родители, живы-ли, здоровы-ли, их адреса; чем занимаются, или где служат, есть ли сестры, братья, болел ли чем нибудь новоприбывший, остались ли следы этой болезни; к чему имеет склонность, т.е. любимое занятие и пр. и пр.

Такой подробный опрос мы не находили излишним / и поступали потом сами также уже будучи офицерами/, так как понимали, что офицер хочет все знать о молодом юнкере, с которым ему потом придется жить и встречаться по много часов ежедневно, в продолжении 2-3-х лет.

По окончании этой процедуры, юнкера направляли в цейхгауз, где он получал: выходной и строевой мундиры, - бушлат /домашний мундир, но без галунов/ - для классных занятий; шинель, безкозырку, шапку с портупеей, каждодневные брюки, синие рейтузы для верховой езды и езды в орудиях - высокие сапоги - для строевых занятий и короткие сапоги для каждого дня. Затем - полотняную рубашку и брюки для гимнастики, и черный лакированный пояс с бляхой.

Нагруженный донельзя, молодой юнкер, или, как его звали "козерог", шел в камору, т.е. спальную комнату.

Так как курсовой офицер говорил новоприбывшему юнкеру, в какую батарею и в какое отделение он назначен, то "козерог" и шел по указанному адресу.

Там его уже ждал "правящий" или " мамаша".

Тут был такой же опрос и -мамаша- указывал кровать прибывшему.

Вот, этот институт "правящих/ мамаш/", был замечательным во всех отношениях: лучший портупей-юнкер, что отвечало строевым мл. или ст. фейерверкерам, пробывший в училище уже 2 года, назначался "правящим" какого нибудь отделения, в котором было 32-33 юнкера.

Он был начальником отделения, знал каждого юнкера досконально; обязан был разсказать юнкеру о всех порядках в училище и следил за их неуклонным исполнением. Как юнкеру себя держать в училище, в обществе, с товарищами, как, ложась спать, сложить белье на табурете и все пр. - было его обязанностью. Говорил о традициях училища, о том, что принято и что нет, какие вещи держать в столике - одним словом - он становился "матерью" молодого юнкера.

Грандиозное здание . Все классы соединялись широким корридором.

Большой зал, т. наз. Белый, свободно вмещавший, построенные две батареи юнкеров в две шеренги. По стенам орнаменты с позолотой. Вдоль стен - белые диванчики, обитые золотистой тканью. Зал особенно был хорош по вечерам, когда зажигались три хрустальные люстры, а по стенам - бра на золоченых, фигурных листьях.

Другой зал, меньший, Императорский или Конференц зал. Там стоял бронзовый бюст Вел. Кн. Михаила Павловича.

В этом зале по стенам были прибиты доски/ мраморные/ на которых были выбиты фамилии фельдфебелей училища и окончивших первыми.

В церкви были черные мраморные доски с фамилиями юнкеров, погибших в боях.

В нижнем этаже: церковь, столовые, службы, музей.

Музей был замечателен тем, что в нем было все, что касалось артиллерии с начала ее основания. Все простейшие орудия, типы старых пушек, мортир, все чертежи к ним, разрезы, профили, все пороха и даже колесницы, на которых когда-то выезжало начальство, и старые знамена.

Библиотека не оставляла желать лучшего, ибо в ней были собраны не только русские классики, но и иностранные, как в переводах, так и в оригиналах. Кроме того, в военной библиотеке были все книги, когда-то изданные по военной литературе и специально - по артиллерии. Было также много книг по инженерному делу и, конечно, по математике.

В залах стояли рояли, около которых юнкера любили отдыхать по вечерам.

Физическая и химическая аудитории были тоже громадных размеров и вмещали по 500-600 человек; они служили одновременно и для лекций по праздничным дням. Классы были просторные, светлые.

Существовала еще "мертвецкая". Это большой зал, в котором были поставлены столы длинными рядами, покрытые черной клеенкой. Там царила полная тишина и там г.г.юнкера поглощали все математические, артиллерийские, химические, физические и др. истины.

Была традиция: соблюдать там полную тишину.

Самым любимым местопребыванием юнкеров была курилка.

Пестая комната, с большим, почно горевшим камином, и только по старой традиции - одни короткие, березовые полешки украшали комнату. Они постоянно лежали в стороне и юнкера, по вечерам, усаживались на поленьях около камина. Тут шли разные рассказы, тут собирались со всей Великой и широкой Руси молодые люди, и за общей беседой, вспоминали свои дома, леса и нивы.

После какого нибудь фантактического или мистического рассказа, какой нибудь голосистый юнкер начинал "заводить" песню. Пели иногда громко, но весьма редко, а то все больше: тихл, тихо..... Как будто не хотели сильным звуком нарушать душевную тишину - не пугать наверную родную тишину.

Иногда все-же нарушалась эта тишина, входившим юнкером, собиравшим участников церковного хора или оркестра. Такого смельчака немедленно " обкладывали", даже чем то грозясь.

Возле главного под"езда стояли 2 единорога - "медные, короткие пушки, работы мастера литейщика Петра Русина, в начале 19 столетия... А одним из старых шейцаров у нас был тоже Русин. Личность замечательная! У него была колоссальная память, он знал всех, да знал не только по фамилиям, а мог о каждом из нас дать полную характеристику. Ну, и цукал же он иногда нашего брата. Мне от него досталось однажды за то, что я заставил ждать пришедших ко мне посетителей. Он так сердился на меня, почти что кричал.

Нельзя не упомянуть также о двух "доисторических" лицах: Деде и Бабке. Чуть ли не сто лет они, во всякую погоду, стояли около входных ворот решетки и торговали с лотка: пряниками, халвой, маковниками, яблоками и пр. Их лица, терпевшие и зной и зиму, казались мерзлыми яблоками. Торговали они больше, чем бойко, но их вид не показывал их финансовой мощи, а наверное у них был большой капитал. Всегда смеялись и шутили.....

---------ооо0ооо----------

В 6 час.30 минут утра- дежурный трубач играет утреннюю зорю. Начинается жизнь.

Этот сигнал передается электрическим звонком по всем каморам..

В 6 час. и 45 мин. второй звонок; если юнкер еще нежится на кровати, то рискует "влипнуть", т.е. сейчас же может пройти дежурный офицер и тогда неминуемо получить несколько нарядов не в очередь. Но, как всегда, существуют и контр-меры. Иногда уже издали несется по каморам крик: " ИДЕТ, ИДЕТ"!- И тут можно было наблюдать картину, как юнкер несется в умывалку...

Но, неприятно бывало, когда по батарее проходит в это время свой дежурный по батарее портупей-юнкер или фельдфебель. Тут уж было дело совести, чтобы не "подчистили своего" и все ложбоки старались еще до его обхода очутиться в умывалко.

Дальше - все шли в Белый зал на утреннюю молитву. Постоянный заповало начинал и все подхватывали стройно:" ОТЧЕ НАШ".

Оттуда, строем шли в столовую, где получали чай с 3-х копеечной булкой - "франзоль-".

Из столовой шли в каморы, где быстро меняли костюм, смотря по тому, что предстояло по расписанию.

Для езды в орудиях, на верховую езду - надо было срочно надеть высокие сапоги, синие рейтузы, строевой мундир, шашку, а иногда сбегать еще в цейхгауз, получить револьвер с кобурой, если назначена проездка батареей в город. И все успевали т.к. не успеть и думать было нечего.

Для верховой езды в манеже, составлялась смена в 15 человек, при чем еще накануне с вечера, тянули жребий, кому в каком манеже и на какой лошади завтра гарцовать.

Это было очень важно для не посвященного во все тонкости дела и трагично для несчастного, вытянувшего " Незабудку". Она, проклятая, так трясла, что даже опытного наездника, вытибала из седла, а не говорю уже о посадке! Тут была только одна мысль: удержаться в седле на 7-10 минутной рыси. А о "печенках" и не беспокоились, т.к. все равно она их отобьет. К верховой езде приучали, начиная гонять без седла, на попонке.

Потом в седле, но без стремени и только через месяц-полтора, давали стремена, но так как первое время в смене ездили строевой рысью, то понятно, что потом получалось у некоторых несчастных коим выпадал жребий отличаться на такой прелести, как " Незабудка"! И ведь название то ей дали по прямому смыслу. Вот, прошло больше 54 лет, как я на ней отличался в последний раз, а до сих пор помню эту прелестную " даму".

Верховая же езда для ездовых / помимо общей для всех/, а таковым я имел счастье сидеть "в корню", т.е. выражаясь по строевому - был ездовым коренного уноса в 5-м орудии, - ну, так это была действительно муштра.

Не кони, а черти; подседельный "ЭЗОП", а подручный "ГУСАР". Совершенные, страшной силы, гнедые красавцы. При этом "Эзоп" страшно тянул и рыматывал все жилы, т.к. по природе своей он был большой работяга, а "Г усар", с красивым сбором, первостатейный лодырь и вечно приходилось его подгонять. Он злился на Эзопа, что тот исправно работает и, покосившись на него / этакая бестия/, начинал его кусать. Однажды я из за него получил от отделенного / Ванички Болотникова/ порядочное замечание! А кто смог бы выдержать, когда этот мерзавец до крови кусал своего друга - Эзопа. Я начал его лупить, что было силы, нагайкой.... Гусар успокоился и тоже начал тянуть, а меня "притянул" к ответу Ваничка. Когда нас еще впервые усадили на этих великанов, без седел и мы пошли в смене попарно, шагом, то все еще шло прилично, но после команды: " Рысью, марш!" - в манеже начался "котильон". Молодые юнкера, по неопытности, не могли справиться со своими лошадьми; на середину манежа выскакивала пара, а то и не одна разгоряченных лошадей и начиналась "польная езда".

Свистал в воздухе Ваничкин бичь, попадало коням, они били задними ногами, переходили в галоп.... и вся эта масса болталась по манежу, как хотела...и, казалось, что "котильону" не будет конца. Но удары бича, все же оказывали магическое действие: попадало коням, а порчас и нам. Удесятерялись силы, и мы постепенно становились

в свою очередь и шли уже по барьеру манежа.

На полученное нами "вознаграждение" - никто и никогда не жаловался.

Как зимой, так и весной и осенью, разгоряченные, мы возвращались из манежа / особенно далеко из Ломанского/, в одних мундирах. Никто не простужался и не болел. Сбрасывали с себя мокрые насквозь рубашки, переодевались, мылись и, через четверть часа шли в классы, на занятия. А руки, спина, ноги - ноют!... Все жилы болят.

Учились - зверски. Ученья было очень и очень много. Некоторые предметы успевали пройти по разу, надеясь на память и слышанное на лекциях.

Такие предметы, как артиллерия, математика, химия, требовали оценки не меньше 8 баллов, иначе не получить первый разряд.

Два раза в неделю были "репетиции", Преподаватель приходил в 7 часов вечера, вызывал каждого к доске и оценивал.

Традиционно: ни списывать, ни подсказывать не полагалось.

В отпуск ходили в среду и в воскресенье, если родные жили в Петербурге, или если знакомые заявляли начальству, чтобы такого то юнкера отпускали к ним. Эти заявления тщательно проверялись, да и обманывать никто не думал, ибо традиционно - никакой лжи в училище не было!. Но очень редко ходили в отпуск по средам, так много приходилось зубрить и так строго оценивали наши знания, что и мысли об отпуске в среду - не было.

Мы очень любили поездки по городу, всем училищем, в орудиях. Этим подготовляли юнкеров к Майскому параду, а одновременно, конечно, и к управлению конями, т.к. это была уже не манежная езда. Например переехать мост на Лебяжьей канавке, около Летнего сада было не просто. Там ломали дышла, если ездовые были неопытны или зазевывались. Это - наука.

Была дружба. Условия жизни хорошие. И, надо признать, что хоть мы и были избалованы такой жизнью, все же хотелось еще лучшего.

Что были заняты буквально целыми днями, что приходилось поглощать много разных наук, - так ведь, мы сами пошли на это; мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что артиллерия без науки и упорного труда - не мыслима, а все же, иногда у некоторых и прорывалось: " Фу, скучно, устал от этой проклятой аналитики / или химии /, скорее бы уж наш бал.

Традиционным развлечением был бал 25-го ноября.

Этому событию следовало - бы посвятить отдельный очерк, как и жизни в лагере, что я и оставляю до следующего раза, а сейчас должен сказать, что все условия жизни в училище, все наши развлечения, носили исключительно нравственно воспитательный характер.

Вежливость, дружба и любовь, проникавшие не только в наши действия, но и мысли, и так бережно охраняемые, как нами самими, так и нашими дорогими училищными офицерами, порождали ту СЛАВНУЮ СПАЙКУ, которая была присуща НАМ - АРТИЛЛЕРИСТАМ.

Наше незабвенное и истинно-дорогое УЧИЛИЩЕ, ибо в этом смысле ВПЕРЕДИ всех других.

Опыт и знание жизни, с которой мы столкнулись впоследствии, дают нам ПОЛНОЕ ПРАВО ГОРДИТЬСЯ, сказав:

Я КОНЧИЛ МИХАЙЛОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ!

И - да продлит ГОСПОДЬ ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ, чтобы мы вновь УВИДЕЛИ ЕГО ПРЕЖНЮЮ СЛАВУ!

СЛАВА МИХАЙЛОВСКОМУ АРТИЛЛЕРИЙСКОМУ УЧИЛИЩУ!

----------ооОоо----------

Пал. Ник. ЧИЖОВ
Выпуска 1902 г да.

С П И С О К

членов Общества " Михайловцев "

1/ проживающих в США.

1/ Почетный Председатель Об-ва Д.Д. Г недич
2/ [redacted] член Об-ва В.В.барон Пушенталь
3/ В.А. Авринский
4/ В.И. Андриевский
5/ П.Д. Белагов
6/ И.В. Белогрудов
7/ Е.В. Боуфал
8/ М.К. Бугураев
9/ В.И. Васильев
10/ В.В.Вереденко
11/ А.Е.Владиславлев
12/ Т.Л.Выгановский
13/ В.И.Георгиевский
14/ К.А.Гольдгаар
15/ К.А.Горунович
16/ А.А.Г удима
17/ С.К.Гулевич
18/ Я.А.Добжицкий
19/ Ю.А.Зяблов
20/ С.Д.Иванов
21/ Н.К.Иванов-Камаев
22/ Е.Л.Ивановский
23/ М.И.Копалев
24/ Ф.А.Коссович
25/ В.Г.Костецкий
26/ Е.К.Кузьминский
27/ В.И.Кусаков
28/ А.Н.Ларров
29/ Лада-Мацарский
30/ Г. Лихачев
31/ В.А.Лобанов
32/ В.В.Лукинский
33/ В.В.Лукницкий
34/ С.В.Луконский
35/ С.А.Лягин
36/ Л.Ф.Магеровский
37/ В. Манакин
38/ Е.Н.Мацнев
39/ И.И.Митин
40/ А.А.Наумов
41/ Е.Н.Обозненко
42/ А.П.Ованесян
43/ В.А.Орлин
44/ А.Н.Потапов
45/ И.А.Потурняк
46/ Н. Рейн
47/ Б.Д.Ронен
48/ В.В.Румянцев
49/ М.В.Свирубский
50/ Б.А.Сенсов
51/ С.К.Князь Сидамон-Эристов
52/ Б.А.Сидорович
53/ В.П.Скрябин
54/ А. А.Тихонравов
55/ К.И.Туриянц
56/ Л.А.Удальцов
57/ П.К.Устинов
58/ Х.А.Утешев
59/ И.И.Фомин
60/ Б.Г.Чижевич
61/ П.Н.Чижев
62/ Б.Н.Шатилов
63/ Г.Б.Шкуренко
64/ П.П.Шенгин
65/ Н.А.Шоколи
66/ М.А.Шупевич
67/ Е.П.Яковлев

проживающих вне США:

1/	Н.С.Батюшин	Бельгия
2/	Н.Н.Браецкий	Канада
3/	К.Н.Бреннеке	Германия
4/	А. Гольбке	Бельгия
5/	Л.Л. Дрю	Марокко
6/	Крылов	?
7/	В.А.Лагодовский	Франция
8/	Н.В.Мамонтов	Венецуела
9/	П.А.Матичев	Швеция
10/	С.А.Паевский	Германия
11/	А.Г.Петровский	Венецуела
12/	Е.Б.Плотников	"
13/	Е.П.Покотило	Норвегия
14/	Н.М.Попов	Аргентина
15/	Д.А.Полуэктов	Австрия
16/	К.В.Са атиевич	Бельгия
17/	И.И.Сахновский	Германия

С П И С О К

скончавшихся членов Общества от 25 ноября 1951 года до 25 ноября 1957 года.

Е.И.В. В.К. Андрей Владимирович
Ген.от Инфан. В.Е. Флуг
М.Н. Доленго- Грабовский
А.П. Лоди
Л.С. Туган-Барановский
И.Резчиков
С.Кручинский
В. Розанов
А.Я. Задде
Ген. А.А.Калитиевский
В.Зуев
Б.Н.Луговой
Долгово-Сабуров
Г.Миончинский
Н.Т. К у щ
Синклер
Владыка Иона
Н.Е. Карпов

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Закончив первый выпуск 3-го номера журнала " Михайловцы", Правление с огорчением должно заявить, что оно совершенно не удовлетворено, как содержанием, так и формой издания. Получился просто перечень разрозненных воспоминаний и поэтическое прославление школы, что очень высоко и ценно для нас, но не для будущего историка, которому нужны факты, события и их об"ективное описание. Нет материала, относящегося к периоду ускоренных выпусков и преподавания " штатского" элемента / не кадетского / и проникновения через него революционного тупоумия. А все это чрезвычайно интересно и важно установить для защиты нашей родной школы от могущих быть незаслуженных обвинений и подозрений. Школа со всеми ее благородными традициями и заветами осталась до конца неизменной и если в ее стены попала случайно революционная плесень, то нет никакого сомнения, что она будет начисто смыта и выветрена и стены ее вновь засияют своей прежней физической и идеалогической белоснежностью.

Мы не должны скрывать правду и факты, мы должны указать, что революционная болезнь, случайно появившаяся в стенах нашей школы, не заразила ни самой школы, ни нас.

Выпуск этого номера совпадает с праздником Училища. "Общество Михайловцев" в Нью-Йорке, по традиции, 9 с.декабря устраивает ужин, перед которым будут отслужены лития с поминовением покойных Государей, Августейших Основоположников, Покровителей и Однокашников, в также всех Михайловцев за Веру, Царя и Отечество, на поле брани живот свой положивших, за честь и свободу Родины павших, в смуте убиенных, умученных и в мире скончавшихся и молебен о всех михайловцах в разсеянии сущих и здесь предстоящих. Церковные службы и групповые встречи михайловцев состоятся в Сан-Франциско, Париже, Буэнос-Айресе.

Центральным Правлением получены приветствия от Генералов Н.Батюшина и Н.Попова, от Е.Ивановского, возглавляющего группу в Сан-Франциско, от общества Михайловцев в Париже/ от Протопопова-секретаря об-ва/, И.Фомина, Л.Удальцова, П.Чижова, И.Сахновского, В.Авринского, С.Гулевича, барона В.фон Пушенталь, С.Паевского, С.Лягина, К.Гогуновича, А.Потапова, Н.Браецкого, Гарабурда, Б.Николаева.

всем им Правление приносит сердечную благодарность и от имени общества Михайловцев поздравляет, как их, так и всех остальных однокашников, желая им всяческого благополучия, сил, бодрости и здоровья.

В заключение Правление еще раз покорнейше просит всех михайловцев, особенно ускоренных выпусков, присылать свои воспоминания, описание фактов и событий, имеющих отношение к нашим Академии и Училищу. Также покорнейшая просьба широко распространить журнал и привлечь в Общество тех, кто еще не собрался это сделать. Только дружное сообщество сможет нас застраховать, до известной степени, от всяких жизненных напастей.

Журнал будет стоить не больше 2-х долларов и выписывать его можно по адресу казначея Общества:

А. НАУМОВ
65 Ист 97 стр.Кв.3А
Нью Йорк 29, Н.И.

1 Января 1957 года

Правление Общества
Михайловцев
в Нью Йорке, С.А.С.Ш.

СБОРНИКЪ
ВОСПОМИНАНІЙ

Михайловцы

Правленіе "Общества Михайловцев" сердечно поздравляет всѣх Михайловцев с наступающим Праздником Свѣтлаго Христова Воскресенья и шлет свои наилучшіе пожеланія.

О Т П Р А В Л Е Н І Я.

При выпускѣ настоящаго номера журнала, Правленіе встрѣтилось с весьма существенным затрудненіем - отсутствіем матеріала в портфелѣ редактора.

Особенно остро чувствуется отсутствіе описаній жизни Училища в послѣдній год его существованія. Этот період, естественно, живо интересует всѣх офицеров, окончившихъ Училище ранѣе, печальной памяти, 1917 года. Для освѣщенія же этого историческаго лихолѣтія не обходим матеріал, подкрѣпленный документальными данными. Дать его могут, конечно, только "молодые" Михайловцы, пережившіе этот період в стѣнах Училища.

Правленіе полностью отдает себѣ отчет в том, что ряд внѣшних причин мѣшает членам Общества найти время, чтобы сосредоточить свои мысли на училищной темѣ, составить и послать редактору журнала свой труд. Тут и ежедневная работа, а как ея слѣдствіе - усталость, для многих - другая общественная нагрузка, а главное - годы и недомоганія большинства из нас.

Все это понятно, но фактъ остается фактом - матеріала н ѣ т.

Отсюда самый простой логическій вывод: "прекратить изданіе". Но имѣем ли мы моральное право так легко капитулировать перед сложившимися обстоятельствами.

Центральное Правленіе считает, что "н ѣ т" и вносит слѣдующее предложеніе: 1. Не ограничиваясь воспоминаніями только об Академіи и Училищѣ, помѣщать воспоминанія и о прохожденіи артил.службы в мирное и военное время. 2. Предоставить страницы журнала для подобных же воспоминаній нашим артиллерійским братьям по школѣ: Константиновцам, Сергіевцам и Николаевцам.

При таких условіях, конечно, значительно увеличится матеріал и тираж журнала, а слѣдовательно понизится и цѣна изданія его, сдѣлав его болѣе доступным для большинства.

Об этом предложеніи будут оповѣщены Объединенія б.юнкеров упомянутых выше Училищъ.

Прекращеніе выпуска журнала не только не желательно, но и недопустимо, исходя из того, что журнал был создан для увѣковѣченія свѣтлой памяти создателей славнаго артиллерійскаго дѣла в Россіи - Михайловских Артил.Академіи и Училища, для оставленія потомству матеріала, на основаніи котораго оно могло бы узнать и понять, чѣм эти Школы были и для возстановленія их, со всѣми разумными новшествами, в прежнем внѣшнем блескѣ и внутреннем научном и духовном достоинствѣ, чтобы эти дорогія нам Школы вновь доблестно послужили бы нашей возстановленной Родинѣ.

Собрать и сохранить всѣ эти воспоминанія - наш святой долг перед Родиной и нашей Школой. Мы свято исполняли свой долг прежде, исполним же его и теперь.

Правленіе "ОБЩЕСТВА МИХАЙЛОВЦЕВ" в Нью-Іоркѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБ УЧИЛИЩѢ.

I.

Очередной номер журнала "Михайловцы" еще не вышел и, повидимому, задержится выходом, а потому думаю что еще успѣю написать, что еще вспомнилось о родном Училищѣ. В предыдущих воспоминаніях я про пустил фамилію кадета Тифлисскаго Корпуса, прибывшаго с нами вмѣстѣ в Училище. Это был Корніевскій. Итак нас было четверо, вышедших в Михайловское Артиллерійское Училище. По алфавиту: Корніевскій, Македонскій, Туркин и Хандамиров. При мнѣ дополнительный курс был уп раздненъ и всѣ три курса были сдѣланы обязательными. Третій получил наименованіе - старшій, вмѣсто дополнительнаго. Второй - стал именоваться средній, вмѣсто старшаго. Но в 1906 году еще было послѣ нее производство в офицеры со второго курса желающих. Но, становясь офицерами послѣ двух лѣт пребыванія в Училищѣ, они лишались права поступленія в будущем в Артиллерійскую Академію.

Курсовыми офицерами второго курса были: Капитан Долгов /"Марфа"/ и Капитан Марцинкевич /"Марцыпан"/, а третьяго курса, на кото ром было всего одно отдѣленіе, Капитан Барон Игнатій Майдель /"Мирка, Вѣрка, Скорострѣлка"/, читавтій в то же время курс Артиллеріи. Химію у меня читал Полков.Запожников, механику - Полков.Рафаловіч, аналитическую геометрію - Капитан Бейер, а потом Шт.-Кап.Гельвих, тактику - ген.штаба Полков.Бутовіч, а на среднем курсѣ - Шлиппен - бах и Катковскій, фортификацію - Полков.Звѣрев /Военный Инженер/ , русскую литературу - Семека/штатскій/, Закон Божій - священник о. Альбов.

Капитан Бейер держался прямо, имѣя богатырскую грудь. Однажды, услышав, что юнкера говорили про него, что он носит корсет, он пос лѣ лекціи молча разстегнулся и показал, что под сюртуком на нем ни чего кромѣ рубашки не было. Помню, когда в первый раз в строй отдѣленія были поставлены юнкера, на правом флангѣ в отдѣленіи Капитана Коновалова стоял юнкер Сопиков, поступившій "со стороны", из Воронежскаго Реальнаго Училища. Капитан Коновалов, знакомясь с юнкерами, обходил строй и спрашивал фамиліи. Остановившись перед право фланговым, он спросил его фамилію. "Сопиков, г-н Капитан",- послѣ довал отвѣт. - "Как? Шопиков?"-говорит Коновалов. - "Никак нѣт, Сопиков". - "Ну да, Шопиков" и т.д., так как буквы С для Коновалова не существовало, он произносил ее как "Ш" - отсюда и прозвище его - -Шабака".

Высшую математику, дифференціальное исчисленіе читал у нас , как я уже упоминал, гражданскій преподаватель /он читал во многих высших учебных заведеніях/, старик Борисов, добрѣйшій человѣк, весь ушедшій в свой любимый предмет. Юнкера называли его -"Ваше Превосходительство", а за глаза - "Фу-у-у-нкція". На втором курсѣ интегральное исчисленіе у меня читал тоже штатскій - Богомолов. Читал медленно, отчетливо, давая время записывать за ним. На старшем курсѣ высшую математику у меня читал инспектор классов - Гродскій.

Как-то, помню, Борисов вел практическія занятія по высшей математикѣ. В это время старшій курс выѣзжал в орудійном расчетѣ на Марсово Поле на проѣздку, которыя устраивались от времени до времени. Услышав стук орудійных колес во дворѣ, юнкера бросились к окнам, а Борисов продолжал рѣшать задачу задремавшаго в заднем ряду юнкера, наклонившись над его тетрадью. И лишь окончив задачу, Борисов замѣтил, что столы пусты, весь класс облѣпил окна, смотря во двор на выѣзжавшую батарею, а юнкер перед ним спит. - "Ну что это право, Господа!" - была единственная фраза, произнесенная невозмутимым стариком.

Орудійная ѣзда производилась в Команском Манежѣ, на Выборгской Сторонѣ. Он был так велик, что орудія могли производить построенія и перестроенія на всѣх аллюрах. В малом манежѣ, во дворѣ училища, гдѣ в 1905 году временно стояли Лейб-Гусары, на случай вызова их во время безпорядков, производилась смѣнная ѣзда. Облачившись в сѣро-синіе рейтузы, юнкера разбирали приводимых солдатами лошадей и вначалѣ без сѣдел и стремян, на попонках, получая стремена лишь много позже, нас гоняли в смѣнѣ. Терпѣть мы не могли лошадь, которую юнкера прозвали "Мишка Поморцев" в честь читавшаго топографію Полковника Поморцева. Трясла она невѣроятно и была с норовом, козлила также как и ея "однофамилец", брыкаясь на каждом поворотѣ манежа.

Когда производил смѣнную ѣзду юнкерам своего отдѣленія Капитан Агафонов, то свободные от занятій юнкера собирались в манеж смотрѣть на это веселое представленіи. Сам конник, Агафонов прибавлял близко к сердцу всѣ промахи, неудачныя посадки и прочее, и тогда словечки его лексикона сыпались, как из рога изобилія. Лекціи по артиллеріи Барона Майдель были очень интересны. Он сам составил первое руководство к скорострѣльной пушкѣ 1902 года, знал и любил каждый ея винтик.

Был со мной в одном отдѣленіи юнкер С. донской казак. У него была какая-то ненормальность в носовой полости /полипы?/. Что то давило на мозг. Он ходил в отпуск к врачу спеціалисту. Возвращаясь вечером, был молчалив и задумчив, а ночью поднимался с кровати и то скакал через шкафчики и кровати, производя, якобы, конныя ученія и подавая соотвѣтствующія команды, то воспроизводил на разные голоса засѣданія Государственной Думы и т.д. Вся камора просыпалась, часть юнкеров мчалась вслѣд за ним, другіе ругались что им не дают спать, а он с криком - "Сотня за мной" летал по каморѣ. Многіе думали, что он все это дѣлает нарочно, притворяясь, но это так и осталось невыясненным. На слѣдующее утро он ничего не помнил.

Кончал я Училище при начальникѣ училища Ген.М. Вахарловском. Не буду описывать знаменитых училищных балов, они уже много раз исчерпывающе описаны. Красота их была неописуема. При мнѣ, к сожалѣнію, за три года моего пребыванія в Училищѣ был только один бал. Выѣзд и пребываніе в лагерях тоже уже описаны. Добавлю лишь, что в лагерях жилось привольно и весело. Свободное время юнкера проводили на Дудергофском Озерѣ, под зорким оком "адмирала" Пол-

ковника Мамонтова, наблюдавшаго в подзорную трубу за всѣм происхо дящим на озерѣ. У нас был гребной и парусный флот. Озером пользовались Павлоны, Владиміровцы, Михайловцы, Константиновцы и Никола евцы кавалеристы. В опредѣленный день, по выстрѣлу горнаго орудія с кормы "Кондора", торжественно открывалась навигація и "адмирал" входил в свои права и был очень строг. Сдѣлает ли рулевой парус - ной лодки неправильный поворот, задержится ли гребная лодка в ка мышах, в рупор раздается слегка гнусавый голос "адмирала" - "Кре чет к берегу". Наказанія за оплошность варьировались от выговора и предупрежденія до лишенія права плаванія по озеру.

Незабвенные три года пролетѣли незамѣтно. Настал день произ водства в офицеры моего выпуска, I5 іюня I908 года. Каждый из нас удостоился получить приказ о производствѣ из рук самого Государя. Думаю, что вряд ли найдется офицер не согласный со мной, что это счастливѣйшій день нашей жизни. Впереди самостоятельная дорога ар тиллерійскаго офицера, нагруженнаго солидным багажем, которым сна бдила его наша школа и которая, будем надѣяться, вновь возродится.

2.

Лѣтом I905 года, окончив Тифлискій Кадетскій Корпус вторым,и потому легко получив желанную вакансію в Михайловское Артиллерій- ское Училище, я пустился в путь и прибыл в Училище лѣтом. Весь со став был в лагерях в Красном Селѣ. Встрѣтили нас в Училищѣ два представительных швейцара и дали нам нужныя указанія. Здѣсь я дол жен оговориться и попросить снисхожденія ко всѣм неточностям, так как память недостаточно крѣпка, а старые номера "Михайловцы" и другіе источники упакованы. Добравшись по желѣзной дорогѣ до Ду дергофа мы сѣли в лодку на озерѣ, и Поликарп, завѣдующій парусны ми и гребными судами училища, перевез нас через озеро. Со мной в училище прибыли Тифлисцы - Туркин, Хандамиров/других сейчас не помню/. В училищѣ нас встрѣтили старшіе Тифлисцы со Скляровым во главѣ и началось ознакомленіе с традиціями и правилами училищной жизни. Фельдфебелем I-й батареи был в то время Сизых, очень нам импонировавшій. Его рѣшенія и распоряженія - были законом. Моим батарейным командиром был Полковник Туров /"дядя хам", как его на зывали юнкера/. Начальником Училища был Генерал Невадовскій,а На чальником Академіи и обоих училищ - генерал Чернявскій. Младшій класс I-й батареи состоял из 4-х отдѣленій: I-е - Шт.-Капитана Ми келадзе, 2-е - Капитана Агафонова, 3-е - Шт.-Капитана Жукова и 4-е - Капитана Коновалова. Я был назначен в 4-е отдѣленіе I-й ба тареи Капитана Коновалова, котораго юнкера называли "Шабака," так он произносил слово собака. Командиром I-й полубатареи был Капи - тан Симонов, а 2-й - Капитан Ленчевскій. Инспектором классов был Генерал Брикс, а помощником инспектора - Капитан Гродскій,тот к которому юнкера, не подготовившіеся к репетиціи, приходили с прось бой "Разрѣшите заложить репетицію"/что означало отложить/.

Послѣ того как старшіе тифлисцы ознакомили нас с традиціями училища, нас собрал фельдфебель Сизых, разсказал о традиціях учи лища, добавив, что если мы чувствуем что традиціи нам не подходят,

то он рекомендует принять рѣшеніе теперь же, пока не поздно.- "Вы можете перейти в любое другое училище. Выбор есть. Вот заведеніе слѣва/Николаев.Кавал.Училище/, вот заведеніе справа/Константинов. Артил.Училище/. Если же мы рѣшаем оставаться, то мы должны твердо держаться традицій училища и от них не отступать."

Рѣчь фельдфебеля Сизых произвела на меня очень сильное впеча тленіе и конечно ни в какое другое "заведеніе" я переходить не со бирался. Правящим /взводным/ у меня был болгарин Тодоров.Постепен но я осваивался с училищем и его традиціями. Передная линейка шла перед нашими бараками, по обѣим сторонам в каждом баракѣ стояли кровати юнкеров, а в концѣ, или вѣрнѣе вначалѣ, выходя на перед - нюю линейку, помѣщался офицер, один или два, не помню. Бараки бы ли помѣстительные и удобные, воздуха много, между кроватями стоял столик-шкафчик. Иллюстрація отношенія начальства к юнкерам: Помню, в серединѣ іюня выпал снѣг, заставшій нас на занятіях в полѣ, ши-нелей у нас с собой не было и мы промерзли. Вернувшись, слѣпили снѣговую бабу и, войдя в барак, чтобы переодѣться, мы были пораже ны вниманіем и заботами начальства о нас. Нам разрѣшили лечь в постель и согрѣться и перед каждым юнкером на шкафчикѣ около кро вати стояла кружка с горячим чаем с ромом. Так было пріятно вы - пить, согрѣться и заснуть.

Постепенно подошел сезон стрѣльбы; пристрѣлку вели вначалѣ офицеры и вот тут выходили наружу обиды юнкеров на офицеров, кото рых "подкатывали" при стрѣльбѣ. Особенно не любили Шт.Капитана Ми келадзе, большого педанта, которому никак не удавалось пристрѣлять ся. То сбивался прицѣл, то перекручивалась дистанціонная трубка и разрывы получались в небѣ - "куравли". Микеладзе злился, но ниче го подѣлать не мог.

Когда козероги/юнкера млад.класса/ переходили в средній класс у них отваливались хвосты, состоящіе из множества позвонков/дис - танціонных трубок/. В год моего поступленія в училище было три класса или курса: младшій, средній и старшій. По окончаніи стрѣльб училище готовилось к Высочайшему Смотру. Когда пріѣзжал Государь училища вызывались по тревогѣ и вот тут начиналась скачка. Оба ко мандира батарей 1-й и 2-й были очень дружны, но в соревнованіи ко мандуемых ими батарей друг другу не уступали. Туров был солидный, медлительный, а Мамонтов/"балалайка"/ быстрый, подвижной, рѣзкій.

Батареи их летѣли карьером к Царскому Валику, каждый старал ся прискакать первым. По окончаніи призовой стрѣльбы батареи полу чали призы: наводчикам - золотые часы, а остальному составу ору дія - скрещенныя пушки и кажется бинокли, хорошо не помню. Встрѣ-чали побѣдителей у бараков училища достойно и с энтузіазмом. Высо чайшій Смотр Авангарднаго Лагеря производил неизгладимое впечатлѣ ніе. Было так нарядно и празднично. Дамы в свѣтлых платьях под зонтиками разных цвѣтов. Государь, Великіе Князья и прочіе началь ствующіе лица у Царскаго Валика. Какая это была красота, которую мы потеряли навсегда, не сумѣв сберечь и сохранить Россію. Теперь об этом можно только с грустью вспоминать.

Насладившись лагерной жизнью батареи Училища походным поряд ком переходили в Петербург, на зимнія квартиры, гдѣ нас ждали серь езныя занятія. Полковник Нилус читал у нас артиллерію; Ипатьев,Са пожников и Солонина - химію, Борисов/штатскій/-дифференціальное исчисленіе, Барон Игнатій Майдель - скорострѣльную пушку, Дроздов -механику. Майделя мы называли - "Лирка, Вѣрка, Скорострѣлка".Пер вая была его красавица кобыла, вторая - его жена и третья - скоро стрѣльное орудіе 1900 и 1902 года. Всѣх трех он обожал. Тактику читал офицер Ген.Штаба Шлиппенбах и Матковскій, тактику артилле - ріи, если не ошибаюсь, Полковник Госпто, герой Русско-Японской войны. Мы занимались и готовились к репетиціям в аудиторіях, выхо дивших в "безконечный" корридор. Эти аудиторіи назывались нами "мертвецкія", гдѣ разговаривать полагалось только шопотом."Безко-нечный" корридор заканчивался небольшой комнатой, гдѣ стоял рояль и юнкера бренчали на нем. Комната эта вела в конференц-зал, гдѣ по вечерам Сизых производил перекличку юнкеров 1-й батареи/пере - кличка 2-й батареи производилась в Бѣлом Залѣ/ и довольно часто по окончаніи переклички он, с разрѣшенія дежурнаго по училищу офи цера, оставлял батарею чтобы поговорить с юнкерами. Офицер уходил, батарея становилась "вольно" и выслушивала то, что Сизых говорил нам. Когда бывали балы в других училищах или институтах, желающіе получали возможность отправляться туда. Помню как то нам было пе редано требованіе Великаго Князя Сергѣй Михайловича, чтоб юнкера были на балу по формѣ/по уставу/ одѣты. Это касалось, главным об разом, шпор. Вот тут припоминается случай, когда Сизых оставил ба тарею послѣ переклички и напомнив нам требованіе свыше, добавил:- юнкера, собирающіеся на бал, конечно будут в шпорах, а если кто-либо из присутствующих офицеров сдѣлает замѣчаніе или задаст воп рос почему юнкер не по формѣ одѣт, отвѣт должен быть - "так прика зал фельдфебель". Как Сизых устраивался - не знаю, но не помню чтоб когда-нибудь произошло недоразумѣніе. Мы никогда не чувство-вали на себѣ дисциплинарной власти фельдфебеля, но слово его было для нас авторитет.

1905-й год был годом революціи послѣ Русско-Японской войны. В Петербургѣ началось с шествія Гапона к Зимнему Дворцу, а затѣм цѣлый ряд забастовок, из которых главная - прекратился электричес кій свѣт и мы сидѣли в темнотѣ. В это время произошел у нас траги ческій случай. Боюсь не перевираю ли я фамилію, в каковом случаѣ прошу кого-нибудь из современников исправить меня. Мнѣ кажется , что это был юнкер Брошейт, который не то из чувства фатализма, не то бравируя, сидя в каморѣ на своей кровати с револьвером в руках, крутил барабан и нажимал курок. В это время юнкер Ефремов, Алек-сандровскаго Кадетскаго Корпуса подвернулся под револьвер и был застрѣлен. Помню всѣ формальности, чтеніе псалтыря, отпѣваніе, по хороны Ефремова, все это, происходившее в темнотѣ, при свѣчах , производило очень сильное и тяжелое впечатлѣніе. Ввиду того что Брошейт был унтер-офицерскаго званія, уже присягавшій, он, послѣ церковнаго покаянія, был отчислен в воинскую часть. Интересно то, что когда он получил право держать офицерскій экзамен,и будучи очень способным, он выдержал его блестяще, он был произведен в первый офицерскій чин гораздо раньше своих однокурсников. Так за-

кончилась эта тяжелая исторія, оставившая на мнѣ и других юнкерах очень сильное впечатлѣніе.

Забастовки продолжались. Россіи была дана конституція, начались засѣданія I-й Государственной Думы, собравшейся I7 октября 1905 года. Осенью, когда можно было проѣхать через Москву, я поѣхал к отцу, жившему в отставкѣ с сестрой в Казани, но это уже к воспоминаніям об училищѣ не относится. Вернувшись в училище , мы вновь, с удвоенным темпом, взялись за занятія. Политика коснулась все-же и училища, образовались кружки, в которые входили юнкера "со стороны", не кадеты. Куда то они ходили на сходки. Запомнилась фамилія одного из них - Дымович. Нашего традиціоннаго бала конечно не было, жизнь сильно измѣнилась, но в училищѣ продолжало быть уютно и хорошо. Окунулись мы в свои занятія и старались не замѣчать что происходило вокруг нас. В читалкѣ у нас были журналы и газеты. Не то в "Русском Инвалидѣ", не то в "Развѣдчикѣ" писал военный писатель Капитан Краснов. Вечерами мы могли готовиться к репетиціям в каморах, лежа в кровати и сняв сапоги. Но заниматься можно было пока не мѣнялся свѣт, так как когда лампочка переворачивалась, получался очень пріятный зеленый свѣт, при котором читать было невозможно, а только спать. Тогда надо было идти для занятій в "мертвецкую". Утром по электрическому звонку всѣ вставали, но это теоретически, на самом же дѣлѣ большинство не шевелилось , пока не раздавался сигнал дежурнаго по батареи - "Тс.." Это означало, что приближался дежурный офицер, который, входя в камору,заставал юнкеров сидящими на кроватях и одѣвающимися. Наибольшіе любители понѣжиться вновь юркали под одѣяло, как только офицер проходил. Остальные спѣшили в умывалку, гдѣ мылись, плескались, и будучи готовы собирались в "Бѣлый Зал" на молитву. Запоздавшіе пробирались сзади строя и пристраивались. По окончаніи молитвы батареи спускались в столовую строем, но без отбиванія ноги. Придя в столовую разсаживались по своим столам, перед каждым стояла его кружка с чаем и каждый спѣшил выбрать булку по вкусу. Сервировка была с вензелями, как тарелки, так и серебро. Послѣ чая шли на очередныя занятія: гимнастику, верховую ѣзду, матеріальную часть, орудійную ѣзду в ломанском манежѣ, или пѣшій строй, смотря по расписанію. По окончаніи строевых занятій начинались лекціи. Для химіи и физики существовали спеціальныя лабораторіи, гдѣ производились опыты. В полдень подавался обѣд с традиціонным пирогом с мясом, который по воскресеньям бывал слоеный. Из обѣденнаго меню почему то врѣзалось в память одно блюдо: -"Зразы с кашей и каша отдѣльно". По окончаніи обѣда каждому юнкеру полагалось кондитерское пирожное, болѣе быстрые получали то что хотѣли, зѣвать и мечтать не рекомендовалось. Обыкновенной воды не было, в каморах и корридорах стояли металлическіе баки с привѣшенными на цѣпочкѣ кружками. У баков были краны и наполнялись они водой с красным вином. Под вечер производились репетиціи по расписанію. На лекціи и репетиціи юнкера шли в бушлатах, род виц-мундира без галунов,длинных брюках и коротких сапогах с незачерненными голенищами.К счастью забастовки не отразились на занятіях, как мы боялись. Подходил сезон лагерей и в началѣ лѣта училище выступило послѣ молебна в поход. В лагерях уже все было знакомо. Началась караульная слу-

жба с традиціонными "собаками", выставляемыми караульным начальни ком, традиція существовавшая и введенная Великим Княземъ Михаилом Александровичем, братом Государя, в бытность его юнкером.

Начались глазомѣрныя, полуинструментальныя и инструменталь - ныя съемки, во время которых мы знакомились с дачницами, что нам очень нравилось. Временами ѣздили в отпуск в Петербург, в Пав - ловск на музыку и на молочную ферму, возвращаясь по Дудергофскому озеру все с тѣм же Поликарпом. Начались стрѣльбы, но мы уже были юнкерами средняго класса, а не хвостатыми козерогами. Помню как - то забавный случай: - Я был дневальным на передней линейкѣ, слышу шаги, оборачиваюсь, идет Капитан Говорецкій из собранія и обраща ется ко мнѣ с вопросом: - "Гдѣ барак Капитана Говорецкаго?" Я ему указал и он поблагодарив, скрылся за дверью. Иногда вечерами мы ходили в гости к Константиновцам и Павловцам, ко вторым рѣже. Часто прогуливались по нейтральной линейкѣ между двумя училищами с однокашниками по корпусу. Принимали мы сосѣдей однокашников у "Ша кала"/маркитанта/. Был там мороженщик Кувалов, который дѣлал очень вкусное мороженое, самых разнообразных сортов. Порція, размѣром столовой ложки, стоила, сколько я помню, пятачок. Кромѣ мороженаго были разныя пирожныя и всякая снѣдь.

Старшій класс готовился к производству в офицеры, пріѣзжали всевозможные поставщики, портные, сапожники и многіе другіе. Фельд фебелем І-й батареи был назначен милѣйшій Гольдгар, кадет Орлов - скаго Бахтина Кадетскаго Корпуса. В число наших занятій были введены новыя: - уход за лошадью, сѣдловка, ковка. На маневрах мы са ми ходили за лошадьми, чистили и убирали. Насколько помню в этом году Полковник Туров получил назначеніе в строй, а вмѣсто него был назначен командиром І-й батареи Водиско. Увы, не помню произо шла ли эта перемѣна в лагерях или в Петербургѣ. Отбыв стрѣльбы , съемки, смотр у Царскаго Валика, мы уже оформленными юнкерами сре дняго класса, без козерожьих хвостов, возвращались в Петербург .

Помню на одной из стрѣльб по Лабораторной Рощѣ, в Красном Се лѣ, Водиско неудачно пристрѣлялся и цѣлая очередь легла в дер.Кир пуны, юнкера даже сложили потом пѣсню, касающуюся этого эпизода : - "Батарейный наш Водиско всѣ снаряды кладет низко, прямо в Кирпу ни, прямо в Кирпуны". Так и не было выяснено отчего это произо шло, подкатили ли его юнкера или непривычка обращаться с только что введенным угломѣром при стрѣльбѣ с закрытой позиціи, но факт остается фактом. Послѣдствій серьезных, сколько помню, это не выз вало, но разговоров было много. В Петербургѣ опять приступили к усиленным занятіям. С дифференціального мы перешли на интеграль - ное исчисленіе, читал этот предмет нам гражданскій профессор Бого молов, читал очень хорошо, понятно и ясно. Как я уже упоминал ма теріальную часть скорострѣльной пушки читал Барон Игнатій Майдель. Он был большой "тоняга", но когда он дежурил по Училищу и юнкера возвращались из отпуска или театра, он заставлял поднять полы ши нели и если обнаруживал, что юнкер был в "діагоналевых" рейтузах, да еще уже чѣм допускала форма, он требовал чтоб юнкер снял рей тузы и сдал ему. Рейтузы эти прятались до производства в офицеры,

считаясь собственностью юнкера. Говорят, полки ломились от отобранных Майделем вещей. Хотя, по рассказам, сам он, будучи юнкером, одевался очень элегантно и далеко не всегда строго по формѣ. Наконец старшій классъ былъ произведен в офицеры и мы разъѣхались в отпуск. Вернувшись и став юнкерами старшаго класса, мы продолжали усиленно заниматься. Годъ, вѣрнѣе зима, подходила к концу. Опять подошло выступленіе в лагерь. Мы были уже на старшем курсѣ, многіе были пор тупей-юнкерами с офицерскими темляками и с положенным количеством нашивок , сколько кому полагалось, кому двѣ, а кому и три. Начальником Училища в это время был уже генерал Вахарловскій, Невадовскій получил высшее назначеніе в строй, кажется начальником/инспектором/ артиллеріи. Фельдфебѣлем I-й батареи был назначен Сакс. Правящим младшаго класса был назначен мой большой другъ Глѣб Матов, а его помощником, с двумя нашивками, пишущій эти строки. Я совершенно не помню кто был курсовым офицером этих милых козерогов. Спали мы с Матовым на флангах нашего взвода. В это время в большой модѣ были детективныя книжки /Шерлок Хольмс, Нат Пинкертон, Ник Картер/. Наши козероги каждую недѣлю покупали новыя изданія и как только выходила новая книжка, мы с Глѣбом Матовым находили ее на нашем столикѣ-шкафчикѣ. Нас считали почетными членами общества питкертонистов и денег с нас ни за что не брали. Во время нашего пребыванія в лагерях, мы, в отличіе от Петербурга, ѣли деревянными ложками из деревянных же мисок на 4-х человѣк. К обѣду попадали часто юнкера разных курсов. Был у нас юнкер, 3-го Москов.Кадет.Корпуса Высоцкій, большой оригинал. Он принципіально носил все казенное. Будучи еще юнкером младшаго курса и попадая в компанію юнкеров старших курсов ѣсть щи из той же миски, он, в отвѣт на то что кто-нибудь солил щи, сыпал столько перца, что, сердись не сердись, компаньоны должны были ѣсть щи или оставлять ѣду.

Лагерь подходил к концу. Заканчивались призовыя стрѣльбы, выѣзд к Царскому Валику, приближалась пора производства в офицеры . Подходила разборка вакансій. Моя мечта была служить в конной артиллеріи. I-я и 2-я батареи /Тверь/ шли очень высоко, а большинство моих знакомых служили в этих батареях и согласіе Общества Офицеров мнѣ было обезпечено. Вакансія на обѣ батареи была лишь одна и ее взял кажется Гольдштейн, окончившій училище первым. Удовлетворившись надеждой, что через нѣкоторое время мнѣ удастся прикомандироваться к одной из этих батарей, я, когда подошла разборка вакансій, взял 3-ю Гренадерскую Артил.Бригаду, стоявшую в Ростовѣ Ярославском. Незабываемы остались на всю жизнь дни производства. I5-го іюня 1908 года нас повезли в Петергоф. Государь вышел к нам, сказал тронувшую нас рѣчь, поздравил с производством в офицеры и каждому из нас был вручен приказ о производствѣ, который мы вложили под погон. Счастье наше было неописуемо. В Петербургѣ тогда еще ѣздили на извозчиках, автомобилей было немного. Пріѣхав в столицу и сѣв на извозчика, с приказом под погоном, мы пріѣхали в училище. Портные и прочіе поставщики были в сборѣ и мы преобразились в офицеров. Вечером - товарищескій ужин, кажется в ресторанѣ "Альберта" на Невском. Ночевали нѣсколько дней в училищѣ. По окончаніи короткаго отпуска мы явились в свои части и отправились на маневры, я в свою бригаду под гор. Юрьев Польскій. По окончаніи маневров я пріѣхал в

Ростов Ярославскій, гдѣ поселился с двумя другими офицерами Кочуровым и Тимофеевым на холостой квартирѣ. Начались мои первые шаги самостоятельной жизни молодого офицера. В Ростовѣ стояла только наша бригада и офицеры были первыми в городѣ, пользуясь уваженіем жителей.

Много воды утекло с тѣх пор, но память о родном училищѣ не умрет никогда. Уж очень было мнѣ в нем хорошо. Никто нас не пріучал силой к его спокойным хорошим традиціям. Все дѣлалось само собой.

Анатолій Македонскій - Вып. 1908 г.

о. Кипр.

МИХАЙЛОВСКАЯ АРТИЛЛЕРІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

25 ноября 1820 года по иниціативѣ Вел. Кн. Михаила Павловича было основано Михайловское Артиллерійское Училище.

30 августа 1855 года офицерскіе классы Училища были обращены в Артиллерійскую Академію, соединенную вмѣстѣ с Николаевской Инженерной и Николаевской Генеральнаго Штаба в одну Военную Академію, с общим Совѣтом, в веденіи Главнаго Начальника Военно-Учебных Заведеній. Артиллерійская Академія состояла из теоретическаго и практическаго классов и пополнялась офицерами из окончивших М.А.Училище и из артиллерійских отдѣленій Кадетских Корпусов, зачисляв - шихся в Академію непосредственно послѣ производства в офицеры.

В 1862 г. Академія была раздѣлена на два отдѣла: строевой - двухгодичный и техническій - трехгодичный. В 1863 г. Академія была выдѣлена из Военной Академіи в непосредственное подчиненіе Генералу Фельдцейхмейстеру и в нее стали приниматься офицеры прослужившіе не меньше 2-х лѣт в строю, послѣ пріемнаго экзамена.

В 1865 году, послѣ преобразованія Михайловскаго Артил. Училища в 3-х классное, строевой отдѣл Академіи был признан излишним. В 1867 г. утверждается "Положеніе" о Михайловской Артиллерійской и Николаевской Инженерной Академіях с цѣлью подготовки артиллерій - ских и инженерных офицеров с высшим спеціальным образованіем.

Однако, позже чисто техническій характер Артиллерійской Академіи утрачивается. Так в 1893 г. снова ставится двоякая цѣль:

1. Подготовка артиллерійских офицеров к строевой службѣ, с болѣе широким обще-военным и спеціальным образованіем и
2. Подготовка артиллерійских офицеров к службѣ в технических заведеніях, для чего вводится третій дополнительный курс.

В 1910 году число слушателей Академіи было повышено до 100 человѣк, а затѣм в послѣдующих годах повышалось еще. Непосредствен

ное управленіе ввѣряется Начальнику Академіи, который является одновременно и Начальником всѣх Артиллерійских Училищ. При Академіи состоит Конференція под предсѣдательством Н-ка Академіи и в ея состав входят всѣ профессора Академіи, Н-ки Артил.Училищ и почетные члены Конференціи. Преподаваніе в Академіи ведется профессорами /ординарными и экстраординарными/, штатными преподавателями и т.н. "репетиторами", а также и приглашенными извѣстными профессорами гражданских высших учебных заведеній/н.пр.профессор Зернов ,извѣстный металлург/. Для полученія званія штатнаго преподавателя и профессора необходимо было защитить диссертацію на тему, утвержденную Конференціей. Лучшіе по успѣхам офицеры, окончившіе Академію, оставлялись как "репетиторы" для дальнѣйшаго их продвиженія в штатные преподаватели и профессора.

В Академіи преподавались слѣдующіе предметы:

По артиллеріи: Теорія вѣроятностей и примѣненіе ея к стрѣльбѣ.
Внѣшняя баллистика с практическими занятіями по составленію таблиц стрѣльбы.
Внутренняя баллистика с проэктированіем орудій и лафетов.
Стрѣльба. Исторія артиллеріи.

По технологіи: Металлургія
Теорія сплавов
Сталелитейное и чугуно-литейное дѣло.
Механическая технологія.
Пороха и взрывчатые вещества.

По механикѣ: Теоретическая механика.
Механика сплошных масс.
Гидравлика.
Прикладная механика с проэктированіем.
Сопротивленіе матеріалов.
Вредныя сопротивленія.
Кинематика механизмов.
Детали машин.
Паровыя машины и двигатели внутренняго сгоранія.
Подъемныя машины.

Математика, физика и химія:

Интегральное и дифференціальное исчисленія на основѣ высшей математики. Интегрированіе дифференціальных уравненій. Эллиптическія функціи.
Термодинамика.
Органическая и неорганическая химія. Практическія занятія: на первом курсѣ - качественный анализ всѣх групп; на втором курсѣ - количественный анализ и на третьем курсѣ - анализ взрывчатых веществ.

Военныя Науки: Тактика артиллеріи
Стратегія
Атака и оборона крѣпостей.

Во время I-й Міровой войны былъ поднят вопрос о томъ, чтобы артиллеристы, окончившіе полный курс Михайлов.Артил.Академіи получали бы званіе артиллерійскаго инженера технолога, но революція помѣшала завершенію этого вопроса. Послѣ революціи артиллеристы академики могли получить званіе инженера технолога, сдав нѣсколько дополнительных экзаменов при Политехническом Институтѣ.

Особое вниманіе в Академіи было отведено практическим занятіям. Так, в теченіи зимняго періода, слушатели были заняты цѣлыми днями в химической, механической и электротехнической лабораторіях, расчетами и черченіем, а также и разработкой выпускного проэкта какого-нибудь орудія по заданію профессора. В теченіи же лѣтняго періода слушатели работали на разных заводах, сдавая каждую недѣлю исписанные фоліанты своих работ с соотвѣтствующими чертежами. Эти практическія работы велись на слѣдующих заводах:
Усть-Ижорскій, Обуховскій, Путиловскій, Охтенскій пороховой, Охтенскій полигон, Оружейный в Сестрорецкѣ, Орудійный в Петербургском Арсеналѣ, Патронный на Васильевском Островѣ и там же трубочный.

Справка: За время до I9I0 года Академію окончило I625 офицеров. Содержаніе Академіи обходилось около I50.000 рублей в год. При Академіи имѣлась отлично подобранная библіотека и артиллерійскій музей.
Окончившіе 2 курса Академіи имѣли право на ношеніе нагруднаго знака и обычно возвращались на строевую службу или на артиллерійскіе полигоны. Окончившие полный 3-х годичный курс обычно шли на службу по технической части и имѣли повышенный оклад жалованья и ускоренное производство, числясь по гвардейской артиллеріи.

Начальники Академіи: I855-57 - Генерал-Маіор РЫЗВЫЙ, I857-6I - Генерал-Лейтенант КРЫЖАНОВСКІЙ, I86I-87 Генерал-Маіор ПЛАТОВ, I87I-99 Генерал-Лейтенант ДЕМЬЯНЕНКОВ, I899-903 Генерал-Лейтенант ВАЛЕВАЧЕВ, I903-9I7- Генерал от Артиллеріи ЧЕРНЯВСКІЙ.

А. Наумов

Выпуска I903 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

"М И Х А Й Л О В Ц Ы"

В свое время - каждая мелочь, каждый шаг, провѣренный Мамашей; каждое слово курсового офицера; каждый жест Вани БОЛОТНИКОВА, когда он, склонив головку на бок и держа правую руку за бортом сюртука, с пріятной улыбкой на полненьком лицѣ, гонит вас еще раз прыгать через "кобылу", потому что вы изволили сбить конусообразную подушку; или когда Полковник Мамонтов хочет вас разнести и дѣлает страшно серьезное лицо, а сам добряк и каждаго юнкера любит, как своего сына; когда Начальник Училища Генерал Невадовскій, он же "постное масло", в Царскій День поздравляет построенное Училище в Бѣлом Залѣ и говорит только: "Поздравляю вас с высокоторжественным днем, можете вести/к дежурному офицеру/" - БЫЛИ НАМ ДОРОГИ и НЕЗАБЫВАЕМЫ.

Из всѣх этих мелочей складывалась НАША ЖИЗНЬ и НИКОГДА ПОСЛѢ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ и НЕ БЫЛО!

От стариков ничего другого и ждать нельзя, кромѣ воспоминаній. И мы должны благодарить Господа Бога, что Он дал нам когда то такую жизнь, что эти воспоминанія ПРЕТВОРЯЮТСЯ в мечту. Это - одно. А другое, - что мы нашу первую сознательную молодость провели под руководством идеальных руководителей, наставников, начальников и учителей.

Если мы, участники составленія нашего журнала-сборника и повторяемся, то для тѣх, кто прочитает "МИХАЙЛОВЦЫ" через сколько то лѣт, - будет подтвержденіем того, что мы, не сговорившись, давали на его страницах все то, что мы всѣ когда то цѣнили и любили.

Мнѣ думается, что это не плохо. Мнѣ думается также, что "правовѣрному" ускорѣннику даже и тяжело и больно вспомнить, да и запечатлѣвать на бумагѣ то, что было позором для каждаго порядочнаго человѣка. То, что произошло в 1917 году на нашей Родинѣ - есть "не приличная болѣзнь", переданная русскому народу от "неприлично-больного" Ленина.

А я никогда не слыхал от своих товарищей по Училищу, чтобы кто-нибудь у нас выругался неприлично.

Если наши младшіе друзья, пройдя ускоренный курс в Училищѣ, попадали в нашу артиллерійскую семью и быстро в ней ассимилировались, то это показывает, что пробыв даже такой короткій срок в наших старых стѣнах, - они дѣлались правовѣрными артиллерійстами, - значит уже сами стѣны излучали из себя тот дух, который оставался в воспитанниках на всю их жизнь.

Кто не знает, что в старое время всѣх артиллеристов считали лѣвыми, а почему то эту поганую кличку привязывали к нам, Михайловцам, особенно. А, между тѣм, исторически доказано теперь, что артиллерія заболѣла "неприличной болѣзнью" одна из послѣдних.

У нас не было "цука", нам прививалась сознательная дисциплина, а главное, как я и писал раньше, в нас развивали взаимное уважение, дружбу и любовь.

Конечно, в семьѣ не без урода, но стоит ли писать об уродах, выродках и тѣм самым пачкать СВѢТЛЫЯ ДОРОГІЯ ВОСПОМИНАНІЯ?
Да честный историк и сам откажется от копанія в грязи.

Каждое систематическое изложеніе есть вещь довольно скучная, а потому, если Редакція, да и мы с нею, хотим чтобы наш Сборник читался всѣми вообще, т.е.широкой публикой, то мнѣ думается, что больше пользы для этого будет тогда, когда,среди наших разсказов -воспоминаній, мы вкрапываем и исторію, и традиціи, и факты и взаимоотношенія как между друзьями, так равно и между нами и нашими начальниками и преподавателями.

Нельзя отказывать и поэтам: это дар Божій и если воспоминанія поэта складываются в лирической формѣ, так он лишь не зарывает своего таланта. Вот, если наш дорогой Николай Александрович Шоколи свои 32 предмера, которые он "калил" в Академіи, раскачается, да изложит в нѣсколько саркастическом стилѣ, так это же будет уникум!

А, между тѣм, каждому читателю, не академику, очень интересно и полезно знать, чѣм набивали головы молодым академистам-артилеристам.
Не могу же я забыть, как мы, когда только что пришли в лагерь и нам устроили ѣзду в полѣ, то мой "жених" не дождавшись очереди и почуяв вольный простор, вынес меня в это поле и "катался" я в одиночном порядкѣ минут с десять, пока не справился с ним, а подъѣхав к смѣнѣ, наш курсовой-капитан Болотников поздравил меня"с благополучным прибытіем".
Тогда я думал, что "схвачу" нѣсколько дежурств внѣ очереди, но все сошло по иному: в слѣдующій раз, когда мы опять выѣхали в поле и подо мною была другая лошадь, то он, Болотников, переседил меня опять на "жениха". Не правда ли, это мелочь, но она показательна в воспитательном и учебном отношеніях. А таких мелочей было много и на каждом шагу.

Вот, напримѣр, тоже: мы смѣнились в караулѣ и идем домой из орудійнаго парка. Проходя мимо дневальнаго на передней линейкѣ /юнкер Соколов/, он дает мнѣ горсть конфет в бумажкѣ. Я, не видя, что на крыльцѣ барака стоит тот же Болотников, принимаю конфеты и кладу в карман.

Казалось бы, что все в порядкѣ, но не тут то было. Вечером, на повѣркѣ, слышу, что получил дежурство внѣ очереди за то,что идя в смѣнѣ, послѣ сдачи караула, принял от юнкера Соколова горсть конфет.

П.Н. Чижов - Вып.1902 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О КАДЕТСКИХ ГОДАХ
И
О ПОЗДНЪЙШИХ СОБЫТІЯХ.

Семь лѣт /от I903 по I9I0 г./, проведенных в Донском Императора Александра III Кадет.Корпусѣ, навсегда останутся в моей памяти, как самые счастливые годы в моей жизни, конечно не считая моего пребыванія в стѣнах родного Михайловскаго Училища.

Много воспоминаній, связанных с этим временем, а также и с событіями послѣдующих годов, позабыто, но многое еще сохранилось в памяти. Вот этим то непозабытым, чему я сам был непосредственным свидѣтелем, хотѣл бы подѣлиться в своем дальнѣйшем изложеніи.

В моих воспоминаніях о кадетских годах, как и в воспоминаніях всякаго кадета, первое мѣсто занимает все то, что связано с личностью Августѣйшаго Инспектора Военно-Учебных Заведеній Великаго Князя Константина Константиновича.

Он имѣл обыкновеніе дѣлать свои посѣщенія корпуса без какого-либо предупрежденія. В обычный будничный день, обыкновенно утром, во время урока, внезапно появлялась в классѣ его высокая стройная фигура. Послѣ рапорта преподавателя, садился он за одну из парт - рядом с кадетом; слушал отвѣты и иногда задавал и сам свои вопросы. За время обѣда высокій гость непремѣнно садился за стол среди кадет, ѣл с ними и принимал участіе в их разговорах.

Его непринужденное держаніе отражалось и на держаніи кадет, которые в его присутствіи переставали стѣсняться и сразу же начинали чувствовать себя свободно и непринужденно. Устанавливалась дружеская атмосфера и исчезало чувство натянутости и неловкости, которыя в таких случаях неизбѣжны. Без преувеличенія могу сказать, что кадеты обожали своего Августѣйшаго Начальника.

На память о его пребываніи, тайком отрѣзали пуговицы от его мундира и пальто, а один раз кто-то умудрился отрѣзать кусочек от полы его сюртука.

Обыкновенно давали нам чай уже с сахаром. В том случаѣ, когда чай не был довольно сладким, кадет нес его дежурному воспитателю и тот, попробовавши чай, обыкновенно приказывал служителю принести сахар. Так вот, в дни пребыванія высокаго гостя в корпусѣ, за время чая, перед ним была цѣлая очередь кадет с "не сладким чаем". Великій Князь пробовал принесенный чай, послѣ чего кадет, возвратившись на свое мѣсто, как бы нечаянно выпускал из своих рук посуду, которая при паденіи разбивалась, а множество осколков разхватывалось кадетами на память.

Всѣ стремленія Великаго Князя были направлены к тому, чтобы из нас сдѣлать достойных слуг своего Государя и Отечества.

Свой свѣтлый идеал офицера-рыцаря юнота кадет с серьезностью, быть может преждевременной, выражал в четверостишіи, которе часто встрѣчалось в альбомах наших сестер и их подруг:

" Богу душу я вручаю,
Жизнь я жертвую Царю,
Честь себѣ я оставляю,
Сердце ж Вам я отдаю."

Однообразная кадетская жизнь прерывалась по временам пріѣз - дом или какой-либо извѣстности из артистическаго міра или выступ леніем цѣлой их группы, как напримѣр хора знаменитаго Славянскаго. Помню его самаго в богатом боярском костюмѣ, перед его сравнитель но небольшим хором, как он начинал концерт своим повѣствователь - ным речитативом:

" Не бѣла березка
К землѣ клонится..."

а хор, в костюмах времен царей московских, стройно и эпически тор жественно, как бы подтверждал:

" К землѣ клоонится..."

А потом, под едва слышное сопровожденіе хора, он как бы раз сказывал:

" Летѣла чечетка-лебедка
Чрез боярскій двор..."

И пѣніе и вид сказочно картинной группы, переносил нас на нѣсколько вѣков назад... Затаив дыханіе, жадно слушали мы, как за чарованные... Впечатлѣніе было настолько сильно, что вот уже с тѣх пор прошло 55 лѣт, а я все еще помню до мельчайших подробно - стей тот вечер, который оставил в душѣ моей неизгладимый слѣд.

Один раз концертировал у нас, извѣстный в то время на югѣ Рос сіи, скрипач-виртуоз Эрденко. Худенькій, хрупкій молодой человѣк, с шевелюрой художника, он завладѣл нашими сердцами. Его инстру - мент пѣл, плакал, вздыхал и плѣнял нас, еще слабо разбиравшихся во всѣх тонкостях этого искусства. Апплодировали ему бурно, от сер дца, а когда концерт окончился, кадеты, не сдерживая своего поры ва, ринулись на эстраду, подняли его на руки и начали "качать". Бѣднягa был ни жив, ни мертв...На его счастье, вмѣшательство ди ректора корпуса, прекратило эту манифестацію нашего восторга.

По утрам, послѣ чая, бывал обыкновенно, так называемый, амбу латорный пріем, на котором неизмѣнно фигурировал наш добрѣйшій корпусной доктор. Приходили, главным образом, мнимые больные, кото рые желали получить "освобожденіе". Иногда доктор-добряк давал просимое, но чаще приказывал фельдшеру дать таким больным кастор ки, послѣ чего они уже долгое время оставались здоровыми.

Помнится мнѣ один из воспитателей - полковник Кутырев.Его осо бенностью было неизмѣнное хладнокровіе. Обыкновенно, во время сво его дежурства, когда замѣчал, что какой-нибудь кадет разговаривал в строю, он своим сладеньким и, сказал бы, дружелюбным голосом, об ращаясь к провинившемуся, называл его фамилію и говорил: "Зайдешь". Это "зайдешь" значило явиться ему и стать на штраф. Этого рокового слова кадеты боялись как огня.

Преподавателем нѣмецкаго языка в моем классѣ был Николай Васильевич Струве, брат извѣстнаго тогда астронома Струве. Крупный старик патріархальной наружности, с длинной бѣлоснѣжной бородой,до броты необыкновенной. Когда не приготовишь урока, а он вызывает,до вольно было только сказать: "Николай Васильевич! Сегодня я не рас положен отвѣчать - у меня болит голова..." На что этот добряк ус покаивал лѣнтяя, совѣтуя ему не волноваться и сѣсть на мѣсто. Ко нечно, как слѣдствіе его доброты, были на его урокаx различныя про дѣлки.

В каждом классѣ кромѣ обычной классной обстановки находился и шкаф. В его верхней половинѣ хранились письменныя принадлежности,а нижняя была предназначена для болѣе громоздких вещей. Так вот,один из "архаровцев", не приготовив урока, рѣшил скрыться в этом шкафу. Сказано - сдѣлано. Задвижки на дверцах внутри не было. Пришлось ему эти дверцы как то держать. Урок начался. К несчастью, на тот урок пришел директор корпуса генерал-маіор Лазарев-Станищев - наш гроза. Во время отвѣта одного из кадет, когда тот смутился и замол чал, среди мертвой тишины дверцы шкафа с треском распахиваются и из него мѣшком вываливается заснувшій там ловчила. Пробужденіе его было печальным, когда он, в сопровожденіи дежурнаго, промаршировал в карцер.

Иногда, послѣ вечерних занятій, собиралась теплая компанія,ко торая захватив с собой свѣчи, пробиралась на чердак огромнаго зда нія корпуса и там скиталась. Это, на кадетском языкѣ, называлось - "Броженіе умов".

В том же корпусѣ и мой брат Николай, старше меня на 4 года. Французскій язык у него преподавал Гаушильд, когда то бывшій ар тистом Михайловскаго театра /в Петербургѣ/.

" Наш Гаушильд актер был русскій,
Там освистали бѣдняка;
Теперь на лекціи французской
Играет роль он дурака..."

Так пѣлось про него в "Звѣріадѣ".

Обыкновенно, будучи в хорошем настроеніи, он по просьбѣ ка дет, читал и декламировал стихи, помѣщенные в концѣ учебника.Каде ты, как правило, должны были по своим книгам слѣдить. Когда декла мація заканчивалась, Гаушильду аплодировали с выкриками: "Bravo, monsieur le maitre ! Bravo ! Один раз во время одного из та ких чтеній, моему брату наскучило слѣдить и он, смотря в книгу,дѣ

лал вид что слѣдит. Приняв одну паузу за конец декламаціи, он в единственном числѣ захлопал в ладоши и гаркнул во все горло: " Bravo, monsieur le maitre ! ".. В отвѣт послышалось свирѣпое ры чаніе: -"Вон из класса!" - Униженный и пристыженный, Николай ос тавил класс до конца урока.

Читали в свободное время мы много. Кадеты младших классов за читывались произведеніями Майн Рида. Наскучившись монотонностью кадетской жизни, двое кадет 4-го класса, как сейчас помню Попов и Борисов, рѣшили отправиться в далекія преріи дикаго запада, чтобы на быстроногих мустангах окунуться в приключенія и помѣриться лов костью и отвагой с краснокожими.

Вначалѣ все шло как по маслу: сняли погоны, сѣли на первый поѣзд и пустились в путь-дорогу. На пятой станціи от Новочеркас - ска их задержали и двое рабов Божьих очутились перед строем цѣла го корпуса. Директор по этому случаю произнес громовую рѣчь.Он го ворил: "Подобный поступок двух легкомысленных молодых людей не мо жет быть терпим в стѣнах нашего корпуса!".. Свой разнос он закон чил словами: " Я не буду называть фамиліи этих легкомысленных мо лодых людей!" - и потом, повысив голос, прогремѣл: -"Кадет Попов!, кадет Борисов! - на середину!!"...

Это - "Не буду называть их фамилій", долгое время спустя , вызывало наш смѣх, особенно когда один кадет, удачно подражая го лосу директора, произносил эту фразу.

Засадили этих незадачливых прерійских героев в карцера, кото рые были рядом. Как то, проходя мимо этих карцеров, директор кор пуса замѣтил, что находившіеся там Попов и Борисов, сидят на полу под окнами и прислушиваются к чему то. Заинтересовавшись, вошел он в один из этих карцеров и спросил, в чем дѣло? Оказалось, что наши путешественники пробовали перестукиваться при помощи труб па рового отопленія, находившагося под каждым окном.

Желая убѣдиться в этом самолично, директор сѣл на пол и стал стучать по трубѣ и прислушиваться к отвѣту. В это время проходил дежурный воспитатель. Увидѣв, как грузный бородатый генерал сидит на полу, как малое дитя, не знал что дѣлать, так как эта кар тина была столь необычной, что он на первых порах подумал, не со-шел ли почтенный генерал с ума...

Памятен мнѣ наш инспектор классов полковник Семерников.Препо давал он, когда я был в 7-м классѣ, химію. Как то, вызвав меня, стал спрашивать о натріи. За мои скромныя познанія поставил он мнѣ единицу. Встрѣтился я с ним в 1914 году, будучи уже офицером. Тут должен сдѣлать маленькое отступленіе. По окончаніи корпуса в 1910 году, я стал питомцем незабываемаго Михайловскаго Училища,а в 1913 году был произведен в первый офицерскій чин и назначен в 7-ю Донскую Казач.батарею в г.Замостье Люблинской губерніи.По объ явленіи войны в 1914 г., я и еще трое младших офицеров батареи,бы ли откомандированы в г.Новочеркасск, как сверхкомплектные, с тѣм, чтобы подготовляя пополненія, ожидать нашего назначенія на фронт,

на мѣста выбывшихъ изъ строя офицеровъ. Ожидать долго не пришлось и в мартѣ 1915 года я уже былъ на фронтѣ.

Такъ вотъ, будучи в Новочеркасскѣ я, в ноябрѣ 1914 года, былъ на значен, наряду с моей должностью, в помощники хозяина гарнизоннаго офицерскаго собранія, так как послѣдній былъ перегружен работой в связи с ожидавшимся пріѣздом Государя в Новочеркасск. По расписанію Государь долженъ былъ присутствовать в офицерском собраніи на чаѣ 6-го декабря в 5 часов вечера.

День пріѣзда Государя наступил. Рано утром я уже былъ в помѣщеніи собранія, гдѣ кромѣ хозяина собранія и прислуги, не было никого. Вход былъ под ключем. Не буду описывать как былъ сервирован Царскій столъ, это бы меня отвлекло от основной темы. Первая моя должность в тот день была: пробовать воду, предназначавшуюся для чая, до и послѣ кипяченія, послѣ чего самовар былъ перенесен в спеціальную комнату, под непосредственное наблюденіе хозяина собранія.

Вторая моя должность заключалась в том, что я долженъ былъ за время чая давать старшему офиціанту ключ от помѣщенія, гдѣ хранилось вино, когда то будет нужно и угощать обычных гостей-офицеров. В тот вечер тут могли присутствовать только лишь генералы и офицеры. Все шло по установленному порядку. Ровно в 5 часов Государь в сопровожденіи свиты, поднявшись по установленной пальмами и застланной голубым ковром лѣстницѣ, вошел в двухсвѣтный зал...Гимн... Ура...Привѣтственныя рѣчи и представленіе выздоравливающих раненых офицеров... Государь сѣл за стол. В то время встрѣчаю полковника Семерникова. Спрашиваю, не желает ли он выпить со мной шампанскаго...Он охотно соглашается..

-"Знаете ли" - говорю ему,- "почему Вас угощаю?" - "Почему?" "Потому, что Вы поставили мнѣ единицу по химіи...помните?"

-"Как же, помню! Если бы я это тогда знал, то поставил бы Вам их двѣ!! - вставил он разсмѣявшись.

Государь встал из-за стола. Толпа офицеров окружила его тѣсным кольцом. Вся группа медленно движется через зал, направляясь в, так называемую, Атаманскую Комнату. Комната эта со свѣтло-голубыми обоями, цвѣта мундира лейб-гвардіи атаманскаго полка. На стѣнах висят портреты и фотографіи Наслѣдника Цесаревича и атаманов.

Государь останавливается перед портретом Наслѣдника и пристально его разсматривает... В это время послышался чей-то голос : - "Ваше Императорское Величество! Мы были бы счастливы видѣть нашего Августѣйшаго Атамана-Наслѣдника Цесаревича среди нас..." На это Государь своим спокойным мягким голосом, как бы в раздумьи , отвѣтил: - " Если война окончится благополучно, привезу его с со бой..."

В этой неувѣренности нашего вѣнценоснаго гостя, как бы проскальзывало роковое предчувствіе, как его собственной судьбы, так и судьбы цѣлаго нашего Отечества...

Как часто вспоминал я потом эти слова нашего Монарха - Царя Мученика!...

Наступившія потом событія, со всей их неумолимостью превратили в свирѣпую дѣйствительность то, что тогда едва коснулось моего сознанія...

Читал гдѣ-то, что Государь и вся Августѣйшая Семья были склонны к мистицизму. А почему же нѣт? Ипатьевскій монастырь - Ипатьевскій дом... Начало и конец - альфа и омега...Пустое ли это совпаденіе или что-то другое?...

В мартѣ 1915 года я уже получил назначеніе на фронт - в 8-ую Донскую Казач.батарею, находившуюся ко дню моего прибытія в серд цѣ Карпат, в разрушенной галиційской деревнѣ Грабовчик. Офицеры помѣщались в единственной уцѣлевшей комнатѣ деревенской школы.

Хозяйка, древняя старуха, мать учителя, котораго австрійскія власти, обвинив в руссофильствѣ, повѣсили, часто, по нашей просьбѣ, своим угасающим, едва слышным голосом пѣла. Эта пѣсня с ея заунывной мелодіей, скорѣе походила на стоны, сломленной неизбывным горем, матери...

" Иду на войну,
Иду на войну;
Ой коню, мой коню!
Взыграй подо мною...
Дывчина не плачь,
Дывчина прощай..."

Вскорѣ началось наше отступленіе, закончившееся общей катастрофой и небывалой по своим ужасам трагедіей. Начало смуты.. Пробираюсь на Дон...Двукратный арест в пути, когда казалось, моя погибель была дѣлом рѣшенным. Март 1918 года. Добираюсь до Новочеркасска, в котором хозяйничают непрошенныя красныя части. Третій - и самый страшный арест. За неимѣніем мѣст в переполненной до отказа тюрьмѣ, меня водворяют на гарнизонной гауптвахтѣ, караул которой состоит исключительно из шахтеров. Эти человѣческія существа с звѣроподобными лицами увѣшаны пулеметными лентами, ручными гранатами и наганами... Отсюда многим и многим единственный путь был - дорога в смерть. Здѣсь был заключен, до моего прибытія, пріемник атамана Каледина, доблестный генерал Назаров. Мужественно встрѣчая смерть, в послѣднюю минуту скомандовал он разстрѣливавшим его: - " Сволочь, пли! "...

"Сволочь", как оказалось, не умѣла хорошо цѣлить, так как из раненный генерал, послѣ разстрѣла был еще жив...и когда палачи удалились, оставив свои жертвы лежать, он дополз до одной из лачуг на окраинѣ города, умоляя о помощи..., но нѣт предѣла человѣческой подлости!... О том было сообщено красным и страдалец был пристрѣлен. Вѣчная слава герою-мученику. Вѣчное проклятіе доносчикам.

В камерѣ № 15 гауптвахты кромѣ меня находились шесть польских офицеров и один отставной старик - полковник. Всѣ мы ожидаем своей участи. Жуткими ночами слышится шум подъѣзжающаго броневого автомобиля и характерное цоканье лошадиных копыт конвоя. Машина останавливается... Шаги и лязганье оружія в корридорѣ, по обѣим сторонам котораго находятся камеры с заключенными. Затѣм все стихает. В гробовой тишинѣ чей то голос начинает выкрикивать фамиліи. Ужас, неописуемый ужас входит во всѣ фибры существа...Сердце гото

во выскочить из груди...Буду ли я слѣдующим? Всякій раз из различ ных камер слышится отвѣт: "Я" или "Здѣсь"...Затѣм скрип отворяемых и затворяемых дверей. Жертвы окружаются, вооруженным до зубов, конвоем; выводятся из помѣщенія гауптвахты и втискиваются в брони рованный автомобиль. Шум удаляющейся машины с ея конвоем... Все стихает. И все это повторяется каждую ночь!...

За городом обреченные/по терминологіи убійц/ "отправлялись на Харьков"... Сколько раз я слышал эту гнусную фразу, относящуюся ко мнѣ! И сколько раз я в мыслях готовился к смерти! Но Гос - подь судил иначе. На разсвѣтѣ 1 апрѣля 1918 г. возставшіе казаки ближних станиц освобождают столицу бѣлаго Дона...Я спасен.

Гражданская война...Іюль 1918 года. На моем наблюдательном пунктѣ появляется начальник дивизіи генерал Т. с многочисленными ординарцами. Посвистывают пули. Сильный удар в руку ниже плеча и огненная боль у самаго сердца, точно на него вылили ведро кипящей воды, препятствует дыханію...В тот момент, прижав руки к груди, я, только лишь с большим трудом, мог вымолвить: -"Сердце, сердце..." Один из офицеров, обращаясь к кому то, говорит: -"Ну, этот готов."

Но я не был "готов". Послѣ шестинедѣльнаго лѣченія, с невынутой пулей, которая, как оказалось, пройдя под лопатку, припек - лась к легочной плеврѣ, возвратился я на фронт. Лѣвую руку мог по дымать лишь до высоты плеча.

Послѣ блестящих успѣхов, когда нами уже был занят г.Орел, на ступил перелом. Несмѣтныя красныя полчища, обильно помогаемыя "со юзниками", начали тѣснить нас и бѣлая армія, оказывая упорное со противленіе, стала откатываться на юг.

Январь 1920 года. В одной из станиц Кубани встрѣчаюсь с моим командиром батареи из времен I-й міровой войны полковником Кли мовым. В разговорѣ со мной разсказал он мнѣ, как был на Рождество в г.Ростовѣ в одном циркѣ. Цирковой "факир", по окончаніи своих удивительных номеров, обратился к публикѣ, предлагая задавать ему вопросы, на которые он будет отвѣчать. Среди различных вопросов был и такой: -"Когда окончится гражданская война?" Отвѣт его гласил: -" I4 марта 1920 года". Спустя II недѣль, т.е.в точно предсказанный день, I4-го марта, нами был оставлен Новороссійск. В этот день борьба в ея главной фазѣ окончилась, предсказаніе цир кового "факира" сбылось.

Как памятен мнѣ этот роковой день, страшный день, когда разы грывался заключительный акт жуткой трагедіи. Новороссійск с его окрестностями в предразсвѣтных сумерках...С гор слышится ружейная и пулеметная стрѣльба...Вспышки отдѣльных выстрѣлов, на темном фо нѣ гор, точно свѣтлячки спускаются все ниже. На берегу огромная толпа. Люди куда то спѣшат, куда то проталкиваются...Огромное количество оставленных строевых лошадей с полной сѣдловкой...

Перегруженные пароходы и военные корабли отходят. Выстрѣлы совсѣм близко. Оставшаяся масса людей стремительно движется по

шоссе вдоль морского берега по направленію к Геленджику. Сажусь на первую попавшуюся лошадь и в общем потокѣ скачу. Послѣ нѣкотораго времени колонна вдруг останавливается.."Зеленые" преградили единственный путь. Послѣдняя надежда на спасеніе пропала. Сзади - красные, спереди - зеленые, слѣва - неприступныя горы и справа - зеленыя волны, уходящаго за горизонт моря. Минуты тяжкаго раздумья и полнаго отчаянья...То что надвигалось, леденѣло своим ужасом душу: неужели страшный плѣн с его непревзойденными жестокостями?!.. Неужели медленная мучительная смерть в совѣтском концентраціонном лагерѣ, с его ежечасными истязаніями, гдѣ "классового врага рѣжут тупым ножем, чтобы он то почувствовал!...

Нѣт! Лучше смерть!...

Оставляю лошадь, спускаюсь к самой водѣ. В это время появляется французскій миноносец и спускает двѣ шлюпки, чтобы забрать оставшихся офицеров атаманскаго полка. Послѣдніе на своих конях медленно въѣзжают в воду. Слышу, как кто-то говорит: "Красные сей час начнут забирать в плѣн..."

Вхожу в воду и двигаюсь к одной из шлюпок, которая не так уж близко. Вода поднимается все выше и выше...Вот она уже подходит мнѣ до рта...Борт шлюпки совсѣм близко...Мнѣ, погруженному в воду почти до самых глаз, этот борт кажется недосягаемо высоким...и в эти жуткія минуты, становится до ужаса очевиднымъ, что с одной здоровой рукой мнѣ не подняться до форта.

Боже! Не оставляй меня!!... С отчаяньем погибающаго кричу матросу-французу, что я ранен... Je suis blessé ! Aidez moi! "

Меня втаскивают в шлюпку. Я спасен.

Короткая задержка в Крыму. Август 1920 года. На моем наблюдательном пунктѣ начальник дивизіи, лейб-казак генерал Д. На нем форменная красная фуражка. Шрапнели красных сперва дѣлают недолет, потом перелет. Вилка - это очевидно. Затѣм слѣдует половиненье вилки, все в пыли...Группа "гостей" смывается, меня кой-как оттаскивают в сторону. Этот раз шрапнельная пуля застряла в стопѣ лѣвой ноги... Севастопольскій морской госпиталь, двѣ операціи по извлѣченію пуль.

Конец октября 1920 года... Эвакуація...

В утренней дымкѣ едва различаются очертанія берегов родной земли...Боль еще не залѣченных ран заглушается горьким сознаніем напрасных жертв и утраты Родины...

Пройдут многіе годы...и уцѣлѣвшіе свидѣтели героической бѣлой борьбы будут вспоминать:

" О бѣлых рыцарях в борьбѣ неравной,
Гдѣ были пролиты моря крови,
Гдѣ погибали смертью славной,
Иль честь свою в изгнанье унесли ".

и вздохнув, с горечью скажут:

" Но не нашлось для них нигдѣ признанья,
В атомный вѣк, предательства и лжи,
Забыл весь мір Іудины лобзанья
И ждет прихода краснаго сатаны..."

Потеряв Родину, каковой она была когда-то, другой нам не найти. О ней лишь остались воспоминанія, которыя оживают с особенной силой при звуках наших несравненных пѣсен, этих шедевров музыкальнаго творчества:

" Однозвучно звенит колокольчик..."

Окружающая же нас дѣйствительность, грубо врываясь непрошеной гостей в наши грезы, разсѣивают их:

" Не звенит уж давно колокольчик
И не слышится пѣснь ямщика,
Только бусы проносятся с шумом...
И трубят, все трубят шофера..."

Воспоминанія...они будят сожалѣніе о невозвратном, но они и освѣжают душу... Воспоминанія далекой юности! Как безконечно дороги они нам! Их ревниво бережем в нашем сердцѣ, как драгоцѣнныя жемчужины...

Воспоминанія...как яркія зарницы, выхватывают из мглы нашего прошлаго - ДАЛИ пройденнаго жизненнаго пути с его вѣхами: ВѢРА, ЦАРЬ и ОТЕЧЕСТВО...

Они непрестанно и настойчиво говорят о безпредѣльной милости Того, Кто в годы лихолѣтья вывел нас из всѣх испытаній и сохранил до настоящих дней.

И. Фомин

Выпуска 1913 г.

НА ДЕНЬ УЧИЛИЩНАГО ПРАЗДНИКА В 1957 ГОДУ.

Храня обычай прежних лѣт, -
В день годовщины славной Школы,
Шлю однокашникам привѣт
Чрез горы, рѣки, лѣса, долы...

Желаю школьной всей семьѣ
Дня воскресенія дождаться
И в Петербургѣ на Невѣ
В стѣнах знакомых ей собраться...

Потомкам нашим передать
Наслѣдіе богатств нетлѣнных;
Их научить не забывать
Традицій Школы - несравненных...

Пусть та завѣтная мечта
Живет в сердцах - не угасает.
Как путеводная звѣзда
Во мракѣ жизни нам сіяет.

И. Фомин

Выпуска 1913 г.

В О С П О М И Н А Н І Е

Ивана Ивановича Фомина, Войскового Старшины Донской Артиллеріи, окончившаго Донской Императора Александра III Кадетскій Корпус; выпуска из Училища в 1913 году.

При переходѣ из 6 в 7 класс корпуса передо мной встал вопрос: куда я поступлю по окончаніи наук. Рѣшеніе пришло неожиданно и легко, так как в то время пріѣхал в отпуск, в связи с женитьбой, мой брат /нынѣ покойный/ Александр, бывшій питомец Михайловскаго Артиллерійскаго Училища и в то время уже как слушатель Академіи. На мой вопрос - "куда?", он без колебанія отвѣтил - "Иди в Михайловское Артиллерійское Училище, это самое лучшее на свѣтѣ училище."

Таков был его простодушный и искренній совѣт. И я дѣйствительно "пошел", т.е. взял вакансію в Михайловское Артил.Училище, имѣя возможность сдѣлать это, как окончившій корпус шестым по старшинству.

" Родная Школа на Невѣ,
У входа, на гранитѣ пушки..."

Начальником Училища в то время был генерал Вахарловскій, вскорѣ получившій другое назначеніе, а его пост занял генерал Карачан, высокообразованный человѣк и выдающійся артиллерист. У нас читал он тактику артиллеріи. Это скучный предмет со множеством статистическихъ таблиц, но он знал, как оживить и сдѣлать его интереснымъ и его лекціи были одними из самых популярных. Его часто повторяемым выраженіем на лекціях было - "Всякое рѣшеніе имѣет право на существованіе." Волевой человѣк и, как начальник не идущій ни на какіе компромиссы, стал героем "эпизода", описаннаго в № 3 "Михайловцы". К описанію "эпизода" с своей стороны прибавлю слѣдующее.

Когда юнкера, попавшіе в список идущих в Маріинскій театр, построились перед комнатой дежурнаго офицера, неожиданно появился генерал Карачан, как раз в тот момент, когда дежурный офицер, осматривавшій юнкеров, подал команду - "Кругом". При быстром поворотѣ глубокіе разрѣзы шинелей открыли то, чего оно начальника не должно было бы видѣть, а именно собственные рейтузы, а не казенные шаровары.
- "Это еще что за маскарад",- строго спросил генерал Карачан.
- "Сейчас же переодѣться в казенное обмундированіе." И послѣ малой паузы - "Включительно до сапог." Хотя в то время ношеніе лакированных сапог внѣ училища разрѣшалось. Нечего было дѣлать - приказаніе должно было быть исполненным. В тот достопамятный день я был дежурным по пріемной комнатѣ /боковом помѣщеніи прилегающем к вестибюлю/, благодаря чему первым узнал о происшедшем "скандалѣ", так как всякій юнкер, возвращающійся послѣ спектакля, счел своим долгом заглянуть ко мнѣ и излить свое возмущеніе по поводу того, как михайловцы оскандалились, можно сказать, перед цѣлым Петербургом и как, благодаря характерному и к тому же весьма сильному запаху казенных сапог, одна из находившихся вблизи институток упала

в обморок и т.д. Какова была "месть" юнкеров, мы знаем из описанія в номерѣ третьем, реакціи генерала Карачана - скорой и энергичной и вылилась она в рядѣ строгих мѣр и послѣдовавшем разносѣ, состоявшемся в Бѣлом Залѣ. Заключительная фраза звучала и патетически, и угрожающе: - "До сих пор на всѣ ваши выходки я смотрѣл сквозь пальцы, теперь же будем жить по уставу." Не прошло и недѣли, как на имя ген.Карачана было послано извѣстным книгоиздательством Березовскаго два сундука уставов.. Все происшедшее, однако, нисколько не отразилось на популярности этого дѣйствительно рѣдкаго офицера, впослѣдствіи так трагически погибшаго. Мир праху его и да будет легка земля рыцарю-михайловцу.

Командиром 2-й батареи, в которой я находился, был полковник Леонтовскій или как мы его называли "Леонтач". С виду суровый, на самом дѣлѣ добрѣйшій человѣк и к тому же не лишенный извѣстной доли остроумія. Как то раз появился он в Бѣлом Залѣ к концу переклички. Послѣ пропѣтой молитвы, им был сдѣлан знак юнкерам подойти ближе к нему, нужно было совмѣстно рѣшить вопрос об устройствѣ бала. Среди различных предложеній и вопросов раздается чей то голос: - "А как, господин полковник, со штанами", т.е. другими словами, можно ли будет юнкерам во врэмя бала, без риска взысканія, быть в собственных рейтузах. Полковник Леонтовскій, не долго задумываясь, выпаливает: - "Ну, конечно, в штанах".

Несмотря на такой "дипломатическій" отвѣт, на балу мы были в собственных рейтузах и галифэ, начинавших тогда входить в моду и никто из начальства не преслѣдовал отступивших от утвержденной формы одежды. Во всѣх случаях общенія с юнкерами первой и неизмѣнной его фразой было ворчливое: - "Ничего не понимаю".

Читал он в одном из отдѣленій Военную Администрацію. Как то раз, подводя какую то статистику и складывая 3/4 с 3/4 он, по разсѣянности, получает - "3/4". Эта оплошность не обошлась ему даром. Во время традиціоннаго "Отбоя", в курилкѣ между прочими картинами и карикатурами появилась новая: - на черном фонѣ, знаменующем классную доску, изображен характерный профиль полк.Леонтовскаго и его роковое вычисленіе - 3/4 плюс 3/4 равняются 3 плюс 3/4 плюс 4 равняются 8/8 равняются 3/4 и надпись - "Ничего не понимаю".

Полубатарейными были: весьма симпатичный "тишайшій" капитан Авринскій, поразительно схожій с покойным Государем и капитан Кузнецов, выговаривавшій букву "с" как то особенно подчеркивая ея свистящій звук... "Красивый офицер" - так мы его звали. При появленіи его в каморѣ, со всѣх сторон слышалось томное - "красивый, красивый"...что его заставляло и краснѣть, и блѣднѣть. Дѣлая вид, что ничего не слышит, он быстро удалялся.

Правящим или "мамашей" у нас был старшій портупей-юнкер Тихомиров, неизмѣнно внушавшій нам "Михайловскую вѣжливость, михайловскую порядочность" и наставлявшій нас, как себя должен вести михайловец в стѣнах и внѣ стѣн училища. Из "именитых" юнкеров вспоминаю Наслѣдника Персидскаго Престола Принца Каджара. Низенькій, полный брюнет, спокойный и выдержанный юноша производил симпатичное впечатлѣніе. При устройствѣ бала, благодаря его протекціи, уда

лось получить из Персидскаго посольства персидскіе ковры, портьеры, тахты и пр., что дало возможность обставить, так называемый , Персидскій Салон с чисто восточной роскошью.

В связи с балом вспоминается мнѣ слѣдующее: - в разгар бала в Бѣлом Залѣ появляются идущіе друг за другом нѣсколько юнкеров,в руках у них старинныя круглыя бомбы с горящими фитилями. Толпа разступается и дѣлится на двѣ половины. В образовавшійся проход в нѣсколько секунд воздвигается бумажная стѣна-ширма, так что стоящіе по ея обѣим сторонам, не могут видѣть своих визави.Одновременно дамы уже получили удочки, которыя онѣ забрасывают за стѣну , а кавалеры с противоположной стороны хватают "приманку".Стѣна вмиг убирается и дама, "пойманная" таким образом кавалера, танцует с ним. В вихрѣ вальса несовмѣстимое оказалось совмѣстимым. Так юный козерог вальсирует с почтенной дамой, годной ему в матери, а убѣленный сѣдинами генерал кружится в вальсѣ, обнимая хрупкую талію молоденькой институтки, годящейся ему во внучки.

Из лекторов помню невозмутимаго капитана Купріянова, читавшаго на младшем курсѣ топографію. На одной из репетицій, отвѣчающій юнкер начинает опредѣленно "плавать". Чтобы помочь ему, лектор говорит: - "Посмотрите в кипрегель, что видите?" -"Вижу, что кипрегель неисправен". -"Как так?"- удивляется Купріянов. -"Потому что в нем изображеніе вверх ногами"...Дружный хохот, Купріянов пожимает плечами и не ставит бала с тѣм, чтобы неудачник отвѣтил со слѣдующей очередью.

Неорганическую химію на младшем курсѣ читал симпатичный капитан Филипов.Его лекціи слушались с большим интересом и от них никто не "ловчился". Как то раз объясняя закон Лявуазье о том, что матерія не исчезает и не творится вновь, провел он блестящую параллель с безсмертіем души. Аплодисменты от сердца были наградой талантливому лектору.

Физику внѣдрял в нас полков.Купріянов - "Гвоздь". Памятен он мнѣ в связи с моим неудачным выводом уравненія "качанія маятника", когда он немилосердно влѣпил мнѣ единицу. Конечно, таких жертв, как я, было не мало и потому, по окончаніи выпускных экзаменов,мы с особенным удовольствіем повторяли, бывшія тогда в ходу изрѣченія:

" Никаких репетицій, кромѣ театральных,
Никаких шаров, кромѣ бильярдных,
Никаких ГВОЗДЕЙ, кромѣ сезонных. "

Вспоминается незабываемый полков.Гродскій, читавшій на младшем курсѣ Дифференціальное Исчисленіе. Репетиціи его были для нас самыми непріятными, так как этот человѣк обладал чисто мистической способностью спрашивать, как раз то, что юнкер не знал. Обычная его фраза, когда юнкер безнадежно "плавал", была:-"Садитесь , бутерброд упал маслом вниз". Однако припоминается случай,когда он отступил от своего обыкновенія. Дѣло было так: - Во время одной из репетицій, с нашей очередью должен был отвѣчать только что переведенный из Казанскаго Пѣхотнаго Училища нѣкій юнкер Вер. Полу-

чив заданіе "Круговыя функціи", он чистенько вычертил аккуратные круги и пр., снабдив чертежи соотвѣтствующими формулами, но, повидимому, что то не понравилось полковнику Гродскому. Задает один каверзный вопрос - Вер начинает путаться, задает другой - Вер смутился, задает третій вопрос - Вер, совершенно сбитый с толку, молчит. Наступившую гробовую тишину в классѣ прерывает голос полковника Гродскаго: - "Садитесь, юнкер Вер, проникнетесь круговыми функціями."

О судьбѣ полков. Гродскаго кое-что сообщил мнѣ однокашник, одного с ним выпуска, полковник Горбатов, с которым, в бытность мою в Югославіи, довольно часто встрѣчался. Разсказывал он, что, во время большевиков, сидѣл с полков.Гродским в одной и той же тюрьмѣ в г.Орлѣ, но в разных помѣщеніях. Нѣсколько раз видѣл, как Гродскаго сопровождал конвой по воскресеньям в церковь, но потом его как то не стало. Был ли он переведен в другое мѣсто или разстрѣлен, так и не удалось узнать.

Среди старых михайловцев существовал обычай, который свято соблюдался нѣкоторыми выпусками, а именно: собираться послѣ опредѣленных промежутков времени в Училищѣ. Вспоминается мнѣ, как в один день в предобѣденное время, в концѣ каморы появилось необычайное шествіе: на поднятых юнкерами стульях возсѣдали почтенные генералы, полковники, съѣхавшіеся со всѣх концов необъятной Матушки - Россіи. Их было не больше десяти. Слезы, старческія слезы умиленія капали из их глаз. Шествіе останавливается перед дверьми карцеров, которые служитель поспѣшно открывает. Неожиданные гости входят туда и выпускают "невольников" на свободу, дѣлясь своими воспоминаніями о том мѣстѣ/нѣкоторым из них знакомом/.

Обычно съѣхавшіеся сперва присутствуют на молебнѣ в училищной церкви, послѣ чего имѣет мѣсто только что описанное шествіе, а потом гости обѣдают с юнкерами, всякій на том мѣстѣ, гдѣ когда то сидѣл. Все это произвело на нас такое сильное впечатлѣніе, что многіе из нас дали друг другу слово послѣдовать примѣру старших однокашников, но не судил Господь

" Не вѣдали тогда,
Что налетит гроза,
Что темна ночь настанет,
Что многих нас не станет..."

Разсѣянные по цѣлому свѣту, михайловцы все же остались вѣрными старым завѣтам и благодарная память о родном гнѣздѣ никогда не изгладится из их воспоминаній... Никогда не забудется самое лучшее, самое яркое время жизни, отблески котораго, освѣщая безотрадное настоящее, постоянно будут с нами до послѣдняго дня, до послѣдняго вздоха.

И. Фомин
Выпуска 1913 г.

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА " ЛАЙФ ".

Ниже приводится перевод письма, послан наго михайловцем Г.Лариковым, живущим на о. Формозѣ, редактору журнала "Лайф", в кото ром была помѣщена статья и рисунки подло и глупо "пытающіеся" изобразить "кровавый" Царскій режим. По этому поводу была написана масса писем и редактору этого журнала и в другіе журналы и газеты и организо ван в Нью Іоркѣ спеціальный митинг, на котором присутствовали нѣкоторые американ - скіе журналисты и который вынес соотвѣт - ствующую резолюцію, разосланную кому слѣдовало.

РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА " ЛАЙФ ".
9 Рокефеллер Плаза, Нью Іорк 20, Н.І.

М. Г.

Фраза - "Что Царь, что комиссар", пущенная в обращеніе Вашими лже-русскими эмигрантами, может быть и хлестка, но опредѣленнѣйшим образом ЛОЖНА. Вслѣдствіе этого тѣ, кто поощряют эту фальшивую политическую тенденцію, оказывают сугубо дурную услугу Вашему же на роду. Печатая конспективно книгу г.Мурхэда, Вы вступили в ряды фаль сификаторов и присоединили смачный кусочек к пропагандному матеріалу коммунистов, которые, естественно, используют это полностью.

Эта книга может быть переведена на русскій язык и использована в совѣтских школах, как доказательство правильности их версіи об Императорской Россіи, так как даже АМЕРИКАНЦЫ говорят то же самое. Стыд и позор!

Искренно Ваш Г. Лариков.

ЖУТКІЙ СЛУЧАЙ.

Лѣто 1916 г. я провел на Главном Артиллерійском Полигонѣ. Как то по дѣлам был там капитан Н.В. Гуранда, извѣстный многим по Учи лищу и Академіи. Брат его служил со мной во 2-м Конно-Горном Дивізіонѣ и в февралѣ 1915 г. был ранен в ногу и в ту же ночь умер в поѣздѣ послѣ операціи. Н.В. Гуранда разыскал меня на полигонѣ и просил зайти к нему поговорить о покойном его братѣ. В тот же вечер я отправился к Н.В. Гурандѣ.

Я думаю, всѣ помнят, что, если стать лицом к подъѣзду Училища, то направо было крыло казенных квартир. В него вела небольшая, довольно незамѣтная дверь. Там на третьем этажѣ обитал Н.В.Гуранда. Познакомился я с хозяйкой Наталіей Николаевной и начали мы бе-

сѣду об обстоятельствах смерти А.В. Гуранды. В концѣ концов Наталія Николаевна оставила мужа и меня в кабинетѣ и ушла готовить чай. Своевременно чай был подан. Столовая оказалась огромной комнатой. Меня посадили спиной к двери в переднюю, Наталія Николаевна оказалась против меня, лицом к передней, хозяин сидѣл на концѣ стола, дверь в переднюю была от него справа. Начался чай, продолжали толковать о войнѣ и пр. Вдруг сидѣвшая против меня Наталія Николаевна издала какой то звук и подскочила, что называется, до потолка. Помню ее побѣднѣвшее лицо и мое полное недоумѣніе. Н.В. посмотрѣл в переднюю, потом обращается к женѣ и говорит:-" Наташа, успокойся, сейчас ничего не было"...Я тоже посмотрѣл в переднюю, посмотрѣл на хозяев. Ничего не понимаю. Тогда Гуранда обращается ко мнѣ: - "Это глупая /или дикая, не помню/ исторія и я Вам объясню в чем дѣло.

И вот оказывается, что перед кап.Гродским, помощником инспектора классов училища был нѣкій капитан /фамилію его вспомнить не могу/. Этот капитан жил в этой самой квартирѣ. То ли в самом концѣ прошлаго столѣтія, то ли в самом началѣ этого, он возьми, да и застрѣлись. И вот, вѣрьте или не вѣрьте, дѣло Ваше, дух его продолжает жить в этой квартирѣ... Н.В. Гуранда сказал мнѣ:-"Мы его часто видим. Он иногда сидит в этом креслѣ/в столовой/, иногда он проходит из передней в эту дверь/за спиной хозяина была дверь/,но он никого не трогает." Н.В.Гуранда сказал также, что перед ними в этой квартирѣ жили лица /фамиліи вспомнить не могу/, коих мы всѣ знали или по Училищу или по Академіи, но не выдержали и бросили казенную квартиру.

Я довольно ясно и сейчас представляю себѣ этот вечер и все, что я слышал тогда. Зная Н.В. Гуранду /земля ему пухом/,я не допускаю мысли, что эта исторія вымысел, фантазія. Так что получите, за что купил, за то продал. Надѣюсь, что кто-нибудь из михайловцев времен вытяжных трубок слышал об этой исторіи и подѣлится с нами слышанным.

Н. Браетскій

Выпуска 1910 г.

НѢЧТО О ЛЕКТОРАХ.

В мое время, на младшем курсѣ, нам тактику читал блестящій генер.штаба капитан Гибер-фон-Грейфенфельс. Средняго роста, статный и интересный, прекрасно говорившій и носившій "салатный" сюртук, что было всегда предметом зависти и вожделѣнных мечтаній будущих "конников".

Надо сказать, что с первой же его лекціи, я увлекся этим предметом и, конечно, наш ротаторный учебник знал наизусть.Потом увлекся вообще тактикой и, достав в нашей библіотекѣ сочиненія генерала Потто, в ущербъ другим лекціям, просиживал над описаніем боевых дѣйствій на Кавказѣ. Но, однажды, из всего этого получился

большой "конфуз". На одной из репетицій, Гибер дал мнѣ задачу: поставить на картѣ батальон пѣхоты с двумя взводами артиллеріи, обозначив этот отряд, как сильную заставу. Мѣстность - холмистая, с перелѣсками, тут же протекала рѣчушка, проходимая вброд. Задача на оборону. Разставил я сторожевое охраненіе, двѣ роты ввел в боевой участок, двѣ - в резерв; поставил два взвода артиллеріи, дав им порядочный интервал. Главное, всю боевую часть поставил так, что она у меня была впереди рѣчки, считая, что она легко переходима. Потом, не разбирая моего рѣшенія, Гибер приказал мнѣ всю мою схему начертить на доскѣ. Чертил я хорошо, красиво все это изобразил и радовался, задача легкая, "отхвачу" отличную оцѣнку. Но, моя радость оказалась преждевременной. Когда очередь доклада дошла до меня, Гибер посмотрѣл на мою доску, ахнул и сказав только-"слабо", погнал меня на мѣсто и сейчас же мнѣ друзья прошептали - "2".

Как ошпаренный, я сѣл и готов был хоть слезы лить. Кончилась репетиція, подошел к Гиберу и спросил, почему "2"?

-"Грубая ошибка, от Вас этого не ожидал"!

Доказывать не было времени, он уже уходил; спорить - не позволяла дисциплина, а потому мнѣ можно было только просить в слѣдующій раз "поправиться". - "Пожалуйства",- отвѣтил он.

Помимо личной обиды, всѣм вѣдь извѣстно, что значит получить "2" на репетиціи; если я в слѣдующій раз отвѣчу на "12" и хорошо, если он не посчитает этой двойки, а поставит, допустим, "10", тогда я сразу спасен, но не дай Бог, если он возьмет среднее арифметическое, тогда что? Понятно, мнѣ, любившему тактику, было даже больше чѣм обидно, но что дѣлать? Нашел в читалкѣ мамашу-Полянскаго, вызвал его оттуда и разсказал. Наши кровати в дортуарѣ были рядом и он мнѣ посовѣтывал пока не волноваться, а когда придем спать, то обѣщал мнѣ все объяснить.

- Да я же у него имѣю уже три раза по 12, почему он мнѣ закатил двойку?

Вѣроятно у меня был очень плохой вид, так как Полянскій, прервав свое чтеніе в библіотекѣ, вывел меня в корридор и там сказал чтобы я не волновался, обѣщая с ним переговорить, но при этом замѣтил то, что потом мнѣ осталось на всю жизнь: - "Знаешь, тактика такая наука, что на каждый случай, любая задача может быть рѣшена нѣсколькими способами. Ты показал Гиберу один, ему этого показалось мало, а, может быть, он ждал, что изобразишь именно тот, который ему больше нравился, а ты этого не сдѣлал и не доложил, что ты мог бы расположить твой отряд еще в других положеніях. Ничего, поправишь, не волнуйся! "

Мнѣ кажется, что на это я ему отвѣтил: -"Вот, проклятая наука"!

Послѣ слѣдующей репетиціи он предложил мнѣ исправить прошлую и к моей великой радости, когда по совѣту дорогого Полянскаго, я начал Гиберу докладывать подробности своей прошлой задачи, то он остался доволен, сказав: -"Вот так вы и должны были в прошлый раз

докладывать, а не отвѣчать по-дѣтски". Поставил - 10. И я ликовал.

Прошли года, я уже вернулся с Дальняго Востока с "клюквой" и "маленьким" Станиславом с мечами, дѣлаю доклад в Варшавѣ в Собра ніи Офицеров Генеральнаго Штаба - "О стрѣльбѣ тяжелой артиллеріи с закрытых позицій". Послѣ доклада ко мнѣ подходит Гибер/ я его сразу узнал/, смотрит на мой Михайловскій знак и говорит:-"Я Вас помню, Вы мой ученик, благодарю Вас еще раз". На это я ему отвѣтил: -"Всѣ здѣсь полученные мною апплодисменты я должен приписать и Вам, господин Полковник, а полученную мною от Вас когда-то двой ку, я уже забыл". -"Какую двойку, когда, за что?" Тут я ему все напомнил и мы долго посмѣявшись, разстались хорошими знакомы ми.

Потом я с ним встрѣчался на разных лекціях в Варшавѣ,а также в обществѣ. Но, однажды, у меня была с ним и другая встрѣча, весе лаго характера. Возвращаясь со службы, я часто встрѣчался с одной дамой и почти всю дорогу по Уяздовской аллеѣ, до моей улицы, мы шли вмѣстѣ. Однажды эта дама сказала мнѣ: -"Сейчас я вам покажу одного полковника, который вот уже три раза предлагал мнѣ прово дить меня до дому, не будучи со мной знакомым. Вот он идет..." и когда он поравнялся с нами, я узнал моего Гибера-фон-Грейфенфель са.

Он хотѣл пройти мимо нас, видя, что эта дама идет не одна, а со мною. Не долго думая, моя знакомая обращается к Гиберу:-" Гос подин Полковник, вот мой родственник хочет поблагодарить вас за ваше любезное вниманіе ко мнѣ, боясь чтобы кто-нибудь не обидѣл меня на улицѣ..."

Гибер был страшно смущен, но нашелся, сказав: -"Сегодня я спокоен, видя вас в сопровожденіи моего ученика." Отдал честь и отошел. А как-то на одном из вечеров в Русском Собраніи, встрѣ тившись со мной, он поймал меня и, держа под руку, вспомнил этот случай на улицѣ и выразив удовольствіе по поводу того, что тогда оказался я, а не кто-либо другой, добавил:-"Хорошо, что были это вы, а то вѣдь я принял эту даму за польку и, если бы не вы, то могла бы быть большая непріятность. Мнѣ так неловко и теперь, ког да я встрѣчаю эту даму, что готов переходить на другую сторону улицы." Продолжая с ним встрѣчаться, мы никогда больше не вспо минали этого инцидента.

Химію нам читал прославленный впослѣдствіи капитан Ипатьев. Жил он в том же зданіи, гдѣ жили Начальник Училища и др.офицеры.У него была очень интересная жена, можно сказать, красавица. Сам он, как это свойственно ученым людям, был очень разсѣянным и часто что-нибудь забывал дома: то очки, то носовой платок и вдруг среди лекціи, замѣчая этот недохват, обращался к юнкерам с просьбой не отказать принести ему забытое.

Тут юнкера готовы были всѣ бѣжать к нему на квартиру и, каза лось бы, что придя туда, можно было сказать вѣстовому, что капи тан просит то или иное. Но нѣт, юнкера были хитрѣе и при входѣ в квартиру, заявляли вѣстовому, что им нужно обязательно видѣть ма-

дам. Появлялась супруга капитана, юнкер почтительно прикладывался к ручкѣ и просил дать забытое капитаном.

Мадам Ипатьева знала эти юнкерскіе фокусы и не отмѣняла это го привѣтствія, о чем я узнал уже через нѣсколько лѣт, когда однажды встрѣтился с нею в домѣ полковника Гродскаго, читавшаго у нас в свое время аналитику. О капитанѣ Гродском слѣдует повѣствованіе дальше.

Как я сказал выше, капитан Гродскій читал нам аналитическую геометрію. Нам он всегда казался "не от міра сего". С ним была у нас в отдѣленіи довольно непріятная исторія, которую он нам долго не мог простить и наше отдѣленіе, сказал бы, не пользовалось у не го любовью, а потому он к нам был особенно строг, как на репетиціях, так и на экзаменах.

Кажется, первая лекція, носившая вводный характер, прошла хорошо. А должен сказать, что, может быть подмѣтили и другіе, капитан Гродскій говорил достаточно "в нос" и разсказывая нам, водил глазами по карнизу потолка, потом подходил к доскѣ и зарисовывал на ней вкратцѣ сказанное. Кончилась лекція. Он спросил:"Поняли?"

Мы, глазами спрашивая один другово, удостовѣрились, что "не поняли" и так и отвѣтили.

-"Что же вы раньше мнѣ не сказали, чего не поняли?" - и ушел.

Мы, конечно, сказали об этом мамашѣ-Полянскому. Он нас тоже пожурил, сказав, что мы должны были сразу ему сказать.

В слѣдующій раз Гродскій опять начал ту же лекцію.Сначала он говорил медленно, а потом увлекся и только изрѣдка спрашивал нас, поняли или нѣт? Кто молчал, кто что-то из вѣжливости бурчал-"Так точно, поняли". Но по окончаніи лекціи не было среди нас такого смѣльчака, который бы сказал, что все понял.

Наступала репетиція, а потому нам пришлось опять обращаться к Полянскому, что мы не можем отвѣчать на репетиціи того, чего мы не понимаем, а зазубрили наизусть. Тогда Полянскій обѣщал доложить инспектору классов Полковнику Бриксу. И вот тут то и произошел скандал.

Что и как говорил Полковник Брикс капитану Гродскому, этого знать нам было не суждено, но факт тот, что репетицію нам отмѣнили и когда на слѣдующую лекцію пришел Гродскій, то он,понятно,был зол, как бѣс. Он вообще имѣл щеки с румянцем, а тогда они у него горѣли огнем и глаза метали искры. Начал он свою лекцію в третій раз, при этом, послѣ каждой фразы, останавливался и спрашивал нас. Затѣм в его глазах стала появляться искорка какого то к нам пренебреженія, как будто хотѣлось ему сказать: -"Ну, что, дураки, пони маете теперь?"

И как потом мы ни старались, как ни готовились к репетиціям, все равно, больше IO никто не имѣл. Так было цѣлый год и также было и на экзаменах. Спустя 3-8 лѣт я встрѣтился с ним в домѣ моего родственника. Как Михайлова он пригласил меня к себѣ и вот,будучи у него в домѣ, я напомнил ему наш случай. Он тоже не забыл его и признался, что он был зол на все наше отдѣленіе.

На урокахъ французскаго языка я, какъ говорившій по-французски, долженъ былъ занимать разговоромъ нашего француза /забылъ фамилію/ . Особенно на этомъ настаивали наши донцы, которымъ эта премудрость особенно тяжело давалась. Они придумывали для меня темы и страшно благодарили, если мнѣ удавалось хоть половину лекціи проболтать с преподавателемъ. А суть была в томъ, что репетицій по языкам не бы ло в мое время и потому тот же французъ каждый разъ "тянулъ" кого-нибудь будь, заставлялъ читать, переводить, пересказывать, да еще не забыва вал спросить что нибудь и из граматики. Это послѣднее было для нѣ которых самым страшным. При этом, нужно сказать, что оцѣнивал он очень строго и всегда говорил, что в другихъ училищах учатся много лучше. Можетъ быть и тамъ он говорилъ также, но от этого намъ легче не было, а балл то вѣдь из журнала не сотрешь!

Фортификацію читалъ Инженеръ Генералъ Іохеръ. Онъ почему то очень мнѣ напоминалъ генерала Пуликовскаго, преподававшего мнѣ географію в реальномъ училищѣ Гуревича. Такой же высокій и худой старикъ, любившій чтобы ему подсказывали названія, когда онъ что-либо чертилъ на доскѣ. Начнетъ какое нибудь слово, напримѣръ - б..., слышится подсказ - "блиндажъ, берма...", онъ сердится, оказывается долженъ быть "брустверъ". Чертилъ онъ блестяще и мы всегда удивлялись,какъ онъ могъ безъ линейки такъ ровно, тонко и четко вести линію. Были у насъ, конечно, очень мало способные к такому черченію на доскѣ и их каракули приводили его в ужасъ. Тогда онъ начиналъ хвататься за правый бокъ, ближе к бедру. Потомъ мы узнали, что онъ чуть ли не в Русско - Турецкую войну былъ раненъ.

Также и помянутый мною генералъ Пуликовскій. Онъ былъ предсѣдателемъ Географическаго Общества в Петербургѣ. За свои труды, между прочимъ, получилъ отъ Государыни МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ золотыя часы,на цѣпочкѣ которых висѣлъ большой брелокъ в видѣ книги, усыпанный бриллі антами. Мы, мальчики, испытывали его терпѣніе, прося разсказать , какъ онъ получилъ часы и за что? Вначалѣ онъ охотно разсказывалъ про свою радость, а потомъ, бывало, посмотритъ иронически на приставшаго и вдругъ заявитъ: -"А вотъ ты лучше скажи мнѣ гдѣ Азорскіе острова, навѣрно, озорникъ, не знаешь?" Ему каждый годъ готовили для как даго класса огромные картоны с наклеенной ватманской бумагой, на которых онъ чертилъ карты и заставлялъ насъ повторять за нимъ тоже са мое, на большихъ листах. Начиналось с сѣтки и постепенно заполняли рѣками, горами, городами.

Вотъ онъ изобразитъ озеро Волго и начинаетъ большимъ синимъ карандашомъ вычерчивать р.Волгу и произноситъ: - "Вол..." и вдругъ откуда то сзади послышится: -"Вологда..." Оборачивается и на звукъ произ несенныхъ глупыхъ слов спокойно произноситъ: -"Ну и дуракъ! Знавалъ твоего отца и не думалъ, что у него будетъ такой глупый сынъ. Тебя мнѣ жалко, а отца твоего еще больше."

Дифференціалъ читалъ намъ Гв.Капитанъ Сергѣй Сергѣевичъ Дурново. Читалъ отчетливо, "хлестко", красиво писалъ на доскѣ, быстро,но тол ково такъ, что всѣ схватывали сразу и никакихъ переспросов не было.

Был очень строг в оцѣнках, да и никого не было таких, чтобы пропускали нам хоть что нибудь.

Я, кажется, писал уже когда то, что он совершенно спокойно поставил Нечаеву и Соколову по НУЛЮ, когда замѣтил, что Соколов пытался подсказать на репетиціи, написав на листѣ бумаги какую то формулу. Конечно, это был большой скандал, так как помимо нулей , Дурново прочитал им обоим такую "молитву", что чуть не вогнал в слезы, доказывая им нарушеніе одной из основных традицій Училища. Помимо их досталось и нашему мамашѣ-Полянскому. Этого послѣдняго мы всѣ очень любили, были просто к нему привязаны и вдруг, он был поставлен в такое положеніе, что едва его от нас не убрали.Трудно себѣ представить, что потом творилось в отдѣленіи. Послѣ безпощадной ругани этих "господчиков", было рѣшено на утро, когда придет отдѣленный офицер - Капитан Болотников /он же "Ваничка", он же "Брюсс"/, просить его, чтобы не лишали нас Полянскаго. Болотников, видимо, понял нас, так как и он знал, что мы любим Полянскаго,приложил всѣ старания и наш мамаша остался. Больше мѣсяца мы не разговаривали ни с Соколовым, ни с Нечаевым. Это было им наказание . Могу смѣло утверждать, что наше 5-е отдѣленіе было самым дружным, всѣ 32 человѣка были на "ты" и готовы были перегрызть горло тому смѣльчаку, который бы отважился задѣть одного из нас.

Капитан Дурново был всегда радостно принимаем в обществѣ,как веселый, остроумный, из хорошей семьи в Петербургѣ. Женат он был на дочери петербургскаго коммерсанта Бородулина. Про эту семью вначалѣ говорили, что Дурново взял одну из его дочерей, получив громадный дом и нѣсколько сот тысяч рублей. Впослѣдствіи я узнал эту семью. Там было 5 дочерей: старшая вышла замуж за генер.штаба полковника Бонч-Осмоловскаго, вторая - за Дурново, третья - за коммерсанта Бюллера /имѣл склады аптекарских товаров у Пяти-Углов/, четвертая - за музыканта Прокофьева/композитора/, а младшая - за гвардейскаго сапера /забыл фамилію/. Всѣ - одна красивѣе другой.А их брат, тоже красавец, был нѣсколько старше меня и учился в нашем училищѣ Гуревича.

Вспоминаю, как я впервые увидѣл жену Капитана Дурново на нашем балу. Тогда были в модѣ платья из чешуи. И вот меня, как одного из распорядителей подзывает к себѣ Дурново, знакомит с женой , просит найти какого то офицера.. А я, обалдѣвши, смотрю на эту красивую женщину, да еще в таком шикарном туалетѣ, что сразу и не сообразил, что от меня хотят.

Кончая Училище, тот же Дурново поставил меня в весьма глупое положеніе. Хотя "Сашка" Бородулин был старше меня на 2-3 года, но так как он учился в одном классѣ с моим старшим братом, то он бывал у нас и мы у него, гдѣ я познакомился однажды с его младшими, незамужними сестрами. Потом я пошел в наше Училище и почти год нигдѣ не бывал, кромѣ родных, да иногда на праздниках Рождества и Пасхи, но и в тѣ дни визиты были ограничены небольшим кругом, ибо увлекался театрами.

Когда я был на старшем курсѣ, наш круг родных и друзей как то сразу так расширился, что просто невозможно было бывать вездѣ.

Сестры, учившіяся в гимназіи княгини Оболенской, были уже в вось мом классѣ, двоюродныя сестры окончили Смольный Институт и у них завязались тѣсныя отношенія с полками л.гв.Павловским и Гренадерским. В послѣднем часто бывал Капитан Дурново, так как дружил с капитаном Башиловым и двумя братьями Н. /этот мой весь эпизод опи сан мною с указаніем всѣх фамилій и послан гв.капитану фон-Бензе ману, который послал мое описаніе в Париж, хранителю Музея полка/.

Вся молодежь знала, что я отлично играю в винт, которому меня досконально обучили мои старшіе братья, а от них, моих друзей, это пошло и дальше, потому не было ничего удивительнаго, что од - нажды я получил приглашеніе к полковнику Н., а когда я пришел туда, то меня, не долго думая, хозяйка дома провела в кабинет полковника, гдѣ я застал хозяина дома, генерала Ганенфельда - Командира Лейб Гв.Гренадерскаго полка и капитана Башилова/начальник учебной команды/.

Признаюсь, я был очень растерян, попав в такую компанію.

Играл сначала робко, присматривался к партнерам, но посте - пенно оправился от перваго впечатлѣнія и к концу второго роббера у меня и моих партнеров в углах стола были уже записаны хорошіе плюсы. Карта шла и, пересаживаясь к третьему робберу, шел разговор, что с "молодым" играть пріятно.

Вошла хозяйка и просила послѣ третьяго роббера не начинать игры, так как предлагался ужин. Не успѣл я подсчитать третьяго роббера, как генерал Ганенфельд вдруг говорит мнѣ: -"Мнѣ сказал Сергѣй Сергѣевич /Дурново/, чтобы я вам предложил выйти в наш полк. Сегодня я узнал вас и буду очень рад видѣть в моем полку, да слышал и от наших офицеров, что они вас знают и раздѣляют мое мнѣ ніе. Буду ожидать вас в нашем Собраніи."

Мнѣ ничего другого не оставалось, как поблагодарить, но я тут же доложил генералу Ганенфельду, что для этого мнѣ надо пере говорить с моей мамой /отца в живых уже не было/.

Врядь-ли кто может себѣ представить мое состояніе того момен та? Мнѣ было ясно, что это все штуки самаго Дурново, продѣлавшаго со мною такой фокус по настоянію семьи Бородулиных, которая знала что я предполагаю выйти в Варшаву, в дальнѣйшем пойти по тяжелой артиллеріи и, таким образом, уѣхать из Петербурга. Я знал, кто этого не хотѣл.

Будучи совершенно разстроенным этим инцидентом, я пріѣхал до мой и все разсказал своим. Вѣроятно не спал всю ночь и, едва дождавшись II часов, отправился к моим друзьям Головиным, гдѣ подѣлился своим возмущеніем, зная вперед, что там главный штаб всѣх петербургских новостей и что еще сегодня добрая половина наших об щих друзей - петербургской молодежи, будет об этом знать и мое возмущеніе дойдет до надлежащаго мѣста.

Нисколько не умаляя значенія пѣхоты, а в частности гвардей - ской, гдѣ у меня было много друзей, я, пойдя в Михайловское Артил. Училище по собственному желанію, даже выдержавши вступительные эк замены в Институт Гражданских Инженеров и будучи принят туда, отка

зался от него и вдруг теперь мнѣ устраивают комбинацію совершенно мнѣ непріемлемую!

Через третьих лиц я поставил в извѣстность "тот лагерь", что я благодарю за оказанную честь, что по причинам подготовки к экзаменам, я не имѣю возможности лично выразить мою благодарность, но что я рѣшил остаться в артиллеріи.

Через нѣкоторое время мнѣ стало извѣстно, что меня "там" разсматривали за просточка, не пожелавшаго получить огромныя деньги, дом на Садовой улицѣ, службу в гвардейском полку и красавицу - невѣсту.

Из другой области, там-же.

Я был ѣздовым в коренном уносѣ нашего 5-го орудія, 2-й батареи. Это показывает, что я обладал когда то хорошей физической силой. Очень любил бой на эспадронах и моим компаньоном был Анчутин, Донского Кадет.Корпуса. Он был тоже, ничего себѣ, казачок "ладный". Мы как то с ним сбились и готовились выступать на состязаніях. За два дня до боя, наш Болотников устроил нам репетицію и тут произошла драма. Мы так увлеклись в дракѣ, что Анчутин со страшной силой ударил эспадроном по гардѣ моего, я присѣл от адской боли и, желая ему отомстить, в свою очередь размахнулся и тоже с нечеловѣческой силой ударил его сверху по маскѣ. То-ли у него маска сдвинулась перед тѣм, то-ли произошел какой-то дефект, только я вижу, что мой Анчутин сѣл на пол и над лѣвым ухом показалась кровь. У меня же эспадрон выпал из руки.

Подбѣжал Болотников и еще нѣсколько юнкеров нашего отдѣленія, подняли бѣднаго Анчутина и под-руки повели в лазарет, а я плелся за этой группой туда-же, так как большой палец правой руки у меня не дѣйствовал. Там его уложили, вызвали врача, а мнѣ фельдшер положил компресс и сказал, чтобы пришел завтра утром, так как сейчас трудно было установить поврежденіе: палец и вся кисть руки сразу вздулась. Уходя, расцѣловались с Анчутиным, до завтра.

На утро, придя в лазарет, я застал моего друга веселым, только над лѣвым ухом был налѣплен пластырь. Осмотрѣли и меня. Все оказалось на мѣстѣ, опухоль спадала. Наш доктор-старик сказал, что я здорово ударил Анчутина по "башкѣ", хорошо, что "черепок" не лопнул. Возвратясь в батарею, встрѣтил Болотникова, сказавшаго мнѣ, что мы какие-то "дикіе" и что он потерял для состязанія лучших кандидатов на приз.

На недѣлю получил освобожденіе от строевых занятій и на моих "Эзопа" и "Гусара" посадили временно Антонова.

Пострадал я как-то также в лагерях. Мы с Волковым, Полтавского Кадет.Корпуса, тоже "извощиком" средняго уноса нашего-же орудія, увлекались катаньем на лодкѣ под парусами.

Утром мы продѣлали нашу обычную прогулку по Дудергофскому озе

ру, а под вечер поѣхали на ту сторону, на пристань, чтобы привезти на веслах наших гостей, так как в этот день у нас был спек - такль. Все прошло хорошо, весело и вечером мы опять взяли нашу лодку и перевезли своих на пристань.

На другое утро я почувствовал какую-то неловкость в правой рукѣ, в ладони, ближе к пальцам. Сначала я подумал, что просто не реутомил мышцы, но к вечеру появилась опухоль, на другой день еще больше, а потом моя правая рука превратилась в болванку, так рас пухла, что наш доктор-"генерал" ничего не понимал. Прошло еще два дня - никакого улучшенія. В пятницу я вызвал к телефону родных и сказал, что домой в субботу не поѣду, болит рука. Там забили тревогу и в субботу утром я получил телеграмму, чтобы ехал обязательно в Петербург, к моему ортопеду, лейб-медику и в то же время - главному врачу Благовѣщенскаго лазарета /Коннаго Полка/. Тот меня осмотрѣл, прощупал руку и сказал, что я глубоко загнал занозу. Что то по латыни написал нашему "генералу" и приказал ѣхать в Училище.

Почти 10 дней послѣ того я ходил с повязкой и, наконец, мнѣ прорѣзали, вычистили и только опять через нѣсколько дней разрѣшили пойти на строевыя занятія.

П.Н. Чижов
Выпуска 1902 г.

В О С П О М И Н А Н І Я.

I.

Бывая не часто и на короткіе сроки в Петербургѣ, я только в 15-м году, пріѣхав с фронта на леченіе, отправился в училище. Тут уж не сидѣла бабка-ласточка у ворот; был новый швейцар, бывшій мой служитель Людвиг. Конечно, мы узнали друг друга. Было время перерыва занятій, по лѣстницѣ сновали юнкера и я безсознательно стал искать среди них однокашников. Я узнал от Людвига, что батареями командуют моего выпуска Новогребельскій и Радомскій, что профессора тоже моего выпуска: химія - Гуранда, высшей математики - Мечников, тактики - Астранович. Из бывших при мнѣ курсовых офицеров остался лишь полковник Долгов. При мнѣ были прекрасные профессора преподаватели; упомяну лишь полковника Ипатьева. Фельдфебелем моей батареи был всѣм извѣстный Н.Т. Бѣляев. Войдя в дежурную, я застал там большинство своих однокашников. Объятія и радостная встрѣча. В то время я хлопотал, хотя и безрезультатно, о переводѣ на Персидскій фронт. Там же узнал, что в Петербург пріѣхал Начальник Дикой Дивизіи Е.И.В. Великій Князь Михаил Александрович, кончившій со мною училище.

Повидавшись с его личным адъютантом, моего выпуска Джонсоном, говорил с ним о моих хлопотах. Вскорости Джонсон позвонил мнѣ, прося быть около 12-ти часов в кафѣ Асторія, куда пріѣдет завтракать Великій Князь. Через нѣсколько минут послѣ того как Великій Князь с супругой и нѣсколькими знакомыми прослѣдовали через кафе в от-

дѣльный кабинет, в кафе вошел бывшій с ним Джонсон и сказал, что Великій Князь приглашает меня к завтраку. Представленный Великим Княземъ его супругѣ и гостям, я занял мѣсто рядом с Великим Княземъ, который внимательно разспрашивал меня о войнѣ, раненіях и вообще о моей жизни по окончаніи училища. При прощаніи же сказал, чтобы завтра я был в его дворцѣ, гдѣ я получил письмо Его Высочества к Начальнику Штаба Кавказской Арміи, Генералу Янушкевичу в Тифлисѣ. Нѣсколько позднѣе я получил 1-ю Отдѣльную Кавказскую Горную скорострѣльную восьми-орудійную батарею с парком, с которой и прибыл в первых числах января 1917 года в Персію в отряд генерала Баратова.

2.

В 1914 году, находясь как Предсѣдатель Съѣзда Крестьянских Начальников, в Курганском уѣздѣ Тобольской губерніи, я, при объявленіи мобилизаціи, был призван в город Омск в II-ю Стрѣлковую Сибирскую Артиллерійскую Бригаду. Срочно прибыв в город, я явился в Штаб Бригады и представившись Командиру Бригады генералу Ноту, спросил у бригаднаго адъютанта поручика Соймонова адреса господ офицеров для нанесенія визита им. Оказалось, что в виду спѣшной мобилизаціи, генерал отмѣнил визиты. На слѣдующій день было воскресеніе и я оставался у себя в гостиницѣ. Часов около 12-ти кор ридорный гостиницы доложил мнѣ, что ко мнѣ пришло нѣсколько офицеров. Я попросил их к себѣ и во главѣ с бригадным адъютантом ко мнѣ вошло 5-6 человѣк молодых офицеров, от имени которых поручик Соймонов отрапортовал мнѣ: -"Господа офицеры Михайловскаго Артиллерійскаго Училища являются к старшему их по выпуску." Мнѣ было тогда 39 лѣт, я был тоже поручиком, но окончил Училище в 1899 году одновременно с Их Императорскими Высочествами Великими Князья ми Михаилом Александровичем и Андреем Владимировичем. Я участво вал в подавленіи боксерскаго движенія в Китаѣ и в Русско-Японской войнѣ. Вообще же, отслужив обязательные три года за Училище , я ушел в запас, из котораго был призван на Японскую войну и не дождавшись, послѣ нея, производства в штабс-капитаны, снова ушел в запас. С поручиком Соймоновым были у меня поручики Вольскій и Ник. Прясницкій, кажется Дьяков, а других не помню. Совмѣстная служба до 1916 года на Восточно-Германском фронтѣ тѣсно сплотила нас.

Гдѣ-то теперь мои дорогіе однокашники. В 1916 году я был пе реведен на Кавказскій фронт и получил 1-ю Отдѣльную Кавказскую Горную скорострѣльную батарею в 8 орудій.

В началѣ 1917 года был перекинут на Персидскій фронт в отряд генерала Баратова и потерял совершенно из вида II-ю Сибирскую Артиллерійскую Бригаду.

Вот какія традиціи были в дорогом Михайловском Артиллерій - ском Училищѣ.
Конечно, мы очень весело провели то воскресенье.

3. Командир батареи.

В 1897 году в училищѣ была одна 8-орудійная батарея. Командовал ею полковник Петраков, типичный командир того времени: средняго роста, плотный, с бритым подбородком и с сѣдыми короткими бачками, на вид суровый, но добрѣйшій человѣк. Страшный любитель лошадей, он нерѣдко в свободные часы обучал в манежѣ свою дочь верховой ѣздѣ, а мы иногда в щелку в воротах манежа подсматривали. Не стѣсняясь осо бо в выраженіях, он нерѣдко, за неправильную посадку или управле - ніе, вмѣсто лошади, доставал бичем по спинѣ дочери.

Я, поступившій в училище послѣ реальнаго училища и двух лѣт высшаго учебнаго заведенія, был совсѣм статским. Особенно не нрави лись мнѣ сапоги с рыжими голенищами, которые полагалось носить при нашей формѣ с длинными брюками и я надѣвал свои штатскія туфельки. Однажды, замѣтив это, полковник Петраков сказал: -"Можете одѣвать эти туфельки лишь идя в уборную." Предполагалось, конечно, ночью. Много спустя, в перерывѣ классных занятій, в этих же туфлях я сно ва встрѣтил полковника Петракова. Замѣтив ботинки, он грозно ска зал: -"Опять туфли!" - "Иду в уборную!"-быстро отвѣтил я. -"Ага! Ну идите!"-спокойно отвѣтил он и пошел дальше.

На осенних маневрах полковник поставил батарею на позицію в саженях 50-ти от довольно широкой канавы у небольшого лѣска. Вдруг из этого лѣса выскочил эскадрон противника и офицер закричал: -"Пол ковник, батарея взята в плѣн!" -"В плѣн? Попробуй! Батарея, бѣг лый огонь!" Унитарных патронов тогда не было, а грубый мѣшочный картуш холостого заряда мог причинить на близком разстояніи боль шую непріятность. Грянул залп и эскадрон кинулся обратно в лѣс.

-"Взял в плѣн?"-весь красный кричал полковник, повторяя: -" огонь, огонь!". Не помню, но полагаю, что батарею признали взя той в плѣн.

В 1912 году, пріѣхав штатским в Кисловодск, я очень обрадовал ся встрѣтив в паркѣ Петракова уже генералом в отставкѣ и, подойдя к нему, сказал: - "Позвольте представиться Вашему Превосходитель - ству - Ваш бывшій воспитанник Ис-в". - "Исленев? Что-то не пом нію." - "Я был ѣздовым корня орудія равненія /5-е/" -"А..! Презус и Добрый/названіе лошадей/. Взяли первый приз в лагерѣ на препятствіях. Помню, помню!" -"А ну-ка сядем к столику и вспомним старое." Часто встрѣчая меня, он просил меня присѣсть и мы вспо минали наше дорогое Михайловское Училище.

4. 1897-1899 годы в Михайлов ском Артиллерійском Училищѣ.

Я имѣл честь состоять в Михайловском Артиллерійском Училищѣ одновременно с Великими Князьями Михаилом Александровичем и Андре ем Владиміровичем. Первый, вскорѣ послѣ перехода училища в лагерь Дудергоф-Красное Село, ввиду смерти в Абас-Туманѣ Наслѣдника Прес тола, Великаго Князя Георгія Александровича, став сам Наслѣдником,

был ускоренно произведен в офицеры и, живя в Гатчинѣ, пріѣзжал лишь нѣсколько раз в недѣлю на офицерскія занятія с конным взводом, в одном орудіи котораго я был фейерверкером.

Великій Князь Андрей Владимірович жил в Училищѣ. Согласно приказа, мы юнкера, ни в стѣнах училища, ни при встрѣчѣ на улицѣ, не должны были отдавать им великокняжескія почести, а просто обмѣниваться привѣтствіем, взаимно отдавая друг другу честь, остальные юнкера других училищ становились им, как полагалось Великим Князьям, во фронт. Михайловцы этим, конечно, очень гордились.

Великій Князь Михаил Александрович был очень скромен. Великій же Князь Андрей Владимірович был шаловлив, чѣм мы иногда и пользовались для наших безобидных продѣлок. В лагерѣ наше училище отдѣлялось от Константиновскаго Артил. Училища /Костоперов/ лишь довольно широкой дорогой /линейка/.

В свободные часы юнкера этих обоих училищ часто объединялись /вѣдь многіе были одних и тѣх же кадетских корпусов/ и сидѣли по краям линейки, обсаженной деревьями и вот тут кто либо из нас просил Великаго Князя Андрея Владимірович прогуляться с ним по линейкѣ. При проходѣ Великаго Князя Михайловцы продолжали безмятежно сидѣть, тогда как сидѣвшіе юнкера Константиновскаго Училища вскакивали, становились во фронт, что нас чрезвычайно веселило.

В лагерях 1899 г. мы, старшій курс, уже почти всѣ портупей - юнкера, как и всегда в субботу уѣзжали в Петербург в отпуск до 12 часов ночи воскресенья. К этому часу был приноровлен поѣзд из Петербурга; слѣдующій за ним уходил, насколько помнится, в 2 ч. ночи. Когда небольшой компаніей хотѣлось, правда это бывало рѣдко, задержаться в городѣ попоздней, за что грозило взысканіе вплоть до ареста, то тут иногда выручал Великій Князь Андрей Владимірович.

"Ваше Высочество, просили мы его, опоздайте на поѣзд в 11 часов, хотим погулять у Мальбрето." Это был ресторан, гдѣ через задній ход пускали юнкеров в отдѣльные кабинеты. И вот около 3 часов утра компанія/отнюдь не пьяная/, во главѣ с Великим Князем входит в дежурную комнату лагеря, гдѣ сидит сонный дежурный офицер.

"Господин поручик/или штабс-капитан/ портупей-юнкер Романов из отпуска прибыл." Дежурный офицер, смотря на часы, строго выговаривает: - " Опоздали, портупей-юнкер, не хорошо-с, стыдно выпускному портупей-юнкеру попасть под арест. Идите!..." Тоже повторяется и с нами, стоящими в затылок Великому Князю. Но свидѣтельствую, что это случалось очень рѣдко и расчет был на то, чтобы не попасть во время дежурства того же офицера.

В нашем училищѣ, независимо от устава, по традиціи не допускалось приносить в него что-либо спиртное, в других иногда и распивали, но, конечно, тайно.

В связи с Великим Князем Михаилом Александровичем вспоминается и такой случай. В концѣ лагерей, незадолго до маневров, в один из никому неизвѣстных дней, производилась тревога, по которой всѣ

войска должны были, в кратчайшій срок, построиться на передней ли нейкѣ в полной боевой готовности, причем всегда была конкуренція, кто построится скорѣе; нашими конкурентами были Константиновцы.

В день назначенный для тревоги я оказался разводящим караула, почему не спал всю ночь. В 4 часа утра видѣл, как из Гатчинскаго направленія несется к нашему лагерю сѣрая тройка, подскакивает к караульному помѣщенію и из нея выходит Великій Князь Михаил Александрович, как я раньше сказал, уже офицер, числившійся у нас ко мандиром I-го взвода.

"Сейчас тревога!"-говорит он нам.Ура! Выиграно минут пять.Въ ким в конюшню амуничим лошадей, ведем в парк, загрягаем и вот из главнаго лагеря /наш был авангардный/ гремит пушечный выстрѣл. Во всѣх лагерях суета, а мы уже готовы, ѣздовые на конях, прислуга у пушек, господа офицеры на мѣстах.

Полное торжество - мы первые!

Михайловцы сохраняли самое лучшее воспоминаніе о своем Учили щѣ и всегда гордились тѣм, что в его стѣнах получили свое артилле рійское образованіе. Как примѣр высшей нравственности и дисциплины, вкоренившихся в плоть и кровь Пушкарей Петра I/училище было основано в царствованіе Петра I/, приведу нижеслѣдующій примѣр.

Фельдцейхмейстер/глава артиллеріи/ Великій Князь Михаил Нико лаевич довольно часто посѣщал училище. При его посѣщеніи нормаль ная жизнь не нарушалась, шли занятія в классах, а Великій Князь заходил в них. В одно из подобных посѣщеній, вдруг приказ:-Училищу построиться в Бѣлом Залѣ.

Стоим человѣк 300-350, офицеры на мѣстах, командиры батарей впереди/в училищѣ были двѣ батареи/. Команда: -"Смирно! Г.г. офи церы." Входит Великій Князь Фельдцейхмейстер в сопровожденіи на шего Начальника Училища генерала-от-артиллеріи Демьяненкова, одно временно бывшаго и Начальником Артил.Академіи, причем и Академія и Училище помѣщались в одном зданіи. Генерал же Демьяненков был в свое время воспитателем Государя Императора Николая Александровича.

-"Да,- говорит Великій Князь, обращаясь к Начальнику Училища, - не узнаю я училища, постарѣли мы с тобой." -"Что такое Ваше Императорское Высочество?" - спрашивает генерал Демьяненков.

-"Ѣду я вчера около 4 часов по Морской, в открытой коляскѣ,а твой юнкер так козырнул мнѣ на отмашку, да и все." /Царской фами ліи, как и генералам полагалось становиться во фронт/.

-"Юнкер, проходившій в это время по Морской, два шага вперед!" - рѣзко сказал Начальник Училища.

Как узнать кто был из 300 человѣк, а вѣдь за это грозит нака заніе!

Короткая минута тяжелой напряженной тишины, но раздвигается первый ряд и твердо шагая из строя выходит юнкер.

-"Почему вы не стали во фронт Его Высочеству? Вѣдь отдали же вы честь, слѣдовательно видѣли, что проѣхал генерал?"

-"Так точно, Ваше Высокопревосходительство, но Его Высочество

так быстро проѣхали, что я не успѣл и сообразить."
- "Как фамилія?" - спросил Великій Князь и получив отвѣт обратился к юнкеру: - " Не твой ли отец командовал Н-ой бригадой? Ну, ладно, другой раз поѣду тише."
- "Ну, спасибо тебѣ, - обратился Великій Князь к Начальнику Училища. - " Училище остается хорошим. Взысканія не налагать!"

В.В. Исленьев.
Выпуска 1899 г.

/Послѣднее воспоминаніе взято из "Владимірскаго Вѣстника" № 88 май 1957 г., Сан-Пауло/.

М И Х А Й Л О В С К І Я
АРТИЛЛЕРІЙСКІЯ АКАДЕМІЯ И УЧИЛИЩЕ.

Привѣт тебѣ, родная школа
Россійских славных пушкарей
Щитом Ты Царскаго Престола
Служила Родинѣ своей.
Твои традиціи святыя
Артиллерійскую среду
Связали узами стальными
В одну, единую семью,
Гдѣ память Князя Михаила
Эмблемой вѣчною жила
И гдѣ таинственная сила
В мечтах к училищу влекла.
На зов святых Твоих традицій
В день двадцать пятый ноября
Слеталась всюду заграницей
Былых Михайловцев семья
И вмѣстѣ с нею Ты справляла
Свой многолѣтній юбилей
И снова в мыслях воскресала
Со всѣю прелестью Своей...
Как бы в волшебном сновидѣньи
Встает былое чередой:-
Литейный мост, Невы теченье,
фасад училища родной;
Ряд пушек на плацу у входа,
Вокруг него - зеленый сквер,
Внизу - швейцарской врачной своды,
Вверху - дежурный офицер...
И длинный ряд кроватей в "дѣтской",
Музей, манежи, Бѣлый зал,
Зубрильный шопот из "мертвецкой"
И нам традиціонный бал...
Знакомый класс с доскою черной,
Дни лекцій, репетицій дни,
"Казачій" ночью хор в уборной,
Дневальства скучные часы...
Шинель до пят, темляк и шпоры,
Разрѣз-до хлястика, ремень
Подтянут лихо,- блещут взоры
Под безкозыркой на бекрень...
А лѣтом:-лагерь, стрѣльбы, съемки,
"Собака" - в караульный день,
Халва с мороженным в "обжоркѣ"
И камышей озерных тѣнь...
И незабвенний день разбора
Вакансій присланных для нас,-
В бараках ночью разговоры
Про Кушку, Ардаган и Карс...
Там, носят сѣдла "Бальтер-Коха";
Макаров - мѣрит сапоги;
Портные рыщут в суматохѣ
Нося шинели и штаны;
Кто ждет от Снѣсарева шашку;
Кому мундир неловко сшит;
Кто офицерскую фуражку
Сто раз пред зеркалом вертит...
Готовит всяк свое богатство
К концу училищных годин
И, наконец,- День производства
Нас в "первый" офицерскій чин.

По Высочайшей Царской Волѣ,
Присягу Вѣрности храня,
Разсыпалась, как вѣтер в полѣ,
В тот день Михайловцев семья.
По городам Руси Великой,
По закавказским крѣпостям,
По Польшѣ и Сибири дикой,
По черноморским берегам...
Завѣт товарищеской дружбы,
Мундира честь, примѣр в бою,
Дух справедливости по службѣ,
Любовь к солдату и Царю,-
Всѣ эти качества привили
Нам годы школы дорогой
И до конца всегда служили
Нам путеводною звѣздой.
Развитьем техники в дни мира
Снарядов, пушек и стрѣльбы
Росла годами честь мундира
Вѣнчая славой бомбардира
В года тяжелые войны.
Друзья, Михайловцы,-лѣлѣя
Воспоминанья юных лѣт,
В день нашей школы юбилея
Мы помним Дѣдовскій завѣт -
Наш первый долг артиллериста
Почтить вставаньем в этот день
Всѣх тѣх, кому Рукой Пречистой
Дана могилы вѣчной сѣнь
И с ликом Князя Михаила
Мы вспомним тѣх, кого судьба
Безсмертной славою покрыла
На полѣ брани и труда...
"Вы" -нашу славу создавали
И честь Михайловцев блюдя,
Живот свой доблестно отдали
За Русь Святую и Царя...
Русь крѣпла "ВАШИМИ" трудами
И внуки не забудут вас.
И, вѣрю я,-"ВЫ" вновь меж нами
Душой безсмертной в этот час.
Мы цѣлью связаны единой
И мыслью связаны одной:-
Любовью к РУСИ недѣлимой,
Любовью к Школѣ дорогой
И вѣрю в близкій день побѣды,-
День Воскресенія ХРИСТА
Когда всесильной силой Свѣта
Низвергнут в бездну демон зла.
Но, вѣря в чудо воскресенья,
Я вѣрю, что несчастья дни
Даны Россіи в искупленье
За чьи-то тяжкіе грѣхи;
Что чаша горестных страданій
Залогом счастья Ей дана
И годы страшных испытаній
Замѣнит новая пора,-
Пора расцвѣта сил духовных,
Когда под символом Креста
Под перезвон церквей престольных
Возстанет Русская Земля.
Из ничего не создал жизни
Ни Кант, ни Гегель, ни Эйнштейн
И не убил любви к отчизнѣ
Ни Маркс, ни Ленин, ни Бронштейн.
Так в Петербургѣ в это время
На берегу Невы сѣдой
Былой Россійской Славы сѣмя
Побѣг пускает молодой
И пелену с души срывая,
Он внуков хладныя сердца
Незримым свѣтом озаряет
А в старом зданьи воскресает
Былых видѣній череда...
К ним в отвѣт из тьмы могилы
В полночь, когда свершится день,
Родного Князя Михаила
Встает таинственная тѣнь.
Идет Он медленно шагая
В толпѣ сподвижников своих
И с Ним безчисленная стая
Семьи Михайловцев былых...
Традицій старых дух завѣтный
Царит над школой в этот миг
И над коммуной безпросвѣтной
Встает Россіи свѣтлый лик...
Друзья, Михайловцы,- высоко
Поднимем нынѣ свой бокал
Чтоб в нашей школѣ волей Бога
Дух старых предков возсіял!
Пусть наш завѣт традицій славных
Возставит честь минувших дней
И даст Россіи Православной
Достойных Родины дѣтей!
Чтоб с ними вновь покой желанный
Народ измученный обрел;
Чтоб снова Славой озаренный
Поднялся-б Царственный Орел;
Чтобы под звон святынь Московских,
Любовью пламенной горя,
Опять, как встарь, у стѣн Кремлев
Он встрѣтил РУССКАГО ЦАРЯ! /ских

Н. Мамонтов - Вып.1914 г.

РОССІЙСКІЯ ЗНАМЕНА.

/в Русской Церкви г.Бѣлграда в Сербіи 1920 г./

Знамена великой Россійской дружины
Хранители доблести славных полков,
Нѣмые свидѣтели бранной кончины
В несчетных сраженіях вѣрных сынов.
Знамена вѣнчанныя лавром побѣды,
Носители чести Россійской земли
Под сѣнью которых отцы наши, дѣды,
За Родину жизни слагали свои.
Знамена,-хоругви безсмертныя славы,
Врагов устрашеніе в честном бою.
Знамена Великой Россійской Державы,
Хранящія Вѣру и Вѣрность свою.
Вы нынѣ, как символ нѣмого укора,
В далекой чужбинѣ Россію храня,
В молебных напѣвах церковнаго хора
Стоите на стражѣ у врат Алтаря,
Безмолвно взывая к Божественной Силѣ
О муках безмѣрных Отчизны родной,
О всѣх, кто за Родину жизнь положили,
О всѣх, кто томится в борьбѣ роковой.
Под сѣнью священной, как в старые го
Вы вновь собираете русских людей/ды,
Пришедших сюда под церковные своды
Найти утѣшенье в молитвѣ своей.
И бранною славой полотнищ истлѣвших,
Георгіевских лент, вензелей и орлов,
Собой возраждаете тѣни минувших
Безсмертных походов и славных боев..
И мнится,-под шелест знамен нерушимо
Опять воскресает дружина от сна;
И, будто, в том шелестѣ тихом незримо
О чести и долгѣ вѣщает она,
На подвиги бранные к новым побѣдам
Потомков родных созывает семью
Под сѣнью безсмертной знамен своих
За Вѣру, царя и Отчизну свою./дѣдов

/Будучи вывезенными из Бѣлграда, вышеуказанныя знамена были захвачены Совѣтской арміей и затѣм водворены в Московском военном музеѣ/.

И.Мамонтов - Выпуск 1914 г.

КАДРОВЫМ ОРЛАМ.

К вам,- старым офицерам Арміи родной
Хранителям традицій дѣдами рожденных
И кровію отцов вѣками обагренных;
К вам,- старым ветеранам,- сынам Руси Святой.
Суворовским орлам, знамен побѣдных славу
Из давних лѣт в боях державшим высоко;
К вам, защищавшим Трон и Русскую Державу;
К вам, сохранившим честь мундира своего.
И нынѣ к вам, судьбою растыленным
И Высшим Промыслом по міру разнесенным,
С призывом обращаюсь от Руси дорогой,
От Родины залитой кровавою рѣкой.
Вы под знаменами родных полков слагали
И жизнь свою, и честь среди родных полей;
И вѣрность вы свою Отчизнѣ доказали,
И Вѣрою служили Родинѣ своей.

Вы до конца вездѣ с измѣною боролись;
На смерть вы шли всегда с отвагою в груди
И стражем доблести доселѣ вы остались,
Чтоб в дѣло превратить завѣты старины.
И вот, сейчас на грани новых испытаній,
Когда весь мір борьбой кровавой потрясен,
Когда средь тяжких бѣд, мученій и терзаній
В безумной агоніи мучается он
В вас счастье видит Русь мечты свои лелѣя,
Обманутых сынов молитва к вам летит,
На вас ложится здѣсь отвѣтственность пред нею
И для Нея вас Бог в изгнаніи хранит...
Мы виноваты всѣ в безуміи народа,
В его несчастьи всѣ виновны были мы;
Виновны, что в момент когда дана "свобода"
В нас не было ни вѣры, ни силы для борьбы.
Встряхните-же сейчас своими сѣдинами
И, осѣнив себя торжественно Крестом,
Возьмите мечь былой вы твердыми руками -
С коварным смѣло в бой идите-же врагом!
Главой своей склонитесь пред Престолом Бога,
Падите на колѣни пред Родиной Святой
И встаньте во главѣ, подняв свой стяг высоко
И русскіе сыны пойдут за вами в бой.
Отцов завѣт и дѣдов в вас узрят они снова,
Они повѣрят вам, в вас силы почерпнут,
Поймут мундира честь, увидят мощь былого,-
Тогда в огонь и в воду за вами всѣ пойдут.
И как в былые дни Россія воскресала
Сбрасывая иго рабское оков,
Тѣм, что под Крест Святой в дружину призывала
Всѣх вѣрных Родинѣ и доблестных сынов,-
Так вы возьмите вновь свой старый мечь булатный,
Ведите нас вперед на бой с лихим врагом!
Да будет вам Господь защитой в жизни ратной;
Да осѣнит Он вас Святым Своим Крестом!

Н. Мамонтов.

ГДѢ ТЫ, РОДИНА СВЯТАЯ ?

Гдѣ Ты, Матушка моя
Родина Святая ?
Гдѣ же Славушка Твоя,
Честь твоя былая ?
Гдѣ веселье, радость, смѣх,
Сел твоих приволье ?
Без печали и помѣх
Вольное раздолье ?

Не узнать мнѣ стяг родной
В том кровавом флагѣ;
Не узнать кафтан мнѣ твой
В грязном лапсердакѣ...
Русь Великая моя
Что с тобой случилось ?
Твоя гордая глава
Перед кѣм склонилась ?

Все угрюмо и мертво;
Вкруг туман багровый...
Будто все схоронено
В черный гроб дубовый;
Будто смерть своей косой
Все кругом скосила
И могильной пеленой
Родину покрыла!...
.....
Правда-ж с нами, с нами Бог!
С нами честь и вѣра!
Русь, -молися! Близок срок
Новой свѣтлой эры!
Нам не надо фраз и слов
Вычурных и ложных.
Прочь продажных вожаков
Подлых и ничтожных!
Ворон соколу не брат,
Не орлиной стаи;
Многословье не булат
Закаленной стали;
Славный Муромец Илья
Не соломой дрался, -
Грозной силой кистеня
С Соловьем сражался;
Шли дружины на хозар,
Шведов и монголов
Не под музыку гитар
И цыганских хоров;
Не джаз-банд и саксафон
К подвигам взывали;
Не под танго и чарлстон
Родину спасали;
Не разгулом и гульбой,
Не партійным смрадом,
Не картежною игрой
И танцклассным ядом.
Русь Великою была,
Крѣпла и гордилась, -
В мірѣ первою слыла,
Счастіем свѣтилась!...
С нами правда, с нами Бог!
В круг, орлы, дружнѣе!
Настает предѣльный срок
Русской эпопеи.
Жив еще завѣт отцов
Руси Православной
И на страх Ея врагов
С нами стяг наш славный.
Не джаз-банд, а бранный рог
Трубит, мір сзывая!
С нами правда, с нами Бог!
С нами, - Русь Святая!

Н. Мамонтов - Вып.1914 г

Н А П А С Х У.

Далеко от друзей, вдали от мѣст родимых
Знакомый слышу звон родных колоколов,
Пасхальный перелив, как рокот волн незримых,
Как радостный призыв с далеких берегов.
И мрак тяжелых дней изгнанья прорѣзая
Лучем святой любви ниспосланной с небес,
Россія шлет сейчас нам Свой привѣт, родная,
Под благовѣст церквей в словах: -
" Христос Воскрес! "
О, родина моя, повѣрь, что здѣсь, в изгнаньи
Всѣ взоры лишь к Тебѣ одной устремлены;
Мы сердцем Там, с Тобой; и всѣ Твои страданья
Тут так-же близки нам и столь-же тяжелы.
О, вѣрь, что в этот день мы всѣ слились с Тобою;
Что Бог услышит нас с лазоревых небес.
Пріими-ж и Ты от нас, заброненных судьбою,
Отвѣт на Свой призыв: -
" Воистину Воскрес! "

Н. Мамонтов - Вып.1914 г.

МАТУШКА РУСЬ!

Матушка Русь,
Наша отчизна родная!
Стонет народ Твой под красным яр
Прежніе дни вспоминая... (мом
Вся Европа боялась тебя.
Все склонялось по слову Царя..
Русь великая,
Многоликая,
Русь,-отчизна родная моя!

Друзья и враги
На гибель Тебя осудили.
За помощь безмѣрную Руси Святой
Измѣною злой отплатили.
Молча смотрят былые друзья,
Как враги распинают Тебя...
Русь великая,
Русь страдальная,
Русь,-отчизна родная моя!

Но близок разсвѣт.
Проходят кровавыя тучи.
И снова на страх и на трепет вра
Возстанешь Ты в силѣ могучей (гов
Вся Европа с опаскою ждет,-
Чѣм отвѣтит ей русскій народ.
Русь великая,
Русь могучая,
Русь,-отчизна родная моя!

Друзья и враги
Во прахѣ падут пред Тобою
И станешь Ты вновь под Державой
Великой и славной страною. (Царя
Вся Европа признает Тебя;
Вновь склонится по слову Ца
Русь Державная, (ря.
Православная,
Русь,-отчизна святая моя!

Н. Мамонтов - Вып.1914 г.

ПЕРВЫЙ ГОД СЛУЖБЫ В КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

"Артиллерія скачет, куда хочет",- такими словами великій полководец опредѣлил свое требованіе к конной артиллеріи:быстрота передвиженія и полная инициатива командиру.

Передо мной фотографическій снимок батареи 2-го конно-горнаго дивизіона, скачущей в развернутом строю: и командир батареи, и командиры взводов, и номера, и ѣздовые в полной парадной формѣ стоят на сѣдлах, - это ли не лихость!

А выѣзд на позицію с моментальным открытіем огня/в період открытых позицій/! Какой эффект вызывало это и у противника и у своих войск!

Какая лихость перестроеній конной батареи! Какая красота людского и конскаго состава! Какое изящество послѣдней формы нашей!

А джигитовка номеров! А успѣхи коннаго спорта офицеров!А степень обученности стрѣльбѣ, ставившая конныя батареи в первые ряды батарей артиллерійскаго сбора!

А доблесть Насонова, Шеринкина, Колодѣя, наслѣдников героев воин с Наполеоном! А вся наша исторія!

Гордимся службою своей,
Утеху мы находим в ней,
И в мирѣ так же, как в бою
Всегда прославим часть свою.

У нас завѣты таковы:
Мы не жалеем головы,
В атаку водим передки
И гоним банником полки.

Наш выѣзд смѣлый и лихой
Рѣшит какой угодно бой,
Наводит ужас на врагов
Атака наших номеров.

/Из пѣсни С.И.Бако, 7-й конной батареи, построенной на исторических фактах/.

Всѣ годы моего зрѣлаго возраста я прослужил в строю Имперской конной артиллеріи, отказываясь от болѣе видной службы по генеральному штабу и от лестнаго предложенія быть курсовым офицером в родном Михайловском училищѣ. Здѣсь я видѣл много радостей, здѣсь я пережил и печальные событія 1917 года. И не было случая, чтобы я пожалѣл об избранном мною пути служенія Царю и Родинѣ.

Вспоминаю встрѣчу мою, на палубѣ Днѣпровскаго парохода с бывшим ѣздовым моей батареи. Это была встрѣча друзей-боевых соратников. -"Как бы я хотѣл,- сказал он, - хоть один раз еще выѣхать на наше конное ученье!"

Первый свой отпуск я проводил в семьѣ родителей, в Бѣлостокѣ. Отец мой был старшим штаб-офицером Маріупольскаго гусарскаго/тогда драгунскаго/ полка. Представился я командиру и офицерам 4-го конно-артиллерійскаго дивизіона, стоявшаго в Бѣлостокѣ. Побывал и в батареях. Ѣздил верхом на отцовской "Мартѣ". Вмѣстѣ с Колей М., другом моего отрочества, совершал прогулки по окрестностям на велосипедѣ, гулял и слегка ухаживал за барышнями, совсѣм недавно бывшими дѣвочками.

Отпуск пролетѣл незамѣтно, и я, напутствуемый совѣтами отца, отправился в Кіев, к первому мѣсту моей службы.

Неласково приняла меня служба, о которой я мечтал так долго. Пріѣхал я в Кіев в праздничный день и остановился в гостинницѣ на Печерскѣ. Время было послѣобѣденное. В управленіи дивизіона, куда я зашел справиться о мѣстѣ и времени представленія командиру, я узнал, что мнѣ предстоит назначеніе во 2-ю батарею, казармы которой находились поблизости, на той же Московской улицѣ. Я рѣшил взглянуть на мѣсто моей будущей службы. У ворот стоял вахмистр. Поздоровавшись с ним, я назвал себя и, слѣдуя наставленіям отца, сказал ему: -"Завтра я буду являться начальству и буду просить назначить мнѣ денщика. Так прошу Вас порекомендовать мнѣ человѣка честнаго."

На другой день утром я представился адъютанту дивизіона, сим патичному поручику Бутягину, а затѣм и командиру дивизіона полковнику Петру Михайловичу Житрово, почтенному старцу, как мнѣ тогда казалось, с большой сѣдой бородой и ласковым взглядом.

Адъютант направил меня во 2-ю батарею, сообщив, что подполковник Белькович в отпуску, а батареей временно командует старшій офицер поручик Голубовскій, котораго я застал в канцеляріи батареи, направил меня в рядом находящееся гарнизонное собраніе, гдѣ я, может быть, найду командующаго батареей.

Войдя в столовую, я увидѣл сидѣвших за столом 3-4 офицеров, среди которых один был в конно-артиллерійской формѣ. Рѣшив, что это и есть командующій моей батареей, я подошел к нему и отрапортовал о прибытіи на службу. Посмотрѣв на меня красными глазами/от безсонной ночи, как я потом узнал/, начал он рѣзким голосом цукать меня, несмотря на присутствіе посторонних офицеров:-"Что же это Вы, еще не представившись мнѣ, позволяете себѣ отдавать распоряженія вахмистру?"

И, не приняв моих объясненій, закончил: -"Можете идти!"

Я был потрясен таким пріемом, не спал всю ночь, а на другой день подал рапорт о переводѣ в 8-ю конную батарею для совмѣстной жизни с родителями и написал письмо бывшему Начальнику Михайловскаго училища, генералу Демьяненкову, с просьбой оказать содѣйствіе моему переводу.

На другой день получаю записку от адъютанта с предложеніем явиться командиру дивизіона "по дѣлам службы".

Одев сюртук /на службу мы ходили в тужурках/ отправляюсь в канцелярію дивизіона. Дежурный писарь докладывает и я вхожу в кабинет. Не успѣл я отрапортовать, как полковник прервал меня вопросом: -"В каком Вы видѣ? Ступайте переоденьтесь!" Выйдя из кабинета, я внимательно осмотрѣл себя,- все было в порядкѣ. Спросить было не у кого,- был праздник. Может быть я должен был явиться в мундирѣ, а не в сюртукѣ, подумал я, и быстро помчался переодеться.

Одевшись в полную парадную форму, являюсь опять к командиру. Посмотрѣл он на меня и говорит: -"Найдите кого-нибудь из офицеров и узнайте, в каком видѣ слѣдует являться начальнику при вызовѣ"по дѣлам службы."

Ѣду на квартиру к адъютанту и узнаю, что являться надлежит в "обыкновенной формѣ", т.е. мундир с погонами, лядунка и красный пояс.

Переодевшись еще раз, являюсь перед грозные очи Хитрово. Командир, с мрачным видом, стал отчитывать меня за легкомысленный подход к выбору мѣста службы. -"Что по Вашему,-говорил он,- дивизіон это постоялый двор, гдѣ Вы можете останавливаться на любой срок? О чем Вы думали раньше?"

Я не хотѣл говорить ему об оказанном мнѣ пріемѣ и молчал. Старик был очень взволнован и огорчен моим рапортом, но сказал, что отправит его по командѣ. Я понимал его и сожалѣл о слишком быстрой реакціи на безтактность больного человѣка. Но отступать было поздно.

Федор Евстафьевич оказался не плохим человѣком и хорошим товарищем. Но болѣзненное увлеченіе азартными играми и вином разстраивало его нервы и дѣлало малопріятным для подчиненных офицеров и солдат, особенно когда он приходил в батарею послѣ безсонной ночи. Поселился я неподалеку от батареи в комнатѣ на Бутышевом переулкѣ. В первый же день моей службы явился ко мнѣ канонир Николай Грициненко, из крестьян Екатеринославской губерніи. Некрасивый ли

цом, но привѣтливый, толковый и безукоризненно честный Грициненко очень скоро покорил мое сердце и на долгіе годы стал близким для меня человѣком. Всѣ мои деньги - и жалованье и получаемые из дому - хранились у Грициненко и выдавал он мнѣ на карманные расходы весьма неохотно, стараясь, под тѣм или инымъ предлогом, дать мнѣ меньше, чѣм я спрашивал.

Впослѣдствіи, когда я был уже в 8-й конной, неразлучный со мной Грициненко часто хаживал к моей матери, чтобы раздобыть у нея что-нибудь для нашей обстановки или что-нибудь вкусное к чаю. Научившись хорошо готовить, Грициненко, послѣ окончанія срока дѣйствительной службы, нѣкоторое время служил в нашем собраніи поваром, а затѣм мнѣ удалось устроить его на желѣзную дорогу кондуктором.

В Петербургѣ, когда я был в академіи генеральнаго штаба, Николай навѣщал меня нерѣдко, - он служил тогда кондуктором на царских поѣздах и был на хорошем счету. Когда он первый раз явился к нам, хорошо одетый и даже в модном котелкѣ, прислуга наша, служившая раньше в хороших домах, помогла ему снять пальто и страшно была потрясена, когда на вопрос: -"Как прикажете доложить?", - получила отвѣт: -"Скажите, что их бывшій денщик пришел."

И это далеко не единичный примѣр сердечных взаимоотношеній между офицером и денщиком. Немало случаев пришлось наблюдать и во время войны и во время революціи, когда денщик оставался вѣрным и заботливым слугою-другом своего барина, подвергая иногда свою жизнь опасности. Таким был и мой ворчливый Михаил Шипов, из крестьян Московской губерніи, добровольно оставшійся у меня на год лишней службы. Таков и гуляка, гармонист и покоритель сердец Никифор Лебединскій, сопровождавшій меня всю гражданскую войну, Галиполи и год службы в пограничной стражѣ Игославіи. С какой настойчивостью, в боевой обстановкѣ, Лебединскій разыскивал меня и предлагал кружку молока с краюхой свѣжего хлѣба, а то и куриную ногу - дары покоренной им черноокой красавицы-хозяйки. Нам солдат, из хлѣбопашцев, больтой ребенок к, на ласку и заботу о нем, всегда отвѣчал привязанностью и преданностью.

Занятія в батареѣ начинались с 8 часов утра. Как самый младшій, я получил в командованіе 8-й взвод. Только я начал знакомиться с людьми и лошадьми моего взвода, как пришел приказ о прикомандированіи меня "для польсы службы" к I-й батареѣ подполковника А. А. Извицкаго. Что послужило причиной этого приказа, желаніе ли полковника Хитрово вывести меня из подчиненія старшему офицеру 2-й батареи, или желаніе Извицкаго получить лишняго офицера, - так и осталось для меня неизвѣстным.

Во всяком случаѣ приказ этот меня не обрадовал: Н.Н.Белько - вич, командир 2-й батареи, пользовался большим уваженіем офицеров, а Извицкаго не любили. Отношеніе же ко мнѣ старшаго офицера стало вполне корректным и даже доброжелательным.

В 1900 году, в первый год существованія Отдѣльнаго Конно-Горнаго Дивизіона, офицеры, назначенные в Кіев из разных конно-артилерійских батарей, продолжали носить погоны своих старых батарей, и только мы с С.Я. Михалаповым, выпущенные прямо из училищ, носили на погонах буквы - "К-Г".

Состав офицеров I-й батареи был слѣдующій: старшим офицером

был Иліодор Иванов, капитан, с высшим образованіем /институт восточных языков и археологическій/; хозяйством батареи вѣдал поручик А.И. Карагодин; дѣлопроизводителем батареи был мой однокурсник Михалапов. Я был четвертым офицером и гастролером, но получил в командованіе I-й взвод и назначен на отвѣтственную службу - заведующим молодыми солдатами.

Назначеніе меня, еще ничем не зарекомендовавшаго себя молодого офицера, на старшій взвод и обучающим молодых солдат, могу объяснить лишь скверным отношеніем командира к Иванову. Первый, дѣйствительно, был мало строевым офицером, а второй, знающій и опытный офицер, выпивал иногда и тогда был дерзским и скандалистом.

Офицеры, как я уже говорил, не любили Пэвицкаго, может быть за его нервность, за его любовь прихвастнуть, за недостаточное знаніе лошади. Ко мнѣ же он относился хорошо, о солдатѣ заботился, стрѣльбу знал хорошо. Был большой любитель танцев, дирижировал на всѣх балах и, разгорячившись, в промежуткѣ между танцами выбѣгал на улицу и, в лютый мороз, иногда в одном сюртукѣ, прогуливался нѣсколько минут. С ним жил его старик-отец, который тоже благоволил ко мнѣ.

Уже на второй день службы моей в I-й батареѣ попал я впервые на ученье батареи в конном строю и первый блин оказался комом. Нужно сказать, что строевой устав конной артиллеріи того времени был очень сложным: он предусматривал наступной и отступной порядки, при которых одни и те же построенія дѣлались по разному. Устав я знал на зубок. Наканунѣ еще раз просмотрѣл его.

И вот, батарея построена. Один за другим, в порядкѣ старшинства, подъѣзжают офицеры и поздоровавшись с батареей, становятся на свои мѣста. Подъѣзжает и командир в сопровожденіи трубача. Идем на скаковое поле. Начинается ученье на постепенно увеличивающихся аллюрах. Вот тут и начинается мой позор: пока я соображу какую команду должен подать, взвод мой, по незамѣтному знаку взводнаго фейерверкера, уже исполняет команду командира батареи.

- "Подпоручик Ивановскій!,- раздается голос командира,- не слышу Вашего голоса!" Я изо всѣх сил стараюсь быстро принять очередную команду командира, но не успѣваю и рта открыть, как взвод мой уже исполняет требуемое.

- "Подпоручик Ивановскій!- кричит Пэвицкій,- потрудитесь открывать Ваш ротик!" Я в полном отчаяніи от своей неспособности руководить своим взводом. А ученье ведется на все ускоряющихся темпах, прекрасно обученные люди лихо и стройно исполняют ряд сложных перестроеній. Наши горные пушечки, образца 1884 г. запряженные шестеркой добрых коней /вмѣсто положенной четверки/, подпрыгивая, а то и переворачиваясь на ходу, легко носятся по скаковому полю,- красота! А я только пассажир, а не командир взвода!

Возвращаемся домой, с пѣсельниками впереди. Дѣлюсь с Карагодиным своим огорченіем. Он утѣшает меня, говоря, что всѣ молодые офицеры проходят через это. И дѣйствительно, прошло 2-3 ученья и я уже вовремя подавал нужные команды под одобрительную улыбку моего взводнаго фейерверкера.

Начались занятія с учителями молодых солдат, на которых я сам больше учился, чѣм учил и к концу ноября, времени прибытія новобранцев, я составил себѣ план занятій и намѣтил методы его проведенія в жизнь.

Занятія с молодыми солдатами - наиболѣе интересный отдѣл работы строевого офицера. Здѣсь вы видите, как на ваших глазах деревенскій парень-увалень становится аккуратно одетым молодцом-солдатом, довѣрчиво глядящим вам в глаза и толково отвѣчающим на ваши вопросы.

Но терпѣнія и заботливости нужно много, чтобы побѣдить замкнутость и недовѣріе к барину-офицеру, с каковыми обычно приходят новобранцы. Я очень полюбил это дѣло и в дальнѣйшем нѣсколько раз с большим увлеченіем проводил эту отрасль обученія солдата. И должен сказать, что, если и не всегда мои новобранцы были вполне хорошо обучены, то забитыми они никогда не были и понимали ли то, чему я их учил.

В конную артиллерію назначались обычно хорошіе люди, грамотные и хорошо сложенные. Но изрѣдка попадались красавцы, но страшные тупицы. Вот тут то и нужно очень внимательно слѣдить за дядькой-учителем, обучающим такого тупицу. Терпѣніе дядьки обычно истощается скоро и пускаются в ход кулаки. И если своевременно не вмѣшается офицер, то такіе занятія успѣха не дадут и вызовут лишь озлобленіе и полное отчужденіе новобранца. В таких случаях я сам занимался с такими неудачниками и достигал нѣкотораго просвѣтленія мозгов.

А тупицы попадаются поразительные. Вспоминаю рослаго румяного блондина Воронежской губерніи Павла Зеленого. За мѣсяц ежедневных занятій с ним "словесностью" /изученіе уставов/ я добился, что Зеленый заучил имя и отчество Государя. "Как зовут наше го Государя?"- спрашивая я. -"Миколай",- отвѣчал Зеленый. -" А дальше? Как по батюшкѣ?" -Молчит. -"Как тебя зовут?"- спрашиваю. -"Павло". -"А отца твоего как зовут?" -"Иван." -"Так твое имя отчество будет Павел Иванович. А Государя имя Николай,а отца его звали Александром. Поэтому его имя отчество будет Николай Александрович. Понял?" -"Так точно, понял", отвѣчает.-"Так как зовут Государя?"-спрашиваю. -"Миколай". -"Ну,а по батюшкѣ?" - Молчит. И так каждый день в теченіе цѣлаго мѣсяца.

Возился я с ними очень много: читал, разсказывал, устраивал спектакли. И достигал обычно полнаго довѣрія,- мои солдаты не чуждались офицера. В результатѣ перваго года занятій с молодыми солдатами, послѣ смотра, я получил благодарность в приказѣ.

В обществѣ я бывал рѣдко, в 2-3 семьях, театр предпочитал балам. Жизнь большого города мало способствовала сближенію с семьями своих сослуживцев. Да и с сослуживцами встрѣчались мы почти исключительно на службѣ, да изрѣдка за завтраком в гарнизонном собраніи. Своего собранія у нас не было.

Раз пять в недѣлю я бывал в театрѣ: и в драмѣ, и в оперѣ, и в опереткѣ, и на малорусских спектаклях. Артистическія силы Кіевских театров того времени были на большой высотѣ и посѣщеніе театра давало мнѣ много радостей. Вспоминаю, как иногда, послѣ какого-нибудь особенно удачнаго спектакля, возвращаешься на далекій Печерск пѣшком, в цѣлях экономіи и, переживая только что полученные впечатлѣнія, не замѣчаешь дальности своего путешествія.

Чтобы имѣть возможность так часто посѣщать театры, я вынужден был отказаться от принятаго у нас обыкновенія занимать мѣсто в первом ряду и садился обыкновенно в 6-7 ряду партера. И мои

старшіе товарищи не упрекали меня за это. А я, на другой день пос лѣ спектакля, разсказывал им содержаніе видѣнной мною пьесы и на пѣвал слышанные мною мотивы.

Постепенно у меня сложились прекрасные отношенія с сослуживцами и с начальством; служба давала мнѣ полное удовлетвореніе; а жизнь в большом городѣ давала возможность пользоваться культурными радостями. При таких условіях я совершенно перестал думать о переводѣ в Бѣлосток и очень был обрадован, когда получились отвѣты на мои рапорт и письмо в Петербург, с сообщеніем, что переводы раньше года службы не разрѣшаются.

Вскорѣ по пріѣздѣ в Кіев я послал моего вѣстового за лошадью, купленной моим отцом на заводѣ Адамовича. "Ахмет", чистокровный араб гнѣдой масти, 2 1/2 вершков роста, был слегка подъѣзжен и от личался очень хорошим нравом. Сейчас же, под руководством нашего очень опытнаго наѣзднка, занялся я доѣздкой Ахмета, ежедневно ра ботая над ним по часу, а весной уже выѣзжал на нем в строй батареи. К сожалѣнію, Ахмет недолго послужил мнѣ: в декабрѣ 1901 года, несмотря на всѣ старанія нашего ветеринарнаго врача Чабута, Ахмет пал от ущемленія паховой грыжи.

Послѣ смотра молодых солдат я был откомандирован во 2-ю бата рею и поступил под команду Н.Н. Белковича, мрачнаго и грубоватаго по виду, но очень хорошаго человѣка и прекраснаго знающаго и заботливаго командира.

Как-то, во время офицерской ѣзды, заканчивавшейся всегда руб кой и прыжками через препятствія, со мной произошел довольно не пріятный случай. Послѣ упражненій в манежной ѣздѣ, офицеры должны были на полевом галопѣ рубить лозу, соломенный жгут и глину."Акт", мой казенно-офицерскій конь, горячій и тугоуздый, пройдя послушно и жгут и глину, стал уклоняться вправо, в сторону конюшни и так занес меня, что лоза оказалась слѣва /в рубкѣ налѣво мы еще не уп ражнялись/. Я в азартѣ, не желая пропустить удар, рубанул, но так неумѣло, что разсек лѣвую лопатку Акта сантиметров на пятнадцать.

Командир с большим возмущеніем, но вполнѣ корректно, отчитал меня за мою оплошность.

Каждое конное ученье оканчивалось обычно джигитовкой офицеров и номеров и поставлено это было прекрасно. Особенно,если при нять во вниманіе вьючные сѣдла того времени, с крючками и фигурно вырѣзанными луками. Бывали случаи, когда всадники, соскакивая на полном карьерѣ с коня, зацѣпится поясом за крюк и, не будучи в состояніи опуститься на землю или взобраться в сѣдло, болтается безпомощно на боку лошади, пока она не остановится.

По окончаніи зимняго періода занятій начинался артиллерійскій сбор. Около полутора мѣсяца мы простояли на полигонѣ, на лѣвом бе регу Днѣпра, возлѣ дачнаго поселка Дарница. Это был період боевых стрѣльб и усиленной подготовки к ним. Пушки наши отличались весь ма слабыми баллистическими данными, тѣм не менѣе на призовой стрѣльбѣ наша 2-я батарея получила приз.

Послѣ окончанія стрѣльб дивизіон уходил на кавалерійскіе сбо ры в окрестности Бѣлой Церкви. Здѣсь собирались полки 9-й кавале рійской дивизіи со своей артиллеріей и наш дивизіон. Шли мы туда походным порядком, останавливались в гостепріимных украинских де ревнях, а затѣм цѣлый мѣсяц дивизіон стоял в деревнѣ Глыбочка, жи

вописно расположенной по берегу рѣки Росъ.

С большим удовольствіем любовался я картинами малорусской природы, а в лунные вечера заслушивался пѣніем парубков и дивчат, живо переживая поэтическіе описанія Украины, так мастерски написанные Николаем Васильевичем Гоголем.

Я очень любил кавалерійскіе ученья. Особенно пріятно захватывало дух, когда батарея полным карьером выносилась на фланг атакующей конницы. Послѣ ученья Начальник Дивизіи пропускал свои полки и нас через ряд барьеров: зеленый, земляной вал и канаву. Шли по эскадронно развернутым строем. За эскадронами шли мы с нашими мерами, по-батарейно. Подымалась при этом такая непроницаемая черноземная пыль, что канаву, например, совсѣм не видишь, и не рѣдки случаи, когда цѣлая пачка всадников, вмѣстѣ со своими конями, валились в канаву. Лучше всего было на флангѣ, со стороны вѣтра, - барьеры были отчетливо видны, фланговые кони увѣренно прыгали, а остальные, ничего не видя перед собой, по стадному чувству тоже прыгали.

Послѣ ученій шли маневры, с обозначеннымъ противникомъ и двусторонніе. В этих "играх в войну" я с удовольствіем участвовал.

В концѣ кавалерійскаго сбора были дивизіонные офицерскіе скачки. В тот год у нас в дивизіонѣ не было ни одной чистокровной лошади и наши офицеры не принимали участія в скачках. Лучшіе скаковые лошади были у офицеров Бугскаго и Казанскаго полков.

Помню такую забавную скачку. На старгѣ - II всадников. К послѣднему барьеру подошло два, остальные разсыпались по скаковому полю. Первым идет 13-й конной батареи поручик Пассек, вторым -Бугскій улан. На барьерѣ Пассек падает, а конь улана обносит барьер. Пассек вскакивает, подсѣгает к остановившейся лошади, садится и, продолжая скачку, приходит первым и единственным и получает приз.

Это было время, когда конный спорт только начал развиваться, когда чистокровная лошадь считалась мало пригодной для службы в строю и являлась роскошью, доступной лишь немногим.

Кавалерійскіе сборы пролетѣли незамѣтно и мы опять вернулись в Кіев, на зимнія квартиры. Слѣдующій мѣсяц были общіе сборы.Два-три раза в недѣлю мы по взводно или всей батареей, ходили на тактическіе занятія с пѣхотой. В остальные дни мы приводили в порядок матеріальную часть и свои помѣщенія, - больше отдихали послѣ лѣтней страды. Офицеры предпринимали поѣздки верхами по чудным окрестностям Кіева, а вечерами пропадали в Шато-де-Флэр и по другим подобным учрежденіям.

Так закончился первый год моей службы в строю конной артиллеріи. Я был очень доволен и выбором рода службы и части, в которую я вышел, и городом, который давал мнѣ столько радостей,- моя мечта о жизни в Малороссіи осуществилась. Мнѣ нравилась работа с солдатом, большим ребенком в большинствѣ случаев /уже тогда сказывались заложенные во мнѣ педагогическіе способности/, и с лошадью, благородным животным, которую в наши дни так безжалостно вытѣсняет бездушная машина.

Нравилась мнѣ строгая дисциплина, построенная на соблюденіи чинопочитанія /хотя бы и к твоему однокашнику, но на нѣсколько сотых выше тебя по выпуску/ и резко разграничивающая службу от дружбы. Нравилось и полное признаніе авторитета начальника и та забо

та о подчиненном, которая была основой наших взаимоотношеній и создавала вокруг нас атмосферу полной беззаботности о своей дальнѣйшей карьерѣ: дѣлай свое дѣло добросовѣстно и все придет в свое время.

Нравилась и среда, в которой приходилось жить и работать: лучшіе ученики кадетских корпусов, воспитанные на началах товарищества и преданности престолу, попадали в артиллерійскіе училища, гдѣ получали шлифовку на благородных традиціях; выйти в конную артиллерію всегда было больше желающих, чѣм вакансій,- и тут происходил отбор,- хорошіе ученики и ѣздоки попадали в конныя батареи.

Отношенія с товарищами у меня установились прекрасные. Наиболѣе дружен я был с Михалаповым, из портупей-юнкеров Константиновскаго училища, моего выпуска, и с переведенным к нам из 18-й конной Батурским, михайловцем, на год старше меня меня по выпуску. Кстати, рогатые отношенія между михайловцами и константиновцами, имѣвшіе мѣсто в юнкерскіе годы, совершенно исчезли в частях, гдѣ между тѣми и другими никакой разницы не дѣлалось.

Михалапов жил с матерью-вдовой. Уже через 2 года мы отпраздновали свадьбу его с дочерью юриста-генерала Лабутина. А еще через 3 года, во время революціонных безпорядков, Михалапов был сожжен толпой запасных на ст.Курск. Он вел эшелон запасных в Кіев. С ним в вагонѣ ѣхала и его молодая жена. Когда поѣзд остановился на станціи Курск, Михалапов с женой вышел погулять по платформѣ, на которой толпилось много запасных, ожидавших отправки по своим частям.

Когда Михалапов проходил через толпу, раздался вслѣд ему голос: -"Ишь, ѣдет со своей б..... во втором классѣ, а нас сажают в телячьи вагоны." Михалапов остановился и спросил: -"Кто это сказал?" -"Я, а в чем дѣло?" - с большой наглостью отвѣтил один из толпы. Михалапов выхватил нашку и рубанул нахала так, что тот свалился с ног, а затѣм вошел в свой вагон. Вокруг вагона начала собираться толпа, а комендант станціи до того растерялся, что, вмѣсто того чтобы отправить готовый к отправкѣ эшелон Михалапова, задержал его и стал докладывать о происходящем начальнику гарнизона по телефону. Между тѣм в толпѣ стали раздаваться голоса с призывом расправиться с офицером.

Нѣсколько солдат эшелона Михалапова прошли к нему в вагон и пытались уговорить его переодеться в принесенное ими солдатское обмундированіе и уйти с ними из вагона. Михалапов отказался от переодеванія, но попросил вывести только его жену, что они и сдѣлали. На бѣду эшелон Михалапова был без оружія и не мог защитить своего офицера от толпы, но в безпорядкѣ никто не участвовал. А комендант все не отправлял эшелона и даже не вызвал бывшаго в его распоряженіи караула для водворенія порядка. Между тѣм толпа отцѣпила осажденный ею вагон, откатила его от поѣзда, обложила горючим матеріалом и подожгла. Михалапов застрѣлился. И комендант станціи и начальник гарнизона были преданы суду за бездѣйствіе. *

---

* Тетрадь моих воспоминаній случайно попала в руки "Таточки", о которой я упоминал, говоря о случаѣ на "Русалкѣ" и она прислала мнѣ ряд"дружеских замѣчаній", выписку из которых я охотно и привожу здѣсь: - Наталія Дмитріевна, которую я знал 18-лѣтней барышней, была подругой жены Михалапова и в их домѣ бывали почти всѣ офицеры

Вторым, близким для меня товарищем, был Сережа Батурскій, по прозвищу Жак: пшютоватый по манерам, но прекрасный товарищ и хорошій строевик. Георгіевскій кавалер, за 1-ю Міровую войнъ, доблестно участвовал в Гражданской войнѣ и в войнѣ на Балканах в составѣ Русскаго Корпуса.

Ко мнѣ особенно хорошо относился гуляка Карагодин и только я один умѣл успокоить его и отвлечь от пьянаго приставанія к кому-нибудь. Помню, года через два послѣ моего перевода в 8-ю конную, я пріѣхал в Кіев и случайно достал билеты на всѣ шесть гастролей Шаляпина. И вот, сижу я в партерѣ и слушаю первое дѣйствіе "Русалки". Вдруг слышу громкій разговор в ложѣ бельэтажа, гдѣ сидѣли мать и дочь Меньшевы и вижу: Карагодин наклонился к сконфуженной Таточкѣ и что-то говорит ей. Ну, думаю, надо выручать. Подымаюсь в ложу и, как опытный укротитель, увожу Карагодина из театра. И, только сдав Александра Ивановича на руки Арцишевскому, возвращаюсь в театр, пропустив почти два дѣйствія такой интересной оперы.

Назначен был к нам в дивизіон поручик Л., отрицательный тип офицера. Не прошло и полугода, как офицеры попросили Л. оставить наш дивизіон немедленно.

Оказывается, он практиковал такой способ легко и весело жить: начинал бывать в каком-нибудь домѣ и ухаживать за дочерью хозяев: интересной наружности и занимательный болтун Л. скоро покорял сердце молодой хозяйки, становился женихом и, на правах такового, каждый день то обѣдал у невѣсты, то ужинал. Когда нельзя уже было тянуть со свадьбой, устраивал размолвку, а затѣм и разрыв, подыскав к этому моменту другой гостепріимный дом с другой невѣстой и т.д.

Когда это открылось, его попросили уйти из дивизіона. Он поѣхал в Петербург и довольно быстро устроился под условіем представленія отличной аттестаціи с мѣста послѣдней службы. И командир, чтобы избавить дивизіон от такого офицера, дал ему хорошую аттестацію.

Я и тогда не понимал такого "провинціальнаго патріотизма" и был убѣжден, что цѣлое не может страдать из-за интересов частнаго, - командир был неправ.

нашего дивизіона, так что ея свѣдѣнія заслуживают большего довѣрія, чѣм мои, почерпнутые из газет пол вѣка назад.

" Михалапов вел эшелон не в Кіев, а из Кіева. На платформу вышел он один, вызванный скандалом пьяных запасных. На приказ Михалапова возвращаться по вагонам, один из запасных, на глазах у толпы, с криком сорвал погон с кителя Михалапова,- тогда он и рубанул его шашкой... В этот день вся территорія вокзала была полна людей. Тысячи ринулись на платформу, когда прошел слух, что офицер убил солдата. Автор заѳыл или ему невѣрно передали: два солдата вошли в вагон и предлагали Михалапову не переодеться в солдатскую одежду, а помѣняться одеждою с тѣм, что тот, кто надѣл бы его офицерскую, вмѣсто него остался бы в вагонѣ. Вот эта героика утрачена в повѣствованіи автора.

Все это знаю я потому, что все случившееся в Курскѣ сильно взволновало мою семью и меня. Командир батареи пріѣхал к нам и первый разсказал об этом страшном происшествіи и просил предупредить мать Сергѣя Яковлевича /Михалапова/."

В октябрѣ 1901 года исключительно талантливая артистка В.Ф. Комиссаржевская давала в Александринском театрѣ свой бенефисный спектакль. Как вѣрный поклонник таланта этой звѣзды Императорской сцены, получаю пятидневный отпуск и качу в Питер. Пріѣзжаю и узнаю, что день бенефиса не вмѣщается в мой отпуск,- просчитался. Посылаю командиру дивизіона телеграмму с просьбой об отсрочкѣ отпуска на одни сутки. Отвѣта нѣт. Будучи твердо увѣрен, что отвѣт, и притом благопріятный, все же придет, остаюсь. Послѣ спектакля, с первым курьерским поѣздом, несусь в Кіев. Еще в вагонѣ, подъѣзжая к Кіеву, переодеваюсь в парадную форму. Мчусь на квартиру полковника Хитрово /был праздник/, чтобы не терять времени, явиться.

Звоню. Открывает двери денщик командира. -"Полковник принимает?"- спрашиваю. Денщик большими глазами смотрит на меня и отвѣчает: -"Так точно! Только они умерли. Сейчас будет панихида."

Таким образом смерть командира была причиной неполученія мною отвѣта на мою телеграмму об отсрочкѣ отпуска. Мое опозданіе осталось без взысканія.

На втором году моей службы, к большому моему огорченію, не пришлось мнѣ заниматься с молодыми солдатами,- эту отвѣтственную работу принял на себя старшій офицер батареи Арцишевскій. Мнѣ же было поручено заниматься с наводчиками и со старослужащими.

Послѣдніе в значительном числѣ отвлекались в наряд и на хозяйственныя работы, так что заниматься приходилось всегда с перемѣнным составом и поэтому было неинтересно и скучно.

Осенью к нам пріѣхал, выпущенный из Михайловскаго училища, П.Д. Полянскій. Бутягин, нашъ адъютант, был переведен в одну из Тверских батарей и на его мѣсто был назначен Б.С. Голубовскій. Дивизіон получил полковник Коломейцев, лихой командир и любитель посидѣть с молодежью за стаканом вина. Впослѣдствіи скончался от рака языка.

Вскорѣ мы отпраздновали свадьбу нашего новаго адъютанта. Людмила Николаевна Голубовская, Кіевская институтка, была очень симпатичной и культурной дамой, и я охотно бывал в этом радушном домѣ.

В ноябрѣ я получил двухнедѣльный отпуск и уѣхал к родителям в Бѣлосток, гдѣ прошли мои отроческіе и юношескіе годы.

4-й кавалерійской дивизіей командовал в то время генерал В. В. Сахаров, брат военнаго министра. Отец мой, бывавшій в домѣ Сахаровых, заставил и меня отправиться к ним с визитом. Скрѣпя сердце /я чуждался новых людей и терпѣть не мог визитов/, поѣхал я к Сахаровым.

А.В. Сахарова, очень симпатичная дама, узнав, что я большой театрал и что и сам неоднократно подвизался на театральных подмостках, пригласила меня участвовать в парадном спектаклѣ Краснаго Креста. Поблагодарив за предложеніе, котораго, к сожалѣнію, я принять не мог, я сообщил генеральшѣ, что отпуск мой кончается и что на днях я уѣзжаю в Кіев.

-"Отчего же Вы не служите в нашей конной артиллеріи, гдѣ живут ваши родители?"- спросила мадам Сахарова. Я разсказал о судьбѣ моего рапорта о переводѣ.

-" А вы хотѣли бы служить здѣсь?"- спросила Александра Владимировна.

-" Конечно",- отвѣтил я, совершенно не придавая серьезнаго значенія этому разговору.

Каково же было мое удивленіе, когда, дня через три послѣ моего визита, к моему отцу явился ординарец Начальника Дивизіи и привез отвѣтную телеграмму военнаго министра:-"Пусть подаст рапорт, перевод состоится."

Огорченію моему не было границ, но ничего нельзя было подѣлать: это было большим желаніем моей матери, да и нельзя было отказаться от своего согласія, легкомысленно даннаго в разговорѣ с дамой. Дальнѣйшее произошло очень быстро: рапорту моему, поданному год назад, был дан ход /новаго я так и не подал/ и не прошло и недѣли, как состоялся Высочайшій приказ о переводѣ меня в 8-ю конную батарею.

I8 декабря I90I года, в день моего Ангела, в управленіи нашего дивизіона мнѣ были устроены теплые проводы, во время которых было сказано не мало пріятных для меня слов.

А во дворѣ, в нашем ветеринарном лазаретѣ, доктор Чабут возился в это время над моим бѣдным Ахметом.

Прощай Кіев, мечта моей юности! Прощай лихой дивизіон, заложившій во мнѣ основы конно-артиллерійскаго воспитанія и вложившій в меня любовь на всю жизнь к этому славному роду оружія! Прощайте, дорогіе друзья-сослуживцы!

К Рождеству я был уже в Бѣлостокѣ, и началась новая глава моей жизни.

Е. Ивановскій

Выпуска I900 года.

ВЫПИСКИ ИЗ "ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО ВѢСТНИКА".

№ I72 - Вторник, 9/2I Августа I894 г.

Закладка I5-ти новых зданій Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, преобразующагося в настоящее время из о д н о й батареи в состав двух батарей, совершена 6 августа: Флигель для офицеров в 3 этажа на I8 квартир, каменное зданіе для караулки и арестантской, каменное зданіе для 220 нижних чинов, манеж, конюшни на 330 лошадей, 2 каменных сарая для фуража, лазарет, швальня /I,5 милліона/.

№ 283 - I894 г.

I8 декабря состоялось молебствіе в Михайловской Артиллерійской Академіи и Училищѣ по поводу принятія Государем Императором званія Почетнаго Президента Михайловской Артиллерійской Академіи . Присутствовал Великій Князь Михаил Николаевич.

№ 283 - 1894 г.

18 ноября Вел.Князь Михаил Николаевич посетил Михайловское Артиллерийское Училище и произвел учение 8-ми орудийной батарее училища. Прибыв в училище в 2 ч.30 мин. дня, Великий Князь отбыл в 3 ч.20 минут.

№ 259 - ноябрь 1895 г.

75-летие со дня основания впоследствии Михайловской Артиллерийской Академии и Училища.

№ 243 - 1895 г.

8 ноября 1895 г. - 75 лет со дня основания Технической Артиллерийской Школы /Выпускала Артиллерийских Техников/.

№ 236 - октябрь 1895 г.

26 октября Вел.Князь Михаил Николаевич посетил Михайловское Артиллерийское Училище.

№ 35 - 1896 г.

22 февраля 1896 г. Их Величества посетили Михайловскую Артиллерийскую Академию и Училище.

№ 105 - май 1897 г.

8 мая Вел.Князь Михаил Николаевич посетил Михайловское Артиллерийское Училище по случаю выхода в лагери батареи училища.
Великий Князь посетил в лазарете ген.Демяненкова, находившегося там после тяжелой и продолжительной болезни и беседовал с ним.

№ 101 - 1898 г.

Михайловское Артиллерийское Училище должно быть доведено с осени, к началу учебного года, до 2-х батарейного состава, но уже в лагери вышло в конном строю 2 батареи, так как успели подъездить лошадей.
Начальником Училища еще числился ген.Демяненков/10 мая/.

№ 168 - 1898 г.

20 и 24 июля лагери Михайловского Артиллерийского Училища ос

частливила посещением Вел.Княгиня Мария Павловна /Мать Вел.Князя Андрея Владимировича, бывшего в это время юнкером Михайловского Артиллерийского Училища./

24 июля каталась на лодке на Дудергофском озере, сопровождаемая эскадрой лодок всех остальных Военно-Учебных Заведений Авангардного лагеря.

В эти дни Великую Княгиню встречал генерал-майор ГУК, исполняющий должность Начальника М.А.У.

№ 287 - 1899 г.

Приказ Военного Министра 2 декабря 1899 г.

Военный Совет журналом от 2 сентября с/г положил:

1. Михайловскую Артиллерийскую Академию и УЧИЛИЩЕ преобразовать в д в а о т д е л ь н ы х учреждения Артиллерийского Ведомства.
2. Упразднить должность Начальника Михайловской Артиллерийской Академии и Училища.
3. Учредить должности Начальника Михайловской Артиллерийской Академии и 2-х Артиллерийских Училищ.

Этим приказом Михайловское Артиллерийское Училище отделялось от Михайловской Артиллерийской Академии и получало, подобно Константиновскому Артиллерийскому Училищу, самостоятельного Начальника М.А.У.

№ 359 - ноябрь 1895 г.

75-летие Михайловской Артиллерийской Академии и Училища исполнилось 25 ноября сего года.

В церкви Училища состоялась литургия и молебствие. Присутствовали: Слушатели Михайловской Артиллерийской Академии и юнкера, профессора, служащие в обоих учреждениях с Начальником Академии и Училища генералом Демяненковым во главе. На празднество прибыли: Их Императорские Высочества Почетный Вице-Президент Академии Генерал-Фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Николаевич и Почетный Член Академии Великий Князь Сергей Михайлович, а также Почетные члены - Их Великогерцогские Высочества Герцоги Георгий Георгиевич и Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкие. Великий Князь Андрей Владимирович находился в строю юнкеров. Помимо того в церкви присутствовал генералитет - Товарищ Генерал-Фельдцейхмейстера, Председатель Комитета Министров и много других высокопоставленных лиц.

Затем присутствующие перешли в Императорский зал, куда уже были введены юнкера. У подножия Императорских портретов была устроена эстрада, на которой находились хоры музыкантов и певчих из юнкеров.

Великий Князь Михаил Николаевич от Имени Державного Президента Михайловской Артиллерийской Академии Государя Императора передал поздравление Академии и Училищу. "Ура" и Гимн покрыли Его слова. Затем был прочитан приказ по Военному Ведомству о вновь назна

ченных Почетных Членах Академии.

Далее Инспектор Академии и Училища статистическими данными ос ветил плодотворную деятельность обоих учреждений. К настоящему вре мени из бывших питомцев - 2 - Генерал-адъютанта, 5 - Членами Госу дарственного Совета и Сенаторами, I - Командиром Армейского Корпу са, 24 - принадлежат к высшей Артиллерийской Администрации, 7 - На чальниками пехотных и кавалерийских дивизий, 5 - Командирами Крепо стей, 23 - Начальниками Технических Заведений, I - Попечителем Уче бного Округа, I8 - Начальниками Заведений и Директорами Кадетских Корпусов, 22 - Профессорами Высших Военных и Гражданских Заведений и 8 - Генерал-Губернаторами, Губернаторами и Начальниками Областей.

После Инспектора Академии и Училища сказал речь генерал Демя-ненков. В тот же день вечером в 8 часов состоялся концерт, удостоенный присутствием Августейшего Вице-Президента Академии и Авгус - тейших Почетных Членов и многих высокопоставленных лиц. В I0 ч. ве чера начался бал.

Михайловское Артиллерийское Училище ведет свое начало от Артиллерийского Училища, учрежденного 25 ноября I820 г. по мы-ли Великого Князя Михаила Павловича.

Великий Князь Михаил Павлович, вступив в командование артилле рией, ясно видел все недостатки в ней, почему и вошел со всеподдан нейшим докладом о сформировании Учебной Артиллерийской Бригады из 3-х рот, для приготовления фейерверкеров и при ней Артиллерийского Училища для образования офицеров.

До этого в России не существовало военной школы, которая дава ла бы серьезную специальную артиллерийскую подготовку.

Доклад удостоился Высочайшего утверждения 9 мая I820 г.Первым Командиром Училища был назначен Капитан ВОЛИН. Для помещения Учеб ной Бригады и Училища приобретено место и строения на берегу Невы, где училище помещается и до настоящего времени.

Первоначально Училище состояло из 2-х отделений: высшего -офи церского и низшего - юнкерского.

В I823 году учрежден старший юнкерский класс, первое производ ство из которого в офицеры последовало в I823 году.

В I832 году Училище получило 8 - 3-х фунтовых единорогов, со ставив 8-ми орудийную батарею.

В I849 году, после кончины Великого Князя Михаила Павловича , училищу Высочайше повелено именоваться "МИХАЙЛОВСКИМ" и поступить в ведение Главного Управления Военно-Учебных Заведений.

В I855 году, 30 августа последовало переименование Офицерских Классов в МИХАЙЛОВСКУЮ АРТИЛЛЕРИЙСКУЮ АКАДЕМИЮ.

В I862 г. Академия и Училище изъяты из ведения Военно-Учебных Заведений и подчинены Товарищу Генерал-фельдцейхмейстера.

В I865 г. Училище сделано 3-х классным, а в Академии уничто - жен строевой отдел.

В I894 г. в Академии по учебной части произведены значитель - ные перемены и одновременно с этим предположено увеличение штата юнкеров в Училище до 425 человек.

Для помещения расширенного училища /в составе 2-х 8-ми орудийных батарей/ отведены все незанятые еще им части здания бывшей Учебной Бригады и приобретен вновь участок земли в конце Нижегородской улицы.

На участке этом /см."Прав.Вестник" № 178 9 авг.1894 г./ произведена 6 августа 1894 г. закладка 15-ти зданий М.А.У., подлежащего преобразованию из одной батареи в 2-х батарейный состав: офицерский флигель в 3 этажа , каменное здание для караулки и арестанской, каменное здание для 220 н/ч., конюшни на 330 лошадей, 2 каменных сарая для фуража, лазарет, швальня и пр. /1,5 мил.Рублей/.

Полное окончание всех построек и прием в преобразованное училище предполагается в будущем 1896 году.

12 декабря 1894 г. Михайловская Артиллерийская Академия удостоилась высокой чести: Государь Император изволил принять на Себя звание ее Почетного Президента.

В период 75-летнего существования Академии и Училища образование получило:

В ЮНКЕРСКИХ КЛАССАХ - 8227 молодых людей, а в АКАДЕМИИ /прежде офицерских классах/ - 1246 офицеров. Из этого числа 4473 чел. в последнее 25-летие окончило Училище - 1650 чел. и Академию - 456 чел.

В среднем за 75 лет оканчивало ежегодно: Академию около 15-17 человек и Училище до 1862 г. около 25-28 чел., а начиная с 1863 г. около 65-66 человек юнкеров.

Выписки сделал Б.А. Николаев.

О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МИХАИЛЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ.

В № 6399 газеты "Россия" от 18 июля с/г., г-н Глеб Гроза в своей интересной статье "Светлой памяти Августейшего любимца русского народа", рассказывает о "паутине вокруг Вел.Кн.Михаила Александровича"; о том, что гибель его "загадочна" и "не доказана столь ясно и документально, как зверское убийство Государя.."; что - "был ли он похищен или же пытался скрыться из большевицкого плена? - Это так и осталось невыясненным". Это не совсем так.

Позволяю привести некоторые подробности, которые мне известны о жизни Великого Князя в Перми.

В текущем году исполнилось 80-летие со дня его рождения и 40-летие со дня убиения.

Великий Князь Михаил Александрович был арестован 9 марта в Гатчине; увезен в Петроград, а затем и в Пермь. Там он оставался под арестом, но пользовался относительной свободой. При нем безотлучно находился его секретарь Николай Николаевич Джонсон, который безгранично был ему предан и всячески о нем заботился. Оба они жи

ли в одной комнате гостиницы Королева. Оставить при себе своего любимого камердинера Челищева - Великому Князю не удалось. В середине мая Ц.И.К. большевиков решил окончательно истребить Царскую Семью и всех Родственников. Первым погиб Великий Князь Михаил Александрович в Перми; потом Узники в Алопаевске и последними - Царская Семья в Екатеринбурге... Слухи о том, что Великому Князю Михаилу Александровичу удалось спастись - я сам лично слышал осенью того же года в Перми, будучи там проездом из Кунгура под Екатеринбургом. Увы, - это не так.

Но тайна судьбы Великого Князя была раскрыта самим убийцей его: в конце 30-х годов в СССР появились - "Записки коммуниста Мясникова" /впоследствии погибшего при воздушной катастрофе/, в которых он очень подробно рассказывает, как он 30-го мая 1918 года, в 10 часов вечера, у Мотовилихинского завода "ликвидировал" Михаила Александровича и Н.Н. Джонсона... Мясников /а не Мясоедов, как ошибочно его называет г.Глеб Гроза/ был тогда председателем Пермской "Че-Ка".

Подробности о пребывании Великого Князя Михаила Александровича в Гатчине и о его охране - я рассказывал в газете "Россия" в №№ 5230 и 5261 - 1953 года.

Д. Ходнев

Заметка перепечатана из газеты "Россия" от 30 июля 1958 года.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ.

/К 150-летию со дня рождения/

Великий Князь Михаил Павлович, четвертый сын Императора Павла I, родился 28 января 1798 года. Великому Князю было три года, когда он лишился отца и с этого возраста воспитание его всецело сосредоточилось в ведении его матери, вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны.

На должность воспитателя был назначен, еще по выбору Императора Павла, М.И. Ламсдорф, человек с благородными правилами; этот выбор был удачен - он содействовал развитию положительных свойств в характере Великого Князя.

Наибольшие заботы Императрицы Марии Феодоровны в деле воспитания двух младших Великих Князей заключались в старании отклонить их от увлечения военными упражнениями, которое обнаружилось в них с раннего детства.

Однако, страсть к внешней стороне военного дела, привитая в России Императором Павлом, пустила глубокие корни в Царской Семье; воинственное же настроение, охватившее Европу во время Наполеонских войн, еще больше способствовало развитию интересов к военному делу. Кроме преподавателей по общим наукам к Великим Князьям был назначен инженерный генерал Опперман и в помощь ему, Джонотти

и Маркевич, которые читали военные науки. Курс образования должен был закончиться поездкой по России и за границу. Сильное желание участвовать в действиях освободительной войны заставило Императора Александра I согласиться на прибытие его младших братьев в армию, причем Император приказал состоять при них Генерал-Адъютанту Коновницыну, опытному воину, соединившему в себе доброту характера и всестороннее знакомство с военным делом. Императрица с особою заботливостью обставила путешествие своих сыновей, снабдив подробными инструкциями лиц, их сопровождавших, и дав письменное наставление самим Великим Князьям: -"Следует,- писала Императрица,- изучать все, что касается до сбережения солдата, которым так часто пренебрегают, жертвуя им красоте формы, бесполезным упражнениям, личному честолюбию и невежеству начальника."

Великим Князьям не удалось принять участия в военных действиях - они прибыли в Парим, когда в нем уже находились союзные войска. И здесь сказалась склонность молодых Великих Князей ко всему военному: они осматривали предпочтительно учреждения военные - Политехническую школу, Дом Инвалидов, казармы, госпитали. Там же, по словам Михайловского-Данилевского,- "они восхищались всем тем, что есть русское."

После смотра в Вертю, Коновницын доносил Императрице Марии Феодоровне, что Великие Князья, - "командуя своими частями наилучшим образом /Михаил Павлович командовал пятью ротами конной артиллерии/, приобрели истинное уважение от войск, им подчиненных, исправностью в команде, кротостию и снисхождением ко всем чинам."

В 1816 году Великий Князь Михаил Павлович совершил путешествие по России, а в 1817-1819 г.г. снова за границу под руководством опытного ментора Лагарпа.

Облеченный званием фельдцейхмейстера со дня рождения, Михаил Павлович в 1819 г. формально вступил в управление артиллерией, которая впоследствии достигла значительного совершенства. По Его докладу было открыто в 1820 году первое артиллерийское училище /впоследствии наименованное Михайловским/ и была учреждена в С.Петербурге учебная артиллерийская бригада для подготовки фейерверкеров /это не вполне правильно: наоборот - артиллерийская бригада и при ней артиллерийское училище - П.С.Зак.Р.И. Т.XXXVII стр.198 №28368 - примечание мое: Б.Н./; в частях полевой артиллерии были заведены батарейные и дивизионные школы. В 1821 году была учреждена техническая артиллерийская школа.

После общего преобразования артиллерии в 1838 году был учрежден комитет "для пересмотра и уравнения калибров наших орудий"; в конце 30-х годов введены орудия новой системы и с 1845 года начато снабжение артиллерии лафетами и зарядными ящиками новой системы.

В 1826 году Великий Князь Михаил Павлович был назначен Командиром Гвардейского Корпуса и присутствующим в Государственном Совете и с 1834 г. в Сенате. В 1832 г., в день открытия Императорской Военной Академии, получил звание Почетного Председателя и в 1844 г. назначен Главнокомандующим Гвардейским и Гренадерским корпусами.

Участие в военных действиях Великий Князь принял в войну

1828-29 г.г., командуя особым корпусом, осаждавшим Браилов, после взятия которого был пожалован орденом Св.Георгия 2-й степени и 6 -ю медными пушками, взятыми в этой крепости. Впоследствии из металла одной из них, по заказу офицеров гвардейской артиллерии, был отлит бюст Великого Князя, находившийся в зале собрания офицеров Лейб-Гв. 1-й Артиллерийской бригады. В Польскую войну 1831 г., во главе Гвардейского корпуса, Великий Князь принял участие в боевых действиях между Бугом и Наревом, при Остроленке, при штурме Варшавы и блокаде Модлина.

За эту кампанию он был пожалован званием Генерал-Адъютанта, почетной шпагой с надписью "За Храбрость" и одним из ключей Модлинской крепости.

В 1849 г. Гвардейский корпус присыл к нашим западным границам, когда война с Венгрией была уже окончена. В середине августа Великий Князь в Варшаве делал смотр 7-й Легкой Кавалерийской дивизии. Подъехав к эскадрону /лейб-эскадрону/ уланского Своего Имени полка /Владимирский Уланский/, Он поздоровался с ним; затем, подъезжая ко 2-му эскадрону, вдруг почувствовал себя дурно, остановил лошадь и зашатался в седле. Сейчас же сняли Его с коня и в подъехавшей карете отвезли во дворец. С ним сделался удар.

28 августа 1849 года Великий Князь Михаил Павлович скончался.

История Русской Армии в эпоху царствования Императора Николая Павловича неразрывно связана с личностью его младшего брата Михаила Павловича, ближайшего исполнителя предначертаний и воли Государя. Он был постоянным его помощником, проводившим в жизнь принципы и взгляды его по отношению к военному делу. Поэтому состояние военного дела в России в эпоху Николая I Павловича невозможно уяснить себе в полной мере, не коснувшись роли, какую играл его брат Михаил Павлович в судьбах Русской Армии.

Память о нем осталась, как об очень строгом начальнике, но добром человеке. Надо однако заметить, что служебные требования мирного времени в царствование Императора Николая Павловича по существу мало отличались от требований предыдущего царствования и Михаил Павлович характером походил на своего старшего брата Константина Павловича: та же суровость во внешности, те же вспышки гнева и та же доброта и сердечность, таившаяся в глубине сердца.

Русский солдат, всегда чуткий ко всему доброму, высоко ценил прекрасные качества своего любимого, хотя и очень строгого начальника. Солдатская песня Л.-Гв.Московского полка, в котором Михаил Павлович был Шефом, так охарактеризовала доброту его:

" ОН с солдатом на распашку,-
/Не леки лишь на боку!/
И готов отдать рубашку
Сослуживцу бедняку. "

Служивший в Л.-Гв.Финляндском полку, в 40-х годах, Прапорщик В.А. Изъединов приводит такой случай, хорошо характеризующий требовательность Великого Князя и отношения к нему Государя: - " Я был в карауле у Адмиралтейства, рассказывает Изъединов, караул был вызван для отдания чести Государю, проезжавшему мимо; у одного солдата оказалась растегнутой одна пуговица. Государь увидел этот беспорядок, но вместо замечания ограничился лишь словами:-" Великий Князь едет ! /Михаил Павлович/."

Духовное завещание Великого Князя, составленное им еще в 1843 году, показывает как велики были чувства Михаила Павловича к командуемому им корпусу и к другим частям.

"Они пребудут для меня дороги, - говорит в завещании Великий Князь,- до самой смерти Моей и Я сойду в гроб с полной к ним признательностью и любовью."

"Если Я кого-нибудь обидел или из Моих подчиненных, или по другим Моим соотношениям, то от всей души и искренно прошу их простить Меня и верить Мне, что Я никогда не хотел огорчить их с умыслом."

К. Топорков.

Выписка из "Русского Военно-Исторического Вестника" № 3 - 1948 г. Париж.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ

в Михайловском Артиллерийском Училище.

Выписки из книги "Воспоминания о Генерал-Инспекторе Русской Артиллерии Великом Князе Сергие Михайловиче" - Белград 1934 г.

Из статьи А.Гаффера. Париж 1928 г.

Давным давно, в мои юношеские годы, я помню в нашей семье фотографический портрет высокого, стройного юноши в форме юнкера Михайловского Артиллерийского Училища, с заветной мечтой всех юнкеров - белым боевым фейерверкерским ремнем, кожаным темляком и шпорами. То был портрет Великого Князя Сергия Михайловича, который в Михайловском Училище начал изучать артиллерийское дело для того, чтобы в будущем посвятить сему все свои силы.

Из статьи Генерал-Лейтенанта Леховича.Нью Йорк 1928 г.

18-ти лет Великий Князь Сергий Михайлович был зачислен юнкером в Михайловское Артил.Училище и начал на дому проходить курс училища, а с осени 1888 г. стал являться в Училище на строевые занятия старшего курса. Командиром батареи училища тогда был Гв.Подполковник Василий Тимофеевич Чернявский; курсовым офицером - капитан Александр Аполлонович Фриде и помощником его - подпоручик Зворыкин/впоследствии градоначальник в Ростове на Дону/. На строевые занятия Великий Князь приезжал со своим воспитателем, Генералом Гельмерсеном. Занятиями руководил подполковник В.Т. Чернявский.Последний лагерный сбор Великий Князь жил в лагере училища, под Красным Селом, вместе с генералом Гельмерсеном и участвовал на всех занятиях и стрельбах училища. Наравне с другими юнкерами выпускного курса, Великий Князь нес караульную службу и, будучи начальником караула, по принятому обычаю, угощал весь караул пирожками .

Помню, сообщает мне однокурсник Великого Князя, как при появлении на передней линейке лагеря училища командира батареи подполковника Чернявского, по вызову: "Дежурные Артиллерийского Училища на линию", Великий Князь выстраивал караул для встречи на линии; а в тот же день, когда Он, переодевшись в офицерскую форму,уезжал, через переднюю линейку, в отпуск, то по всему лагерю раздавался вызов: -"Все на линию"./Что полагалось Ему, как лицу Императорского Дома/. И все юнкера училища, во главе с подполковником Чернявским, выходили на линию.

10 августа 1889 г., после того, как Государь Император поздравил юнкеров училища с производством в офицеры,Великий Князь , поздравил своих однокурсников с производством, роздал всем им свои фотографические портреты с собственноручной подписью, а тем из них, которые обучались с Ним при орудии на зимних строевых занятиях, а также командному составу батареи училища, передал на память портсигары и жетоны со своими вензелями. Расставаясь со своими товарищами по училищу, Великий Князь просил их, в случае надобности, обращаться к Нему, не как к Великому Князю, а как к своему однокурснику. Мне известно несколько случаев такого обращения. Великий Князь каждый раз исполнял просьбу обращавшегося, причем один раз заслужил даже замечание от генерала Гельмерсена,что взялся не за свое дело.

Из статьи генерал-лейтенанта Барона Майделя.Любляна/Югославия/ 1930 г.

Первая моя встреча с Великим Князем относится к 1903 году , когда я был курсовым офицером Михайловского Артиллерийского Училища. До этого времени я знал Его лишь по наслышке, по отзывам других. Рассказывали о необычайной добросовестности Великого Князя в то время, когда Он, как юнкер, проходил строевой курс М.А.У. Рассказывали, как Он не брезгуя ничем, добросовестно и амуничил,и седлал, и ковал, и смело распутывал "заступки".Говорили о Его необычайной деловитости и служебной исполнительности при службе в Гвардейской Конной Артиллерии.

Из статьи генерал-лейтенанта Н.А.Илькевича.Белград 1928

Великий Князь Сергий Михайлович считался офицером нашего выпуска из М.А.У., т.е. выпуска 1889 г. Лекций в течение зимы Он не посещал, а приезжал только на строевые занятия, исключительно на специально артиллерийские и то довольно редко, но весь лагерный сбор Он провел вместе с юнкерами училища в Красном Селе.

Жил Великий Князь в лагере со своим воспитателем, ген.Гельмерсеном, в офицерском бараке, около задней линейки; столовался тоже с офицерами. В лагере ходил в юнкерской форме, но уезжая из Красного Села, надевал форму подпоручика Гвардейской Артиллерии, кажется Л.Гв. 2-й Артил.Бригады. Высокий, тонкий Он казался еще выше в коротеньком юнкерском мундирчике или в гимнастерке. Офицерский сюртук несколько скрадывал его рост. Как бы стесняясь своего роста, Великий Князь держался несколько согнувшись, особенно когда разговаривал с кем-нибудь. И поэтому его фигуру всегда можно было легко отличить среди группы других Великих Князей, тоже высокого роста, но державшихся особенно прямо, даже с некоторой утировкой вытягивавшихся и смотревших поверх голов окружающих.

Очень подвижной, живой, с быстрой походкой, с внимательным взглядом живых глаз, веселый и приветливый - таким остался у меня в памяти Великий Князь Сергий Михайлович - юнкер.

В начале лагерного сбора, 2-3 недели, пока шли подготовительные занятия к стрельбе и конным учениям, Великий Князь являлся на все занятия. Затем, когда занятия в парке превратились в "повторение прошлого" и мало по малу сделались скучным отбыванием номера по расписанию, мы все чаще и чаще видели Его уезжающим на тройке, то в Царское Село, то в Петергоф или в училищном экипаже на Красносельский вокзал и тогда в течение 2-3 дней Он на занятия не являлся. Однако, стрельбы, конные учения и маневры Он не пропускал.

Великий Князь последовательно прошел обязанности всех номеров при орудии, но на стрельбах, насколько помню, был преимущественно наводчиком, т.е. № I. При клиновых орудиях, которые тогда были у нас на вооружении, при наводке непосредственно в цель, от наводчика требовалось очень много, от него зависила вся стрельба орудия. Обладая отличным зрением, Великий Князь удивительно легко разбирался в целях, быстро находил скомандованную точку наводки и быстро наводил орудие. Он считался лучшим наводчиком. Очень интересна была фигура Великого Князя в роли № 4, с банником, с которым Он управлялся весьма сноровисто, что удавалось далеко не всякому. Приемы с банником, длинною около сажени, требовали особой ловкости. Надо было со своего места, с левой стороны орудия против середины станин лафета, шагнуть к лафету, расставивши широко ноги и вытянувши одновременно правую руку с банником вперед и в сторону, повернуть банник в правой руке в горизонтальное положение и подхватить его левой рукой около щетки, причем отнюдь не стукнуть щеткой по прицелу и вложить щетку банника в казенную часть орудия, потом, передвинувши обе руки к правому концу банни

ка и последовательно приседая то на правую, то на левую ногу, сперва прогнать банник сквозь канал орудия так, чтобы щетка вышла наружу из-за дульного среза, а затем сильным движением, в два приема, вытянуть его обратно и ловко стать на свое прежнее место, держа банник правой рукой вдоль тела, как ружье "у ноги". Все это Великому Князю удавалось легко, благодаря его высокому росту и ловкости.

В конном строю Великий Князь изучил обязанности ездовых: сперва ездил в переднем уносе, затем в корню, наконец в среднем уносе. Эта последняя обязанность больше всего подходила и к его силам и к его фигуре, а ловкости и поворотливости, требуемых от среднего ездового, Великому Князю было не занимать стать.

Состав Великокняжеского орудия: это было 2-е орудие, передний унос - Обручешников, средний - А.Ящеров или Великий Князь, корень - Кузьмин, фейерверкер Новиков. Великий Князь ездил и за фейерверкера, но что-то недолго, уже под самый конец наших конных учений. Наряду с другими юнкерами Великий Князь прошел обязанности взводного командира и в конном строю, и на стрельбе.

Незадолго перед выпуском нашего года, чуть ли не с пред естовавшего лагерного сбора, училищу увеличили отпуск снарядов для стрельбы и явилась возможность ввести стрельбы юнкеров. На всех юнкеров не хватало снарядов, но фейерверкера проводили по одной стрельбе, командуя самостоятельно взводом. Помнится, что Великий Князь имел не одну, а 2 или 3 стрельбы, из которых одну - целой полубатареей из 4-х орудий.

С юнкерами Великий Князь держался весьма просто. Часто принимал участие в игре в "городки", каковая устраивалась обычно после послеобеденных занятий на передней линейке.

В училище было разрешено юнкерам после ужина пить свой собственный чай, для чего из кухни отпускался кипяток. Для этого "чаепития" юнкера разбивались на "чайные компании" по 8-10 человек. Обычно компании составлялись из товарищей по корпусу или просто приятелей. В одну из таких компаний - фельдфебельскую вошел летом и Великий Князь и приходил в наш барак, где около кровати фельдфебеля Грибоедова собиралась его компания. Я в эту компанию не входил и не знаю о чем там говорили, но всегда там царило непринужденное веселье, очевидно юнкера чувствовали себя свободно.

Когда Великий Князь бывал начальником юнкерского караула, то всегда соблюдал установившийся в училище обычай, по которому начальник караула во время послеобеденного чая угощал весь караул чем-нибудь "вкусным" - бутербродами, пирожками, фруктами и т.п.

Об отношении Великого Князя к офицерам училища затрудняюсь что-либо сказать. В течение лагерного сбора в училище были, насколько помню: командир батареи полковник В.Т. Чернявский, капитан А.Я. Фриде, капитан Эрис-Хан-Алиев, шт.-капитан Вахарловский, поручик Нелидов, поручик Э.Б.Похвиснев и И.А.Зворыкин. Некоторые из

них впоследствии были выдвинуты Великим Князем на командные должности, при сформировании Константиновского Артиллерийского Училища, а Василий Тимофеевич Чернявский навсегда сохранил расположение и уважение своего Августейшего ученика.

---

5 июля/ст.стиля/ 1918 года в Алапаевске вывели из тюрьмы группу смертников. На смерть шли покорно и лишь один, страшно худой, высокий, лохматый человек, в рваных отрепьях офицерской формы, больной, едва державшийся на ногах, оказал сопротивление. Это был Великий Князь Сергий Михайлович.

Неизвестный Ванька-Каин, может быть чекист-иногородец, выстрелом в затылок прервал простую в величии и великую в страданиях и унижениях, благородную и ценную жизнь. Слуга Великого Князя, следовавший за своим Господином в тюрьму и на смерть, поднял бездыханное тело. Потом обоих, и живого, и мертвого, сбросили в шахту. Туда же сбросили живыми Великую Княгиню Елизавету Федоровну и других лиц, погибших вместе с ними. Потом товарищи забавлялись и бросали в шахту ручные гранаты.

Когда армия Колчака заняла Алапаевск, трупы были извлечены из шахты.

Вблизи Пекина, в склепе под русской часовней, покоится тело Великого Князя Сергия Михайловича.

Мир душе Мученика!

Над гробом мерцает неугасимая лампада, сооруженная ревностью русских артиллеристов...

ПЕРМСКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ.

Выписка из книги С.Мельгунова-"Судьба Императора Николая II после отречения". Гл.7-я, ч-2 я . Париж.

Пермского дела сибирское следствие коснулось лишь слегка. На основании рассказа камердинера Императрицы - Волкова, оказавшегося в заключении в Перми в одной тюрьме с камердинером Великого Князя Михаила - Челишевым, Соколов восстановил более или менее картину увоза ночью на 13 июня из "Королевских номеров" Великого Князя и секретаря его Джонсона и организации за ними фиктивной "погони". По данным расследования Соколова, Великий Князь Михаил и Джонсон увезены были "пермскими чекистами" на соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где и были убиты/тела их были там же, види

мо, сожжены/. После этого был распространен слух, что Великий Князь увезен "монархистами". В "Пермских Известиях" напечатано было объявление: -"В ночь на 31 мая организованная банда белогвардейцев с поддельными мандатами явилась в гостинницу, где содержался Михаил Романов и его секретарь Джонсон и похитила их оттуда, увезя в неизвестном направлении. Посланная в ту же ночь погоня не достигла никаких результатов. Поиски продолжаются."

"Пермское злодеяние" подробно рассказано Ганом/Гутманом/ на основании официальных документов и показаний свидетелей-очевидцев, опрошенных в разное время военными властями, прокуратурой и лично автором.

На основании свидетельских показаний можно, пожалуй, установить с очевидностью, что Великий Князь Михаил Александрович и Джонсон были убиты во время обстрела со стороны "погони" теми людьми, которые их увезли и что тело Джонсона тут же в лесу было закопано, а труп Михаила Александровича отвезен на Мотовилихинский завод и сожжен в плавильной печи. С несомненностью явствует и то, что всем предприятием руководил председатель местного областного комитета, "левый"коммунист Мясников, будущий возглавитель так называемой "рабочей оппозиции."

За Михаилом Александровичем по предписанию Ленина и Свердлова,- рассказывает Ган,- был установлен бдительный надзор из надежных людей "под личной ответственностью председателя совдепа." Однако, несмотря на постоянное дежурство в доме - /служащий "Королевских номеров" Кобелев показывал, что за Великим Князем предписывалось следить "старым служащим" в номерах, о чем с них взяли подписку за два дня до приезда Михаила Александровича. Кобелев обязан был каждый день записывать на листке бумаги все, что он замечал, и передавать коменданту. Вся гостинница была полна сыщиков из Ч.К., ни шагу Михаил Александрович не мог сделать, чтобы его кто-либо издали не сопровождал./ - и около дома "трех чекистов" , Великий Князь в мае свободно гулял по городу, появлялся на сенном базаре, "обходил лавки и мужицкие подводы", беседовал со встречными. В мае приезжала в Пермь жена Михаила Александровича гр.Брасова. Доступ к нему фактически не был затруднен, как засвидетельствовал Яблоновский /Потресов/, посетивший Пермь за две недели до "похищения". Одним словом, несмотря на самый бдительный надзор,Михаил Александрович почти накануне своей гибели легко мог скрыться из Перми, если бы того пожелал.

По "плану", разработанному Мясниковым, предполагалось,что "в Пермь будет послана тройка верных людей, которых там никто не знает. Они явятся к Беликому Князю в качестве мнимых посланцев от монархистов-заговорщиков, якобы для того, чтобы спасти его и вывезти на лошадях через Сибирь в Японию. Как только беглецы выедут за город, начнется погоня, беглецы кинутся в лес и там они будут пристрелены."

Официальная советская историография /она представлена книгой Быкова/ стоит на том, что расстрел "Михаила Романова" учинен группой рабочих Мотовилихи под руководством Мясникова, не связанной

"ни с партийными, ни с советскими организациями" и действовавшей "на собственный страх и риск". Эта группа "с подложными документами Губчека" в ночь с 12 на 13 июня явилась в гостинницу на Сибирской улице и предъявила М.А. документ о "срочном выезде из Перми". Так как М.А. отказался следовать за ними, то пришлось объявить, что они увезут его силой. Хотя Джонсон не входил "в планы группы", однако, в виду заявления его, что он последует за М.А., чтобы "не задерживаться в номере", решено было взять его. Арестованных повезли по тракту к Мотовилихе и, свернув в 8 верстах от завода, в лесу расстреляли "Михаила Романова". После этого, чтобы скрыть следы, телефонировали в милицию и Чр.Ком. об "увозе неизвестными лицами Михаила Романова по направлению Сибирского тракта", т.е. в направлении противоположном, чем то было в действительности.

Бывший секретарь большевицкого пермского комитета, Карнаухов, показывал в Екатеринбурге следователю Соколову 2 июля 1919 года:-"Пришел как то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем то разговаривал и до меня донеслась его фраза - "Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как с Михаилом."

ХРОНИКА 1905 ГОДА

- 12 марта в Белом зале училища были демонстрированы диапозитивы и кинематографические снимки, полученные г-жею Е.А.Третьяковой от иностранных корреспондентов, находящихся на театре войны на Дальнем Востоке.

Желая содействовать сбору пожертвований на усиление нашего флота, г-жа Третьякова выразила намерение предпринять в Петербурге устройство ряда подобных вечеров, весь сбор с которых должен поступить в Высочайше утвержденный комитет по сбору пожертвований на усиление флота, все же расходы, как по приобретению снимков, так и их демонстрированию, Е.А. берет на себя.

Узнав о подобном желании, начальник училища предложил г-же Третьяковой, для первого ее вечера, бесплатное пользование Белым залом и освещением, причем половина мест в зале была предоставлена для продажи посторонней публике, а другая половина дана в распоряжение училища, для юнкеров и для обучающихся в Академии офицеров. Впоследствии оказалось, что пришлось уступить для публики еще и часть мест училищной половины.

Многие картины представляли значительный интерес по своей новизне, но нельзя не выразить сожаления, что значительное большинство из них воспроизводило сцены из действий японской армии и японского быта, что объясняется, впрочем, преобладанием среди

корреспондентов англо-саксонского элемента, по весьма понятным причинам пользующегося большим доверием у нашего противника и с трудом допускаемым в сферу действий наших армий.

Сбор с вечера достиг 1018 рублей, которые и переданы г-жей Третьяковой по их назначению.

- 18 марта в Конференц-зале училища состоялось призовое состязание юнкеров дополнительного и старшего классов в фехтовании на эспадронах, под наблюдением членов призовой комиссии, состоявшей из г.г. офицеров училища и 2-х штатных преподавателей фехтования, г.г. Байковых.

В зале присутствовали: Начальник Училища, генерал-маиор Неводовский, а также некоторые из профессоров и служащих Академии и Училища. Состязание началось в первом часу дня на приз для юнкеров дополнительного класса и окончилось в пользу п.ю.Александровича, последний взял приз.

Состязание юнкеров старшего класса, при участии 32-х человек,- началось в 2 часа дня и, после 3-х часового боя, первый приз был взят ю. Николаевым.

От 3 1/2 час. до 5, председателем был объявлен 1 1/2 часовой перерыв. 2-й приз, при участии 29 юнкеров, и 3-й, при участии 17 - взяты: ю. Краевским и ю. Евсеевым.

Состязание окончилось в 11 ч. 25 м. вечера.

- 16 марта закончились учебные занятия в дополнительном классе училища, а 17 и 19 произведена уже "разборка вакансий", т.к. производство в офицеры ожидается ранее праздников св. Пасхи.Всех стремившихся на службу в части действующей армии постигло разочарование, т.к. выпуск на Дальний Восток не был разрешен. Всего взято вакансий: в гвардейскую пешую артиллерию - 5, в гвардейскую конную - 1, в полевые конные батареи - 5, в казачьи батареи - 6, в полевую пешую артиллерию - 71 и в крепосную артиллерию -3.

- 19 марта в химической аудитории Академии состоялось очередное собрание "Кружка Артиллеристов" * , на котором должен был слушаться доклад К.А. Белогорского "О новой системе образца 1908 г", но в день собрания докладчик уступил место полковнику по адмиралтейству Меллеру, сообщившему свои наблюдения над состоянием материальной части сухопутной и морской артиллерии Порт-Артура,а равно описавшему свои работы, как по исправлению встречавшихся повреждений, так и по сборке лафетов и орудий старого китайского вооружения, находившихся в складах крепости.

Полковник Меллер был командирован в Артур вслед за началом войны и находился в крепости с конца февраля по июль, когда и прорвался из осажденного Артура в Чифу на миноносце "Решительном".

---

* Членами кружка могут быть окончившие курс Артилл.Академии . Цель Кружка - устройство сообщений по текущим вопросам военного и специально артиллерийского дела /Прим.ред./

Вполне понятно с каким интересом слушался доклад полковника Меллера, иллюстрированный большим числом фотографических снимков и затрогивавший попутно много интересных вопросов по обороне многострадального Артура и по деятельности нашей эскадры.

Сообщение окончилось около II I/2 часов вечера, но до I часу ночи лектор не отказывал присутствующим в любезном разъяснении предлагавшихся ему многочисленных вопросов. Как живой, встал перед аудиторией облик "души обороны", генерала Кондратенка, и чудной иллюстрацией к его деятельности проходили на экране, один за другим, снимки с массивов Ляо-те-шана, неприступной твердыни, использовать которую, к несчастью, не удалось, но для вооружения которой предприняли все, что было в пределах возможности для Артурского гарнизона. Много и других вопросов выяснялись с поразительною ясностью, почему невольно напрашивается пожелание чтобы скорее наступило время, когда будет возможно, с полною откровенностью и объективностью, составить и опубликовать точную историю этой беспримерной II-ти месячной боевой эпопеи.

Взято из журнала "Михайловец" № 3
март 1905 года.С.Петербург.

ХРОНИКА 1906 ГОДА.

В субботу, 25 ноября, Училище праздновало 86-ую годовщину своего основания.

Утром в 10 часов, после обедни, состоялось торжественное молебствие в училищной церкви, на котором присутствовали Генерал-Инспектор артиллерии Е.И.В. Великий Князь Сергий Михаилович, товарищ Ген.Фельдцейхм. Г.-Л. Кузмин-Караваев и все бывшие михайловцы. После молебствия батареи Училища были выстроены в Белом Зале, куда проследовал Великий Князь; поздоровавшись с юнкерами, он обошел весь фронт, а затем провозгласил "ура" в честь Государя Императора, Государыни Императриц и Наследника Цесаревича, а также и за процветание славного Михайловского Артиллерийского Училища. Потом было провозглашено "ура" в честь Августейшего Генерал-Инспектора, бывших Августейших Михайловцев - Великих Князей Михаила Александровича и Андрея Владимировича, а также всех посетивших Училище в этот день, бывших его питомцах, после чего юнкера были разведены по камерам. Всем бывшим михайловцам-офицерам был предложен товарищеский завтрак, который прошел среди тостов за Училище и его питомцев.

По случаю своего праздника Училище удостоилось следующей телеграммы от Е.И.В.В.К. Михаила Александровича: - "Искренно поздравляю дорогое мне Училище с праздником. Всей душою желаю ему даль-

нейшей славы и процветания. Михаил."

Получены были также и другие телеграммы, приводимые ниже.

В тот же день состоялся традиционный музыкально-танцовальный вечер, которого не было уже три года.

Еще за долго до 25 ноября юнкера начали готовиться к этому празднику...сколько хлопот, волнений, споров! Хотелось задекорировать Училище возможно изящнее, что, при малой наличности средств, было делом довольно трудным; к тому же из многих записавшихся уполномоченными, действительное участие в хлопотах принимала, к сожалению, лишь половина. Все-таки, благодаря энергии этой половины все декорации были закончены с успехом, /нельзя при этом не упомянуть с благодарностью, что офицеры-академисты с полною готовностью откликнулись на призыв юнкеров и не только помогали собственноручно, но и собрали между собой некоторую сумму денег, что лишний раз подчеркивает на непрекращающуюся внутреннюю связь между михайловцами.../

Вечер начался в 9 часов с концертного отделения.

Внутри помещения Училища и Академии совершенно утратили свой обыденный вид... Академическая аудитория превратилась в зимний сад: при бледно зеленом свете, сквозь полузапушенный снегом лес елок, виднелся типичный русский терем, составлявший декорацию заднего плана; очень оригинален был заваленный снегом соломенный шалаш, перед которым горел костер. Почти все классы были превращены в гостинныя, а в учительской комнате был устроен сталактитовый грот, темные входы коего, задекорированные елями, все время привлекали публику; блуждающие огоньки освещали его уютные уголки и падающий из двери инспекторской комнаты каскад. В конце коридора была устроена мельница, мигавшая при каждом повороте своих крыльев разноцветными огнями. На месте германской пушки стоял фонтан духов, наполняя своим ароматом классный коридор; затем в VI отделении среднего класса был устроен бивак горной батареи. Очень оригинальными по исполнению были китайский киоск и киоск в виде грота. Наконец, в I аудитории был летний сад, манивший к себе таинственностью.

Публика стала съезжаться к началу музыкального отделения, но многие приехали и прямо к танцам; к 10 часам вечера все помещения Училища наполнились нарядной шумящей толпой. Все, казалось, были довольны, некоторая теснота ни мало не мешала веселью.

Залы все время были полны танцующими и лишь в шестом часу утра танцы окончились и все гости разъехались.

Бал посетил Е.И.В. Великий Князь Сергий Михаилович, а также много других высокопоставленных лиц.

Юнкера остались довольны этим первым для нынешнего их состава вечером, тем более, что устроить что-либо было очень трудно, так как никто из них не видел или, вернее, не знал секрета устройства балов прошлых лет.

Чтобы этого избежать на будущее время, полковник Мамонтов, бывший главным распорядителем по устройству вечера, предложил распорядителям-юнкерам составить свои ремарки в назидание будущим поколениям...

26 числа Училище было приведено в свой обычный вид, а 27-го часть юнкеров уже сдавала наскоро пройденные репетиции.

В понедельник, 27-го ноября, в 6 ч.вечера в Собрании Армии и Флота состоялся традиционный обед бывших Михайловцев, которого, как и бала, тоже не было уже три года /вследствие тяжелых событий, пережитых за это время Россией/. На этот раз собралось 89 человек, причем старейшим оказался генерал-лейтенант Мазинг/ выпуска 1858 г./; обед, начавшийся по сигналу училищного штаб-трубача пропетой хором перед-обеденной молитвой, прошел весьма оживленно и сопровождался многочисленными тостами, в том числе за присутствовавших георгиевских кавалеров: ген.-лейт.Мазинга/4 ст./ Никитина /3 ст./, Иванова /4 ст./, Уткевича /4 ст./, и ген.-маиора Леша /4 ст./.

Были посланы также телеграммы: военному министру - с просьбой повергнуть к стопам обожаемого Государя чувства беззаветной преданности и приветственные - Их И.В.Вел.Кн. Михаилу Николаевичу, Михаилу Александровичу и Сергию Михаиловичу, генералам-от-артиллерии Егерштрому* и Демяненкову** и генерал-маиору Невадовскому; на эти телеграммы получены следующие ответы:

---

28 ноября. По всеподданейшему докладу Государю Императору телеграммы вашей с выражением верно-подданнических чувств бывших слушателей Михайловской Артиллерийской Академии, сухопутных и морских артиллеристов, и бывших воспитанников Михайловского Артиллерийского Училища, Высочайше повелено сердечно благодарить за службу и выраженные чувства.

Генерал-Лейтенант Редигер.

---

28 ноября. Очень благодарю вас и бывших слушателей Артиллерийской Академии и Училища за выраженные чувства, которые меня очень тронули. М и х а и л.

---

28 ноября. Сердечно благодарю всех Михайловцев за выраженные чувства. С е р г е й.

---

28 ноября. Сердечно тронут телеграммой, благодарю за пожелания. Э г е р ш т р о м.

Кроме того, при тосте за Училище и его нынешних питомцев, была послана по обычаю телеграмма на имя фельдфебелей училища Гольдгара и Прутова.

---

* Бывшему прежде всегда председателем таких обедов, а ныне отсутствовавшему по болезни.

** Бывшему профессору, инспектору и, наконец, Начальнику Академии и Училища.

Во время обеда бывший слушатель Академии, полковник морской артиллерии Аврамов прочел следующее свое стихотворение:

27-го НОЯБРЯ 1906 г.

Туча разразилась -
Туча роковая !
Злобно смерть трудилась,
Жатву пожиная...

Как по ветру листья -
Жизни дорогие
Уносились быстро
В выси неземные...

Те, кто пировали,
Здесь, бывало, с смехом -
Многие днесь стали
Замогильным эхом.

Все ж двадцать седьмого,
Будь счастливый день,
И кружка родного
Не темнит пусть тень.

Пусть вино пенится,
И звучит пусть смех -
Русь возобновится,
Только не на спех!...

Вспрянет с духом бодрым,
Разочтет врагов -
Всем даст счетом должным,
И без лишних слов !...

Мы ж за круг пушкарский,
Сухопутный и морской
Выпьем искрометной чаркой,
С дружбою лихой !

Аврамов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЧЛЕНОВ ОБЩ-ВА "МИХАЙЛОВЦЕВ".

/за период от 25 ноября 1957 по 1 Февраля 1959 г./

Пропущены в списке журнала № 3.

Д.В.Копьев. В.Я.Лосев. М.А.Петров. В.Э.Шеффер.

Вновь поступившие:

1. В.В. Бабушкин
2. П.Я. Винкевич
3. И.К. Гулевич
4. Н.К. Гурский
5. Г.М. Иванов
6. В.В. Лавров
7. М.И. Лисовский
8. И.Е. Крузе
9. Г.Р. Лариков
10. В.В. Маевский
11. А.К. Македонский
12. В.А. Макосей-Шибинский
13. П.С. Переломов
14. А.И. Шнеур
15. А.М. Юзефович.

Выбыли из Общ-ва по собственному желанию:

А.Н. Лавров и Б.Г. Чижевич.

Состоят в Отделе Общ-ва "Михайловцев" во Франции:

1. Г.В. Алалыкин ✓
2. А.А. Балковский
3. К.Ю. Бересневич
4. В. Богданович
5. А.А. Вознесенский
6. А.А. Волков
7. В.И. Гамалей
8. И.К. Гулевич ✓
9. Г.Б. Евреинов ✓
10. Н.П. Евсеев ✓
11. А.А. Зеленецкий ✓
12. В.А. Изюмов
13. К.В. Каменецкий
14. Б. Лагодовский ✓
15. М.А. Лебедев ✓
16. С.И. Лузгин
17. Р.Г. Мягков
18. Н.Д. Нелидов ✓
19. П.В. Панов
20. К.Р. Поздеев ✓
21. А.Ф. Пономарев ✓
22. Н.Е. Проскуро-Суцинский ✓
23. О.А. Протасевич ✓
24. Б.А. Протопопов
25. С.А. Скрябин ✓
26. И.Г. Сулима-Самуйло
27. В.А. Тальвинский ✓
28. Н.Е. Тосунов ✓
29. М.Т. Чернявский, Секретарь
30. Э.Э. Шляхтин ✓
31. А.А. Шпилевский ✓
32. П.Ф. Щетковский
33. В. Юрьев
34. М.И. Волковняков - Председатель.

С к о н ч а л и с ь:

1. И.С. Ватюшин
2. В.В. Вереденко
3. Л.Л. Дрю
4. В.В. Исленев
5. В.А. Кусонский
6. А.А. Наумов
7. С.С. Одоевцев
8. К.В. Саватиевич
9. И.И. Сахновский
10. А.А. Тихонравов
11. Н.Н. Упорников
12. П.К. Устинов.

СОСТАВ ОБЩ-ВА "МИХАЙЛОВЦЕВ".

/зарегистрированных членов/

Проживающих в С.Ш.А.	73
Проживающих во Франции	34
Проживающих в других странах	17
Всего	124

Х Р О Н И К А.

В мае 1957 года в Париже группа михайловцев создала Отдел "Общества Михайловцев", в которое, во главе с Председателем Полковником И.И. Волковняковым, вошло 27 михайловцев. К 1958 г. к ним присоединилось еще 10 чел.

В Сан Франциско еще в 1951 году образовалась, хотя и не оформилась, группа из 13 михайловцев во главе с Полковником Е.Л.Ивановским. Центральное Правление сердечно приветствовало Отдел и Группу, установив с ними самые дружеские отношения и ведя с ними оживленную переписку и обмен приветствиями.

В Буэнос-Айресе насчитывается около 30 михайловцев, но до сих пор не удалось их объединить.

В 1958 г. михайловцами в Париже, Сан Франциско и Нью Йорке были отслужены торжественные панихиды по случаю 40-летия со дня зверского убиения Августейших Однокашников Великих Князей Михаила Александровича и Сергия Михайловича и михайловца Н.Джонсона.

Общество в Нью Йорке участвовало в служении общей торжественной панихиды по Государе Императоре Николае II, Его Августейшей Семье и всех в смуте убиенных и замученных.

Общество участвовало: 1. В организации "Дня Непримиримости". 2. В чествовании памяти Вел.Кн.Константина Константиновича. 3.В создании и работе Представительства Российской Эмиграции в Америке. 4. В чествовании Георгиевских Кавалеров и в целом ряде чествований событий и возглавителей Военных и Общественных Организаций.

7 декабря - в Нью Йорке, а 14 декабря в Париже и С.Франциско был торжественно отмечен праздник родного Училища.В С.Франциско собралось 18 чел.После молебна с молитвой о здравии Почетного Председателя Общ-ва и поминовения убиенных Государя Императора,Его Августейшей Семьи, наших Августейших однокашников Вел.Кн.Михаила Александровича, Сергия Михайловича, Андрея Владимировича и всех михайловцев на поле брани живот свой положивших, в смуте умученных и в мире скончавшихся, 12 человек организовали завтрак в память Училища. В Париже в церкви на улице Оливье де Серр был отслужен молебен, после которого состоялся товарищеский завтрак.

В Нью Йорке в Морском Собрании собралось 25 михайловцев с жена ми.Многие не смогли присутствовать,т.к.этот день совпал с днем Ангела Екатерины. Был отслужен молебен и краткая лития с поминовением всех убиенных и скончавшихся, как указано выше.Для завтрака капитан М.И.Лисовский нарисовал и надписал красивые меню с художественно исполненным михайловским погоном. Были посланы поздравления: Парижскому Отделу, Сан Франциской Группе, Генералу Попову. Письменно поздравили Общ-во: Ген.Н.Попов, Е.Ивановский, К.Волковняков, М. Шуневич, К.Горунович, В.Лосев, А.Крылов, А.Гельбке, Л.Удальцов, П. Чижов, И.Фомин, А.Юзефович, В.Авринский, А.Македонский, С.Паевский, А.Потапов, С.Лукомский, В.Костецкий, Е.Кузьминский, Ю.Зяблов, Е. Вереденко, С.Иванов, М.Свирубский, Н.Браетский, В.Лавров,Гарабурда.

19 сент.1958 г.Полковнику Ивановскому исполнилось 80 лет со дня рождения, 50 лет состояния на военной службе и 54 года счастливой супружеской жизни. По желанию юбиляра этот день был отмечен весьма скромно. Началось с молебна с провозглашением "многая лета," а затем скромная трапеза в квартире юбиляра, на которую собрались только ближайшие друзья. Из всех стран мира, бывшие воспитанники и ученики юбиляра/он был воспитателем в кадет.корпусе в Югославии/ прислали свои приветствия, а из Венецуэлы прислали хозяйке дома деньги с просьбой украсить цветами стол юбиляра.Это трогательное внимание к своему быв.воспитателю еще раз подчеркивает какую высокую и полезную работу и сердечную заботу провел и проявил юбиляр по отношению к своим воспитанникам. Да благословит его Господь.

Конечно,прислали ему свои поздравления михайловцы в С.Франциско и Центральное Правления "Общества Михайловцев".

Парижский Отдел оказывал помощь нуждающимся однокашникам и их вдовам, посылая им деньги, посылки, газеты и пр.Несколько раз в год устраивали собрания-встречи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Выпуская № 4, Правление не чувствует полного удовлетворения, т.к.оно не могло выбрать и подобрать материал,а должно было поместить только то, что получило. Для № 5 почти ничего не осталось. Если предложение Правления о присылке воспоминаний и об ярких и интересных эпизодах и фактах во время прохождения службы, как Михайловцев, так и Константиновцев, Сергиевцев и Николаевцев,не будет принято, то № 4-й будет, увы, последним.

Правление еще раз покорнейше просит всех однокашников поддержать журнал присылкой материала, а также убедить тех, кто еще не вступил в Общество, сделать это срочно.

Правление "Общества Михайловцев" в Нью Йорке.